

ISSN 1857-2685 (Print)
e-ISSN 2345-1149 (PDF)

Русь

2025. Том 82

Общественная ассоциация «Русь»
Национальный исследовательский
Томский государственный университет

По благословению его Высокопреосвященства Лавра,
первоиерарха Русской православной церкви
за границей, митрополита
Восточноамериканского и Нью-Йоркского

международный исторический журнал

Русьны

2025. № 82

Общественная ассоциация «Русь» (г. Кишинёв, Молдова)

Национальный исследовательский
Томский государственный университет (г. Томск, Россия)

**With the Blessing of His Eminence Laurus,
First Hierarchy of the Russian Orthodox Church Abroad,
Metropolitan of Eastern America and New York**

International Historical Journal

RUSIN

2025. Nr. 82

Association "Rus" (Kishinev, Moldova)

**National Research
Tomsk State University (Tomsk, Russia)**

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Главный редактор

Сергей Суляк

Санкт-Петербургский государственный университет (Россия)

Ответственный секретарь

Никита Глущенко

Томский государственный университет (Россия)

Василий Зиновьев

Томский государственный университет (Россия)

Анна Плишкова

Прешевский университет (Словакия)

Зоя Резанова

Томский государственный университет (Россия)

Игорь Силантьев

Институт филологии Сибирского отделения Российской академии наук (Россия)

Вячеслав Содоль

Приднестровский государственный университет им. Т.Г. Шевченко

(Приднестровье, Молдова)

Николай Тельнов

Академия наук Молдовы (Молдова)

Александр Черкасов

Международный сетевой центр фундаментальных и прикладных исследований

(США)

Роман Шапка

(Канада)

Пётр Шорников

Приднестровский государственный университет им. Т.Г. Шевченко

(Приднестровье, Молдова)

Михайло Фейса

Нови-Садский университет (Сербия)

EDITORIAL BOARD

Editor-in-Chief

Sergey Sulyak

St. Petersburg State University (Russia)

Executive Editor

Nikita Glushchenko

Tomsk State University (Russia)

Vasiliy Zinoviev

Tomsk State University (Russia)

Anna Plišková

University of Preshov (Slovakia)

Zoya Rezanova

Tomsk State University (Russia)

Igor Silantev

Institute of Philology of the Siberian Branch of Russian Academy of Sciences (Russia)

Veacheslav Sodal'

T. G. Shevchenko Pridnestrovian State University (Moldova, Pridnestrovie)

Nicolai Telnov

Academy of Sciences of Moldova (Moldova)

Aleksandr Cherkasov

International Network Center for Fundamental and Applied Research (USA)

Roman Shapka

(Canada)

Petr Shornikov

T. G. Shevchenko Pridnestrovian State University (Moldova, Pridnestrovie)

Mikhajlo Fejsa

University of Novy Sad (Serbia)

СОДЕРЖАНИЕ

Страница редактора 9

История

- Асадов Э.В.*
Этноним «Русин» в древнерусском юридическом нарративе 11
- Порсин А.А.*
Улусная система Золотой Орды в XIII в. 28
- Чупрына Ю.А.*
Древняя Русь в исторических нарративах последней трети XVII в.:
восточнославянские книжники в поисках общих воспоминаний 76
- Птицын А.Н.*
Переселение учителей-угрорусов в Россию на рубеже 60–70-х гг. XIX в. 91
- Суляк С.Г.*
Родриг фон Эркерт: прусский дворянин, русский генерал,
картограф и этнолог 109
- Чемакин А.А.*
Делегация Украинского национального комитета в белом Крыму
(сентябрь – октябрь 1920 г.) 174
- Морозов С.В.*
Ещё раз к вопросу о секретном польско-германском договоре
от 25 февраля 1934 г. 198
- Токарева Е.С.*
Обустройство католических епархий на территориях юго-запада Украины
и Молдавии в годы немецкой и румынской оккупации (1941–1944 гг.) 229
- Карнаухов Д.В., Спесивцева В.А.*
Славянские историографии Средневековья и Нового времени
в исследованиях Грабского А.Ф. 248

Литература и литературоведение

- Комлева Е.В.*
Месяцесловы из фондов Научной библиотеки
Томского государственного университета: структура и атрибуция 267

Лингвистика и язык

<i>Фейса М.</i> Св. браца Кирилл и Методий – перши славянски учителе	287
<i>Щеглова О.Г.</i> Синонимы в церковнославянском тексте (на материале списков Стишного Пролога XV–XVII вв.)	314

Антопология

<i>Кирчанів М.В.</i> Володимир Гнатюк – дослідник традиційної культури як соціальної “прабатьківщини” націоналізму	333
<i>Лозовюк П., Шевченко К.В.</i> Антропологические исследования русинов в период Чехословацкой Республики и их научное наследие	352

CONTENT

Editorial	9
------------------------	----------

History

Asadov Z.V.

The ethnonym Rusin in the Old Rus' legal narrative	11
---	-----------

Porsin A.A.

The Ulus system of the Golden Horde in the 13th century	28
--	-----------

Chupryna Y.A.

The idea of Old Rus' in the historical narratives of the final third of the 17th century: East Slavic intellectuals seeking collective memories	76
--	-----------

Ptitsyn A.N.

Migration of Ugric Rusin teachers to Russia at the turn of the 1870s	91
---	-----------

Sulyak S.G.

Roderich von Erckert: Prussian nobleman, Russian general, Cartographer, and ethnologist	109
--	------------

Chemakin A.A.

The delegation of the Ukrainian National Committee in the White Crimea (September – October 1920)	174
--	------------

Morozov S.V.

Once again on the secret Polish-German treaty of February 25, 1934	198
---	------------

Tokareva E.S.

The establishment of Catholic dioceses in Southwestern Ukraine and Moldova under German and Romanian occupation (1941–1944)	229
--	------------

Karnaikhov D.V., Spesivtceva V.A.

Slavic historiographies of the Middle Ages and the Modern Era in the studies of Andrzej Feliks Grabski	248
---	------------

Literature and Literary Theory

Komleva E.V.

Calendar books from the collections of the Research Library of Tomsk State University: Structure and attribution	267
---	------------

Linguistics and Language

Fejsa M.

St. Brothers Cyril and Methodius – the first Slavic teachers 287

Shcheglova O.G.

**Synonyms in the Church Slavonic text (based on the manuscripts
of the Stishnoy Prologue of the 15th – 17th centuries) 314**

Anthropology

Kyrchanoff M.W.

**Volodymyr Hnatiuk - a researcher of traditional culture as a social “ancestral
homeland” of nationalism 333**

Lozoviuk P., Shevchenko K.V.

**Anthropological research on the Rusins during the Czechoslovak
Republic period and their scholarly legacy 352**

DOI: 10.17223/18572685/82/1

Уважаемые члены редколлегии, авторы и читатели журнала!

В 2025 г. было выпущено четыре номера журнала «Русин» (№ 79–82). Совместно с Национальным исследовательским Томским государственным университетом проведены XI Международная научная конференция «Славянские языки в условиях современных вызовов» (13–14 мая) и IX Всероссийская научная конференция с международным участием «Славянский мир в условиях современных вызовов» (9–10 октября).

Ряд статей, подготовленных по материалам докладов, представленных на конференциях, был опубликован в журнале.

К сожалению, в связи со сложной общественно-политической обстановкой, сложившейся в Республике Молдова, с 2025 г. проведение Международной научно-практической конференции «Межэтнические взаимодействия в этноконтактной зоне» (Чтения памяти И.А. Анцупова) приостановлено.

В 2026 г. совместно с Национальным исследовательским Томским государственным университетом запланировано проведение XII Международной научной конференции «Славянские языки в условиях современных вызовов» (16–17 марта) (сайт конференции: <https://conference.tsu.ru/slavlang>) и X Всероссийской научной конференции с международным участием «Славянский мир в условиях современных вызовов» (8–9 октября) (сайт конференции: <https://conference.tsu.ru/slavworld>).

*С.Г. Суляк,
главный редактор*

To the members of the Editorial Board, Authors, and Readers
of the Journal,

We are pleased to inform that in 2025, we have published four issues of *Rusin International Historical Journal* (Volume 79–82). In partnership with the National Research Tomsk State University, we successfully hosted the 11th International Conference *Slavic Languages: Responding to New Challenges* (May 13–14) and the 9th All-Russian Conference with International Participation *The Slavic World: Responding to New Challenges* (October 9–10). Several articles stemming from the conference presentations have since been published in the journal.

Regrettably, due to the complex socio-political situation in the Republic of Moldova, the International Conference *Inter-Ethnic Cooperation in Areas of Ethnic Contact (The Ivan A. Antsupov Memorial Readings)* has been suspended since 2025.

Looking ahead to 2026, we are pleased to announce plans to host the 12th International Conference *Slavic Languages: Responding to New Challenges* (March 16–17, <https://conference.tsu.ru/slavlang>) and the 10th All-Russian Conference with International Participation *The Slavic World: Responding to New Challenges* (October 8–9; <https://conference.tsu.ru/slavworld>) in collaboration with our long-lasting partner – the National Research Tomsk State University.

Respectfully,
Sergey G. Sulyak
Editor-in-Chief

УДК 81.26+81.24, 811.161, 81.112, 82.0, 94

UDC

DOI: 10.17223/18572685/82/2

Этноним «Русин» в древнерусском юридическом нарративе

З.В. Асадов

Бакинский славянский университет
Азербайджан, AZ1014, г. Баку, С. Рустам, 33
E-mail: zahirasad1975@gmail.com

Авторское резюме:

Рассматривается функционирование этнонима «русин» в правовых памятниках Древней Руси в историко-лингвистическом и социально-правовом аспектах. Выявляется семантическая специфика данного термина в юридическом дискурсе и определении его роли в формировании надлокальной идентичности в условиях становления древнерусской государственности. Используется широкий круг источников, включающий международные договоры Руси с Византией и жителями Западной Европы, нормы «Русской Правды» в различных редакциях, а также торгово-правовые документы XII–XIII вв. Анализ показывает, что в правовых текстах «русин» выступает прежде всего как нормативно значимое обозначение субъекта права, включённого в систему княжеской юрисдикции и обладающего определённым объёмом правовой защиты. В отличие от локальных и племенных наименований, данный термин выполняет функцию правового обобщения и используется для регламентации межэтнических, имущественных и уголовных отношений. Обосновывается положение о том, что семантика этнонима «русин» не является статичной: в процессе развития правовых институтов он приобретает выраженное социально-правовое содержание, отражающее переход от родоплеменной организации к государственно оформленному обществу.

Ключевые слова: этноним «русин», Древняя Русь, юридический нарратив, этническая идентичность, социальная стратификация, правовое сознание, средневековое право

The ethnonym *Rusin* in the Old Rus' legal narrative

Zahir V. Asadov

Baku Slavic University
33 S. Rustam St., Baku, AZ1014, Azerbaijan
E-mail: zahirasad1975@gmail.com

Abstract

The article examines functioning of the ethnonym *Rusin* in the Old Rus' documentary heritage from historical-linguistic and socio-legal perspectives. The study aims to identify the semantic specificity of the term under study in legal discourse and to assess its role in constructing a supralocal – or all-Rus' – identity during the emergence of early Rus' statehood. Employing a methodology that integrates historical linguistics and socio-legal analysis, the study draws on a corpus of sources comprising international treaties (with Byzantium and Western European powers), the “*Russkaya Pravda*” norms in various redactions, and commercial-legal charters from the 12th and 13th centuries. The analysis demonstrates that in legal texts *Rusin* functions primarily as a normatively significant designation for a legal subject integrated into the system of princely jurisdiction and endowed with a defined scope of legal protection. Unlike local or tribal denominations, this ethnonym serves as a means of legal generalization, employed to regulate interethnic, property, and criminal relations. The article concludes that the semantics of *Rusin* were not static but evolved from a purely ethnic designation into a distinct socio-juridical category. This lexical shift reflects the broader development of legal institutions and underscores the transition from a kinship-based social order to a state-structured society.

Keywords: ethnonym *Rusin*, Old Rus', legal discourse, ethnic identity, social stratification, legal consciousness, medieval law

...То страхи на ляхи, а я-м русин!
(Семён Лыко, 1620)

Введение

К сожалению, история человечества редко оставляет нам прямые свидетельства прошедших событий, что порой порождает недоразумения и домыслы. В этом смысле изучение древнерусских письменных источников юридического характера оказывается более

перспективным, поскольку они опираются на законы, а последние, в отличие от многих других письменных памятников, сохраняются до наших дней (хотя иногда не в оригинальном виде). Такие документы позволяют проследить формирование правовых норм и их отражение в социальной практике, а также дают возможность реконструировать лексическое и культурное окружение эпохи. Иначе говоря, анализ древнерусского юридического нарратива, по нашему мнению, способен открыть путь к пониманию исторических трансформаций языка, выявлению смысловых нюансов и особенностей употребления терминов, которые могли быть утеряны в бытовой или литературной традиции. Изучение этих источников способствует более глубокому осмыслению взаимодействия права и культуры, а также выявлению способов, которыми юридические тексты влияли на формирование национально-культурной идентичности и социального порядка.

На фоне анализа древнерусских законодательных актов особенно интересным представляется вопрос происхождения и функционирования термина «русин» («роусинь»). Несмотря на многочисленные исследования по истории, истории языка и эндонимов [4: 92–100; 6: 365–370; 7: 168–175, 205–210; 20: 82–83; 21: 80–82 и др.], данный вопрос продолжает вызывать интерес у исследователей, поскольку его интерпретация влияет на понимание этнокультурной идентичности ранней Руси.

Следует отметить, что термин «русин» до настоящего времени не получил отдельного анализа и интерпретации именно в контексте юридических документов, хотя отдельные исследователи рассматривали его происхождение на основе анализа других источников, включая повествовательные тексты и бытовые документы Древней Руси [1–22]. Такой пробел подчеркивает необходимость комплексного подхода, который позволил бы выявить специфику употребления термина в правовом дискурсе и его функциональную роль в регламентации социальных отношений. Более того, изучение этого этнонима в юридическом контексте может пролить свет на взаимодействие этнической идентичности и правовых норм в раннесредневековом обществе.

Современные исследования этнонима «русин»

С.Г. Суляк в своей обширной статье, посвящённой истории русинов [17: 29–69], подчёркивает, что «понятие “русин” являлся самоназванием населения Древней Руси и происходил от слова “Русь”. Этноним встречается в литературных источниках начиная с X в., в том числе в договорах князей Олега и Игоря (всего 13 раз), а также в «Русской

правде». На протяжении длительного времени термин сохранялся на территории Древнерусского государства», а после его распада – на землях Малороссии, Белороссии, Великороссии и Карпатской Руси [17: 29].

В исследовании З.И. Резановой и К.С. Шиляева изучение термина «русин» сосредоточено на способах его актуализации в различных контекстах русской речи на протяжении нескольких столетий. Авторы выявляют типовые контексты, дискурсы и жанры употребления этнонима, рассматривая результаты лингвистического анализа как отражение связанных с ним социальных явлений. В этом аспекте работа демонстрирует, как позиционируется русинский этнос – либо как единый с другими этническими группами, либо как противопоставленный окружающим, и фиксирует динамику изменения восприятия этнонима в разные исторические периоды [13: 239–251].

В работе Е.И. Зиновьевой исследуется функционирование лексем, обозначающих принадлежность человека к русскому этносу, в обиходном русском языке Московской Руси XVI–XVII вв. Автор анализирует жанровые особенности текстов, в которых употребляются эти лексемы, их сочетаемость, создаваемые противопоставления и денотативную отнесённость, а также формулирует гипотезу о постепенном становлении прилагательного «русский» в качестве гиперонима внутри соответствующей группы лексем. На материале картотеки «Словаря обиходного русского языка Московской Руси XVI–XVII вв.» и данных этимологических и исторических словарей делается вывод, что все этнонимы в обиходном языке того времени функционировали как равноправные и находились в отношениях «согипонимии», а субстантивация прилагательного «русский» была обусловлена наличием производных наречий и тенденцией использовать существительное «люди» в сочетании с этим прилагательным, что усиливало его самостоятельность [4: 93–100].

В статье А.А. Романчука проводится критический анализ гипотезы Г.В. Дзибеля о происхождении этнонима «русь» от праславянского «род», демонстрируя, что она основана на анахронизмах, некорректных этимологических допущениях и ошибочных представлениях об исторических реалиях рассматриваемого периода. Автор указывает, что существующие лингвистические и исторические данные свидетельствуют о более древнем происхождении этнонима – значительно раньше X в., что ставит под сомнение привязку его генезиса к эпизоду формирования древнерусской государственности. Важным моментом анализа является утверждение, что любые попытки реконструировать этноним, основываясь на ограниченном корпусе источников и на немногих совпадениях с внешними названиями (например «sveag»

у скандинавов), требуют более строгой фонетической и лингвистической верификации. Для исследования подобных этнонимов, включая «русин», это означает необходимость критического подхода к источникам и отказа от упрощённых генеалогий, не подкреплённых лингвистической реконструкцией [14: 113–115]. Итак, работа подчёркивает важность комплексного историко-лингвистического анализа при изучении этнонимов, что созвучно задаче анализа термина «русин» в юридических и других древнерусских текстах.

В своём исследовании К.А. Максимович проводит критический анализ гипотезы происхождения этнонима «русин» через связь славянского «*rodīci → финское *Ruotsi → русь / русин». Автор показывает, что предложенная цепочка содержит ряд недоказанных допущений и фонетических несоответствий, особенно в передаче промежуточных гласных, что ставит под сомнение прямую связь с финским «Ruotsi». Основной посыл работы заключается в том, что термин «русин» нельзя надёжно реконструировать через эту гипотезу, и его происхождение следует искать в классической славянской этимологии, связанной с праславянской основой «*roud-». Автор подчёркивает, что изучение этнонима «русин» требует внимательного учета фонетических и культурно-исторических реалий, а не механического переноса гипотез из других языковых систем. В результате автор подтверждает, что термин «русин» как этноним сохраняет свои корни в праславянской традиции, что имеет важное значение для понимания этнической идентичности и исторической памяти славянских народов (см.: [8: 101–105]).

Анализ статьи Г.М. Тележки демонстрирует сложность этимологического происхождения этнонимов «Русь» и «русин», его широкое распространение в различных языковых и культурных традициях. Автор прослеживает возможный путь трансформации протославянской формы «*rudene» в латинские и германские варианты, включая «Rutenu» и «Ruthene», что подтверждает динамику адаптации этнонима в европейских источниках. Эта работа показывает, что из той же протославянской основы могли формироваться и другие родственные этнонимы, включая «rusi(i)n» и «русь», что важно для понимания исторической и лексической эволюции славянских самоназваний. В контексте нашего исследования термин «русин» можно рассматривать как локализованное продолжение этой цепочки этнонимов, зафиксированное в древнерусских юридических текстах. Результаты Г.М. Тележки дают основание для дальнейшего анализа «русина» как самоназвания и его функций в правовом дискурсе Древней Руси (подробнее см.: [18]).

В рамках настоящего исследования, учитывая объем и специфику работы, мы посчитали целесообразным сосредоточиться на анализе

наиболее релевантных и значимых публикаций по рассматриваемой проблематике. Выбор литературы осуществлялся с учетом их вклада в понимание этимологии и функционирования этнонима «русин» в историко-лингвистическом контексте. В ходе дальнейшего исследования планируется расширить обзор, включив и другие работы, которые могут дополнительно пролить свет на различные аспекты изучения данной темы.

Специфика употребления этнонима «русин» в древнерусских юридических документах

Поскольку функционирование этнонима «русин» в литературных и повествовательных источниках уже подробно изучено (см.: [1–22]), наше исследование сосредоточено на его употреблении именно в юридических документах Древней Руси. Мы стремимся показать, как термин использовался в правовом дискурсе и какие социальные категории он обозначал. Это позволит выявить специфические функции этнонима в регламентации правовых отношений. Анализ юридических текстов даёт возможность понять, как формировались представления о «своих» и «чужих» в рамках правовых норм. В итоге такой подход позволяет соединить лингвистические и культурные аспекты изучения этнонима [9: 8–11], открывая новые горизонты для историко-правового анализа.

Как известно, впервые термин «русин» мы встречаем в договоре Руси с Византией 911 г.: «О сем. Аще кто убьеть Христиана Русин или Христьян русина, да умереть, идеже аще сотворить убийство» [5: 4]; 944 г.: «Аще ли кто покусится от Руси взяти что от людии цесарьства нашего, иже то створить, покажен будеть вельми; аще ли взял будеть, да заплатит сугубо. а аще створить тоже Грьчин Русину, да приметъ ту же казнь, якоже приял есть и он» [5: 7] и 945 г.: «Аще ударить мечемъ или копьемъ, или кацемъ любо оружьемъ Русинъ Грьчина или Грьчин Русина, да того дея греха заплатитъ сребра литр 5, по закону рускому...» [5: 11]. В приведённых договорах термин «русин» функционирует прежде всего как юридически значимое этносоциальное обозначение лица, принадлежащего к общности Руси. Он используется в парных оппозициях «русин / христианин» и «русин / грек (грьчин)», что указывает на его роль маркера коллективной идентичности в этноконфессиональном правовом пространстве. Семантически «русин» не индивидуализирован (пока!), а выступает как типизированный носитель прав и обязанностей, равный другим сторонам договора в юридическом смысле. Контексты убийства, телесного повреждения и имущественного ущерба показывают, что

термин включён в систему правовых норм и служит для фиксации статуса субъекта права. Уже на раннем этапе «русин» проявляется не как этноним в узкоэтнографическом значении, а как нормативно закреплённое обозначение представителя Руси в международно-правовых отношениях.

В аналогичном употреблении встречаем данный термин в договоре князя Ярослава с немцами (1189 г.): «Оже тяжа родится бескрови, снидутся послуши, Русь и Немци, то вергуть жеребее, кому ся выимьть, роте шедь, свою правду възмутъ. Оже емати скоть Варягу на Русине или Русину на Варязе, а ся его заприть, то 12 мужь послухы: и деть роте, възметь свое» [10: 130–131]. И здесь «русин» употребляется как правовой маркер этнополитической принадлежности, симметрично соотносённый с обозначениями других этно-социально-правовых групп («немци», «варяги»). Он функционирует не как локальный топонимический признак, а как обобщённое наименование представителя Руси, выступающего субъектом договорно-имущественных отношений. Тем самым подтверждается устойчивая семантика этнонима «русин», закреплённая в межэтнических и международных соглашениях и ориентированная на урегулирование конфликтов и защиты прав русской стороны.

Далее в юридическом нарративе мы встречаем этот термин в «Смоленской торговой Правде» за 1229 и 1274 гг.: «Бъ того не даи, оже розбои... грехомъ пригодиться межи Немци и межи Роуси, что за что платити, абы мир неразроушон, абы Роусиноу и Немчию любо было» [2: 157]; «Аже извиниться Роусин оу Ризе, или на Гочкъмь березе, оу дыбоу го не сажати»; «Тако оузяти Роус̃ноу оу Ризе ѓ на Готскомь березе» [2: 158] и др. Термин «русин» в «Смоленской торговой Правде» фиксируется с высокой частотностью (35 употреблений), что свидетельствует о его устойчивости и нормативной закреплённости в правовом дискурсе. Сопоставление соответствующих статей с аналогичными по структуре узаконениями («Аже извиниться Латинин оу Смольнеске, не мѣтати го оу погреб; аже не боудете порукуы, то оу жельза оусадить»; «Или Немечьский гость извинится Смоленське, не лзе его въверечи в погреб; ожо не боудеть по нь пороукуы, лзе его в железа въсадити»; «Аже Латинин дасть Роусиноу товар свой оу дело Смольнске заплатити Немчиноу пьрве, хотя бы ѓньмоу комоу виноват был Роусиноу» [2: 158] и др.) позволяет утверждать, что «русин» в этих примерах последовательно противопоставляется латинянам и немцам по национально-этническому признаку. Ср. также: «Роусиноу не вести Латинина ко жельзоу горячемоу, аже сам възсочете»; «А Латининоу тако Роусина не вести, аже сам възсочете...»; «Роусиноу же не лзе имати Немчича на же-лезо, такоже и Немчию Роусина» [2:

160]. Такое противопоставление указывает на функционирование термина как этнонима, маркирующего принадлежность к «своему» коллективу в системе торгово-правовых отношений.

Кроме того, в «Смоленской Правде» мы фиксируем своеобразное противопоставление «смолнян» (жителей Смоленска) и «русина». Ср.: «Аже Смолняне не дадоуть моу вль, Смольнянемь платити самым, дълг платити. Тая правда оузяти Роусиноу оу Ризе ў на Гочкомь бере-зе»; «Аже Латинеский гость Смолняны при дет на Вльк, тоть мьтати жеребеи, кого напърдь вести ко Смольньскоу»; «А како оуслышити Волочьский тивоун, ожо гость Немечьский с Смолняны приехал на Волок, послами емоу члв́ка своего в борзе к Волочаном, ать пере-везоуть Немечьский гость и Смолняны с товаромь, а никтоже иметь им пакостити, зане... в той пакости велика пагоуба бывает Погани Смолняном и Немцом» [2: 162]. Это, по нашему мнению, говорит о том, что в ту эпоху, в эпоху появления первых экономических урегулирований, термин «русин» уже не тождествен локальной городской идентичности и используется как более широкое «надлокальное» обозначение. «Смолняне» в данном случае репрезентируют конкретную территориально-городскую общину, тогда как «русин» выступает маркером принадлежности к более обобщённому этнополитическому и правовому пространству Руси. Такое разграничение позволяет говорить о ранней дифференциации между местной и общерусской идентичностью в юридическом дискурсе.

М.Н. Тихомиров также указывал на то, что к числу «русинов» не относили себя и население Смоленска, что явно следует из летописного рассказа о походе Изяслава Мстиславича на Волгу (1148 г.). В частности отмечается, что «на устье Медведицы он соединился с новгородцами, а потом пришел его брат Ростислав “с всеми рускими силами, полки, и с Смоленскими”» [19: 25]. Данный пример, по наблюдению исследователя, демонстрирует чёткое разграничение между «русскими силами» и смоленским компонентом. Он подчёркивал, что даже Галицкая волость, что представляется весьма значимым, также не воспринималась как Русь: после победы в 1152 г. над Владимиром Галицким король Венгрии отправился «в Угры, а Изяслав у Русскую землю» [19: 25]. На основании этих свидетельств учёный делает вывод: «Значит, можно с полным основанием считать, что в XII–XIII вв. название “Русь” обозначало определенную область: киевскую землю в узком смысле этого слова» [19: 26].

Однако примечательно, что именно «русин» оказывается субъектом правовых норм, действующих за пределами конкретного города, включая трансрегиональные торговые зоны. Тем самым термин функционирует как средство правового обобщения и интеграции

разнородных локальных общин в единую систему социально-экономических отношений. Важно отметить, что «русин» в этих статьях выступает не абстрактным обозначением, а носителем конкретного правового статуса, соотносимого с аналогичными статусами иностранных купцов. Его употребление отражает бинарную модель «свой – чужой», характерную для средневекового правового сознания, где этническая идентичность напрямую коррелирует с правовыми нормами и процедурами. Тем самым термин «русин» закрепляется как ключевой элемент этноправовой стратификации торгового пространства Древней Руси.

Отдельно стоит вопрос об употреблении термина «русин» в «Русской Правде» по Новгородской Кормчей 1282 г. Так, в статье 1 Краткой редакции Правды мы читаем: «Убить мужь мужа, то мстить брату брата, или сынови отца, любо отцю сына, или братучаду, любо сестрину сынови; аще не будеть кто мстыя, то 40 гривен за голову; аще будеть русин, любо гридин, любо купчина, любо ябетник, любо мечникб, аще изъгои будеть, любо словенин, то 40 гривен положить за нь.» [15: 47]. То же самое мы находим в статье 1 Пространной редакции [15: 64]. При анализе текста «Русской Правды» выявляется, на первый взгляд, парадоксальная особенность: данный памятник древнерусского права разводит категории «славяне» («словенин») и «русин» как разные социально-правовые группы.

Представляет интерес в этом отношении позиция М.Н. Тихомирова, согласно которой в восприятии новгородцев понятие «Русь» соотносилось прежде всего с древнерусскими землями с центром в Киеве. В подтверждение данного тезиса исследователь приводит ряд летописных свидетельств, раскрывающих семантику этнотерриториального обозначения «Русь»: «...в 1135 г. “иде в Русь архиепископ Нифонт с лучшими мужи”, а в 1142 г. сообщается, что новгородцев не пускали из Руси, пока они не приняли князя Святополка» [19: 23]. Указывая на специфику самоназвания, учёный подчёркивает: «В отличие от жителей южной Руси, которых называли русинами, новгородцы называли себя словенами. Это противопоставление русина словенину с наибольшей четкостью бросается в глаза в краткой редакции Русской Правды, которая, судя по всему, возникла в Новгороде. В свою очередь, киевляне называли свою землю Русью в отличие от Новгородской земли (“бежашю же Святославу из Новагорода идущю в Русь к брату”)» [19: 23–24]. Данные наблюдения позволяют говорить о раннем формировании регионально дифференцированного самосознания в древнерусском пространстве. Понятие «Русь» в новгородском дискурсе выступает не универсальным этнонимом, а маркером «чужой» – киевской – политико-территориальной реальности. Тем

самым фиксируется важный процесс семантического расслоения этнонима «русин», отражающий сложную динамику центров власти и идентичности в Древней Руси.

С другой стороны, анализ правовых норм позволяет заключить, что «русин» предстает как полноправный представитель социально привилегированного слоя, включающего лиц дружинного круга, купечества и княжеско-боярской администрации (гридей, купцов, ябетников, мечников). Данный термин в юридическом дискурсе обозначает не этническую принадлежность в узком смысле, а прежде всего особый социально-правовой статус, закреплённый государственным правом. «Русин» включён в структуру власти и управления и выступает субъектом, находящимся под прямой защитой княжеской юрисдикции. Независимо от его происхождения – местного (новгородского, словенского) либо пришлого, – за ним признаётся полный объём правовой охраны. Это проявляется в гарантированной вине за посягательство на его жизнь, телесную неприкосновенность и имущество. Тем самым право фиксирует выход данной категории за рамки родоплеменной организации.

Казуистический характер изложения правовых норм в «Русской Правде» (ср., например, статью 3 Краткой редакции, где перечисление орудий нанесения удара заведомо не носит исчерпывающего характера; ср.: «Аще ли кто кого ударить батогом, любо жердью, любо пястью, или чашею, или рогом, или тылеснию, то 12 гривне: аще сего не постигнуть, то платити ему, то ту конець.» [15: 47]) он позволяет сделать вывод, что в соответствующих статьях фиксируется не только развернутый перечень субъектов кровной мести по признаку мужской принадлежности к большой патриархальной семье (отец, сын, братья, племянники) и социальной стратификации общества (русин, ябетник, купец, мечник и т. п.), но и дифференциация по признаку национальной либо территориальной идентификации. Такое разграничение указывает на осознанное включение этнического фактора в правовую регламентацию общественных отношений. Этноним «русин» в данном контексте приобретает статус юридически значимого маркера, отражающего специфику социальной стратификации древнерусского общества. Тем самым «Русская Правда» фиксирует не только нормы обычного права, но и более глубокие представления о коллективной принадлежности и границах правового сообщества.

Стало быть, «русин» оказывается носителем надплеменной идентичности, формирующейся в контексте раннегосударственных институтов. Его статус определяется не кровнородственными связями, а включённостью в служебно-административную и хозяйственную систему княжеской власти. В этом смысле термин отражает процесс

социальной стратификации и институционализации власти в Древней Руси. «Русин» противопоставляется как зависимому населению, так и иноземцам, находясь в промежуточной, но привилегированной позиции. Правовая норма тем самым легитимирует новую социальную реальность, в которой личная ценность индивида определяется его функцией в государственном механизме. Следовательно, употребление термина «русин» в правовых памятниках свидетельствует о формировании особой социальной группы, связанной с княжеской властью и обслуживающей её интересы. Это позволяет рассматривать «русина» не только как этноним или «социоэтноним», но и как юридическую категорию. Его правовой образ отражает ранние стадии перехода от племенной организации к государству. В данном контексте «русин» становится маркером принадлежности к новой политико-правовой общности. Такой подход существенно расширяет традиционные интерпретации термина и подчёркивает его значимость для понимания социальной структуры и правовой культуры Древней Руси.

А.П. Новосельцев и соавторы, ссылаясь на известное исследование Л.В. Черепнина («Общественно-политические отношения в Древней Руси и “Русская правда”»), отмечают, что «социальные категории, упомянутые в Краткой редакции “Русской правды”, – позднейшая вставка; первоначально за русином (по Л.В. Черепнину, русин – выходец из Древней Руси) сразу следовал “словенин” (т. е. новгородец); перечисленные впоследствии социальные категории могли относиться и к статусу русина, и к положению словенина» [11: 134]. Известно, что исторические источники предков русского народа середины I тысячелетия фиксируют под различными наименованиями, что отражает сложность и многоэтапность процессов этнополитического формирования. Не углубляясь в детальный разбор этой проблематики, отметим, что, как показывает анализ В.В. Седова, античная традиция не знает этнонима «славяне» как устойчивого обозначения [16: 29–37]. При этом, как подчеркивается в византийских источниках, «византийские авторы VI–VII вв. различают славян и антов, хотя и отмечают, что они говорят на одном языке...» [16: 124]. В преддверии образования Древнерусского государства и на ранних этапах его существования восточные славяне, как правило, именовались по племенным и надплеменным объединениям (поляне, древляне, кривичи, вятичи и др.) [3: 519–527]. Одновременно с этим в древнерусской письменной традиции начинает фиксироваться (в различных графических и фонетических вариантах) наименование «рус»/«русь»/«рос» и т. п. Его употребление засвидетельствовано в тексте «Русской Правды», в уставных и судных грамотах XII–XV вв.,

а также в княжеских грамотах XII–XIV вв. Примечательно, что, по наблюдению Б.Д. Грекова, на существование данного этнонима указывают и зарубежные авторы, обращавшиеся к описанию Руси и её населения: «...уже в VI веке о росах говорит Псевдо-Захария, позже – Масуди, Ибн Хордадбе и мн. др.» [3: 520]. Это свидетельствует о достаточно раннем и устойчивом бытовании данного наименования в международном культурно-историческом контексте. В совокупности такие данные позволяют говорить о параллельном существовании племенных и надплеменных обозначений, отражающих процесс формирования новой этнополитической общности. Именно в этом контексте термин «русь» приобретает особое значение как маркер зарождающейся государственности и надплеменной идентичности.

Исходя из представленных наблюдений, можно полагать, что в приведённых примерах термин «русин», заимствованный из Краткой редакции «Русской Правды», в Пространной редакции сохраняет близкое по смыслу значение (подробнее см.: [22: 38–51]) и, по-видимому, продолжает обозначать жителя Южной Руси, «Русской земли» в её узком, территориально-политическом понимании. Показательно, что в переработках XIII–XIV вв., зафиксированных в списках Пушкинской группы редакций «Русской Правды», значительная часть которых имеет новгородское происхождение, лексема «русин» заменяется словом «горожанин». Подобная замена указывает на процесс формирования в правовом сознании того времени особой категории свободного, но непривилегированного городского населения, выступающего самостоятельным субъектом права и отличного как от княжеско-боярского окружения, так и от сельских жителей. Не исключено, что именно эта социально-правовая характеристика начинает закрепляться за термином «русин» на определённом этапе его функционирования. В то же время материалы московской Карамзинской группы редакций «Русской Правды», в которых «русин» и «горожанин» фактически сближаются или отождествляются, свидетельствуют о распространении данного значения и за пределами новгородской традиции, прежде всего в условиях развивающейся городской жизни других регионов Древней Руси [1: 128–131]. Показательно, что аналогичное употребление фиксируется и в «Договоре Смоленска с Ригой 1229 г.», где в статье 6 используется формула «а будет виноват немчицю русин, а отъиметь князь все, жену и дети у холопство», а в статье 8: «...русину не вести латинина ко железу горячему, аже сам въсхочеть» [5: 158]. Эти примеры подтверждают устойчивость рассматриваемого термина в юридическом дискурсе и его функциональную нагруженность в нормах права.

В целом анализ показывает, что семантика этнонима «русин» в правовых памятниках не является статичной и претерпевает заметную эволюцию. Первоначально связанный с территориальной принадлежностью к «Русской земле», данный термин постепенно приобретает социально-правовое наполнение. Его употребление отражает процесс формирования городской общины как особого правового субъекта. Одновременно «русин» выступает маркером включённости индивида в правовое пространство княжеской власти. Данный термин оказывается важным индикатором трансформации социально-правовой структуры древнерусского общества и развития его юридического сознания.

Заключение и выводы

Проведённый анализ позволяет сделать вывод о многоаспектном характере термина «русин» в системе древнерусских представлений о принадлежности, праве и социальной иерархии. Рассмотрение широкого круга источников (от международных договоров до норм внутреннего права) демонстрирует, что в рассматриваемый период (X–XIII вв.) данный термин не сводится ни к чисто этническому, ни к исключительно территориальному обозначению. Его значение формируется на пересечении политических, социально-правовых и культурных факторов, отражающих процесс становления раннегосударственных институтов.

Материалы юридических памятников показывают, что «русин» функционирует как обозначение лица, включённого в сферу действия княжеской юрисдикции и обладающего определённым объёмом правовой защиты. В отличие от локальных наименований, связанных с городской или племенной принадлежностью, данный термин выступает инструментом надрегионального обобщения, необходимого для регулирования торговых, имущественных и уголовно-правовых отношений. Это свидетельствует о том, что правовая практика опережала формирование устойчивых этнических самоназваний в их современном понимании.

Особую значимость имеет выявленная динамика смыслового наполнения термина: от обозначения выходца из конкретной политической территории к более абстрактной категории субъекта права. Подобная эволюция отражает трансформацию древнерусского общества – от родоплеменной структуры к более сложной социальной организации, основанной на служебных и экономических связях.

Таким образом, «русин» в правовых источниках предстает не просто как имя группы, но как показатель включённости индивида

в формирующееся правовое пространство Руси. Его употребление фиксирует важный этап институционализации власти и становления правового сознания, что делает данный термин ключевым для понимания социальной истории Древней Руси.

P.S. «Многое можно увидеть в исторических даях, если посмотреть из-под ладони неторопливо и внимательно. Многого бы мы лишились, если бы не благодатный свет Азбуки, начертанной солунскими братьями, если б не благодатные письмена, – семена, давшие силу и мощь великому Родословному Древу» [12: 381].

ЛИТЕРАТУРА

1. *Асадов З.В.* О языковом выражении социальной дифференциации древнерусского общества (на материале юридических памятников письменности Древней Руси XII–XV вв.) // *Таҗиуев охулаги. Вак: Мütərcim*, 2012. С. 127–133.

2. *Голубовский П.В.* История Смоленской земли до начала XV столетия. Киев: Типография Императорского Университета Св. Владимира, 1895. 336 с. URL: http://history-fiction.ru/books/all_1/section_1_1/sort_3_1_6/book_115 (дата обращения: 12.09.2025).

3. *Греков Б.Д.* Киевская Русь. М.: Госиздат-во полит. лит., 1953. 568 с.

4. *Зиновьева Е.И.* Этнонимы русин, русак и русский в обиходном языке Московской Руси XVI–XVII вв. // *Русин*. 2017. № 1 (47). С. 92–105.

5. История отечественного государства и права (X–XVII вв.). Хрестоматия / сост.: Л.В. Карнаушенко, М.В. Хомутов. Краснодар: Краснодар. ун-тет МВД России, 2018. 248 с.

6. *Кузьмин А.Г.* Начала Руси. Тайны рождения русского народа. М., 2003. 412 с.

7. *Ловмянский Х.* Русь и норманны / пер. с пол. М.Е. Бычковой. М.: Прогресс, 1985. 304 с.

8. *Максимович К.А.* *Rodiči – ruotsi – русь: критические заметки к новой этимологии старого этнонима // *Этнографическое обозрение*. 2021. № 4. С. 100–106.

9. *Марковина И.Ю., Сорокин Ю.А.* Культура и текст. Введение в лакунологию. М.: ГЭОТАР-Медиа, 2010. 306 с.

10. Мирный договор князя Ярослава Владимировича с немецкими послами 1189–1199 гг. URL: <https://www.hist.msu.ru/ER/Text/RP/goth.htm> (дата обращения: 17.06.2025).

11. *Новосельцев А.П., Пашуто В.Т., Черепнин Л.В., Шушарин В.П., Щапов Я.Н.* (ред.). Древнерусское государство и его международное значение. М.: Наука, 1965. 476 с.

12. *Осетров Е.И.* Родословное Древо. М.: Молодая гвардия, 1979. 380 с.

13. Резанова З.И., Щиляев К.С. Этнонимы «русин», «русинский» в русской речи: корпусное исследование // Русин. 2015. № 1 (39). С. 239–255.
14. Романчук А.А. Русь как род: критический анализ гипотезы Г.В. Дзибеля // Этнографическое обозрение. 2021. № 4. С. 112–118.
15. Российское законодательство X–XX вв. Т. 1: Законодательство Древней Руси (под ред. В.Л. Янина). М.: ЮЛ, 1984. 430 с.
16. Седов В.В. Происхождение и ранняя история славян. М.: Наука, 1979. 155 с.
17. Суляк С.Г. Русины в истории: прошлое и настоящее // Русин. 2007. № 4 (10). С. 29–55.
18. Тележко Г.М. О происхождении этнонима русь с учётом гипотезы об этногенезе славян в восточном средиземноморье // Universum: филология и искусствоведение: электрон. науч. журн. 2022. № 1 (91). URL: <https://7universum.com/ru/philology/archive/item/12920> (дата обращения: 12.09.2025).
19. Тихомиров М.Н. Русское летописание. М.: Наука, 1979. 383 с.
20. Унбегаун Б. Русское и древнеславянское в юридической терминологии // IV Международный съезд славистов (материалы дискуссии). Т. 2: Проблемы славянского языкознания. М., 1962. С. 82–83.
21. Шмидт К.Р. Об исследовании социальной терминологии в русских средневековых текстах // IV Международный съезд славистов (материалы дискуссии). Т. 2: Проблемы славянского языкознания. М., 1962. С. 80–82.
22. Юшков С.В. Русская Правда. Происхождение, источники, ее значение. М.: ГИЮЛ, 1953. 380 с.

REFERENCES

1. Asadov, Z.V. (2012) O yazykovom vyrazhenii sotsial'noy differentsiatsii drevnerusskogo obshchestva (na materiale yuridicheskikh pamyatnikov pis'mennosti Drevney Rusi XII–XV vv.) [On the Linguistic Expression of Social Differentiation in Old Rus' Society (Based on Legal Written Monuments of the 12th–15th Centuries)]. In: *Tagievskie chteniya* [The Tagiyev Readings]. Baku: Mutarjim. pp. 127–133.
2. Golubovskiy, P.V. (1895) *Istoriya Smolenskoj zemli do nachala XV stoletiya* [History of the Smolensk Land up to the early 15th Century]. Kiev: Imperial University of St. Vladimir. [Online] Available from: http://history-fiction.ru/books/all_1/section_1_1/sort_3_1_6/book_115 (Accessed: 17th June 2024).
3. Grekov, B.D. (1953) *Kievskaya Rus'* [Kievan Rus']. Moscow: Gosudarstvennoe izdatel'stvo politicheskoy literatury.
4. Zinovieva, E.I. (2017) Etnonimy rusin, rusak i russkiy v obikhodnom yazyke Moskovskoy Rusi XVI–XVII vv. [The Ethnonyms Rusin, Rusak, and Russkiy in the

Vernacular Language of Muscovite Rus', 16th – 17th Centuries]. *Rusin*. 1(47). pp. 92–105.

5. Karnaushenko, L.V. & Khomutov, M.V. (eds) (2018) *Istoriya otechestvennogo gosudarstva i prava* (X–XVII vv.). Khrestomatiya [History of the Russian State and Law (10th – 17th Centuries). A Reader]. Krasnodar: Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

6. Kuzmin, A.G. (2003) *Nachala Rusi. Tayny rozhdeniya russkogo Naroda* [The Origins of Rus'. Mysteries of the Emergence of the Russian People]. Moscow: [s.n.].

7. Lovmyanski, H. (1985) *Rus' i normanny* [Rus' and the Normans]. Translated by M.E. Bychkova. Moscow: Progress.

8. Maksimovich, K.A. (2021) *Rodiči – Ruotsi – Rus': kriticheskie zametki k novoy etimologii starogo etnonima* [Rodiči – Ruotsi – Rus': Critical Remarks on a New Etymology of an Old Ethnonym]. *Etnograficheskoe obozrenie*. 4. pp. 100–106.

9. Markovina, I.Yu. & Sorokin, Yu.A. (2010) *Kul'tura i tekst. Vvedenie v lakunologiyu* [Culture and Text. An Introduction to Lacunology]. Moscow: GEOTAR-Media.

10. Hist.msu.ru. (n.d.) *Mirnyy dogovor knyazya Yaroslava Vladimirovicha s nemetskimi poslami 1189–1199 gg.* [Peace Treaty of Prince Yaroslav Vladimirovich with German Envoys, 1189–1199]. [Online] Available from: <https://www.hist.msu.ru/ER/Etext/RP/goth.htm> (Accessed: 17th June 2025).

11. Novoseltsev, A.P., Pashuto, V.T., Cherepnin, L.V., Shusharin, V.P. & Shchapov, Ya.N. (eds) (1965) *Drevnerusskoe gosudarstvo i ego mezhdunarodnoe znachenie* [The Old Rus' State and Its International Significance]. Moscow: Nauka.

12. Osetrov, E.I. (1979) *Rodoslovnnoe drevo* [The Genealogical Tree]. Moscow: Molodaya gvardiya.

13. Rezanova, Z.I. & Shchilyaev, K.S. (2015) The Ethnonyms “Rusin” and “Rusinskiy” in Russian Speech: A Corpus-Based Study. *Rusin*. 1(39). pp. 239–255.

14. Romanchuk, A.A. (2021) *Rus' kak rod: kriticheskiy analiz gipotezy G.V. Dzibelya* [Rus' as Kin: A Critical Analysis of G.V. Dzibel's Hypothesis]. *Etnograficheskoe obozrenie*. 4. pp. 112–118.

15. Yanin, V.L. (ed.) (1984) *Rossiyskoe zakonodatel'stvo X–XX vv.* [Russian Legislation from the 10th to the 20th Centuries]. Vol. 1. Moscow: Yuridicheskaya literatura.

16. Sedov, V.V. (1979) *Proiskhozhdenie i rannaya istoriya slavyan* [The Origin and Early History of the Slavs]. Moscow: Nauka.

17. Sulyak, S.G. (2007) *Rusiny v istorii: proshloe i nastoyashchee* [Rusins in History: Past and Present]. *Rusin*. 4(10). pp. 29–55.

18. Telezhko, G.M. (2022) *O proiskhozhdenii etnonima Rus' s uchetom gipotezy ob etnogeneze slavyan v vostochnom Sredizemnomore* [On the Origin of the Ethnonym Rus' with Consideration of the Hypothesis of Slavic Ethnogenesis in the Eastern Mediterranean]. *Universum: Filologiya i iskusstvedenie*. 1(91).

[Online] Available from: <https://7universum.com/ru/philology/archive/item/12920> (Accessed: 17th June 2024).

19. Tikhomirov, M.N. (1979) *Russkoe letopisanie* [Russian Chronicle Writing]. Moscow: Nauka.

20. Unbegaun, B. (1962) Russkoe i drevneslavyanskoe v yuridicheskoy terminologii [Russian and Old Slavic Elements in Legal Terminology]. In: *Trudy IV Mezhdunarodnogo s"ezda slavistov* [Proceedings of the Fourth International Congress of Slavists]. Vol. 2. Moscow: [s.n.]. pp. 82–83.

21. Schmidt, K.R. (1962) Ob issledovanii sotsial'noy terminologii v russkikh srednevekovykh tekstakh [On the Study of Social Terminology in Russian Medieval Texts]. In: *Trudy IV Mezhdunarodnogo s"ezda slavistov* [Proceedings of the Fourth International Congress of Slavists]. Vol. 2. Moscow: [s.n.]. pp. 80–82.

22. Yushkov, S.V. (1953) *Russkaya Pravda. Proiskhozhdenie, istochniki, ee znachenie* [Russkaya Pravda: Its Origin, Sources, and Significance]. Moscow: GIYuL.

Асадов Захир Вахид оглу – доктор философии по филологическим наукам, доцент, докторант кафедры Общего и русского языкознания Бакинского славянского университета (Азербайджан).

Zahir Vahid Asadov – Baku Slavic University (Baku, Azerbaijan).

E-mail: zahirasad1975@gmail.com

УДК 94(47), 221.18

UDC

DOI: 10.17223/18572685/82/3

Улусная система Золотой Орды в XIII в.*

А.А. Порсин

НИИ истории Улуса Джучи

Казахстан, 010000, г. Астана, район Есиль, ул. Туркистан, 2, ВП-6.

E-mail: porsinart@gmail.com

Авторское резюме:

Рассматривается улусная структура Золотой Орды в XIII в. Она формировалась в два этапа. После смерти Джучи в 1225 г. Чингисхан назначил главой улуса Бату. На тот момент это были территории от Иртыша на востоке до Яика на западе, условно именуемые «коренной юрт» Джучидов. Сыновья Джучи, в том числе и Бату, получили там наследственные владения. Перед началом западного похода 1236 г. каан Угедей передал под управление сына Джучи Орду всю территорию «коренного юрта». Бату получал территории на западе, которые ещё предстояло завоевать. Так, после завершения западного похода сформировалась дуальная улусная система Золотой Орды. «Правое крыло» от Яика до Дуная находилось в наследственном владении у Бату и его потомков. После смерти каана Угедея в 1241 г. Бату решил ограничить влияние своего брата Орду в «левом крыле». Поэтому он выделил огромную территорию под управление Шибану. Последний, как и его потомки, подчинялись напрямую хану Батуиду. Наследственные владения Батуидов в «коренном юрте» (Хорезм, Улытау) и подчинённые им владения Шибанидов в ряде источников стали именоваться Ак-Ордой. Часть «левого крыла», подчинённая Орду, стала именоваться Кок-Ордой. В начале 1260-х гг. главой Кок-Орды стал брат хана Берке – Беркечар. Тогда же её центр был перенесён из владений Ордуидов в верховья Сырдарьи. Бату и Менгу-Тимур в разное время и по разным причинам выдавали владения своим родственникам в «правом крыле». Анализ источников позволяет определить разный правовой статус тумена Валах, подчинённого Шибану, владений Шибана в Венгрии и территории подконтрольной Ногаю в Приднестровье.

Ключевые слова: улус Джучи, Бату, Орду, Беркечар, Ак-Орда, Кок-Орда

---

* Статья подготовлена в рамках реализации программы программно-целевого финансирования Министерства науки и высшего образования Республики Казахстан ИРН BR24993173 «Написание иллюстрированной биографической энциклопедии по истории Казахстана».

The Ulus system of the Golden Horde in the 13th century*

Artem A. Porsin

Research Institute for the History of the Ulus of Jochi
VP-6, 2, Turkistan st., Yesil district, Astana, 010000, Kazakhstan
E-mail: porsinart@gmail.com

Abstract

This article examines the ulus structure of the Golden Horde in the 13th century, a process that unfolded in two distinct stages. Following Jochi's death in 1225, Chinggis Khan appointed Batu as the head of the ulus. At that time, the domain – conventionally termed the Jochids' "ancestral yurt" – stretched from the Irtysh River in the east to the Yaik (Ural) River in the west, where Jochi's sons, including Batu, received hereditary fiefs. Prior to the western campaign of 1236, Qa'an Ögedei transferred the entire "ancestral yurt" to Ordu, another of Jochi's sons. Batu was subsequently to receive lands yet to be conquered in the west. Consequently, upon the campaign's completion, a dual ulus system emerged within the Golden Horde. The "right wing" (from the Yaik to the Danube) became the hereditary domain of Batu and his descendants (the Batuid line). After Ögedei's death in 1241, Batu moved to curtail his brother Ordu's influence in the "left wing" by allocating a vast territory to Shiban. The Shibanids and their holdings were placed under the direct authority of the Batuids. In certain sources, the Batuids' hereditary lands within the "ancestral yurt" (e.g., Khwarazm, Ulytau) and the subordinate Shibanid domains came to be referred to as the Aq Orda (White Horde). The portion of the "left wing" remaining under Ordu's line became known as the Kök Orda (Blue Horde). By the early 1260s, leadership of the Kök Orda passed to Berkechar, brother of Khan Berke, and its center shifted from the original Oruid territories to the upper Syr Darya. At various times and for various reasons, Batu and Mengu-Timur granted lands within the "right wing" to their relatives. Throughout this period, Batu and later Khan Mengu-Timur granted lands within the "right wing" to various relatives. Source analysis reveals the differing legal statuses of these territories: the Valakh tumen granted to Shiban, Shiban's holdings in Hungary, and the Trans-Dniester region controlled by Nogai.

Keywords: Ulus of Jochi, Batu, Ordu, Berkechar, Aq Orda, Kök Orda

---

* This article was prepared within the framework of the program-targeted funding initiative of the Ministry of Science and Higher Education of the Republic of Kazakhstan, project IRN BR24993173 "Writing an illustrated biographical encyclopedia on the history of Kazakhstan".

Ключевой проблемой в изучении улусной системы Золотой Орды является её крыльевая структура: разделение на два «крыла», или два соподчинённых друг другу улуса, которые некогда были выделены двум сыновьям Джучи – Орду и Бату. Не вполне ясно, когда произошло это разделение и каковы были его причины. Т. Оллсен полагал, что престол улуса Джучи был передан Бату Чингисханом, а Орду вынужден был подчиниться этому решению и признать власть младшего брата [33: 212]. В.П. Костюков оставил открытым вопрос о том, по чьей воле было осуществлено разделение – Чингисхана или каана Угедея. По его мнению, кем бы ни было принято это решение, его целью было поставить Джучидов под контроль центральной власти, разделив их полномочия и поставив младшего брата во главе улуса в ущерб правам старшего [24: 171–173]. К. Ускенбай признал реальность сюжета о разделе улуса Джучи Чингисханом на основе тёплых отношений между Бату и Орду [61: 117–119]. По мнению А.К. Кушкumbaева, процесс разделения улуса Джучи происходил в два этапа. Первичный раздел произошёл при Чингисхане и касался территорий, подчинённых Джучидам на момент 1225–1226 гг. Вторичный раздел произошёл в 40-е гг. после возвращения Бату из западного похода [28: 126].

Вопрос о том, как сформировалась дуальная улусная структура Золотой Орды, крайне сложен. Для его решения необходимо подробно разобрать ключевые сообщения источников на этот счёт и определить, при каком правителе (Чингисхане или Угедее) произошло это разделение и менялось ли оно каким-либо образом на протяжении XIII в.

В XVI в. в труде Утемиша-хаджи был зафиксирован сюжет о том, что после смерти Джучи два его сына от одной матери «Иджан хан и Саин хан», под которыми понимаются Орду и Бату, не могли решить вопрос о том, кто из них возглавит улус. Бату настаивал на том, что престол должен занять старший брат. Но Орду отказывался, мотивируя это тем, что Бату был любимцем Джучи, а потому не сможет вынести подчинения воле старшего брата. Не достигнув согласия, они и семнадцать сыновей от других жён Джучи отправились к Чингисхану. Он выделил трём сыновьям по юрте: белую с золотым порогом поставил для Бату; синюю с серебряным порогом – для Орду; серую со стальным порогом – для Шибана. Затем Чингисхан «устроив совет с беками, отдал Саин-хану правое крыло с вилайатами на реке Идиль. Иджану отдал вилайаты на реке Сыр Дарья». Уже после завершения западного похода, находясь в своих владениях на Волге, Бату узнал о том, что «нукеры Иджан хана подняли мятеж против своего господина и убили Иджан-хана вместе со всеми его огланами». Хан улуса Джучи совершил поход на восток. Мятежники были разбиты, а их лидеры

бежали. После этого «все роды и племена (Саин-хан) переселил к себе, присоединил к своему элю и каждый аймак отдал какому-либо беку в качестве кошуна» [62: 28–29].

Абдулгаффар Кырыми в своем труде «Умдет ал-ахбар», написанном в XVIII в., также приводит этот сюжет. В его варианте судьба бывших владений Орду прописана более чётко: «Всех оставшихся пленил и перевёл в Поволжье. Раздробил их и присоединил ко всем племенам в качестве рабов. Затем семнадцать сыновьям Джучи выделил в достаточном количестве земли и назначил нукеров и показал каждому йурт» [2: 42–44].

Этот же сюжет приводится в тексте «Исторической справки» или «Доводов» последнего крымского хана Шахин-Гирея (1745–1787). Описание очень близко к текстам Утемиша-хаджи и Кырыми. Стоит отметить, что источник называет улусы Бату и Орду «уделами правой и левой руки», а также прямо указывает, что после подавления восстания Бату «объединил оба удела в одну непосредственную власть» [13: 480–481].

Согласно этому сюжету, очень популярному в поздней джучидской историографии, разделение на «левое крыло» и «правое крыло» во главе с Орду и Бату было осуществлено по приказу Чингисхана сразу после смерти Джучи. Но само это разделение просуществовало очень недолго. Орду был убит своими воинами. Бату совершил карательный поход в его владения. После разгрома мятежников часть племён он увёл на запад, а также назначил владения остальным сыновьям Джучи по своей воле. В тексте Утемиша-хаджи говорится о том, что Орду был убит со всеми своими царевичами. То есть речь идёт о пресечении династии Ордуидов ещё при жизни Бату. Очевидно, что это сообщение абсолютно неправдоподобно, так как история потомков Орду в XIII – начале XIV в. хорошо известна.

Живший в XVII в. Джучид Абу-л-Гази приводит подробный рассказ о том, как после смерти Джучи Чингисхан отправил в его улус своего брата Темугэ-Отчигина с приказом привести к власти Бату. Через три дня после его восшествия на престол пришло известие о смерти Чингисхана, и он вместе с братьями отправился в Монголию, оставив своим заместителем Тука-Тимура. Автор ничего не знает о системе «соправительства» и, более того, в этом рассказе вообще не упоминает Орду, кроме указания на то, что он вместе с братьями посетил Монголию после смерти отца. О статусе Орду в правление Бату он сообщает в разделе, посвящённом Шибану и его потомкам. Согласно источнику, за военные заслуги в западном походе Бату выделил Орду пятнадцать тысяч семей и место, где жил и кочевал их отец Джучи [1: 98, 104].

В сочинении «Тарих-и арба' улус», написанном Мирзой Улугбеком в первой половине XV в., говорится о том, что после смерти Джучи по приказу Чингисхана на престол взойшёл Бату. При этом, согласно тому же источнику, после завершения западного похода «Угедей-каан своим указом вновь посадил Бату-хана на престол Дашт-и-Кипчака». Автор ничего не знает о разделении улуса Джучи между Бату и Орду. В обширном списке Джучидов, посетивших Монголию для выборов Угедея в 1229 г., Орду назван предпоследним [58: 82, 86–87].

На этом фоне примечательно подозрительное молчание ранних хулагуидских источников по данному вопросу. Джувеини описывает последовательность событий так, что восшествие Бату на престол произошло до интронизации Угэдэя, т.е. ещё при Чингисхане. О старшинстве Орду по отношению к Бату ему известно, но о их «соправительстве» он ничего не сообщает [12: 183]. Рашид ад-Дин хотя и заявляет о том, что Орду не только был согласен на воцарение Бату и «именно он возвёл его на престол», ничего не говорит о том, при каком правителе это произошло [46: 66]. Вассаф знает о «соправительстве», сообщая о том, что Бату унаследовал престол, но личные четыре тысячи Джучи были переданы Орду, однако опять же обходит стороной вопрос о том, кто принимал это решение [22: 169].

Это молчание трех крупных хулагуидских историков достаточно сложно объяснить, учитывая, что, по крайней мере, в 90-е гг. XIII и в начале XIV в. Ордуиды поддерживали дружественные дипломатические контакты с Ильханатом, руководство которого было заинтересовано в самостоятельности восточных Джучидов, подрывающей позиции Золотой Орды в Азии. Если бы факт раздела Чингисханом полномочий между Бату и Орду был известен и не вызывал сомнений, иранские источники должны были об этом сообщить.

Казвини говорит о том, что после смерти Джучи его место Бату занял по приказу Угедея [22: 182]. Согласно составленной в 1426 г. на основе близких к Рашид ад-Дину чингисидских генеалогических материалов «Муиз ал-ансаб», после смерти Джучи власть перешла к Бату, а Орда смирился и покорился «решению старших братьев» [21: 40]. Под ними подразумеваются дяди Бату – Чагатай, Угедей и Толуй.

Признавая серьёзные пробелы в источниках, можно заключить, что версия о возникновении «соправительства» между Орду и его братом при Угедее имеет больше оснований, так как о разделе улуса по приказу Чингисхана сообщает только традиция Утемиша-хаджи и Кырыми. Стоит согласиться с В.П. Костюковым в том, что основной задачей разделения полномочий было недоверие сыновей Чингисхана к своим племянникам.

Характер разделения улуса между Орду и Бату также нуждается в подробном рассмотрении. Ключевым источником здесь является сообщение Рашид ад-Дина. Во многом именно авторитет этого хулагуидского придворного историка, имевшего доступ к официальным историческим текстам Ильханата, а также лично общавшегося с представителями тюрко-монгольской элиты, сделал представление об особом статусе Ордуидов в улусе Джучи в среде современных исследователей практически бесспорным.

В разделе о генеалогии Джучидов, говоря об Орду, Рашид ад-Дин приводит широкую ремарку, в которой сообщает о том, что «хотя заместителем Джучи был [его] второй сын, Бату, но Менгу-каан в ярлыках, которые он писал на их имя по поводу решений и постановлений, имя Орды ставил впереди. Орда был согласен на воцарение Бату, и на престол на место отца [именно] он его возвёл... С самого начала не бывало случая, чтобы кто-либо из рода Орды, занимавший его место, поехал к ханам рода Бату, так как они отдалены друг от друга, а также являются независимыми государями своего улуса. Но у них было такое обыкновение, чтобы своим государем и правителем считать того, кто является заместителем Бату, и имена их они пишут сверху своих ярлыков...» [46: 66].

Обычно это сообщение воспринимается как неопровержимое доказательство независимого статуса Орду и его потомков. Но важно учитывать, что Рашид ад-Дин приводит его в определенном контексте, без анализа которого оно вряд ли может быть понято.

Ремарка завершается сообщением о том, что «в настоящее время» главой улуса Орду является сын Коничи Байан, который боролся за престол со своим двоюродным братом Кублуком. Поэтому Байан вынужден был приехать к хану Токте «под предлогом курултая», о чем автор обещает рассказать позднее. Смысл этого уточнения становится понятен из следующей ремарки, посвящённой собственно правнуку Орду – Байану. В ней подробно описывается междоусобная война, из-за которой он вынужден был отправиться на курултай с просьбой о помощи к золотоордынскому хану Токте, где получил от него ярлык на правление. Под настоящим временем, на которое указывает Рашид ад-Дин, подразумевается 703 г. х. (август 1303 – август 1304 г.), так как «в прошлом» 702 г. х., точнее в январе 1303 г., в Иран прибыло посольство от Байана [46: 68].

По всей видимости, именно с этим посольством в Иран прибыли известия об Ордуидах, которые были в качестве ремарок вставлены в генеалогический раздел Рашид ад-Дина. То, что эти сообщения были вписаны в генеалогию Джучидов позже её составления, подтверждает факт, что они противоречат основному тексту. При

описании потомства Орду говорится, что о детях его шестого сына Кутуку, конкурента Байана, ничего не известно, а в самой ремарке сообщается: основной конкурент Байана – Кублук был внуком Кутуку и сыном Тимур-Буки. Более того, в ремарке Рашид ад-Дин уточняет, что до этого считал Тимур-Буку и Кублука потомками не Кутуку, а последнего сына Орду – Хулагу.

Посольство Байана, прибывшее в Иран в январе 1303 г., явно шло в разрез с политической стратегией Токты. В это же время золото-ордынский хан отправил к ильхану Газану миссию с агрессивными требованиями о возврате спорных территорий Северного Ирана и Азербайджана. Рашид ад-Дин в ремарке к основному тексту сообщает об изначальной независимости Орду и его потомков и лишь формальном их подчинении Сараю; о ярлыках Менгу, на которых имя Орду писалось первым; о том, что никто из его потомков не ездил на утверждение своего правления к ханам Батуидам. Ясно, что этот рассказ был приведён им для того, чтобы объяснить крайне спорный с точки зрения чингисидской семейной этики прецедент. Ордуид Байан правил по ярлыку, выданному ему Батуидом Токтой после визита в его ставку на курултай. При этом тот же Байан, отправляя посольство к ильхану Газану, явно пытался вести самостоятельную политическую игру в противовес Токте, который в это время решил пойти на обострение отношений с Ираном.

Подробные сведения об Ордуидах, которые входили в противоречие с предыдущим материалом, очевидно, были получены Рашид ад-Дином от кого-то из членов посольства Байана. Следовательно, они не могут рассматриваться как объективные исторические свидетельства. Ордуиды и их нойоны были заинтересованы в фиксации своего права на независимые контакты с Хулагуидами, и не факт, что для его обоснования они были добросовестны в подборе аргументов. Это важно, так как обычно считается, что крайне информированный и имевший доступ к дипломатической документации Ильханата Рашид ад-Дин чуть ли не лично видел ярлыки Менгу, на которых имя Орду стояло первым, а имя Бату – вторым. Проблема в том, что в своём обширном историческом труде, помимо содержания рассмотренных выше ремарок, он ни разу не упоминает ни о разделении улуса Джучи на крылья, ни о реальной политической независимости Орду и его потомков, ни об этих ярлыках Менгу. Очевидно, до получения им информации от ордуидского посольства в начале 1303 г. он об этом просто не знал. И еще раз отметим, даже в выгодных Ордуидам ремарках, включённых в текст Рашид ад-Дина, нет прямого указания на то, что «соправительство» Орду и Бату было результатом политической воли Чингисхана.

Сам факт существования таких ярлыков Менгу, выданных на имя Орду, вызывает серьёзные сомнения. Менгу стал кааном весной 1251 г. Точное время смерти Орду неизвестно. Последнее чётко датированное упоминание о нем – это свидетельство Плано Карпини, относящееся к 1246 г. [43: 73]. Когда в 1251 г. начались репрессии против Угедеидов и Чагатаидов, в них со стороны улуса Орду участвовал его четвертый сын Кункыран, который после смерти отца занял его место [46: 70, 138].

При описании правления Менгу Рашид ад-Дин упоминает Орду, который вместе с Шибаном и Берке по приказу Бату присягал новому каану на первом курултае 1249 г. в Алакамаке. Но в параллельном описании этого курултая в разделе, посвящённом Джучидам, ни Орду, ни Шибан не упомянуты. То же противоречие присутствует и в описании отправки джучидских войск на завоевание Ирана. В рассказе о проявлении Менгу: «Орда отправил через Хорезм и Дехистан своего старшего сына Кули». В разделе о генеалогии Джучидов: «Кули, которого послали с войском от улуса Орды в то время, когда Хулагу-хан шел в Иранскую землю» [80: 350, 361, 402].

Подобная неопределённость говорит о том, что сами составители труда не были до конца уверены, обеспечивал ли Орду легитимность избрания Менгу и отправлял ли он лично Кули на завоевание Ирана. В.П. Костюков справедливо отмечал, что присутствие Шибана в списке участников курултая в Алакамаке делает его ещё более подозрительным [24: 175–180]. Дело в том, что Рубрук, общавшийся с вдовой Шибана во время своего пребывания в Монгольской империи в 1253 или 1254 г., зафиксировал уникальный рассказ о гибели ее мужа. Согласно этому сообщению, в 1248 г. каан Гуюк направлялся с войском на запад. Шибан выдвинулся к нему навстречу. Между Шибаном и Гуюком произошёл конфликт, в ходе которого оба они погибли [43: 135]. Часто это сообщение воспринимается исследователями с недоверием из-за своей эксклюзивности. Но нам не кажется, что это весомый аргумент. Речь идёт о свидетельстве человека, спустя пять или шесть лет после произошедшего, имевшего прямой контакт с близким родственником Шибана. При том ни у информатора, ни у автора не было очевидных мотивов для фальсификации. И даже если подробности смерти Шибана были по какой-то причине романтизированы, в любом случае это прямое указание на то, что он умер до курултая 1249 г. в Алакамаке.

Такая датировка времени смерти Орду подтверждается и приведённым выше рассказом о его насильственной гибели в ходе восстания. Сам сюжет абсолютно уникален. Об этом событии не упоминается в более ранних источниках. Но примечательно, что он очень

точно описывает политическую ситуацию, сложившуюся на востоке улуса Джучи в конце 40-х гг. XIII в. Согласно версии Утемиша-хаджи, Кырми и «Доводов» Шахин-Гирея, узнав о смерти Орду, Бату совершил поход на восток в его владения и какое-то время пребывал там. Где находились владения Орду во второй половине 40-х гг., известно благодаря сообщению Плано Карпини, который проезжал рядом с ними в 1246 г. Согласно источнику, владения Орду с юга примыкали к западному, а возможно и к юго-западному берегу Алаколя. Там же находилась ставка его отца Джучи [43: 73]. Туда во главе армии направился Бату весной 1248 г. с целью отразить готовящееся нападение на свои владения каана Гуюка. Война не состоялась только из-за внезапной и, судя по всему, насильственной смерти последнего. Но Бату пребывал в этом регионе еще несколько лет. Именно там в местности Алакамак недалеко от Каялыка был проведен курултай 1249 г., на котором кааном был избран Менгу. Судя по всему, Бату находился в Алакамаке вплоть до второго курултая, состоявшегося в 1251 г. в Западной Монголии, на котором была проведена официальная процедура интронизации нового каана [38: 18–27]. То есть военный поход Бату во владения Орду действительно имел место, и это подтверждается ранними источниками.

Недоверие исследователей к позднему сюжету о насильственной смерти Орду во многом имеет те же основания, что и подозрения в отношении вполне раннего и авторитетного Рубрука, сообщавшего о гибели Шибана в конфликте с Гуюком. Речь идет об убежденности в том, что столь «важное» событие не могло остаться незамеченным авторами официальных исторических текстов, таких как Джувейни и Рашид ад-Дин. Несложно заметить, что эта точка зрения основывается на положении о том, что указанных авторов в описываемых ими событиях интересовала только их политическая значимость. Между тем в настоящий момент ясно, что в Монгольской империи и её отдельных улусах действовала весьма развитая система политической цензуры, в том числе регулировавшая написание официальных исторических трудов. Одной из тем, крайне болезненных и нежелательных к освещению, были конфликты внутри правящей династии, особенно приведшие к убийству её представителей, что являлось грубым нарушением Ясы [39: 333–348]. Доступные данные позволяют заключить, что смерть Орду произошла в промежутке между 1246 и 1251 г., весьма вероятно, в то же время, что и смерть его брата Шибана и каана Гуюка.

Итак, Менгу вряд ли мог выдать Орду и Бату совместный ярлык. Тем не менее как минимум один такой документ, в котором имя Орду стояло первым, все-таки существовал. Но издан он был кааном

Угедеем. В «Юань ши» сообщается, что в 1236 г. Угедей распределил между членами «золотого рода» владения в Северном Китае. Джучиды получили земли в префектуре Пиньян в провинции Шаньси, где некогда воевал Джучи [24: 174; 67: 132]. Как справедливо отметил Т. Оллсен, если во всех остальных случаях упоминается только глава династической линии, то Джучидов упомянуто двое, причем имя Орду названо перед именем Бату [33: 214]. Это пожалование должно было быть закреплено при помощи выдачи каанского ярлыка.

Анализ доступных сообщений источников позволяет описать процесс складывания дуальной улусной структуры Золотой Орды. Осенью 1225 г. Джучи был уже мёртв [6: 495–496; 20: 119; 37: 355–359; 45: 229; 61: 66–67; 71: 458; 83: 283–290]. Ясно, что самый крупный на тот момент улус Монгольской империи, находившийся на границе с непокоренными и враждебными кыпчаками, не мог долго оставаться без управления. Согласно Джувейни, на момент смерти Джучи «из всех его сыновей возраста достигли семеро: Богал, Хорду, Бату, Сибакан, Тангут, Берке и Беркечер; и Бату наследовал своему отцу и стал править царством и своими братьями» [12: 183].

О принципах организации власти в улусе Джучи в период с 1225 по 1229 г., когда на престол взойшёл Угедей, можно судить лишь предположительно. Главой всего улуса, безусловно, стал Бату, так как о его назначении по воле Чингисхана говорят сразу несколько источников. Уточнение Джувейни, касающееся остальных шести братьев, вряд ли связано с их конкретным биологическим возрастом. По крайней мере, Берке, рождённый в начале 20-х гг. XIII в., на тот момент был ещё ребёнком [15: 103–107; 36: 24–29; 42: 248–249; 48: 164–169; 81: 173–184]. На это прямо указывает и сообщение Кырыми [2: 43]. Речь здесь идёт о царевичах, получивших по воле Чингисхана наследственные улусы.

Конечно, главой всего улуса являлся Бату. Но и другие сыновья Джучи также должны были получить наследственные владения после смерти отца. Поэтому административно-территориальное образование, которое в литературе обычно именуется «левое крыло», фактически являлось «коренным юртом» Джучидов. Этот регион условно можно ограничить Яиком с запада, сибирской тайгой – с севера, Иртышем – с востока, Ургенчем, нижним течением Сырдарьи и Каялыком – с юга. Здесь джучидские царевичи получили свои владения, наследственный характер которых санкционировался основателем империи. Именно поэтому сформировавшаяся улусная система была достаточно устойчивой и в основных своих характеристиках просуществовала вплоть до 70-х гг. XIV в. Важно отметить, что в исследовательской литературе иногда ставится знак равенства между

понятиями «улус Орду» и «левое крыло». В действительности они, конечно, не являлись синонимами. Орду и его потомки, безусловно, стремились к лидерству в «коренном юрте». Но, как будет показано далее, чаще всего их власть не распространялась за пределы собственных улусных владений.

Выявить изначальную локализацию отдельных джучидских владений в «левом крыле» или «коренном юрте» непросто в силу очень слабой освещённости истории этого региона источниками. Здесь стоит сделать одно важное уточнение. В научно-популярной, а часто и в исследовательской литературе чингисидский улус первой половины XIII в. мыслится как нечто территориально цельное. Но в действительности юрты, т.е. территории, выданные в наследственное владение одной семье при Чингисхане или полученные её представителями при последующих правителях, могли быть отделены друг от друга значительными расстояниями. Фактически территория большей части империи изначальное представляла собой чересполосицу, состоящую из владений, находившихся в различном подчинении. И судя по дошедшим до нас сообщениям источников, территориальная организация «левого крыла» не была исключением.

Улус Бату. Р.Ю. Почекаев предположил, что до 1236 г. личные владения Бату находились в Приуралье [41: 57]. Проблема состоит в том, что используемое автором сообщение Джувейни можно понимать двояко. В переводе А.А. Арслановой, которым пользовался исследователь: «Булгар, Ас и Рус, находившиеся по соседству со становищем Бату», тогда как в переводе Дж.Э. Бойла говорится просто о «владениях Бату», т.е. обо всем улусе Джучи на период 1235– шло в разрез с 1236 гг. [5: 161; 12: 185].

Есть упоминание Кухистани о том, что в XV в. «трон Саин-хана», т.е. ставка Бату, находился где-то в регионе Улытау [14: 135–171; 28:133]. Вполне возможно, что владения Бату, полученные им после смерти отца, действительно располагались в этой местности. Но этим регионом наследственные территории Бату не ограничивались. Есть основания полагать, что под его власть также перешла столица бывшего Хорезмийского султаната – Ургенч. Такой вывод можно сделать на основании того, что как минимум дважды именно хорезмийская аристократия приводила к власти в Золотой Орде ханов Батуидов.

Во-первых, речь идет о правнуке Бату Токте. Согласно Рашид ад-Дину и «Муиз ал-ансаб», в физическом устранении конкурентов Токты принимал участие Ногай и войска, подчинённые внуку Беркечара Биликчи [21: 42; 46: 83–84]. Но после интронизации Токты реальной опорой его власти стал Салджидай-гургэн – глава хорезмийских кунгратов и дед Токты. Резкое возвышение Салджидаи стало одной

из основных причин конфликта Ногай и Токты в середине 90-х гг. Ногай писал своему недавнему ставленнику: «Если сын [мой] Токтай хочет, чтобы между нами укрепились отцовско-сыновние отношения, то пусть он Салджидай отошлет в его юрт, который находится вблизи Хорезма». На это Токта ответил: «Он мне как отец и воспитатель, и [он] старый эмир, как же я отдам его в руки врага?» [46: 84; 80: 364]. Называя Салджидай-гургена отцом, Токта явно противопоставлял его Ногаю, который также претендовал на этот статус и требовал вернуться к отношениям отец – сын. Но, именуя его своим воспитателем, он имел ввиду реальную причину их близости. Вероятно, Токта воспитывался в юрте Салджидай-гургена «вблизи Хорезма».

Во-вторых, хорезмийская элита сыграла решающую роль в приходе к власти хана Узбека в 1313 г. Его отец Тогрул погиб в 1291 г. вместе с остальными членами коалиции Тола-Буги. Согласно египетским источникам, восхождение на престол Узбека стало результатом усилий двух человек. Во-первых, речь идёт о Байалун – вдове Тогрула, которую впоследствии Узбек взял в жёны по праву левирата. Её брат Бай-Тимур был правителем золотоордынского Хорезма. Вот слова самой Байалун, обращённые к Узбеку: «Я добыла тебе царство да давала тебе деньги для того, кто требовал денег, коней для того, кто требовал коней, одежды для того, кто требовал одежд, улаживала этим дела того, кто требовал моих услуг» [18: 361–362]. Здесь речь идет о подкупе участников курултая [31: 155; 50: 235].

В-третьих, решающую роль в приходе Узбека к власти сыграл Кутлуг-Тимур. Исследователи выдвигали разные версии по поводу его происхождения. Недавно Ж.М. Сабитову удалось доказать, что он был потомком Чин-Тимура – первого джучидского баскака Ургенча, назначенного на эту должность Джучи сразу после захвата монголами столицы Хорезмийского султаната [53: 563–580] (см. историографию вопроса).

В мамлюкских источниках противоречиво описывается статус Кутлуг-Тимура до воцарения Узбека. Дело в том, что повествование о приходе к власти Узбека, содержащееся в трудах различных египетских авторов, некогда являлось частью единого исторического текста, посвящённого политическим событиям в улусе Джучи конца XIII – начала XIV в. Из ранних авторов напрямую этим текстом пользовался только Бейбарс в «Зубдат ал-фикра», разбивший единое повествование на отдельные тематические сообщения. Остальные авторы, судя по всему, воспроизводили его известия – все, кроме работавшего в XV в. Ибн Халдуна, которому был доступен единый текст первоисточника. Именно поэтому в труде этого автора многие детали сохранились в более ясном и цельном виде [35: 154–64]. В

двух дошедших до нас сообщениях Ибн Дукмака и ал-Айни говорится о том, что Кутлуг-Тимур получил свой статус ещё в правление Токты [18: 242–243, 361–362]. Но у Ибн Халдуна есть интересное уточнение: «Кутлуктемира, наместника своего отца, он поставил над Хорезмом и Ургенджем, оставив от управления ими брата хатун Байалун» [18: 274].

Из этого сообщения можно сделать вывод о том, что во время правления коалиции (1288–1291 гг.), а возможно, и в правление Туда-Менгу (1283–1288 гг.) Хорезмом владел отец Узбека Тогрул. Его наместником в регионе был Кутлуг-Тимур. В 1291 г. Тогрул погиб вместе с остальными членами коалиции. Кутлуг-Тимур вынужден был бежать в Ильханат [35: 208–217]. Согласно «Муджмал-и Фасихи», в 1307–1308 г. умер правитель Ургенча Толук-Тимур, сын Куч-Тимура, а в 1309–1310 г. ильхан Олджайту направил Кутлуг-Тимура в Ургенч в статусе Хорезмшаха [57: 46]. Ж.М. Сабитов совершенно справедливо указал на то, что правитель Ургенча Куч-Тимур упомянутый в «Муджмал-и Фасихи», и сын Чин-Тимура Куч-Тимур, о котором говорит Рашид ад-Дин, – это одно лицо. Также Рашид ад-Дин сообщает о некоем внуке Чин-Тимура, сыне Куртуки, который на момент написания его труда находился в Иране. Очевидно, речь шла о Кутлуг-Тимуре [53: 563–580]. Здесь стоит лишь добавить, что, несмотря на своё прибытие в Хорезм в 1309/10 г. Кутлуг-Тимур стал его правителем только в 1313 г., сместив на этом посту Бай-Тимура. Последний стал правителем Ургенча в 1307/08 г. после смерти Толук-Тимура. Вероятно, Бай-Тимур как и его сестра Байалун, также относились к потомкам Чин-Тимура. Таким образом, Кутлуг-Тимур помог Узбеку взойти на престол потому, что был правителем Ургенча еще при его отце Тогруле, которому и подчинялся. Второй причиной было то, что, согласно Ибн Батуте, Узбек и Кутлуг-Тимур были двоюродными братьями по материнской линии [18: 235]. После восшествия Узбека на престол Кутлуг-Тимур занял пост беклярибека, фактически став вторым человеком в государстве. Также он был правителем Хорезма вплоть до своей смерти в 1335/36 г.

Таким образом два хана Батуида – Токта и Узбек при восшествии на престол опирались на аристократические группы Хорезма. При этом оба правителя имели с ними тесные родственные связи. Примечательно и то, что в обоих случаях основное противодействие этим Батуидам оказывали элиты «правого крыла» улуса Джучи. В первом случае западная аристократия попыталась объединиться вокруг Ногая. Во втором ключевыми противниками Узбека и Кутлуг-Тимура стали Таз и Тунгуз – эмиры, некогда подчинённые Ногаю, а затем перешедшие на сторону Токты. Хотя их племенная принадлежность

неизвестна, ясно что оба аристократа относились к западным регионам Золотой Орды [18: 201–208].

Также обращает на себя внимание сообщение Юлиана в его «Письме об образе жизни тартар». В нем, при описании западного похода, утверждается, что в 1236 г. «Хан... восседает в большом городе Хорнаке», т. е. Ургенче. Р. Хаутала справедливо отметил, что к моменту описываемых событий ставка Бату находилась не в Ургенче, а где-то на западе от Волги. Исследователь предположил, что в источнике говорится об Ургенче как столице улуса Бату [64: 386, 395].

Столь значимая роль Хорезма в политической жизни правого крыла можно объяснить тем, что этот регион также относился к наследственным владениям Батуидов. Передача его Чингисханом именно Бату в 1225 г. была вполне логичным решением. Джучидский Хорезм с центром в Ургенче являлся наиболее богатым, урбанизированным и развитым в плане управленческих традиций регионом улуса. Очевидно, что он должен был перейти в наследственное владение главе улуса, коим на тот момент являлся Бату.

Улус Орду. Локализовать личные владения Орду до 40-х гг. XIII в. достаточно сложно. Сам он кочевал в районе Каялыка. О том, что этот город по ярлыку Чингисхана относился к владениям Джучи, сообщают сразу несколько источников [12: 163; 20: 139–140]. Именно там локализовал кочевья Орду и ставку Джучи Плано Карпини, проезжавший мимо них в 1246 г. [43: 73]. После смерти Орду улус возглавил его четвертый сын Кункыран. Рашид ад-Дин так описывает его локализацию в 1251 г.: «...в пределах Каялыка и обитал [растянул стан] до берега Отрара» [46: 70, 138]. Но уже в 1252 г., согласно «Юань ши», Каялык был передан Кайду [65: 187]. Неясно, сохранили Ордуиды свои владения в этом регионе после этого или нет.

Второй блок сообщений источников связан с владениями внука Орду Коници. Есть несколько кратких упоминаний, позволяющих приблизительно локализовать подконтрольные ему территории. Рашид ад-Дин сообщает о том, что через три года после прекращения сопротивления Ариг-Буги (т. е. ориентировочно в 1266–1267 г.) Кайду в союзе с неким Куинджи-нойоном совершил нападение на владение, подчинённое сыну Менгу Урунгташу, и тем самым начал войну с Хубилаем [46: 168]. Урунгташ был оставлен Менгу в Монголии вместе с Ариг-Бугой. Рашид ад-Дин указывает, что во время смуты он находился «стране Моголистан, возле Алтая» [46: 165]. Рашид ад-Дин называет союзника Кайду Куинджи-нойоном, что, казалось бы, говорит о его принадлежности к племенной аристократии. Однако в другом месте, где тот же рассказ приводится в более кратком виде, автор сообщает, что Кайду «завел дружбу с домом Джучи и с его помощью

захватил некоторые области» [46: 13; 80: 307]. Данное сообщение следует за упоминанием неоднократных, на протяжении двух лет после капитуляции Ариг-Буги в 1264 г., призывов Хубилая к Кайду явиться на курултай. Следовательно, речь не может идти о его союзе с Берке, направленном против Алгуя, о котором говорит Хондемир [72: 47]. Судя по всему, взаимодействие Кайду с Джучидами продолжалось и в начале правления Менгу-Тимура, пришедшего к власти в 1266 г. Это означает, что речь в источнике идет о внуке Орду Коници. Его владения, учитывая локализацию юрта Урунгташа (Западная Монголия), в это время располагались где-то на Иртыше.

Определенные представления о локализации улуса Коници даёт описание Рашид ад-Дина его роли на завершающем этапе восстания Ширеки. В ходе борьбы между участниками противостоящей Хубилаю коалиции царевичей Толуидов Тук-Тимур был казнен Ширеки. Сарабан был схвачен и отправлен под конвоем во владения Коници в качестве заложника, видимо, в 1280 г. Путь отряда проходил через Джэнд и Узгэнд. Там находились какие-то владения Сарабана (вероятно, речь идёт о доле владений в городе). Его сторонники отбили своего лидера у охраны [46: 170–171].

Сложно точно локализовать владения Коници на основании этого сообщения. Но очевидно, что речь уже не шла об Иртыше или Каялыке. Боевые действия между членами коалиции в это время проходили в Западной Монголии. Если бы Коници в этот период находился на Иртыше, везти к нему Сарабана через Джэнд и Узгэнд не имело никакого смысла. Судя по всему, конвой двигался по известному по другим источникам пути через Семиречье, по Чу и вниз по Сырдарье. В таком случае в 70-е гг. Коници должен был находиться гораздо западнее Прииртышья.

Ситуацию проясняет другое сообщение Рашид ад-Дина. В шло в разрез с 1284 г. окружение будущего ильхана Аргуна предлагало ему бежать от преследования своего конкурента Ахмада именно к Коници: «Лучше всего нам сей же час сесть [на коней] и, перейдя через реку Амуйе (Оксус), отправиться к Коници» [44: 107; 80: 555].

С одной стороны, согласно Рашид ад-Дину, до владений Коници из Хорасана можно было добраться, переправившись через Амударью. Это предполагает их локализацию к востоку от неё. С другой стороны, Аргун летом 1284 г., когда было озвучено предложение о бегстве к Коници, находился на северо-востоке Хорасана в Кучане и тактически был прижат Ахмадом к берегам Атрека. Сложно понять, как в такой ситуации его полководцы собирались пересекать Амударью, расстояние до которой составляло около 500 км. Ситуация проясняется благодаря сообщению Казвини, согласно которому

главный рукав Амударьи в XIII–XIV вв. впадал в Каспийское море. В.В. Бартольд показал, что речь идёт об Узбое [7: 50–51]. Если под Амударьей окружение Аргуна имело ввиду Узбой, владения Кониичи должны были располагаться к северу, между Аралом и Каспием, что не противоречит данным о маршруте Сарабана.

Где-то в этом же регионе размещал владения сына Кониичи Байана ал-Айни, описывая несостоявшийся в 1320–1321 гг. поход Кутлуг-Тимура по приказу хана Узбека в Мазендаран и Хорасан [18: 366]. Судя по описанию, Кутлуг-Тимур в 1320–1321 г. должен был во главе армии выступить из центральных регионов государства, пересечь Яик и через Хорезм проследовать на юго-запад. В таком случае Байан, войско которого он собирался взять с собой по пути, должен был располагаться восточнее или юго-восточнее Яика, где-то между Аралом и Каспием, возможно, в районе плато Устюрт или полуострова Мангышлак.

О локализации владений Кониичи в конце 80-х и 90-е гг. опять же можно говорить лишь предположительно. Согласно «Юань ши», 7 февраля 1288 г. Хубилай наградил царевичей Хониичи и Юй-ду серебром, жемчугом и парчовыми одеждами, а 2 марта 1289 г. он выделил из Каракорума провианта для людей, подчиненных царевичу Хониичи [66: 513, 530]. В историографии мнение о том, что речь идет о главе улуса Орду, является общепринятым [24: 191; 33: 218; 61: 130–131].

Судя по всему, «Юань ши» говорит не о разовом контакте, а о переходе Кониичи под покровительство каана. Его переход под власть Хубилая, вероятно, был не только формальным, но и физическим. Перемещение Кониичи на восток объясняет странное описание его «северных» владений Марко Поло, которое абсолютно не соотносится ни с Каялыком, ни с Арало-Каспийской низменностью. Исследователи обычно связывают его с Иртышской Сибирью [3: 40; 24: 194]. Но приведённые выше факты указывают на то, что в 80-е гг. XIII в. его юрт располагался значительно юго-западнее. По всей видимости, в конце 80-х гг. Кониичи перекочевал в ордуидские владения на Иртыше, туда, где в 60-е гг. начинался его политический и военный путь.

Есть основания полагать, что в этот период юрт Ордуидов состоял из двух отдельных владений: одно где-то на территории Арало-Каспийской низменности, а другое в Прииртышье. На такую структуру улуса Орду указывает и Хамдаллах Казвини, который прямо говорит о двух областях: Аль-Джарад аш-Шамалийя и земля хазар [84: 575]. Под землей хазар в исламской географической традиции обычно понимается Прикаспий (в данном случае, судя по предыдущим сообщениям, восточный). Точное значение термина «Джарад» на настоящий момент

установить сложно, но «аш-Шамалийя» – это, безусловно, прилагательное «северный»¹. Эта характеристика вполне соответствует владениям Коничи в Центральном и Нижнем Прииртышье, описанным Марко Поло. Более того, она совпадает со структурой «левого крыла» улуса Джучи, описанного Абу-л-Гази, согласно которому владения Шибана тянулись от низовьев Сырдарьи на северо-запад до Яика, разделяя владения Бату и Орду [1: 104].

Стоит отметить, что два из трех регионов, в которых источники фиксируют кочевья Орду и его потомков, были напрямую связаны с Джучи. По словам Плано Карпини, в районе Каялыка находилась его ставка. Согласно Рашид ад-Дину, «все области и улус, находившиеся в пределах реки Ирдыш и Алтайских гор, летние и зимние кочевья тех окрестностей Чингисхан пожаловал в управление Джучи-хану... Его юрт был в пределах Ирдыша, и там была столица его государства» [46: 78]. Весьма вероятно, что эти области Орду получил в 1225 г. как старший сын. В то же время Бату получил степи Улытау и Хорезм – наиболее богатый и урбанизированный регион Золотой Орды. При этом, конечно, его власть как главы улуса Джучи распространялась на всю его территорию.

В целом, та же структура улуса Орду просматривается и для первой половины XIV в. Египетский автор ад-Давадари говорит о конкуренте Байана Мангутае как о «Владетеле Восточных стран, также из числа татарских царей». При этом он назван правителем наравне с ханом Токтой. Согласно источнику, Мангутаи правил до 1320–1321 гг. После его смерти престол занял его сын Калак – современник хана Узбека. Он упоминает Калака сына Мангутае в 1327–1328 гг., «владельца Северных стран из царей татар» наравне с «владельцем страны Берке» [19: 96, 103, 106].

О противостоянии Байана и Мангутае сообщает Кашани в «Тарих-и Улджайту»: «...в конце царствования Тукты Тубиджи сын Харду умер. От него остались два известных сына – старший Байан и младший – Мумкия. Байан унаследовал у отца улус и войско, а Мумкия выступил против него и заставил его бежать из страны и улуса и скитаться. Тукта выступил к нему на помощь с несметным кровожадным войском и одержал победу. Мумкия бежал, и отцовское место утвердилось за Байаном» [61: 143–144]. Несмотря на общую спутанность описания, это сообщение в целом подтверждает данные египетских источников и позволяет датировать войну между Байаном и Мангутаем началом второго десятилетия XIV в.

К. Ускенбай предположил, что Мангытай смог возглавить какую-то часть улуса Ордаидов [61: 143]. Учитывая, что Байан в начале 20-х гг. занимал владения Ордуидов в Прикаспии, а ад-Давадари называл

Калака владетелем Северных стран, Мангутай и его сын правили в северных владениях Ордуидов на Иртыше.

Улусы Берке и Беркечара. Согласно Утемишу-хаджи, после смерти Джучи Берке пришёл в Сыгнак [62: 33–34]. Автор «Нусрат-наме» сообщает о владениях его единоутробного брата Беркечара в Сузаке на Сырдарье: «...этот Берке ушел, оставив Беркеджара в Сузаке» [14: 34]. Судя по всему, в улус Берке и Беркечара изначально входил не только регион нижнего течения Сырдарьи, но и все джучидские владения вверх по её течению, а также подчинённые Золотой Орде части Мавераннахра.

Согласно Джузджани, в 1233–1234 г. в Дели прибыло посольство от Берке. Автор источника длительное время общался с послами во время их совместной ссылки в Гвалиоре. По их сообщениям, Джучи приказал обучать Берке Корану. Обучение проходило в Ходженде. После достижения им совершеннолетия под его руководством оказались все мусульмане из войска Джучи. После смерти их отца Бату подтвердил прежнее положение Берке, вновь закрепив за ним его земли и подчинённых ему людей [36: 23–27; 82: 1285].

Первое сообщение важно потому, что Ходженд или значительная его часть принадлежала Джучидам. Согласно Джувейни, в эпоху Угедея (1229–1241 гг.) там правил сын тюркского аристократа Тимур-Мелика, «которому Двором Бату были подарены все владения и все имущество его отца» [12: 62]. Второе сообщение проясняет дальнейший рассказ Джузджани о том, как в 50-е гг. XIII в. Берке представлял интересы мусульман Самарканда в их конфликте с христианами [22: 45–48; 82: 1287–1292]. Благодаря сообщению Вассафа известно, что в начале 60-х гг. население Бухары, подлежащее переписи, составляло 16 000 человек, из которых «5000 (человек) принадлежали (к улусу) Бату» [22: 164–165]. Вероятно, такая же ситуация наблюдалась и в Самарканде. То есть Берке представлял не просто интересы мусульман, но интересы джучидских подданных – в том, что владения Джучидов в Хорасане, Афганистане, Иране и Малой Азии были весьма многочисленны [40: 334–335].

Улус Тангута. Сведений о владениях Тангута в «коренном юрте» очень немного. В 1239 г. на обратном пути из Монголии от Угедея к нему заезжал Коргуз – джучидский наместник в Хорасане, который после этого через Хорезм проследовал в свои владения, где был встречен отцом Джувейни. Судя по географическим указателям, в 1239 г. Тангут находился где-то севернее Хорезма (возможно, в Северном Приаралье), так что, добравшись до него по северному пути из Монголии на запад, Кургуз должен был повернуть на юг. На первый взгляд, Джувейни показал затяжной конфликт, возник-

ший в 1236 г. после смерти джучидского наместника в Хорасане Чин-Тимура, между его сыном Эдгу-Тимуром и Шараф ад-Дином, с одной стороны, и Кургузом – с другой, как результат соперничества эмиров. Но в реальности в его тексте достаточно намеков на то, что за враждующими аристократами стояли джучидские царевичи. Он прямо называет Эдгу-Тимура и Шараф ад-Дина представителями Бату [12: 347, 352, 356]. Хотя Кургуз строил свою карьеру еще при Джучи в его ставке, Джувейни нигде напрямую не сообщает о том, кому из царевичей Джучидов он подчинялся впоследствии. В то же время он явно действовал не сам по себе, так как Угедей приложил немалые усилия, чтобы примирить две враждующие партии [12: 355]. В таком контексте сообщение о визите Кургуза к Тангуту может восприниматься как указание на его подчинение, а также на то, что за враждой двух групп эмиров в Хорасане стояла конкуренция Бату и Тангута.

Улус Бувала. Согласно «Джами' ат-таварих» и «Шуаб-и-панджгана» дед Ногая Бувал был седьмым сыном Джучи. В «Муиз ал-ансаб» уточняется, что его мать была наложницей [21: 43; 46: 75; 47: 86]. Однако Джувейни, как сказано выше, причисляет его к сыновьям Джучи, «достигшим возраста» на момент 1225 г., более того, называет его имя первым. Судя по всему, список Джувейни отражает реальную очерёдность рождения сыновей Джучи, а другие списки перечисляют их по статусу [60: 122–123]. То есть Бувал был старшим сыном Джучи от наложницы. Это лишало его права наследования престола. Но собственные владения в «левом крыле» он, безусловно, получил. Согласно тексту Бейбарса, после гибели Ногая хан Токта произвёл раздел его владений. По его результатам брат Токты Сарай-Буга был отправлен на Яик [18: 106]. Верность этой локализации подтверждается дальнейшими передвижениями Сарай-Буги. Вступив в сговор с сыном Ногая Тураем, он двинулся на запад с целью свергнуть Токту. По пути заговорщики пересекли Волгу. Следовательно, владения Ногая, которые занял Сарай-Буга, действительно находились в районе Яика [35: 165–177, 246–257]. Наличие у Ногая владений в этом регионе объясняется тем, что он как старший на тот момент из потомков Бувала имел право на его наследственный удел в «левом крыле». Стоит отметить, что В.П. Костюков называл яикские владения коренным улусом Ногая [24: 187].

Улус Тука-Тимура. Согласно Махмуду бен Вали, Бату выделил Тука-Тимуру полуостров Мангышлак, подтвердив таким образом решение Чингисхана [4: 56]. Также есть данные о локализации владений его потомков во второй половине XIV в. Согласно Натанзи, Тука-Тимурид Туй-Ходжа, отец Токтамыша был правителем Мангышлака [22: 258]. Ибн Халдун сообщает о том, что владения другого Тука-Тимурида Урус-

хана в этот период находились в «горах Хорезмских» [18: 276–277]. Известно, что речь идет о горной цепи Сийах-кух, проходящей по краю Устюртского плато [7: 44–45; 59: 227].

Реформа Бату и улус Шибана. Поход на запад 1236–1242 гг. резко изменил соотношение сил в среде сыновей Джучи. Это достаточно ясно передает историческая традиция, зафиксированная в трудах Утемиша-хаджи и Кырыми. Бату отправлялся на запад, получая во владение территорию от Яика до Дуная, т. н. правое крыло, которое ещё надо было завоевать. Судя по дальнейшей истории этого региона, он воспринимался как наследственное владение Батуидов. Вплоть до времен «великой замятни», за исключением Берке, не было ни одного случая, когда сарайский престол занимал представитель другой ветви Джучидов. Правление Берке также подтверждает эту закономерность. По сообщениям египетских послов, в 1263 г. его официальным наследником был «Темир сын Тогвана», т. е. Менгу-Тимур [18: 150–152]. Этот внук Бату действительно стал ханом сразу после смерти Берке в 1266 г. Р.Ю. Почекаев предположил, что на тот момент уже умерли отец Менгу-Тимура Тоган и его старший брат Тарбу. Приход же к власти Берке он рассматривает как промежуточный, на который согласились Джучиды при условии, что наследником будет признан Менгу-Тимур [41: 34–35]. На наш взгляд, это совершенно справедливое заключение. Берке как сын Джучи был избран ханом в связи с очень непростой для Джучидов политической ситуацией конца 50-х – начала 60-х гг. XIII в. В Монголии начиналась борьба за престол между Ариг-Бугой и Хубилаем. Золотую Орду должен был возглавлять старший Чингизид «ака» (которым на тот момент был Берке), чье слово имело вес на общеимперском курултае [36: 306–307]. Но Берке стал ханом с условием, что после его смерти власть в «правом крыле», вернётся к Батуидам.

Орду же возглавил не только собственный улус, но и все «левое крыло». Судя по ярлыку 1236 г., упомянутому в «Юань ши», где имя Орду стояло перед именем Бату, именно Угедей продвигал систему «соправительства», призванную ослабить военный потенциал Джучидов. Прекращение западного похода, хронологически совпавшее со смертью каана, произошедшей в конце 1241 г., привело к очередному изменению расклада политических и военных сил. Бату вернулся в Поволжье в 1243 г. Основной угрозой на тот момент для него была будущая интронизация сына Угедая Гуюка. Поэтому главе улуса Джучи необходимо было упрочить свой контроль над «левым крылом» [51: 503].

Бату достиг этой цели при помощи расширения сферы влияния другого сына – Джучи Шибана. Согласно Абу-л-Гази, вернувшись из западного похода, Бату реорганизовал управление «левым крылом».

Шибану для кочевки была выделена огромная территория от Яика и Уральских гор на северо-западе до нижнего течения Сырдарьи на юго-востоке, ограниченная реками Чу и Сарысу. При этом владения Шибана разделяли владения Бату и Орду. В «правом крыле» Шибан получил «область Корел» [1: 104]. Речь идет о том, что, хотя Орду и сохранил за собой статус главы «левого крыла», сфера его влияния была сильно урезана в пользу Шибана, подчинённого лично Бату.

Об этом же говорит и своеобразная внутренняя иерархия среди Джучидов «коренного юрта», возникшая в этот период. Рашид ад-Дин сообщает, что Орда возглавил половину войска вместе с четырьмя братьями Удуром, Тука-Тимуром, Шингкурором и Шингкумом, относившимися к царевичам левой руки [46: 66]. Более четко эта система соподчинения описана в «Нусрат-наме», где сообщается: «Среди этих [четырнадцати сыновей Джучи] от наложниц были рождены Тангут, Боал, Чимтай, Сонкур (Шингкур). Они следовали за Шибан-ханом. За Иченом следовали Мухаммад, Удур, Тука-Тимур, Сангум (Шингкум)» [30]. Таким образом, Шибан, как и Орду, возглавлял не только свои наследственные владения, но и улусы подчиненных ему Джучидов.

Содержание списков в целом совпадает с известной локализацией улусов отдельных Джучидов. Улус Бувала на левом берегу Яика входил в состав региона, который, согласно Абу-л-Гази, был подконтролен Шибану. Также указанные владения Тука-Тимура и его потомков (Мангышлак, Устюрт) географически соотносятся с Арало-Каспийской низменностью, где в 80-е гг. XIII в. кочевал Ордуид Кониичи.

Естественно, что подобное статусное усиление Шибана должно было сопровождаться ростом его военных возможностей. Об этом сообщает автор «Нусрат-наме». Согласно источнику, перед вторжением в Крым (1238 г.) Бату передал под командование Шибана четыре тумена войска. Их возглавляли кият Бурулдай, предок Али-бека из племени кунграт, Тайбуга из буркутов и Тукбуга из тюменей. После завершения похода эти четыре тумена были переданы ему в наследственное владение в качестве награды.

Далее сообщается о выдаче Шибану четырёх территориальных владений туменов: в горах – Джулат-Черкес (область на Кавказе), в степи – Кара-Улак (Валахия), в Крыму – Кыркйер (город), в Туркестане – Янгикент (город в низовьях Сырдарьи). Далее сообщается, что Шибану был также пожалован тумен Кюйдей, населенный представителями племени салджиут [29: 231, 242].

Приведённый список владений очень примечателен. Все четыре названных региона были оседлыми. Более того, в трех случаях (исключая Валахию) речь шла о развитых городских центрах. При этом как минимум два из этих владений Шибан получил не по «праву меча»,

т. е. не за их покорение. Он не принимал участия в боевых действиях на Кавказе. Янгикент же был захвачен ещё при Джучи.

Судя по всему, в этом пожаловании можно проследить связь между четырьмя войсковыми туменами и четырьмя туменами территориальными. Четыре войсковых тумена не составляли всего войска Шибана. Они были выданы ему в качестве награды, как дополнение к его основным силам в 1238 г. Источник специально подчеркивает: «Высказывание “у Шибан-хана много нукеров” пошло отсюда». И после этого за Шибаном были закреплены четыре тумена территориальных. Сам термин «тумен» многозначен. Им могла обозначаться войсковая или административная единица. В то же время известно, что туменом именовалась территориальная единица налогообложения оседлого региона. К примеру, в начале 60-х гг. XIV в. хан Навруз дал князю Андрею Константиновичу Нижегородскому «княжение великое 15 темь», т. е. туменов [10: 350]. В данном случае речь идёт о том, что помимо дополнительных войсковых туменов за Шибаном было закреплено право получения налоговых отчислений с конкретных оседлых территорий, вероятно, с целью снабжения этих подразделений.

Из описанной структуры пожалования явно выбивается тумен Кюйдей. Эта местность упоминается в текстах Утемиша-хаджи и Кырыми под названием Кюкедей-Йисбуга. Источники сообщают о подконтрольном Шибанидам регионе, в который Токтамыш бежал от Урус-хана. Судя по контексту, данная местность находилась где-то в Западной Сибири или Северном Казахстане [29: 242]. Кюкедей-Йисбуга описывается как «добрые, богатые травой и водой места», которые служили летовкой для хана Канбая, потомка Шибана [62: 57]. В варианте Кырыми: «На местности под названием Кукадай Йасбуга Канбай оглан сын Ильгана из рода Шибана при помощи своего народа и нукеров стал вали (правителем) в должности хана» [2: 63]. То есть эта местность описывается как политический центр Шибанидов, где Канбай (по другим источникам – хан Каганбек) был возведён на ханский престол. И она входила в состав региона, который, согласно Абу-л-Гази, Шибан стал контролировать по воле Бату. Вероятнее всего, тумен Кюйдей – это наследственное владение Шибана, полученное им в 1225 г. после смерти Джучи. После западного похода Бату просто подтвердил право своего брата на владение им. Таким же образом он подтвердил права Орду на его наследственные владения на Иртыше и в районе Каялыка (согласно Абу-л-Гази) и права Берке на низовья Сырдарьи и другие мусульманские регионы улуса Джучи, исключая Хорезм (согласно Джузджани).

Владения Джучидов в «правом крыле». Отдельные Джучиды по воле Бату и его преемников получали владения в «правом крыле».

Судя по дошедшим до нас свидетельствам, это не обязательно были регионы, с которых они получали выплаты, как в случае с описанными выше туменами Шибана.

Владения Шибана в «стране Корел». Согласно Утемишу-хаджи, Шибан после захвата Крыма покорил «вилаят Курел», сделал его своей столицей и там умер. Автор уточняет, что Шейх-Ахмед, побывавший там в плену (в начале XVI в.), вернувшись, утверждал, что «какие омаки есть в злях в нашем узбекском народе, все они есть и там: ушли вместе с Шейбан-ханом и там остались» [62: 33]. Кырыми, также со ссылкой на Шейх-Ахмеда, соотносит завоёванный Шибаном Курел с Польшей, где он якобы основал столицу и стал родоначальником впоследствии свергнутой династии польских королей [2: 45]. Согласно Абу-л-Гази, Шибан получил область Корел от Бату в качестве награды за успешные боевые действия при её завоевании. Шибан не остался в ней, так как основные его владения располагались между улусами Бату и Орду. Но «Шибан-хан послал в область Корел одного из своих сыновей, дав ему хороших беков и людей. Этот юрт постоянно оставался во власти сыновей Шибан-хановых; говорят, что и в настоящее время государи Корельские – потомки Шибан-хановы» [1: 160].

Возникает вопрос, что конкретно источники понимают под областью Корел? С одной стороны, хорошо известно, что «Корол» в монгольской политической географии XIII в. – это название Венгрии, а точнее, владений венгерского короля [77: 140–143]. Это подтверждает описание Абу-л-Гази. С другой стороны, в описаниях Утемиша-хаджи и Кырыми речь явно идёт о Подолии.

Предпочтение стоит отдать первому варианту. Во-первых, сведения Утемиша-хаджи и Кырыми в значительной степени неисторичны. Шибан явно не основывал на западе никакой «столицы». В 1246 г. Плано Карпини однозначно размещает его основные владения на востоке улуса Джучи. Погиб он также в этом регионе, ко крайней мере, если верить сообщению Рубрука. Во-вторых (и это основная причина), данные двух этих традиций явно восходят к одному источнику, причем исходный вариант гораздо лучше сохранился у более позднего Абу-л-Гази.

Он описывает действия Шибана так: 1) во время похода армия Бату дошла до Москвы; 2) там её встретило объединённое войско «государей Корелы, немцев и Руси»; 3) во время штурма укрепленного лагеря противника Шибан во главе шеститысячного отряда ударил в тыл и ворвался в укрепления, которые состояли из телег, скованных цепями. Цепи были перерублены, а телеги уничтожены; 4) рассказ о пожалованиях Бату своим братьям, где в том числе говорится о владениях Шибана в «области Корел» [1: 160]. В традиции

Утемиша-хаджи и Кырыми события в целом описываются также. В то же время, в ней после взятия Москвы сообщается о действиях Шибана в Крыму, а затем о его покорении стран «Улак и Курел» [2: 45; 62: 31–33].

Основным анахронизмом и в то же время значимой деталью, позволяющей понять происхождение этой письменной традиции, является появление в текстах огромного города Москвы, сражение за который стало чуть ли не основным событием всей войны. Очевидно, что Москва в 30-е гг. XIII в. не соответствовала такому описанию. Судя по всему, обе традиции, упоминающие «страну Корел», восходят к какому-то джучидскому источнику, описывавшему героические действия Шибана во время западного похода. И этот источник был очень близок к текстам Джувейни и Рашид ад-Дина.

Рашид ад-Дин ошибочно разместил рассказ о войне против «буларов и башгирдов» в самом начале описания им западного похода, отнеся его к 1236 г. [46: 37]. У Джувейни все описание западного похода изложено в двух параграфах: «О завоевании Булгара и земель Ясов и Русов» и «О конниках келеров и башгирдов». Автор описывает эти события так: 1) захвачен Булгар; 2) «оттуда они направились в землю русов, и захватили всю ту страну до самого города “Мкс”, жители которого были так же многочисленны»; 3) описывается штурм города; 4) Бату решил приступить к истреблению келеров и башгирдов, которые... граничат с землёй франков; 5) описывается решающее сражение с келерами, в котором Шибан, руководя туменом, отделился от основной армии Бату и нанёс внезапный удар по лагерю короля: «...одновременно Сибакан перешел в наступление со всеми своим и полками; и они бросились на их королевские шатры и перерезали верёвки своим и саблями. И когда монголы опрокинули их шатры, войско келеров дрогнуло и обратилось в бегство» [12: 184–186]. Ещё В. Минорский доказал, что «Мкс» – это хорошо известный по другим источникам город Магас, столица кавказских алан. Он же отметил, что описание Джувейни локализации Магаса крайне путанно, что, вероятно, связано с сокращением текста [75: 222–223].

Действительно, если читать описание Джувейни не зная исторического контекста, создаётся ощущение, что населённый многочисленными жителями и окружённый непроходимыми лесами город «Мкс» находился на Руси и что сразу за ним располагались земли келеров и франков. Именно так на его месте возникла «Москва» в поздней джучидской традиции. В наиболее полном, хотя уже и деформированном виде содержание источника отразилось у позднего Абу-л-Гази. Коалиция «государей Корелы, немцев и Руси» возникла в тексте потому, что у Джувейни сразу после покорения города «Мкс»

сообщается о войне с келерами, которые граничат с франками. И главное, текст Абу-л-Гази сохранил воспоминание об основном подвиге Шибана – захвате венгерского укрепленного лагеря. Правда, перерубленные канаты, державшие королевский шатёр, падение которого полностью деморализовало венгров, превратились в перерубленные цепи, связывавшие повозки, из которых состояло укрепление. Но в целом в рассказе Абу-л-Гази ещё можно узнать описание Джувейни битвы с венграми при Шайо 11 апреля 1241 г. Описание в традиции Утемиша-хаджи и Кырыми более деформировано, видимо по причине длительного бытования сюжета в устной форме.

Известно, что Абу-л-Гази пользовался трудом Рашид ад-Дина. Однако в «Джами' ат-таварих» взятие Магаса ясно описано как операция на Кавказе против алан. Поэтому на основе этого текста принять «Мкс» за Москву было просто невозможно. С другой стороны, нет никаких свидетельств того, что Абу-л-Гази или Утемиш-хаджи были знакомы с трудом Джувейни. Поэтому остаётся предположить существование какого-то самостоятельного источника, описывавшего героические действия Шибана во время западного похода. Для данной темы важно то, что в нем под страной Корел понималась именно Венгрия. Об этом говорит и указание более раннего Утемиша-хаджи о том, что перед завоеванием этого региона Шибану пришлось покорить «вилаят Улак», т. е. Валахию.

Конечно, и это сообщение нельзя понимать буквально. Шибаниды никогда не правили в Венгрии, а о их фактическом присутствии на западе улуса Джучи в XIII в. нет никаких данных, при том что политические события в этом регионе в указанный период освящены источниками гораздо лучше, чем на востоке. Тем не менее его содержание позволяет предположить изначальный смысл традиции, которую интерпретировал Абу-л-Гази. В рамках монгольской доктрины всемирного господства все политии делились на три категории: покорившиеся (вошедшие в состав империи), взбунтовавшиеся (независимые и не признающие власть каана), повторно взбунтовавшиеся (покорённые, но вышедшие из подчинения). Венгрия, безусловно, относилась к третьей категории. Об этом прямо пишет Рашид ад-Дин: «Несмотря на то, что [монголы] тогда завоевали её, [жители её] снова восстали, и она ещё не вполне покорена. Государей тамошних называют келар, и они существуют ещё доныне» [46: 37]. По всей видимости, герой западного похода Шибан получил от Бату Венгрию в качестве потенциального ещё «не вполне покорённого» юрта и в этом качестве завещал её своему сыну.

Владения Берке на Кавказе. Согласно «Юань ши», летом 1252 г. Менгу наделил некоторых царевичей владениями. Берке получил в удел

Грузию [65: 187–188; 68: 20]. Также в отчёте Рубрука есть указание на то, что пастбища Берке располагались «в направлении к Железным Воротам», т. е. где-то в районе Дербента. Через его владения к Бату проходили мусульманские посольства из «Персии и Турции», передавая Берке дары. Согласно Рубруку, при возвращении из Монголии на запад, т. е. осенью 1254 г., он узнал, что Бату, недовольный контактами Берке с мусульманскими послами, отправил его с Кавказа куда-то за Волгу [43: 117].

Это сообщение обычно воспринимается как свидетельство крайней изменчивости границ юртов Чингизидов, которые то наделялись отдельными владениями, то лишались их по воле хана. В действительности обретение Берке этих владений и их последующая быстрая потеря были скорее исключением, связанным с динамикой политической ситуации в рамках Монгольской империи.

В районе 1253 г. каан Менгу решил коренным образом пересмотреть свои договорённости с Джучидами о роли сторон в будущем вторжении в Иран и Ирак, которые были достигнуты на курултае шло в разрез с 1251 г. в Монголии. Бату на переговорах представляли его братья Берке и Тука-Тимур. Согласно «Юань ши», летом 1253 г. Бату прислал к Менгу посольство с требованием приобрести во владениях каана жемчуг и серебро на государственные средства. Менгу отказал, причём в достаточно оскорбительной форме [65: 191]. Источник описывает требования Бату как противоправные. Но очень сложно поверить в то, что они не были озвучены без предварительных договорённостей, заключённых через Берке на курултае. Речь шла именно о грубом нарушении Менгу своих обязательств. В том же 1253 г. «Юань ши» сообщает об имперской переписи населения на Руси [65: 190]. Это решение имело ярко выраженный антиджучидский характер и означало вторжение великого каана в сферу интересов Бату. Но судя по молчанию русских летописей, в этот раз перепись не состоялась.

В связи с этим политическим разворотом удаление Берке с Кавказа должно рассматриваться как результат новых договорённостей между Бату и Менгу. Об этом свидетельствует сообщение Рубрука о том, что, когда он проезжал через Кавказ в 1254 г., там, в предгорьях, располагались силы Сартака. По всей видимости, сын Бату сменил Берке в роли основного представителя Джучидов в будущем походе [25: 69–89; 26: 279–282].

Владения Тука-Тимура. Согласно Махмуду бен Вали, по результатам западного похода Тука-Тимур получил от Бату область асов и Хаджи-Тархан (Астрахань). Его сын Уз-Тимур (Уран-Тимур) получил от хана Менгу-Тимура Крым и Кафу [3: 56, 58]. Выделение ему владений в Крыму подтверждает Абу-л-Гази [1: 99–100]. Существует три вари-

анта локализации области Асов: аланы Северного Кавказа, Яссы (Туркестан), область Ас в Крыму [52: 258]. О судьбе тука-тимуридских владений в Крыму см. [8: 20–26].

Владения Ногай. Большинство владений Джучидов в «правом крыле» не сыграло значительной роли в истории Золотой Орды. Этого нельзя сказать об улусе Ногай с центром в городе Исакчи. Этот внук Бувала на протяжении тридцати лет контролировал степные территории от Днепра до Дуная. Могущество этого человека и степень его влияния на политическую жизнь Золотой Орды породили представление о том, что его владения на западе являлись наследственными и были получены ещё его дедом Бувалом [16: 315; 31: 147; 41: 156; 42: 75; 55: 59].

Однако эта точка зрения не опирается на какие-то конкретные сообщения источников. По сообщениям ал-Айни и Моисея бен Авраама, Бувал принимал участие в западном походе [18: 350; 79: 254–255]. Но другие источники не подтверждают этого. Нет каких-либо сообщений о военных достижениях Бувала, которые могли бы объяснить, почему он наряду с героем западного похода Шибаном получил земли на западе.

Как было показано, Бувал получил свой улус на левом берегу Яика после смерти Джучи в 1225 г. Вероятно, именно оттуда его сын Татар вместе с Шибанидом Балаканом был отправлен Бату в Иран в первой половине 50-х гг. Переброска туда джучидских туменов была связана с обострением отношений между Бату и кааном Менгу по поводу раздела территорий Ирана и Ирака, которые еще предстояло завоевать [78: 173–174]. Согласно «Истории Герата», тумены Балакана и Татара находились в Хорасане при жизни Бату до того, как армия Хулагу пересекла Амударью [11: 67–68; 17: 106–114]. Ал-Умари говорит о том, что Хулагу не мог начать вторжение до конца 1255 г. потому, что Бату не позволял ему сделать этого [18: 182–183; 74: 102].

Судя по всему, изначально в Иран для сдерживания армии Хулагу были переброшены только тумены Шибанида Балакана и Бувалида Татара. Джувейни, говоря о Джучидах, которые «шли впереди» Хулагу, и тем самым, хотя и завуалированно, указывая на то, что они оказались в Иране раньше него, называет только Балакана и Татара. Эти же два имени он приводит, описывая действия монголов под Аламутом [12: 443]. В конфликте с Шамс ад-Дином Мухаммадом Картом по поводу выплат с Герата, вспыхнувшем в 1255 г., еще перед вторжением Хулагу, также участвовали только Балакан и Татар. Кули первым из царевичей упомянут Рашид ад-Дином в 1256 г., когда войско Хулагу уже стояло под Хамаданом [46: 33]. Вероятно, он прибыл в Иран уже после смерти Бату с санкции Менгу. Это важная деталь позволяет

заклучить, что изначально владения в этом регионе должны были получить именно царевичи из «коренного юрта», подчиненные Бату, – потомки Шибана и Бувала.

Зимой 1261–1262 г. Хулагу получил ярлык от каана Хубилая на наследственное владение всеми покорёнными территориями от Амударьи до Египта. Не приняв условия этого ярлыка, царевичи Джучиды были казнены представителями Хубилая, а их войска вместе с семьями уничтожены подразделениями, подчиненными Хулагу [36: 317–325]. Благодаря описаниям этих событий в кавказских источниках можно установить, где в это время располагались владения Татара. Григорий Акнерци сообщает, что после уничтожения джучидских войск два вождя – Нуха-коун и Аратамур – с двенадцатью тысячами всадников пересекли Куру и ушли в Золотую Орду, после чего на протяжении десяти лет вели войну с Хулагуидами [34: 106; 69: 339]. Исследователи уже отмечали, что Нуха-коун – это Ногай [60: 124]. Действительно, полностью совпадает не только имя человека (монг. Нуха – тюрк. Ногай), но и его роль в дальнейшем конфликте.

Подробно прорыв корпуса Ар-Темур описывает грузинский анонимный «Хронограф» XIV в. Во-первых, источник указывает, что «сыновья каэнов», т. е. Чингизиды, обозначаются словом «коун» [23: 359]. Это проясняет уточнение Григория Акнерци, называвшего так только Ногая. По всей видимости, Ар-Темур Чингизидом не являлся. Во-вторых, «Хронограф» сообщает, что корпус Ар-Темур «вместе со своими домочадцами и скарбом» вынужден был с боями прорываться из «Греции», т. е. из расположенного в Малой Азии Румского султаната [23: 372–373]. Хотя Ногай здесь и не упоминается, сопоставление сообщений Акнерци и «Хронографа» позволяет заключить, что он выжил и сумел вернуться в Золотую Орду, потому что представлял власть своего отца Татара в Руме. При этом, видимо, в силу его юного возраста реальное руководство войсками осуществлял Ар-Темур.

Пребывание Ногая в Румском султанате до начала 60-х гг. XIII проясняет его последующий переход в Приднестровье. Как минимум до середины 60-х гг. он находился на Кавказе играя значительную роль в войне Золотой Орды с Хулагуидским Ираном [18: 115, 123; 46: 59–60].

Конкретное время перехода Ногая на запад можно установить лишь условно – начало 70-х гг. В 669 г. х. (август 1270 – август 1271 г.) египетский султан ал-Малик аз-Захир Байбарс получил послание от Ногая. В нем он извещал султана о том, что принял ислам и готов к сотрудничеству с ним на том же уровне, который существовал в правление Берке [18: 91–92]. Это письмо, написанное во время или сразу после заключения мира между Золотой Ордой и Хулагуидским Ираном в 1270 г., иногда интерпретируется как проявление

сепаратизма джучидского принца по отношению к Менгу-Тимуру. Поэтому переход Ногай с Кавказа на территорию между Днестром и Дунаем воспринимается как ссылка или же как попытка найти внешнеполитическую опору для усиления своих позиций в Золотой Орде [42: 74–75; 70: 59]. В действительности для такого вывода нет достаточных оснований. Спустя год, в 1271/72 г. в Египет было отправлено посольство от Менгу-Тимура, причём, согласно ал-Муфаддалу, основной его целью была организация военных действий против Ильханата [18: 152–153].

То есть Ногай, только переместившись на запад Золотой Орды, в первую очередь завязал дипломатические отношения с египетским султаном. Причем действовал он в русле внешней политики Менгу-Тимура. В начале 70-х гг. XIII в. Ногай начинает активные действия на Балканах. Пахимер сообщает, что племянник Михаила Палеолога Андроник Тарханиот, породнившийся с деспотом Фессалии и получивший от императора достоинство Севастократора, восстал и пригласил на помощь монголов, которые совершили опустошительный набег на пограничные регионы [9: 297–299]. Синхронность таких действий, как письмо Ногай в Египет, посольство Менгу-Тимура в Египет, перехваченное пиратами, и вторжение в Византию, свидетельствует о том, что его появление на западе было элементом общегосударственной политики. В 1273 или 1274 г. Михаил Палеолог заключил с Ногаем союз, отдав ему в жёны свою незаконнорожденную дочь. Пахимер называет её Ефросиньей, тогда как, согласно Никифору Григоре, её звали Ирина [9: 165, 319; 32: 120]. Союз, скреплённый родством Ногай и императора, был невыгоден прежде всего для Болгарии [60: 140–141].

Судя по всему, появление Ногай в Приднестровье было частью большой политической стратегии Менгу-Тимура, направленной против Ильханата. В 1270 г. этот джучидский хан заключил мир с ильханом Абагой [44: 78]. Конечно, он не был прочным. Как и большинство мирных соглашений между чингисидскими улусами, он был заключён из ситуативных политических соображений. В данном случае свою роль сыграли дипломатические усилия каана Хубилая и резкое усиление Чагатаида Борака, ставшее опасным для позиций Золотой Орды в Мавераннахре. Но в контексте этого мирного договора уход с Кавказа опытного, знающего регион и заинтересованного в конфликте по личным мотивам Ногай (месть за отца) был вполне естественным шагом, демонстрирующим реальное миролюбие главы улуса Джучи.

Переписка с египетским султаном означала для Ногай включение в сложную систему дипломатических, военно-политических и эконо-

мических отношений между Золотой Ордой и Мамлюкским Египтом. Связь между его перемещением к границе с Византией и дружественным контактом с султаном очевидна. Византия была государством, лояльность которого обеспечивала свободный и быстрый обмен посольствами между Каиром и ставкой Берке. К тому же для Египта был жизненно необходим надёжный канал поставки юношей-рабов из Дешт-и-Кыпчака, которые являлись основой военного могущества мамлюков [63: 102]. О важности поставок кыпчакских рабов для пополнения войска мамлюков прямо сообщает Пахимер [9: 161–163]. В свою очередь, для Золотой Орды Египет был важен как источник оружия и военных специалистов [27: 81].

Но была и другая причина перевода Ногая на границу с Византией. Ранее он находился в Малой Азии и именно поэтому стал единственным Джучидом, которому удалось вернуться в Золотую Орду. Возможно, Ногай мог претендовать на эти территории как сын убитого Татара. Идея задействовать Румский султанат в борьбе с Ильханами серьёзно обсуждалась между Египтом и Золотой Ордой еще при Берке. В его письме в Египет от 1263 г. джучидский хан предлагал организовать тройной удар по позициям Хулагу: Берке – через Кавказ, Бейбарс – с запада, сельджукский султан Изз ад-Дину Кай-Кавус – при помощи египетских и джучидских войск в Малой Азии [18: 71–72; 63: 110; 36: 370–371]. Этот план так и не был осуществлён из-за позиции византийского императора и успешной дипломатической деятельности Хулагу. Опасаясь иранских монголов, Михаил Палеолог арестовал султана Изз ад-Дина с его окружением, который в изгнании находился на территории Византии. Также было задержано и разграблено египетское посольство, переправлявшее в Золотую Орду огромную партию дорогостоящего оружия. Фактически Михаил Палеолог заблокировал коммуникации между улусом Джучи и Египтом. Берке пришлось организовывать вторжение в Византию в 1264 г. с целью освобождения султана Изз ад-Дина и послов Бейбарса. Вторжение было успешным, но план комбинированного удара по Ильханату так и не был реализован [36: 360–378].

Судя по действиям Ногая на западе в первой половине 70-х гг., Менгу-Тимур с его помощью пытался подготовить плацдарм для реализации той же военно-политической стратегии. На этот раз прежние ошибки были учтены. Ногай сначала оказал военное давление на Византию, взял под контроль Болгарию, а затем заключил династический союз с Михаилом Палеологом.

Здесь мы не будем углубляться в вопрос о том, почему Менгу-Тимуру так и не удалось реализовать этот план. Важно, что в этот период Приднестровье не было юртом Ногая. Он пребывал там как

глава армии, готовящейся к будущему вторжению. Видимо, его статус был близок к положению Берке и Сартака на Кавказе в 50-е гг. Все изменилось со смертью хана Менгу-Тимура в 1280 г. В Золотой Орде начался длительный период политической нестабильности, которым Ногай сумел воспользоваться. Все 80-е гг. он расширял сферу своего влияния. Его могущество стало значительным фактором во внутренней политике улуса Джучи. Но в то же время он мог сохранять такое своё положение только при условии слабой власти законного хана. Поэтому как только Токта в середине 90-х гг. окончательно укрепил свою власть, Ногай стал терять политические и военные позиции и в конечном итоге потерпел поражение. Рашид ад-Дин прямо указывает на сомнительный правовой статус его владений на западе: «... он выступил из областей Урус и Валах, которые он сам завоевал и сделал [своим] юртом» [80: 363].

«Левое крыло» в правление Берке. Сведений об истории этого региона в принципе очень немного. Интересную информацию по данному вопросу содержит список золотоордынской аристократии, поддержавшей хана Берке и принявшей ислам, который в составе ханского письма попал в Египет в 1263 г.: «наши старшие и младшие братья со своими детьми, сыновья Будакура со своими чадами и домочадцами, Пулад-Кукаджасу, Йаншунука и находящиеся на землях их Кудагу, Караджар, Танушбуга, Ширамун, Бузбаку, Менгкадар со своими ратями и слугами, Беккадак-Байнал, Тукузогул, Кутлугтимур, Аджи со своими детьми, Дурбай и десяти тысячный отряд, который двинулся для набега на Хорасан, да все те, которые отправились вместе с Байджу, например, Байнал-Нойон и Айкаку» [18: 88–89].

Ж.М. Сабитовым была предложена система идентификации имен из списка. Будакур – Буда, единоутробный брат Берке. Пулад-Кукаджасу (Кукаджур) и Йаншунука – Кукаджи и Йису-Бука, сыновья другого единоутробного брата Берке (Беркечара). «Находящиеся на землях их Кудагу, Караджар, Танушбука, Ширамун, Бузбаку» – это Джучиды, относящиеся к «левому крылу»: шестой сын Орду Кутуку, единственный сын Удура Карачар, второй сын Шингура Ширамун. Точная идентификация Танушбуки и Бузбаку затруднительна. «Менгкадар со своими ратями и слугами» – это второй сын Бувала и дядя Ногай Мингкадар. Беккадак-Байнал – это два сына Шибана Кадак и Байнал. Тукузогул – это второй сын Тангута Токуз [49: 46–63].

Эта система вполне правомерна, но нуждается в некоторых уточнениях и комментариях. О младшем брате Берке Буда (точнее, Бора) не известно практически ничего. Поэтому, по всей видимости, имя в тексте могло изначально читаться как Буракур, и речь шла о самом Беркечаре, после которого были упомянуты имена его сыновей. Также

заметно, что текст – это не просто перечисление имен. Несмотря на сложности, связанные с тем, что нам доступен сокращенный перевод оригинала на арабский, причем, судя по всему, перевод не самый качественный, все же ясно, что в нем в определенной географической или политической последовательности описываются лидеры групп, лояльные Берке.

Особенно заметным этот принцип становится к концу текста. «Те, которые отправились вместе с Байджу, например, Байнал-Нойон и Айкаку», – это остатки корпуса Байджу, видимо, пробившиеся на территорию Золотой Орды вместе с Ногаем и Ала-Темуром. О том, что Байджу был именно джучидским нойоном см. в [11: 65–66; 25: 216; 36: 267–271; 73: 60–62]. Байнал, как и Байджу, подчинялись Джучи ещё во время монголо-хорезмийской войны [37: 302–303; 39: 239].

«Дурбай и десятитысячный отряд, который двинулся для набега на Хорасан», – это, по всей видимости, Дурбай-нойон или Дорбо-Докшин, который участвовал в покорении туматов в 1217 г., т. е. находился под командованием Джучи, а во время монголо-хорезмийской войны был отправлен в погоню за Джалал ад-Дином [40: 334; 45: 177–179; 65: 155, 226; 80: 226–228]. Хотя русский перевод создаёт ощущение того, что речь идет о рейде, совершившемся недавно, на самом деле содержание арабского текста позволяет понять это сообщение как указание на джучидский тумен, участвовавший в покорении Хорасана монголами. Кто такой «Аджи со своими детьми», не вполне понятно, но речь опять же идёт о семье или клане. Указание на принятие ислама Мингкадаром «со своими ратями и слугами» говорит о крайне высоком положении Бувалидов в этот период.

Итак, список перечисляет глав джучидских семей «левого крыла». О том, что речь идёт не о всех Джучидах, поддерживавших Берке, ясно говорит отсутствие в нём Ногая, который в это время возглавлял войска на Кавказе. Это вполне логично, так как главой Бувалидов после смерти Татара стал его младший брат Мингкадар. Выражение «находящиеся на землях их» относится ко всем Джучидам «левого крыла», упомянутым после Беркечара и его детей. Судя по всему, в правление Берке «коренной юрт» возглавили его единоутробный брат и племянники. Выше уже указывалось, что правление Берке было кризисным. В условиях тяжелейшей войны с Хулагу и Чагатидом Алгуем объединение «левого крыла» под руководством Беркечара было вполне логичным шагом. Вероятно, именно тогда центр «левого крыла» переместился из владений Орду в регион нижнего течения Сырдарьи – наследственные владения Берке и Беркечара.

Следующим за Беркечаром и его детьми назван шестой сын Орду – Кутуку. Прямых сообщений о том, что он возглавлял улус, нет. Когда

умер не оставивший сыновей Кункыран, неизвестно. В 1266 г., т. е. с приходом к власти Менгу-Тимура, главой улуса Орду был уже Коничи. Тем не менее в труде Рашид ад-Дина есть два сообщения, которые подтверждают факт правления Кутуку в улусе Орду. Описывая войну между Ордуидами в начале XIV в., Рашид ад-Дин говорит, что основным конкурентом сына Коничи Байана на лидерство в улусе был внук Кутуку – Кублук. Согласно источнику, «сын Тимур-Буки, сына Кутуку, заявил такое притязание: “Прежде ведал улусом мой отец, и он [улус] по наследству переходит ко мне”» [46: 67–68]. Тимур-Бука нигде не фигурирует как глава улуса Орду. Поэтому, скорее всего, речь идёт о деде Кублука Кутуку. По мнению К. Ускенбая в сообщении Рашид ад-Дина о том, что «Алгу посылал гонцов, а когда узнал, что Кайду и Кутуку находятся на стороне Ариг-Буки, несколько раз нападал на них и отгонял [их]», речь также идёт о шестом сыне Орду [46: 67–68; 61: 127].

Далее идут главы других джучидских семей «левого крыла», подчиненных Ордуидам. Примечательно, что и Мингкадар, и два сына Шибана – Кадак и Байнал, по логике сообщения, тоже находились в землях Беркечара и его сыновей. Судя по всему, в период кризиса и серьёзных военных угроз первой половины 60-х гг. Шибаниды временно утратили свой статус улуса, подчинённого напрямую Батуидам и были возвращены в управленческую структуру «левого крыла». Об этом косвенно свидетельствует сообщение Абу-л-Гази: «По смерти Берке-хана сделался ханом Менгу-Тимур-хан и занялся управлением народа в своём уделе; в отношении родственников своих, как старших, так и младших в роде, он действовал согласно распоряжениям Бату-хана, а потому владение в Белой Орде отдал он Багадур-хану, сыну Шибан-ханову» [1: 99]. В.В. Трепавлов справедливо отметил, что так как Абу-л-Гази сообщает только об одном указе Бату касательно владений Шибана, здесь речь идёт о том, что этот хан подтвердил его власть над территорией от Яика и Уральских гор до низовьев Сырдарьи [56: 92]. Но почему Абу-л-Гази умалчивает о статусе этих владений при Берке? Вероятно, потому, что шибанидская историография постаралась забыть факт временного возвращения их улуса в управленческую структуру «левого крыла».

История «левого крыла» в сочинении «Мунтахаб ат-теварих-и-Муини». Свидетельство того, что Беркечар был главой «левого крыла» и передал этот статус своим потомкам, содержатся в труде «Мунтахаб ат-теварих-и-Муини» Муин ад Дина Натанзи, который был составлен в 1413–1414 гг. в Исфахане для внука Тимура Искендера.

Согласно Натанзи, после поражения Ногая улус Джучи разделился на две части. В «правом крыле» (Кок-Орда) стали править потомки

Токты. В «левом крыле» (Ак-Орда) правили потомки Ногая. Согласно Натанзи, первым ханом Ак-Орды был сын Ногая Сасы-Бука. Он правил при сыне Токты Тогрул-хане и Узбеке и умер в 720 г. х. Преемником Сасы-Буки Узбек назначил его сына Эрзена, который правил двадцать пять лет и умер в 745 г. х. После смерти Эрзена правителем стал его сын Мубарак-ходжа. При нем произошла смута, он бежал и погиб. После него Джанибек назначил правителем другого сына Эрзена – Чимтая. В его правление началась смута в «правом крыле» улуса Джучи. Элита Кок Орды пригласила его на престол Сарая. Но Чимтай отказался и послал на запад своего брата Орда-шейха. Спустя год Орда-шейх был убит. Его место занял сын Сасы-Буки Хызр-оглан. Через год Хызр-оглан также был убит. Престол занял Хальфай – ещё один сын Сасы-Буки. Спустя девять лет Хальфай также был убит. На престол взошёл сын Орда-шейха Тимур-ходжа, который правил два года. После его убийства править стал его брат Мюрид. Он царствовал в течение трех лет, после чего правителем стал сын Тимур-ходжи Азиз-хан. Он правил три года, а затем был убит. За ним на престол взошёл сын Эрзена Хаджи-хан. Он правил недолго и в 765 г. х. был убит. После него престол Сарая занял Урус, сын Чимтая [22: 251–262]. Эта генеалогия Натанзи оказала влияние на труды Гаффари, Хайдера Рази и османское историческое сочинение XVII в. «Мунаджжим-баши» [24: 196].

Рассказ Натанзи породил одну из самых длительных и масштабных дискуссий в историографии, посвящённых улусу Джучи, за все время ее существования. Обсуждение ведётся вокруг двух вопросов. Во-первых, согласно Натанзи, Урус-хан, родоначальник казахских Чинигизидов, являлся потомком Орду. Из-этого следует, что Ордуиды сохранили своё лидерство в «левом крыле» на протяжении всего XIV в. В то же время ряд невзаимных источников относят Урус-хана к потомкам Тука-Тимура [1: 102; 4: 62; 14: 41–42; 21: 44; 62: 113]. Второй проблемой является локализация «Ак-Орды» и «Кок-Орды» и то, какой смысл вкладывали средневековые авторы в эти понятия. Большинство источников связывают «Кок-Орду» с восточными владениями Джучидов, а не с западными, как это делает Натанзи. К тому же нет никаких сведений о правлении потомков Ногая на востоке. Полный обзор мнений по этой теме см. в [28: 122–137].

Как оказалось, источником противоречий стали ошибки самого Натанзи, допущенные им при составлении своего труда. Х. Нагамине опубликован перевод на русский язык извлечений из двух источников, крайне важных для этой темы: 1) джадвал (таблица [династии]) «Кок Орды» и «Ак Орды» в парижской рукописи «Мунтахаб ат-таварих-и Муни-и-Муни», которая не была включена в издание Жана Обена; 2) раздел по истории Улуса Джучи в рукописи Топкапы [76: 32, 35].

Отличительной особенностью обоих текстов является то, что тер-мины «Ак-Орда» и «Кок-Орда» определены совершенно правильно. Ак-Орда – западные владения, Кок-Орда – восточные. Существование письменной традиции в рамках «Мунтахаб ат-таварих-и Муини-и-Муини», располагающей Ак-Орду на западе, а Кок-Орду на востоке, позволяет заключить, что и джадвал и раздел по истории Улуса Джучи в рукописи Топкапы первичны по отношению к основному тексту Натанзи. Первоначально автору была доступна правильная версия, а ошибка возникла при составлении труда [54: 89].

Источник так описывает правителей Ак-Орды и Кок-орды:

Ак-Орда	Кок-Орда
Бату, сын Джучи	Орду, сын Джучи
Берке, сын Джучи	Беркечар, сын Джучи
Менгу-Тимур, сын Джучи	Курмыши, сын Орду
Туда Менгу, сын Тукана (сына Бату)	Нукай (Тукай), сын Беркечара
Токта, сын Бату	Сасы-Бука, сын Сары-Буки
Тогрул, сын Токты	Мухаммед (Мубарак) ходжа, сын Иразана
Узбек, сын Тогрула	Чимбай, сын Иразана.
Джанибек, сын Узбека	Урус, сын Чимбая [76: 37]
Бердибек, сын Джанибека	

Ж.М. Сабитов справедливо отождествил Нукаю (Тукаю) из списка с сыном Беркечара Йису-Букой, а сменившего его Сары-Буку – с сыном Йису-Буки Сарай-Букой. Автор отметил, что в восточной части улуса Джучи Беркечар и его потомки определенное время играли значительную политическую роль [54: 89].

К сказанному надо добавить несколько моментов. Во-первых, судя по всему, Натанзи была доступна достаточно подробная генеалогическая таблица, содержавшая списки Батуидов – правителей Ак-Орды, и назначенных ими глав «левого крыла» (Кок-Орды). Именно она стала источником для формирования этой части его текста. О правлении Сасы-Буки и Эрзена Натанзи практически ничего не знает. Рассказ о них в самом труде – это изложенное единым текстом содержание джадвала: время правления, год смерти, место захоронения и т. д. Какие-то политические подробности приводят только при описании действий Мубарак-ходжи.

Во-вторых, в источнике перечислялись именно главы «левого крыла», а не ханы улуса Орду. В списке отсутствуют Кункыран, Кутуку, Кониичи, Байан, Мангутай – лидеры Ордуидов, хорошо известные по другим источникам. Список – это не описание династии, правящей в Кок-Орде. Таковым повествование стало тогда, когда Натанзи попытался изложить связную нарративную историю «левого крыла».

В-третьих, источник, несмотря на определенные ошибки и путаницу, является вполне историчным и проливает свет на многие неясные аспекты истории «коренного юрта» Джучидов. Орду действительно был главой «левого крыла» вплоть до своей смерти, несмотря на серьёзное урезание сферы его влияния в пользу Шибана. После его смерти статусы главы «левого крыла» и «улуса Орду» разделились. Главой улуса стал Кункыран, тогда как «левое крыло» возглавил другой сын Орду – Курмыши. Здесь источник путает последовательность Джучидов, называя следующим после Орду Беркечара. Факт того, что Курмыши был назначенным по воле сарайского хана (видимо, Бату), объясняет то, почему он представлял улус Джучи на курултае 1260 г. в Монголии, на котором кааном был избран Ариг-Буга. Согласно Рашид ад-Дину, от Джучидов на курултае присутствовали сын Орду Курумши и некий Карачар. Из дальнейшего описания становится ясно, что последний был сыном Удура [80, 427–428]. То, что Курмыши сопровождал потомок Удура, косвенно подтверждает его статус не главы улуса Орду, а главы всего «левого крыла». Вероятно, Курмыши погиб в ходе бурных событий 60-х гг., так как в 1263 г. «левое крыло» уже возглавлялось Беркечаром. Именно поэтому его политический центр переместился в низовья Сырдарьи. Время смерти Беркечара неизвестно. Последнее упоминание о нем относится к 1269 г., когда он в качестве главы «левого крыла» представлял улус Джучи на Таласском курултае [44: 68–69]. Судя по всему, он умер до 1282–1283 гг., так как в своем письме к хану Туда-Менгу ильхан Ахмад называл старшим среди Джучидов уже Ногаю [18: 81]. Интересное сообщение об этом содержится в «Шуаб-и-панджгана»: «Беркеджар; Кукаджи – после Берке три года правил, после пришел Алгу, сын Менгу-Тимура» [47: 84]. Кукаджи – это сын Беркечара, упомянутый в письме 1263 г. Ясно, что речь здесь не может идти о престоле Бату в Поволжье. Судя по всему, в источнике говорится о том, что после смерти Беркечара (в тексте ошибочно – Берке) его место занял его сын Кукаджи. Спустя три года правления он был смещен представителем коалиции Алгум. Коалиция Тола-Буги стала усиливаться в Золотой Орде в первой половине 80-х гг., ещё в правление Туда-Менгу. Следовательно, смерть Беркечара и трехлетнее правление Кукаджи произошли в этот период. Кукаджи сменил его сын Биликчи. Именно он в 1291 г. вместе с Ногаем поддержал Токту и принял участие в уничтожении коалиции [21: 42; 46: 84]. Эти события происходили на востоке улуса Джучи. Но почему Кукаджи и Биликчи не фигурируют в списке правителей Кок-Орды джадвала? Там правителями названы другой сын Беркечара Йису-Бука и его сын Сарай-Бука. Стоит напомнить, что в письме 1263 г. названы оба Бекречарида: Кукаджи и Йису-

Бука. Вероятно, ситуация в «левом крыле» в 80-е гг. напоминала ту, которая сложилась в нем в 50-е – начале 60-х гг., когда главой улуса Орду был Кунгкыран, затем Кутуку, а главой Кок-Орды – Курмыши. В данном случае Кукаджи, а затем его сын Биликчи возглавляли улус Беркечара, тогда как Йису-Бука и Сарай-Бука были правителями всего «левого крыла». Вероятно, военные возможности последних сильно уступали их заявленному статусу, так как никаких сведений об их реальной политической активности нет. Как долго Беркечариды возглавляли Кок-Орду, неясно, так как фигуры списка после Сарай-Буки невозможно уверенно отнести к какой-либо конкретной джучидской семье.

Список правителей Ак-Орды также содержит важную деталь. Там перечислены все сарайские ханы Батуиды. Тола-Буга не назван, и это вполне естественно, так как он не проходил официальной процедуры интронизации [35: 43–48]. Но что в этом списке делает отец Узбека Тогрул? Выше уже было показано, что его владения находились в Хорезме – наследственном владении Батуидов в «коренном юрте». Исходя из этого, можно заключить, что под Ак-Ордой в источнике понимаются не вообще все владения Батуидов, а именно та их часть, которая была получена Бату после смерти Джучи в 1225 г., т. е. Хорезм и Улытау. Судя по сообщению Абу-л-Гази, к ней же относились и владения Шибанидов, которые были подчинены напрямую хану Батуиду. Они были выведены из-под контроля правителей Кок-Орды, т. е. оставшейся части «левого крыла».

Примечания

1. Хочу выразить большую признательность С.А. Закирову за предоставленную информацию и консультацию по данному вопросу.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Абу-л-Гази*. Абуль-Гази-Бахадур-хан. Родословное древо тюрков. Иоакимф. История первых четырех ханов дома Чингисова. Лэн-Пуль Стэнли. Мусульманские династии. Москва; Ташкент; Баку, 1996. 187 с.

2. *Абдулгаффар Кырыми*. Умдет ал-ахбар / И.М. Миргалеев (отв. ред.); пер. с осман. Ю.Н. Каримовой, И.М. Миргалеева. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2018. 200 с.

3. *Алексеев М.П.* Сибирь в известиях западноевропейских путешественников XIII–XVII вв. Иркутск, 1941. 236 с.

4. *Алексеев А.К.* Политическая история Тукай-Тимуридов: по материалам

персидского исторического сочинения Бахр ал-асрар. СПб.: Изд-во СПб. ун-та, 2006. 231 с.

5. *Арсланова А.А.* Остались книги от времен былых... Казань: Татар. кн. изд-во, 2002. 239 с.

6. *Бартольд В.В.* Туркестан в эпоху монгольского нашествия. Ч. 2: Исследование. СПб.: Типография В. Киршбаума, 1900. 573 с.

7. *Бартольд В.В.* Сведения об Аральском море и низовьях Амударьи с древнейших времен до XVII века. Ташкент: Тип. Штаба Туркест. воен. округа, 1902. 120 с.

8. *Гаев А.Г.* Генеалогия и хронология Джучидов // Древности Поволжья и других регионов. 2002. Т. 3, вып. 4. С. 9–55.

9. *Георгий Пахимер.* История о Михаиле и Андронике Палеологах. СПб., 1862. 526 с.

10. *Горский А.А.* Русское средневековое общество: историко-терминологический справочник. М., 2019. 410 с.

11. *Джексон П.* Распад Монгольской империи // Золотоордынская цивилизация. 2017. № 10. С. 50–83.

12. *Джувейни.* Чингисхан. История завоевателя мира. М.: Магистр-Пресс, 2004. 690 с.

13. *Дубровин Н.* Присоединение Крыма к России. Рескрипты, письма, реляции и донесения. Т. III (1779–1780 гг.). СПб.: Типография Императорской Академии наук, 1887. 676 с.

14. *Ибрагимов С., Пищулина К., Юдин В.* (сост.) Материалы по истории казахских ханств XV–XVIII веков. Алма-Ата: Наука, 1969. 655 с.

15. *Иванов А.Н.* К вопросу о причинах принятия ислама золотоордынским ханом Берке // Золотоордынская цивилизация. 2009. № 2. С. 103–107.

16. *Измайлов И.Л., Исхаков Д.М.* Хан и аристократия: структура власти и управления // История татар с древнейших времен. Т. 3: Улус Джучи (Золотая Орда) XIII – середина XV в. Казань: Институт истории АН РТ, 2009. С. 310–320.

17. История Герата / пер. с перс. Ж.Ж. Женис. Алматы, 2024. 567 с.

18. История Казахстана в арабских источниках. Т. I. Алматы: Дайк-Пресс, 2005. 713 с.

19. История Казахстана в арабских источниках. Т. III: Извлечения из сочинений XII–XVI вв. Алматы: Дайк-Пресс, 2006. 420 с.

20. История Казахстана в персидских источниках. Т. I. Алматы: Дайк-Пресс, 2005. 696 с.

21. История Казахстана в персидских источниках. Извлечения из сочинений XII–XVI веков. Т. III. Алматы: Дайк-Пресс, 2006. 696 с.

22. История Казахстана в персидских источниках. Т. IV. Алматы: Дайк-Пресс, 2006. 620 с.

23. Картлис Цховреба. Анонимный хронограф XIV в. / пер. Г.В. Цулая; ред. Л. Абуашвили. Тбилиси: Артануджи, 2008.

24. *Костюков В.П.* Улус Джучи и синдром федерализма // Вопросы истории и археологии Западного Казахстана. 2007. № 1. С. 169–207.
25. *Костюков В.П.* Иранский поход Хулагу: предыстория // Золотоордынская цивилизация. Казань: Фэн, 2009. Вып. 2. С. 69–89.
26. *Костюков В.П.* О Сартаке или где решалась судьба Ирана // Вопросы истории и археологии Западного Казахстана. 2005. Вып. 4. С. 279–282.
27. *Кулешов Ю.А.* Производство и импорт оружия как пути формирования золотоордынского комплекса вооружения // Золотоордынская цивилизация. 2010. № 3. С. 73–97.
28. *Кушкумбаев А.К.* «Алтун босағалы ақ өргәні Сайын-ханғә салды...» (крыльцевая модель в военно-политической организации империи Джучидов) // Военное дело Улуса Джучи и его наследников. Астана: Фолиант, 2012. С. 109–164.
29. *Мустакимов И.А.* Сведения «Таварих-и гузида – Нусрат-наме» о владениях некоторых джучидов // Тюркологический сборник. 2009–2010. М.: Вост. лит., 2011. С. 228–248.
30. *Мустакимов И.А.* Восточные источники XVI–XVIII вв. об Орда-Ичене и Ордуидах // Государственный комитет Республики Татарстан по архивному делу. URL: [https://arhiv.tatarstan.ru/file/old/html/%D0%92%D0%BE%D1%81%D1%82%D0%BE%D1%87%D0%BD%D1%8B%D0%B5%20%D0%B8%D1%81%D1%82%D0%BE%D1%87%D0%BD%D0%B8%D0%BA%D0%B8%20XVI%E2%80%93XVIII%20%D0%B2%D0%B2.\(1\).doc](https://arhiv.tatarstan.ru/file/old/html/%D0%92%D0%BE%D1%81%D1%82%D0%BE%D1%87%D0%BD%D1%8B%D0%B5%20%D0%B8%D1%81%D1%82%D0%BE%D1%87%D0%BD%D0%B8%D0%BA%D0%B8%20XVI%E2%80%93XVIII%20%D0%B2%D0%B2.(1).doc) (дата обращения: 25.11.2025).
31. *Мыськов Е.П.* Политическая история Золотой Орды (1236–1313 гг.). Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2003. 175 с.
32. *Никифор Григора.* Римская история. СПб., 1862. 565 с.
33. *Оллсен Т.* Царевичи левой руки: введение в историю улуса Орды XIII – начала XIV в. // Золотоордынская цивилизация. 2012. № 5. С. 209–229.
34. *Патканов К.П.* История монголов инока Магакии. СПб., 1871. 106 с.
35. *Порсин А.А.* История Золотой Орды конца XIII – начала XIV веков в труде Рукн ад-Дина Бейбарса ал-Мансури «Зубдат ал-фикра». Казань: Ин-т истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2018. 276 с.
36. *Порсин А.А.* Берке. Мусульманин на монгольском троне. Нур-Султан: Ғылым, 2020. 424 с.
37. *Порсин А.А.* Джучи. Несостоявшийся наследник. Астана, 2023. 392 с.
38. *Порсин А.А.* Курултаи 1249 и 1251 как результат борьбы чингизидских семей за власть в Монгольской империи // Золотоордынское наследие. Вып. 6. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2025. С. 18–30.
39. *Порсин А.А.* Политическая цензура и историческая пропаганда в монгольских государствах XIII – начала XIV в. на примере сюжета о взятии Ургенча // Stratum plus. 2024. № 5. С. 233–248.

40. Порсин А.А. Джучидские владения в Газне и борьба за власть в улусе Орду на рубеже XIII–XIV веков // *Stratum plus*. 2025. № 5. С. 333–346.
41. Почекаев Р.Ю. Батый. Хан, который не был ханом. М.: АСТ, 2006. 350 с.
42. Почекаев Р.Ю. Цари Ордынские. Биографии ханов и правителей Золотой Орды. СПб.: Евразия, 2010. 406 с.
43. Путешествия в восточные страны Плано Карпини и Рубрука. М.: Гос. изд-во геогр. лит-ры, 1957. 272 с.
44. Рашид ад-Дин. Сборник летописей. Т. III. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1946. 316 с.
45. Рашид ад-Дин. Сборник летописей. Т. I. Ч. 2. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1952. 316 с.
46. Рашид ад-Дин. Сборник летописей. Т. II. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1960. 248 с.
47. Рашид ад-Дин. Шуаб-и панджгана (Пять родословий) / пер. Ч.И. Хамидовой; науч. ред. И.М. Миргалеев. Казань: Ин-т истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2019. 228 с.
48. Сабитов Ж.М. Берке и его правление в Золотой Орде // Вопросы истории и археологии средневековых кочевников и Золотой Орды. Астрахань: Астрахан. ун-т, 2011. С. 164–169.
49. Сабитов Ж.М. Улусы джучидов в 1242–1266 годах // Национальная история татар. 2011. № 2. С. 46–63.
50. Сабитов Ж.М. Узбек-хан: проблема прихода к власти // Золотоордынское наследие. Казань: Фэн, 2011. С. 111–115.
51. Сабитов Ж.М. Административная реформа Бату в контексте противостояния с Гююком // XIII Фаизхановские чтения. М.: Медина, 2017. С. 502–515.
52. Сабитов Ж.М. Улусы Тукай-Тимура и Тукай-Тимуридов в 1227–1359 годах // Золотоордынская цивилизация. 2017. № 10. С. 256–260.
53. Сабитов Ж.М. К вопросу о происхождении золотоордынских эмиров Нангудая и Кутлук-Тимура // Золотоордынское обозрение. 2025. Т. 13, № 3. С. 563–580.
54. Сабитов Ж.М. Классификация и «критика происхождения» средневековых источников XIV–XVI веков по генеалогии Джучидов // Золотоордынское наследие. 2025. № 4. С. 87–99.
55. Сафаргалиев М.Г. Распад Золотой Орды. Саранск: Мордов. кн. изд-во, 1960. 279 с.
56. Трепавлов В.В. Государственный строй Монгольской империи XIII в. М.: Наука, 1993. 168 с.
57. Тулибаева Ж.М. «Муджмал-и Фасихи» как источник по изучению истории Золотой Орды // Золотоордынская цивилизация. 2012. № 5. С. 45–52.
58. Тулибаева Ж.М. «Улус-и арба-йи Чингизи» как источник по изучению истории Золотой Орды // Золотоордынская цивилизация. Вып. 4. Казань: Фолиант, Ин-т истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2011. С. 79–100.

59. Тулибаева Ж.М. Улус Урус-хана // Взаимодействие мировых цивилизаций. М.: РУДН, 2008. С. 225–233.
60. Узелац А. Под сенком пса: Татары и јужнословенске земље у другој половини XIII века. Белград: Утопија, 2015. 321 с.
61. Ускенбай К. Восточный Дашт-и Кыпчак в XIII – начале XV века. Проблемы этнополитической истории улуса Джучи. Казань: Фэн, 2013. 288 с.
62. Утемиш-хаджи. Кара таварих / И.М. Миргалеев (отв. ред.); пер. И.М. Миргалеева, Э.Г. Сайфетдиновой. Казань: Ин-т истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2017. 312 с.
63. Фаверо-Думенжу М. Первое письмо хана Берке султану Бейбарсу по мамлюкским источникам (661/1263 г.) // Золотоордынская цивилизация. 2011. № 4. С. 101–113.
64. Хаутала Р. От «Давида, царя Индий» до «ненавистного плембса сатаны». Антология ранних латинских сведений о татаро-монголах. Казань: Ин-т истории им. Ш.Марджани АН РТ, 2015. 496 с.
65. Храпачевский Р.П. Золотая Орда в источниках. III. Китайские и монгольские источники. Москва, 2009. 336 с.
66. Храпачевский Р.П. «Анналы Хубилая», главный источник по истории правления первого императора династии Юань. М., 2019. 746 с.
67. Abramowski W. Die chinesischen Annalen von Ögedei und Gūjūk: Übersetzung des 2. Kapitels des Yuan-shi // Zentralasiatische Studien. Wiesbaden, 1976. № 10. S. 1–167.
68. Abramowski W. Die chinesischen Annalen des Möngke: Übersetzung des 3. Kapitels des Yüan-shih // Zentralasiatische Studien. 1979. № 13. S. 8–71.
69. Bedrosian R. Grigor Aknerts'i's History of the Nation of Archers. Long Branch, New Jersey, 2003. 22 p.
70. Broadbridge A. Kingship and Ideology in the Islamic and Mongol Worlds. Cambridge: Cambridge UP, 2008. 348 p.
71. Jackson P. The Mongols and the Islamic World: From Conquest to Conversion. New Haven: Yale University Press, 2017. 675 p.
72. Khwandamir. Habibu's-Siyar. The Reign of the Mongol and the Turk / transl. and ed. W.M. Thackston. 1994. Vol. 3. 576 p.
73. Lane G. Early Mongol Rule in Thirteenth-Century Iran: A Persian Renaissance. London; New York, 2003. 240 p.
74. Lech K. Das mongolische Weltreich. Al-'Umari's Darstellung der mongolischen Reiche in seinem Werk Masalik al-absar fi mamalik al-amsar. Asiatische Forschungen. Bd. XXII. Wiesbaden: Harrassowitz, 1968. 475 s.
75. Minorsky V. Caucasia III: The Alan Capital Magas and the Mongol Campaigns // Bulletin of the School of Oriental and African Studies. 1952. Vol. 14, № 2. P. 221–238.
76. Nagamine H. Jadwal in the Paris manuscript of the Muntakhab al-

Tawāriḫ-i Muʿīnī and Topkapı Sarayı Müzesi Kütüphanesi, B. 411 // MUSEUM. KZ. 2023. № 2 (1). P. 31–42.

77. *Pelliot P.* Notes sur l'histoire de la Horde d'Or // Oeuvres posthumes. Paris, 1949. Vol. II. 292 p.

78. *Porsin A.* Reconstructing the Biography of Noyon Ket-Buga of the Naiman Tribe // *Gumilyov Journal of History*. 2025. Vol. 152, № 3. P. 166–185.

79. *Rachetta M.T.* Paris 1244: the Jews, the Christians, and the Tartars. The Livre of Moses ben Abraham, a Little-Known Case of Jewish Apologetics in Medieval French // *Medium Ævum*. 2020. Vol. 89, № 2. P. 244–266.

80. Rashiduddin Fazlullah's *Jami'u't-tawarikh*. Compendium of Chronicles. A History of the Mongols / tr. W.M. Thackston. Cambridge, MA: Harvard University, Dept. of Near Eastern Languages and Civilizations, 1998–1999. 899 p.

81. *Richard J.* La conversion de Berke et les débuts de l'islamisation de la Horde d'Or // *Revue des études islamiques*. 1967. P. 173–184.

82. *Tabakat-i-Nasiri*. A General History of the Muhammedan Dynasties... London: Gilbert and Rivington, 1881. 1296 p.

83. *Qu Dafeng, Liu Jianyi.* On Some Problems Concerning Jochi's Lifetime // *Central Asiatic Journal*. 1998. Vol. 42, № 2. P. 283–290.

84. *Qazwini Mustafui Hamidullah.* Tarikh-i Guzida / Abd-al-Hussein Navai. Tehran, 1339.

REFERENCES

1. Abu-l-Ghazi, Lane-Poole, S. & Bichurin, I. (1996) *Rodoslovnoe drevo tyurkov. Istoriya pervykh chetyrekh khanov doma Chingisova. Musulmanskie dinastii* [Genealogical Tree of the Turks. History of the First Four Khans of the House of Chingis. Muslim Dynasties]. Moscow; Tashkent; Baku: [s.n.].

2. Abdulgafar Kyrymi. (2018) *Umdet al-akhbar*. Translated from Ottoman by Yu.N. Karimova, I.M. Mirgaleev. Kazan: Sh. Marjani Institute of History.

3. Alekseev, M.P. (1941) *Sibir' v izvestiyakh zapadnoevropeyskikh puteshestvennikov XIII–XVII vv.* [Siberia in the Reports of Western European Travelers of the 13th–17th Centuries]. Irkutsk: Vostochnosibirskoe izdatel'stvo.

4. Alekseev, A.K. (2006) *Politicheskaya istoriya Tukay-Timuridov: po materialam persidskogo istoricheskogo sochineniya Bakhr al-asrar* [Political History of the Tukay-Timurids: based on the Persian historical writing “Bahr al-Asrar”]. St. Petersburg: St. Petersburg University.

5. Arslanova, A.A. (2002) *Ostalis'knigi ot vremen bylykh...* [Books That Survived from Ancient Times]. Kazan: Tatarskoe knizhnoe izdatel'stvo.

6. Bartold, V.V. (1900) *Turkestan v epokhu mongol'skogo nashestviya* [Turkestan During the Mongol Invasion]. Vol. 2. St. Petersburg: V. Kirshbaum.

7. Bartold, V.V. (1902) *Svedeniya ob Aral'skom more i nizov'yakh Amudar'i s*

drevneyshikh vremen do XVII veka [Information about the Aral Sea and the Lower Amu Darya from the earliest times to the 17th century]. Tashkent: Turkestan Military District HQ.

8. Gaev, A.G. (2002) *Genealogiya i khronologiya Dzhuchidov* [Genealogy and Chronology of the Jochids]. *Drevnosti Povolzh'ya i drugikh regionov*. 4(3). pp. 9–55.

9. George Pachymeres. (1862) *Istoriya o Mikhaile i Andronike Paleologakh* [History of Michael and Andronicus Palaiologos]. St. Petersburg: [s.n.].

10. Gorskiy, A.A. (2019) *Russkoe srednevekovoe obshchestvo: istoriko-terminologicheskii spravochnik* [Russian Medieval Society: A Historical-Terminological Handbook]. Moscow: Oleg Abyshko.

11. Jackson, P. (2017) *Raspad Mongolskoy imperii* [The collapse of the Mongol Empire]. In: *Zolotoordynskaya tsivilizatsiya* [Golden Horde Civilization]. Vol. 10. Kazan: Sh. Marjani Institute of History, Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan. pp. 50–83.

12. Juvayni. (2004) *Chingiskhan. Istoriya zavoevatelya mira* [Genghis Khan. History of the Conqueror of the World]. Moscow: Magistr-Press.

13. Dubrovin, N. (1887) *Prisoedinenie Kryma k Rossii. Reskripty, pisma, relyatsii i doneseniya* [The Annexation of Crimea to Russia. Rescripts, Letters, Reports, and Dispatches]. Vol. III. St. Petersburg: Imperial Academy of Sciences.

14. Ibragimov, S., Pishchulina, K. & Yudin, V. (eds) (1969) *Materialy po istorii kazakhskikh khanstv XV–XVIII vekov* [Materials on the History of the Kazakh Khanates of the 15th–18th Centuries]. Alma-Ata: Nauka.

15. Ivanov, A.N. (2009) *K voprosu o prichinakh prinyatiya islama zolotoordynskim khanom Berke* [On the Reasons for Berke Khan's Conversion to Islam]. In: *Zolotoordynskaya tsivilizatsiya* [Golden Horde Civilization]. Vol. 2. Kazan: Fen. pp. 103–107.

16. Izmaylov, I.L. & Iskhakov, D.M. (2009) *Khan i aristokratiya: struktura vlasti i upravleniya* [The Khan and the Aristocracy: Power Structure and Governance]. In: Usmanov, M. & Khakomv, R. (eds) *Istoriya tatar s drevneyshikh vremen* [History of the Tatars from Ancient Times]. Vol. 3. AS RT. pp. 310–320.

17. Anon. (2024) *Istoriya Gerata* [History of Herat]. Translated from Persian by Zh.Zh. Zhenis. Almaty: [s.n.].

18. Abuseitova, M.Kh. (ed.) (2005) *Istoriya Kazakhstana v arabskikh istochnikakh* [History of Kazakhstan in Arabic Sources]. Vol. 1. Almaty: Daik-Press.

19. Abuseitova, M.Kh. (ed.) (2005) *Istoriya Kazakhstana v arabskikh istochnikakh* [History of Kazakhstan in Arabic Sources]. Vol. 3. Almaty: Daik-Press.

20. Muminov, A.K. (ed.) (2005) *Istoriya Kazakhstana v persidskikh istochnikakh* [History of Kazakhstan in Persian Sources]. Vol. 1. Almaty: Daik-Press.

21. Muminov, A.K. (ed.) (2006) *Istoriya Kazakhstana v persidskikh istochnikakh* [History of Kazakhstan in Persian Sources]. Vol. 3. Almaty: Daik-Press.

22. Abuseitova, M.Kh. (ed.) (2006) *Istoriya Kazakhstana v persidskikh*

istochnikakh [History of Kazakhstan in Persian Sources]. Vol. 4. Almaty: Daik-Press.

23. Anon. (2008) *Kartlis tskhovreba. Anonimnyy khronograf XIV veka* [The Georgian Chronicles. Anonymous Chronicle of the 14th Century]. Translated by G.V. Tsulaya. Tbilisi: Artanudzhi.

24. Kostyukov, V.P. (2007) *Ulus Dzhuchi i sindrom federalizma* [The Jochi Ulus and the Syndrome of Federalism]. *Voprosy istorii i arkheologii Zapadnogo Kazakhstana*. 1. pp. 169–207.

25. Kostyukov, V.P. (2009) *Iranskiy pokhod Khulagu: predystoriya* [Hulagu's Iranian Campaign: The Background]. In: *Zolotoordynskaya tsivilizatsiya* [Golden Horde Civilization]. Vol. 2. Kazan: Fen. pp. 69–89.

26. Kostyukov, V.P. (2005) *O Sartake ili gde reshalas' sud'ba Irana* [On Sartaq or Where the Fate of Iran Was Decided]. *Voprosy istorii i arkheologii Zapadnogo Kazakhstana*. 4. pp. 279–282.

27. Kuleshov, Yu.A. (2010) *Proizvodstvo i import oruzhiya kak puti formirovaniya zolotoordynskogo kompleksa vooruzheniya* [Production and Import of Weapons as Ways of Forming the Golden Horde Weapon Complex]. In: *Zolotoordynskaya tsivilizatsiya* [Golden Horde Civilization]. Vol. 3. Kazan: Sh. Marjani Institute of History, Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan. pp. 73–97.

28. Kushkumbaev, A.K. (2012) “*Altun bosagaly aq örgani Sayyn-khanğa saldy...*” (krylyevaya model' v voenno-politicheskoy organizatsii imperii Dzhuchidov) [“Altun bosagaly aq örgani Sayyn-khanğa saldy...” (The Wing Model in the Military-Political Organization of the Jochid Empire)]. In: Kushkumbaev, A.K. (ed.) *Voennoe delo Ulusa Dzhuchi i ego naslednikov* [Military affairs of the Ulus Jochi and its successors]. Astana: Foliant. pp. 109–164.

29. Mustakimov, I.A. (2011) *Svedeniya “Tavarikh-i guzida – Nusrat-name” o vladeni yakh nekotorykh dzhuchidov* [Information from “Tavarikh-i Guzida – Nusrat-name” on the Domains of Certain Jochids]. In: *Tyurkologicheskiy sbornik. 2009–2010* [Turkological Collection. 2009–2010]. Moscow: Vost. lit. pp. 228–248.

30. Mustakimov, I.A. (n.d.) *Vostochnye istochniki XVI–XVIII vv. ob Orda-Ichene i Orduidakh* [Eastern sources of the 16th–18th centuries about Orda-Ichen and the Orduids]. The State Committee of the Republic of Tatarstan for Archival Affairs. [Online] Available from: arhiv.tatarstan.ru (Accessed: 25th November 2025).

31. Myskov, E.P. (2003) *Politicheskaya istoriya Zolotoy Ordy (1236–1313 gg.)* [Political History of the Golden Horde (1236–1313)]. Volgograd: VolSU.

32. Nikephoros Grigoras. (1862) *Rimskaya istoriya* [Roman History]. St. Petersburg: [s.n.].

33. Ollsen, T. (2012) *Tsarevichi levoy ruki: vvedenie v istoriyu ulusa Ordy XIII*

– nachala XIV veka [Princes of the Left Hand: An Introduction to the History of the Orda Ulus in the 13th – Early 14th Centuries]. In: *Zolotoordynskaya tsivilizatsiya* [Golden Horde Civilization]. Vol. 5. Kazan: Sh. Marjani Institute of History, Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan. pp. 209–229.

34. Patkanov, K.P. (1871) *Istoriya mongolov inoka Magakii* [The History of the Mongols by Monk Magakya]. St. Petersburg: [s.n.].

35. Porsin, A.A. (2018) *Istoriya Zolotoy Ordyy kontsa XIII – nachala XIV vekov v trude Rukn ad-Dina Beybarsa al-Mansuri “Zubdat al-fikra”* [The History of the Golden Horde of the Late 13th – Early 14th Centuries in the Work of Rukn al-Din Baybars al-Mansuri “Zubdat al-Fikra”]. Kazan: Sh. Marjani Institute of History, Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan.

36. Porsin, A.A. (2020) *Berke. Musul'manin na mongol'skom trone* [Berke: A Muslim on the Mongol Throne]. Nur-Sultan: Gylm.

37. Porsin, A.A. (2023) *Dzhuchi. Nesostoyavshiyasya naslednik* [Jochi: The Heir Who Never Ruled]. Astana: [s.n.].

38. Porsin, A.A. (2025) Kurultai 1249 i 1251 kak rezultat bor'by chingizidskikh semey za vlast' v Mongol'skoy imperii [The Kurultai of 1249 and 1251 as a Result of the Struggle of Chinggisid Families for Power in the Mongol Empire]. In: *Zolotoordynskaya tsivilizatsiya* [Golden Horde Civilization]. Vol. 5. Kazan: Sh. Marjani Institute of History. pp. 18–30.

39. Porsin, A.A. (2024) Politicheskaya tsenzura i istoricheskaya propaganda v mongol'skikh gosudarstvakh XIII – nachala XIV vv. na primere syuzheta o vzyatii Urgencha [Political Censorship and Historical Propaganda in the Mongolian States of the 13th – early 14th Centuries, as Illustrated by the Story of the Capture of Urgench]. *Stratum plus*. 5. pp. 233–248.

40. Porsin, A.A. (2025) Dzhuchidskie vladeniya v Gazne i bor'ba za vlast' v uluse Ordu na rubezhe XIII–XIV vekov [Jochid Possessions in Ghazna and the Struggle for Power in the Ordu Ulus at the Turn of the 13th–14th Centuries]. *Stratum plus*. 5. pp. 333–346.

41. Pochekaev, R.Yu. (2006) *Batyi. Khan, kotoryy ne byl khanom* [Batu: The Khan Who Was Not a Khan]. Moscow: AST.

42. Pochekaev, R.Yu. (2010) *Tsari Ordynskie. Biografii khanov i praviteley Zolotoy Ordyy* [Kings of the Horde: Biographies of Khans and Rulers of the Golden Horde]. St. Petersburg: Evraziya.

43. William of Rubruck & da Pian del Carpine, G. (1957) *Puteshestviya v vostochnye strany Plano Karpini i Rubruka* [The Travels to Eastern Parts by da Pian del Carpine and Rubruck]. Moscow: Gos. izd-vo geogr. lit-ry.

44. Rashid ad-Din. (1946) *Sbornik letopisey* [Compendium of Chronicles]. Vol. 3. Moscow; Leningrad: USSR Academy of Sciences.

45. Rashid ad-Din, (1952) *Sbornik letopisey* [Compendium of Chronicles]. Vol. 1(2). Moscow; Leningrad: USSR Academy of Sciences.

46. Rashid ad-Din. (1960) *Sbornik letopisey* [Compendium of Chronicles]. Vol. 2. Moscow; Leningrad: USSR Academy of Sciences.
47. Rashid ad-Din (2019) *Shuab-i pandzhgana (Pyat' rodosloviy)* [Shu'ab-i Panjgana (The Five Genealogies)]. Translated by Ch.I. Khamidova. Kazan: Sh. Marjani Institute of History, Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan.
48. Sabitov, Zh.M. (2011) Berke i ego pravlenie v Zolotoy Orde [Berke and His Rule in the Golden Horde]. In: *Voprosy istorii i arkheologii srednevekovykh kochevnikov i Zolotoy Ordy* [Questions of history and archeology of medieval nomads and the Golden Horde]. Astrakhan: Astrakhan University. pp. 164–169.
49. Sabitov, Zh.M. (2011) Ulusy dzhuchidov v 1242–1266 godakh [The Jochid Uluses in 1242–1266]. *Natsional'naya istoriya tatar*. 2. pp. 46–63.
50. Sabitov, Zh.M. (2011) Uzbek-khan: problema prikhoda k vlasti [Uzbek Khan: The Problem of Accession]. In: *Zolotoordynskaya tsivilizatsiya* [Golden Horde Civilization]. Vol. 2. Kazan: Fen. pp. 111–115.
51. Sabitov, Zh.M. (2017) Administrativnaya reforma Batu v kontekste protivostoyaniya s Guyukom [Batu's Administrative Reform in the Context of the Confrontation with Güyük]. *XIII Faizkhanovskie chteniya* [The 13th Faizkhanov Readings]. Moscow: Medina. pp. 502–515.
52. Sabitov, Zh.M. (2017) Ulusy Tukay-Timura i Tukay-Timuridor v 1227–1359 godakh [The Uluses of Tukay-Timur and the Tukay-Timurids in 1227–1359]. In: *Zolotoordynskaya tsivilizatsiya* [Golden Horde Civilization]. Vol. 10. Kazan: Sh. Marjani Institute of History. pp. 256–260.
53. Sabitov, Zh.M. (2025) K voprosu o proiskhozhdenii zolotoordynskikh emirov Nangudaya i Kutluk-Timura [On the Origin of the Golden Horde Emirs Nanguday and Kutluk-Timur]. *Zolotoordynskoe obozrenie*. 13(3). pp. 563–580.
54. Sabitov, Zh.M. (2025) Klassifikatsiya i "kritika proiskhozhdeniya" srednevekovykh istochnikov XIV–XVI vekov po genealogii Dzhuchidov [Classification and "Critique of Origin" of Medieval Sources of the 14th–16th Centuries on the Genealogy of the Jochids]. *Zolotoordynskoe nasledie*. 4. pp. 87–99.
55. Safargaliev, M.G. (1960) *Raspad Zolotoy Ordy* [The Collapse of the Golden Horde]. Saransk: Mordovskoe knizhnoe izd-vo.
56. Trepavlov, V.V. (1993) *Gosudarstvennyy stroy Mongol'skoy imperii XIII v.* [The State System of the Mongol Empire in the 13th Century]. Moscow: Nauka.
57. Tulibaeva, Zh.M. (2012) "Mudzhmal-i Fasikhi" kak istochnik po izucheniyu istorii Zolotoy Ordy ["Mujmal-i Fāsikhī" as a Source for the Study of the Golden Horde]. In: *Zolotoordynskaya tsivilizatsiya* [Golden Horde Civilization]. Vol. 5. Kazan: Sh. Marjani Institute of History. pp. 45–52 (In Russian).
58. Tulibaeva, Zh.M. (2011) "Ulus-i arba-yi Chingizi" kak istochnik po izucheniyu istorii Zolotoy Ordy ["Ulus-i arba-yi Chingizi" as a Source for the Study of the Golden Horde]. In: *Zolotoordynskaya tsivilizatsiya* [Golden Horde Civilization]. Vol. 4. Kazan: Foliant; Sh. Marjani Institute of History. pp. 79–100.

59. Tulibaeva, Zh.M. (2008) *Ulus Urus-khana* [The Ulus of Urus Khan]. In: *Vzaimodeystvie mirovykh tsivilizatsiy* [Interaction of World Civilizations]. Moscow: RUDN. pp. 225–233.

60. Uzelac, A. (2015) *Pod sen'kom psa: Tatari i yuzhnoslavenske zemle v drugoy polovini XIII veka* [In the Shadow of the Dog: The Tatars and the South Slavic Lands in the Second Half of the 13th Century]. Belgrade: Utopija.

61. Uskenbay, K. (2013) *Vostochnyy Dasht-i Kypchak v XIII – nachale XV veka. Problemy etnopoliticheskoy istorii ulusa Dzhuchi* [Eastern Dasht-i Qipchaq in the 13th – early 15th Century: Problems of the Ethnopolitical History of the Jochi Ulus]. Kazan: Fen.

62. Utemish-khadzhi. (2017) *Kara tavarikh* [Black Chronicle]. Translated by I.M. Mirgaleev, E.G. Sayfetdinova. Kazan: Sh. Marjani Institute of History, Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan.

63. Favero-Dumenzhu, M. (2011) *Pervoe pis'mo khana Berke sultanu Beybarsu po mamlyukskim istochnikam (661/1263 g.)* [The First Letter of Khan Berke to Sultan Baybars in Mamluk Sources (661/1263)]. In: *Zolotoordynskaya tsivilizatsiya* [Golden Horde Civilization]. Vol. 4. Kazan: Foliant; Sh. Marjani Institute of History. pp. 101–113.

64. Hautala, R. (2015) *Ot "Davida, tsarya Indiy" do "nenavistnogo plebsa satany."* *Antologiya rannikh latinskikh svedeniy o tataro-mongolakh* [From "David, King of India" to "the Hateful Rabble of Satan": Anthology of Early Latin Reports about the Tatar-Mongols]. Kazan: Sh. Marjani Institute of History.

65. Khrapachevskiy, R.P. (2009) *Zolotaya Orda v istochnikakh. III. Kitayskie i mongol'skie istochniki* [The Golden Horde in the Sources. III: Chinese and Mongolian Sources]. Moscow: [s.n.].

66. Khrapachevskiy, R.P. (2019) *"Annaly Khubilaya", glavnyy istochnik po istorii pravleniya pervogo imperatora dinastii Yuan* ["The Annals of Khubilai," the Main Source on the Rule of the First Emperor of the Yuan Dynasty]. Moscow: [s.n.].

67. Abramowski, W. (1976) *Die chinesischen Annalen von Ögedei und Gūjūk: Übersetzung des 2. Kapitels des Yuan-shi. Zentralasiatische Studien.* 10. pp. 1–167..

68. Abramowski, W. (1979) *Die chinesischen Annalen des Mōngke: Übersetzung des 3. Kapitels des Yüan-shih. Zentralasiatische Studien.* 13. pp. 8–71.

69. Bedrosian, R. (2003) *Grigor Aknerts'i's History of the Nation of Archers*. Long Branch, New Jersey.

70. Broadbridge, A. (2008) *Kingship and Ideology in the Islamic and Mongol Worlds*. Cambridge: Cambridge University Press.

71. Jackson, P. (2017) *The Mongols and the Islamic World: From Conquest to Conversion*. New Haven: Yale University Press.

72. Ghiyas ibn Humam al-Din Khvand Amir. (1994) *Habibu's-Siyar. The Reign of the Mongol and the Turk*. Vol. 3. Department of Near Eastern Languages and Civilizations, Harvard University.

73. Lane, G. (2003) *Early Mongol Rule in Thirteenth-Century Iran: A Persian Renaissance*. London; New York: [s.n.].
74. Lech, K. (1968) Das mongolische Weltreich. Al-'Umari's Darstellung der mongolischen Reiche in seinem Werk *Masalik al-absar fi mamalik al-amsar*. *Asiatische Forschungen*. Vol. XXII. Wiesbaden: Harrassowitz.
75. Minorsky, V. (1952) Caucasia III: The Alan Capital Magas and the Mongol Campaigns. *Bulletin of the School of Oriental and African Studies*. 14(2). pp. 221–238.
76. Nagamine, H. (2023) Jadwal in the Paris manuscript of the Muntakhab al-Tawārīkh-i Mu'tīnī and Topkapı Sarayı Müzesi Kütüphanesi, B. 411. *MUSEUM. KZ*. 2(1). pp. 31–42.
77. Pelliot, P. (1949) *Notes sur l'histoire de la Horde d'Or*. Paris: Adrien-Maisonneuve.
78. Porsin, A. (2025) Reconstructing the Biography of Noyon Ket-Buga of the Naiman Tribe. *Gumilyov Journal of History*. 152(3). pp. 166–185.
79. Rachetta, M.T. (2020) Paris 1244: the Jews, the Christians, and the Tartars. The Livre of Moses ben Abraham, a Little-Known Case of Jewish Apologetics in Medieval French. *Medium Ævum*. 89(2). pp. 244–266.
80. Rashiduddin Fazlullah. (1998–1999) *Jami'u't-tawarikh. Compendium of Chronicles. A History of the Mongols*. Translated by W.M. Thackston. Cambridge, MA: Harvard University, Dept. of Near Eastern Languages and Civilizations.
81. Richard, J. (1967) *La conversion de Berke et les débuts de l'islamisation de la Horde d'Or*. Paris: Librairie orientaliste Paul Geuthner. pp. 173–184.
82. Minhaj-ud-Din Abu Umar-i-Uzman. (1881) *Tabakat-i-Nasiri. A General History of the Muhammedan Dynasties...*. London: Gilbert and Rivington.
83. Qu Dafeng & Liu, Jianyi. (1998) On Some Problems Concerning Jochi's Lifetime. *Central Asiatic Journal*. 42(2). pp. 283–290.
84. Qazwini Mustafui Hamidullah. (1339 [1960/1961]) *Tarikh-i Guzida*. Tehran.

Порсин Артем Александрович – кандидат исторических наук, главный научный сотрудник НИИ истории Улуса Джучи (Казахстан).

Artem A. Porsin – Institute for the History of the Ulus of Jochi (Kazakhstan).

E-mail: porsinart@gmail.com

УДК 94(47)“16”

UDC

DOI: 10.17223/18572685/82/4

Древняя Русь в исторических нарративах последней трети XVII в.: восточнославянские книжники в поисках общих воспоминаний

Ю.А. Чупрына

Санкт-Петербургский государственный университет
Россия, 199034, г. Санкт-Петербург, Университетская наб., 7/9

E-mail: y.chupryna@spbu.ru

Авторское резюме

Рассматривается влияние новых политических условий второй половины XVII в. на историческую картину поздних московских и киевских исторических сочинений, а именно какие новые интерпретации древнерусских событий возникали на страницах этих сочинений. В качестве источников для исследования привлекаются летописи, синопсисы, хроники последней трети XVII в., созданные в крупных скрипториях Москвы и Киева: «Хроника» Феодосия Сафоновича, «Синопсис» Иннокентия Гизеля, «Обширный Синопсис» Пантелеймона Кохановского, «Латухинская Степенная книга» Тихона Макарьевского, «Мазуринский летописец» Исидора Сназина. В первой половине XVII в. исторические сочинения Московского царства и Левобережной Украины имели, несомненно, больше самобытных черт, в первую очередь выраженных в разном фокусе повествования: больший интерес либо к истории киевского княжения и Великого княжества Литовского, либо к истории владимиро-суздальского и московского княжения. События середины XVII в. внесли изменения не только на политическую карту Восточной Европы, но и в умы книжников расширяющегося Московского царства. Сравнение исторических нарративов последней трети XVII в. позволило определить стремление летописцев/хронистов найти общие воспоминания или «места памяти» в истории Древней Руси. Среди таких связующих сюжетов выделяются вопрос происхождения славянского народа, образ князя Владимира, события монгольского завоевания Руси, московский великий князь Дмитрий Донской. Стремление инкорпорировать историю Северо-Восточной Руси в привычное историческое повествование Киевской митрополии больше исходило от церковных деятелей Киево-Печерской Лавры. В московской книжной традиции актуализация киевских и галицких сюжетов осуществлялась также благодаря деятельности церковных интеллектуалов.

Ключевые слова: историческая память, Древняя Русь, Московское царство, Киевская митрополия, летописание

The idea of Old Rus' in the historical narratives of the final third of the 17th century: East Slavic intellectuals seeking collective memories

Yulia A. Chupryna

St. Petersburg State University

7/9 Universitetskaya Embankment, Saint Petersburg, 199034, Russia

E-mail: y.chupryna@spbu.ru

Abstract

The article analyzes how the new political conditions in the second half of the 17th century shaped the historical narratives in the late chronicles and annals. It investigates the fresh interpretations of early Rus' events that emerged in these texts in response to contemporary changes. The study draws on a range of sources – chronicles, synopses, and historical compilations – from the final third of the 17th century, produced in major scriptoria in Moscow and Kiev. These include Feodosiy Safonovich's *Khronika* (Chronicle), Innocenty Gizel's *Sinopsis* (Synopsis), Panteleimon Kokhanovsky's *Obshirnyy Sinopsis* (Comprehensive Synopsis), Tikhon Makaryevsky's *Latukhinskaya Stepennaya kniga* (Latukhin Book of Royal Degrees), and Isidor Snazin's *Mazurinsky letopisets* (Mazurin Chronicle). In the early 17th century, historical texts from Tsardom of Moscow and Left-Bank Ukraine exhibited more distinct narrative focuses, centering either on the history of the Kievan Principality and the Grand Duchy of Lithuania or on that of the Vladimir-Suzdal and Moscow Principalities. The mid-century political developments, however, altered not only the political map of Eastern Europe but also the perspectives of chroniclers within the expanding Tsardom of Moscow. The analysis of narratives from the late 17th century reveals the chroniclers' effort to identify collective memories – or *lieux de mémoire* – in the history of Old Rus'. The author identifies several unifying themes deployed for this purpose: the origins of the Slavic peoples, the figure of Prince Vladimir, the Mongol conquest of Rus', and Grand Prince Dmitry Donskoy of Moscow. Notably, the integration of Northeastern Rus' history into the established narrative of the Kievan Metropolis was pioneered primarily by church figures associated with the Kiev-Pechersk Lavra. Similarly, within the Moscow book tradition, the revitalization of Kievan and Galician themes was driven by the work of church intellectuals.

Keywords: historical memory, Old Rus', Tsardom of Moscow, Metropolitanate of Kiev, chronicle writing

Историческая память является неотъемлемой частью мировоззрения восточнославянского человека. Исследования последних десятилетий указывают на устойчивый рост внимания специалистов и общества к историческим образам не только недавнего прошлого, но и отдалённого – древнерусского. Фиксируются разные формы проявления современного медиевализма [18: 341–440]. Обращение к героям и сюжетам Древней Руси имеет давнюю практику; так, одним из периодов мобилизации древнерусской «старины» может считаться вторая половина XVII в., когда территориальные, династические, культурные изменения побуждали книжников предлагать новые исторические сочинения.

Общерусское летописание, хроники, синопсисы последней трети XVII в. неоднократно привлекали внимание исследователей. Во второй половине XX в. советские историки усердно трудились над выявлением, изучением и опубликованием многочисленных летописных и нелетописных памятников [1: 11–26; 3], эта тенденция продолжается и в XXI в. Публикации источников подтолкнули специалистов к более детальному рассмотрению исторических представлений восточнославянских книжников XVII в. как русских, так и украинских земель [1; 11; 22; 28; 32]. Работы А. П. Богданова, посвящённые анализу и введению в научный оборот поздних летописных сочинений, с одной стороны, свидетельствуют о многообразии исторических сочинений конца XVII в., а с другой – подчёркивают проблему всё ещё слабой изученности летописного наследия «бунташного» века. Кроме того, современные историографические школы продолжают обособленное изучение исторических представлений книжников русских и украинских земель. Гораздо чаще историки концентрируются на вопросах политических и культурных связей Московского царства и Левобережной Украины [14; 31], на востребованности древнерусской истории в дискуссиях второй половины XVII в. [11: 155–189; 13], а не на компаративном анализе исторической памяти обеих сторон. Лишь киевский «Синопсис» стабильно включается в пространство исторической мысли Московского царства конца XVII в. В то же время необходимо подчеркнуть, что замечания относительно влияния тех или иных киевских и московских источников на исторические нарративы XVII в. всё же встречаются, но чаще они касаются отдельных рукописей [5; 25]. Поэтому в данном исследовании мы стремимся обозначить необходимость сравнительного анализа разных исторических нарративов восточнославянского пространства.

Новые политические, религиозные, социальные вызовы «бунташного» века побуждали восточнославянского человека искать объяснение происходящим событиям. И для разъяснения изменяющегося порядка вещей книжники того времени всё чаще обращались к «своей» истории. Присоединение к Московскому царству Левобережной Украины с Киевом, вопрос Киевской митрополии, заключение Вечного мира с Речью Посполитой стали «новизной» для обеих сторон, требующей опоры в «старине». И за перо взялись книжники из скрипториев Московской патриархии и Киевской митрополии.

Механизм обращения к «старине» – к древнерусским героям и событиям – во время важных политических или религиозных изменений был уже знаком церковным лицам и царскому двору по опыту XVI в. Здесь можно вспомнить и то, как в начале XVI в. создавалось крупнейшее историческое произведение «Русский Хронограф», которое должно было объяснить завершение собирания древнерусских земель [1: 56], и как во времена правления Ивана IV развернулись поиски аргументов для обоснования изменения титула великого московского князя, активная посольская деятельность XVI в. [9; 10: 370]. Венчание на царство и позднее введение патриаршества при Фёдоре Ивановиче мобилизовали интеллектуальные силы древнерусских книжников. Механизм обращения к древности был хорошо знаком и церковным деятелям из Киевской митрополии, особенно в этом плане показательны работы православных полемистов конца XVI – первой трети XVII в., которые активно боролись с унией, используя в своих сочинениях множество исторических аргументов. Униатская сторона конфликта тоже неоднократно прибегала к историческим аргументам, апеллируя к «старине» [8; 23; 24; 33]. Поэтому своё логичное место в новых исторических нарративах заняла история Древней Руси [28; 11; 18: 57–69].

Для восточнославянского населения начало XVII в. сопровождалось разными травматическими процессами и переживаниями, сопряжёнными с пресечением царской династии, самозванчеством, восстаниями, иностранной интервенцией, униатскими процессами (в Руси Речи Посполитой). Эти события породили множество разных устных и письменных сочинений: сказаний, летописцев, народных песен, полемических сочинений [12; 15; 19; 20; 29]. И хотя в первой половине XVII в. книжников больше беспокоили события недавнего прошлого (Смутное время и эпоха Ивана Грозного), образ Древней Руси никогда полностью не исчезал со страниц исторических сочинений «бунташного» столетия [8].

В целом, тексты восточнославянских летописей и хроник первой половины XVII в. имеют особенности, выраженные в разном фокусе

повествования. В сочинениях прослеживается большой интерес к истории владими́ро-суздальского и московского княжения либо к истории киевского княжения и польско-литовскому периоду Руси. Во второй половине XVII в. эти черты во многом сохраняются, кроме выраженного внимания к событиям из истории Великого княжества Литовского и Речи Посполитой. Новые политические и религиозные условия требовали от книжников переосмысления истории Древней Руси и поиска общих исторических сюжетов. Поэтому новой тенденцией становится стремление включить в привычное историческое пространство «новые» древнерусские события, т. е. подробности, связанные либо с Северо-Восточной Русью, либо с Южной Русью. Инкорпорирование одного исторического повествования в другой происходило выборочно, едва ли будет уместно говорить о полном объединении двух летописных традиций. Тем не менее отдельные сюжеты целенаправленно перерабатывались как в киевских, так и в московских сочинениях. Среди таких сюжетов можно выделить вопросы происхождения Руси, первых князей на Руси, деятельность князя Владимира, монгольское нашествие на Русь, процесс освобождения Руси от Орды, а именно образ князя Дмитрия Донского.

Дискурсы восточнославянских интеллектуалов вокруг библейского прародителя славян многократно анализировались в историографии [2; 21], поэтому мы не будем останавливаться на обсуждении этногенетических мифов XVII в. Отметим лишь то, что, как правило, в представлениях книжников второй половины XVII в. «Великая» и «Малая» Русь имела одно происхождение. Различались лишь имена прародителей: в рукописях Московского царства с 20–30-х гг. XVII в. часто предлагалась легенда о Словене и Русе [2; 4], а в киевских землях преимущественно звучало имя Мосоха, идущее из польских хроник [21: 25–35]. Московские интеллектуалы посредством книг из Киевской митрополии получили более глубокое знакомство с концепциями, изложенными польскими хронистами, однако предпочитали свою версию.

Пристальное внимание восточнославянских книжников заслуживала история Киевской Руси. Конечно, если говорить о московских авторах летописей, повестей, хроник конца XVI – первой половины XVII в., то история киевских князей занимала не первое место в мобилизации исторических сюжетов, особенно это касается истории легендарных языческих князей и междоусобной борьбы за киевский стол. Но это не относилось к процессу христианизации Киевской Руси, пользующемуся широкой популярностью в исторических летописях и богослужебных текстах на протяжении всего столетия. Киевских авторов того же периода, наоборот, привлекали больше региональные

киевские сюжеты [8: 937–946]. Что вполне объясняется различными политическими и религиозными условиями рубежа XVI–XVII вв. и разными задачами, стоящими перед летописцами и хронистами до Переяславской Рады и Андрусовского перемирия.

Во второй половине XVII в. уже прослеживаются новые тенденции в конструировании «своей» истории. К общим «воспоминаниям» добавлялись события глубокой древности – первые древнерусские князья. Сюжет призвания Рюрика непременно использовался во многих крупных сочинениях. По мысли книжников, Рюрик становится связующим звеном между киевскими и московскими землями. Так, киевские авторы второй половины XVII в. включают в свои нарративы упоминания о московских царях как потомках Рюрика, тем самым используя распространённую в Московском царстве Августинскую легенду. Подобные речи находим в «Хронике» Ф. Сафоновича (1670-е гг.) [30: 58] и «Синописе» И. Гизеля (1674 г.) [6: 23]. Ф. Сафонович пишет: «А тыи три кн(я)зи варазскии от цесаров рымских поколеня род свои проводили, от которых и н(ы)нешние цари православныи московскии свое поколеня проводятъ» [30: 58]. Церковные интеллектуалы стремились включить в киевоцентричное повествование «новые» уточняющие детали, которые позволили бы найти связи с нынешним монархом помимо хорошо известной связи крестителя Руси князя Владимира с первыми Романовыми. Почему известия для читателей могут показаться «новыми»? Во время пребывания Киевской митрополии в составе Речи Посполитой подобные отступления о московском монархе ожидаемо отсутствовали в летописях и хрониках. Отношения Польши с Москвой на тот момент были напряженными: Смута в России, Деулинское перемирие, Смоленская война, что не располагало к излишнему вниманию к православному правителю. Среди главных стремлений киевских церковных иерархов было добиться легализации православной церкви и расположения польского короля в вопросе пересмотра решения Брестского собора.

К первым древнерусским князьям также проявили интерес московские церковные интеллектуалы, только запрос был на киевских князей. Яркий пример – «Латухинская Степенная книга» 1676 г. авторства Тихона Макарьевского. По замечанию П.Г. Васенко, приближённый патриарха Адриана использовал «Синописис» И. Гизеля в качестве одного из основных источников, что позволило автору значительно дополнить первую часть рукописи киевскими сюжетами, которых ранее не было в «Степенной книге» [5: 47–51]. Не менее детальный анализ заимствований в предисловии к публикации «Латухинской Степенной книги» предложил Н.Н. Покровский. По данным историка, книжник дополнил повествование «Степенной книги» большим

количеством вставок о борьбе за киевский стол во времена раздробленности Руси, галицкими князьями и галицким «самодержавием», киевскими святыми, краткими литовскими известиями [16: 15–18].

При чтении первых страниц «Латухинской Степенной книги» читатель уже может предположить, что ему предстоит знакомство не только с историей Северо-Восточной Руси, но и с историей Южной Руси. Исторический нарратив открывается виршами, где прославляется Россия через заслуги святых героев, деятельность которых разворачивалась преимущественно в Киеве, – это апостол Андрей, княгиня Ольга и князь Владимир. А финальная часть виршей гласит: «Егда кто хочеть испытати,/ Вся тыя мятежи исчитати,/ Много сию книгу протитай,/ Ею же вся вещи познавай,/ Совершенно в ней все будешь знать,/ Еже и иным можешь сказать:/ Царства Российскаго зачало,/ Еще и Киева начало,/ Но и о Казани сказася,/ О Сибири же не умолчася...» [16: 67]. Таким образом, в текст виршей попадают упоминания о главных православных святых героях и о важных вехах истории, связанных с началом Российского государства, Киева, приобретением Казани и Сибири.

Киевские сюжеты получили своё место в «Мазуринском летописце» Исидора Сназина 1682 г. Данный летописец относится к «патриаршему» летописанию, т. к. создавался в кругу московского патриарха Иоакима. А.П. Богданов для первых известий о киевском княжении определяет в качестве источника «Синописис» 1680 г. Заимствование глав из киевского сочинения могло произойти напрямую или, как предполагает историк, через Хронографы последней трети XVII в. [1: 321]. Но, сравнивая объёмы текстов о новгородских сюжетах (о Словене и Русе, Гостомысле, призвании Рюрика) с главой «Лета 5930, а от рожества Христова 430-го. О начале и о княжении Киевском» [17: 28–29], можно заметить всё же скромное внимание к киевским сюжетам. Правда, позднее И. Сназин вновь возвращается к Киеву, Щеку и Хореву, предлагая противоположную новгородскую легенду об этих князьях [1: 329]: «Лета 6463 по Игоре великом князе в Великом Новеграде княжил Ольг. И в то время в Великом Новеграде быша три брата разбойницы, имена же им Кий, Щок, Хоров, и имеяше же и сестру именем Лыбедь. И великую новгородцем пакость творяху. Некогда же их новгородцы переимаша со всею дружиною их, числом тридцать душ, вси же бяху храбрии и силни зело, и осудиши их повесити...» [17: 39]. Также историк А.П. Богданов замечает повышенное внимание книжника к «самодержавию» галицких князей периода раздробленности [1: 326–327], что в очередной раз подтверждает идею о поиске общих воспоминаний и стремление авторов адаптировать исторические нарративы под современные им реалии.

Другое общее «место памяти» – князь Владимир. Образ князя востребован на протяжении всего XVII в. не только в книжной традиции. Коммеморативные практики закрепились в богослужении, изобразительном искусстве, церковном строительстве [26]. Интеллектуалы Киево-Печерской лавры не упускали возможности обратиться к крестителю Руси. Одной из новых тенденций для рукописей последней трети XVII в. стало включение легенды об основании города Владимира на Клязьме и переносе туда столицы Руси князем Владимиром. Хотя легендарные известия о крещении Северо-Восточной Руси и основании города, в целом, были известны и ранее, однако мысль о переносе столицы для киевской исторической традиции всё же является новой. По замечанию А.В. Сиренова, в киевские тексты она могла попасть из работы Стрыйковского [18: 92].

Сюжет переноса столицы князем Владимиром присутствует в «Хронике» Ф. Сафоновича [30: 64], «Синописе» И. Гизеля [6: 56–57], «Обширном синописе» П. Кохановского. В «Обширном синописе» (или «Обширном синописе русском») 1681–1682 гг. находим следующее утверждение: «Збудоваль межѣ Волгою и Окою реками, за Москвою место Володимерь великое на свое имя и там мешкаль и в Володимери столица князей московскихъ стала от великого Владимира князя, ажъ до Ивана Великого князя Даниловича, который з Владимира до Москвы места перенесль столицу свою, и от его Москва место почало быти столицею великихъ князей Рускихъ» [27: 10]. П. Кохановский без редактирования заимствует данный отрывок у Ф. Сафоновича, поскольку при сравнении оказывается, что этот текст полностью повторяет высказывание из «Хроники». В свою очередь в русских хрониках и летописях всё чаще встречается сюжет многоэтапного крещения Руси, предложенный ещё православными иерархами первой трети XVII в., – в «Палинодии» З. Копыстенского. Многоэтапное крещение Руси предлагается в «Латухинской Степенной книге» [16: 70], «Мазуринском летописце» [1: 322–323].

В исторических нарративах высвечиваются и другие «новые» общие воспоминания, например нашествие Батыея и князь Дмитрий Донской. С одной стороны, сведения о монгольском разорении и борьбе Руси с Золотой Ордой включались и ранее во многие летописи и стали поистине «местами памяти» для всего восточнославянского пространства. Но с другой стороны, при более близком рассмотрении исторических трудов Киевской митрополии начала – середины XVII в. оказывается, что история Северо-Восточной Руси по отношению к Юго-Западной Руси (особенно Киевской земли) занимает скромное место. Ярким маркером служат известия о монгольском разорении Руси, где книжники ограничивались краткими упоминаниями о ра-

зорении северо-восточных княжеств или вовсе не включали их в своё повествование. Характерными примерами служат «Густынская летопись» и региональные летописцы: «Киевский летописец» первой трети XVII в., «Острожский летописец», «Львовская летопись». Ситуация изменяется в связи с процессом объединения «Малой» и «Великой» Руси. Так, в «Хронике» Ф. Сафоновича последовательно излагается процесс разорения всей Руси в нескольких главах: «О пришествию ц(а)ря татарского Батѣя из татарами на Русскую землю и о воеваню от него земель Резанской, Суздальской и Владимирской и о взятю Козельска, Переясловля и Чернигова»; «О взятю и спустошеню славного города Киева, о поеднаню кн(я)зя Даниила зъ кн(я)земь Михаиломъ и о отходѣ ихъ з земли Руской»; «О взятю от Батѣя Володимера, Кремянца, Галича и иншихъ Рускихъ городов, о недобыту Каменца и о спустошеню Лядскоѣ земли и Венгерско» [30: 141–143]. Здесь наблюдаем детальное описание монгольского нашествия не только на киевские земли, но и на Рязань, Суздаль, Владимир, Козельск и т. д.

Ещё больше общих «мест памяти» предлагается в третьем издании «Синописа», где киевоцентричное повествование дополняется московскими сюжетами – большими вставкам о князе Дмитрие Донском и Куликовской битве. По объёму текста и количеству глав формируемый И. Гизелем образ Дмитрия Ивановича сопоставим с образом князя Владимира [8: 941]. Получается, что в «Синописе» две наиболее яркие фигуры – креститель Руси и борец с Мамаем и Золотой Ордой [7]. Для киевского исторического повествования XVI – первой половины XVII в., конечно, не было характерно настолько масштабное прославление московских князей, что в очередной раз подтверждает запрос на общие исторические воспоминания и целенаправленное систематическое включение московских сюжетов в привычное повествование.

Восхваление подвигов Дмитрия Донского продолжилось в «Обширном синописе», где П. Кохановский выделил раздел «Книга о побоищи Мамая царя татарского от князя Владимирского и Московского Димитрия» [27: 235]. Повествование о юбилейном историческом событии даже открывалось гравюрой с битвой на Куликовом поле, где, помимо военного противостояния с Мамаем, изображался восседающий на троне великий московский князь Дмитрий Иванович [27: 235]. Рукопись П. Кохановского предлагала расширенную версию включения известий о Московском царстве в киевское повествование, сопоставимую по масштабу с «Синописом». Не менее значимо и то, что в конце «Обширного синописа» предлагался краткий обзор «княжений», «провинций», «краин» Московского царства. Это

перечисление сопровождалось комментариями исторического и географического характера [27: 255–277].

Подводя итог, хотелось бы отметить, что усилия московских и киевских книжников в поисках общих воспоминаний не ограничивались лишь рассмотренными нами сюжетами. Переосмысление истории Древней Руси и стремление адаптировать исторические нарративы, судя по всему, были шире и ещё требуют детального компаративного анализа и введения в оборот неопубликованных источников по позднему летописанию. Тем не менее с полной уверенностью можно утверждать, что среди книжников XVII в. проявлялся запрос не только на недавние травматичные события XVI – начала XVII в., но и на древнерусскую «старину». Однако на протяжении столетия характер данного запроса, конечно, претерпевал изменения.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Богданов А.П.* Общерусское летописание конца XVII века. М.: Издательская группа «Альма Матер», 2024. 926 с.
2. *Богданов А.П.* Сила легенды: Повесть о Словене и Русе в общерусском летописании XVII в. // *Studia Litterarum*. 2022. Т. 7, № 1. С. 184–201. doi: 10.22455/2500-4247-2022-7-1-184-201
3. *Буганов В.И.* Отечественная историография русского летописания. Обзор советской литературы. М.: Наука, 1975. 344 с.
4. *Буланин Д.М., Турилов А.А.* Сказание о Словене и Русе // *Словарь книжников и книжности Древней Руси*. Вып. 3 (XVII век). Ч. 3: П–С. СПб.: Дмитрий Буланин, 1998. С. 444–447.
5. *Васенко П.Г.* Заметки к Латухинской степенной книге. СПб.: Тип. имп. Акад. наук, 1902. 89 с.
6. *Гизель И.* Синопсис или Краткое собрание от разных летописцев о начале славяно-российского народа, и первоначальных князей богоспасаемого града Киева. Киев: Типография Лавры, 1674. 124 с.
7. *Гизель И.* Синопсис или Краткое собрание от разных летописцев, о начале славяно-российского народа, и первоначальных князей богоспасаемого града Киева. Киев: тип. Киево-Печерской Лавры, 1680. 129 л.
8. *Дворниченко А.Ю., Чупрына Ю.А.* Киевская Русь глазами людей бунташного века // *Вестник СПбГУ. История*. 2025. Т. 70, № 4. С. 931–957.
9. *Ерусалимский К.Ю.* История на посольской службе: дипломатия и память в России XVI в. М.: Изд. дом ГУ ВШЭ, 2005. 55 с.
10. *Ерусалимский К.Ю.* Понятие «история» в русском историописании XVI века // *Образы прошлого и коллективная идентичность в Европе до начала Нового времени* / отв. ред. Л.П. Репина. М.: Круг, 2003. С. 365–401.

11. *Затилюк Я.В.* Минуте Русі у київських творах XVII століття: тексти, автори, читачі: дис. ... канд. іст. наук. Київ, 2013. 371 с.
12. Исторические песни XVII века / изд. подгот. О.Б. Алексеева [и др.] М.; Л.: Наука, 1966. 385 с.
13. *Кочегаров К.А.* Древнерусское прошлое в политических концепциях украинской элиты второй половины XVII века // *Славяноведение*. 2015. № 2. С. 19–38.
14. *Кочегаров К.А.* Украина и Россия во второй половине XVII века: политика, дипломатия, культура. Очерки. М.: Квадрига, 2019. 422 с.
15. *Криничная Н.А.* Народные исторические песни начала XVII века. Л.: Наука, 1974. 180 с.
16. Латухинская степенная книга. 1676 год / подгот. изд. Н.Н. Покровский, А.В. Сиринов; отв. ред. Н.Н. Покровский. М.: Языки славянской культуры, 2012. 878 с.
17. Мазуринский летописец // Полное собрание русских летописей. Летописцы последней четверти XVII в. М.: Наука, 1968. Т. 31. С. 11–179.
18. Мобилизованное Средневековье: в 2 т. Т. 2: Средневековая история на службе национальной и государственной идеологии в России / под ред. А.И. Филюшкина. СПб.: Изд-во СПб. ун-та, 2022. 560 с.
19. *Морозова Л.Е.* Смута начала XVII века в сочинениях современников. М.: Кучково поле, Киммерийский центр, 2017. 864 с.
20. *Морозова Л.Е.* Смута начала XVII века глазами современников. М.: ИРИ, 2000. 463 с.
21. *Мыльников А.С.* Картина славянского мира: взгляд из Восточной Европы: Этногенетические легенды, догадки, протогипотезы XVI – начала XVIII века. СПб.: Центр «Петербургское Востоковедение», 1996. 314 с.
22. *Мыцык Ю.А.* Украинские летописи XVII века: учеб. пособие. Днепропетровск: Днепропетров. гос. ун-т, 1978. 87 с.
23. *Неменский О.Б.* История Руси в «Палинодии» Захарии (Копыстенского) и «Обороне унии» Льва Кривозы // Україна та Росія: Проблеми політичних і соціо-культурних відносин. Київ: Інститут історії України НАН України, 2003. С. 409–434.
24. *Неменский О.Б.* Свв. Кирилл и Мефодий как крестители Руси в православной и униатской мысли Речи Посполитой в первой половине XVII в. // *Славянский альманах*: 2012. М.: Индик, 2013. С. 78–86.
25. *Покровский Н.Н.* Латухинская Степенная книга – история единого Государства Российского // *Наука из первых рук*. 2011. № 6 (42). С. 58–75.
26. Равноапостольные князь Владимир и княгиня Ольга. Исторический выбор России / сост. Н.М. Абраменко и др. М.: Лето, 2019. 573 с.
27. Российская национальная библиотека. Ф. 550. F. IV. 215. Сборник исторический, конец XVII в.

28. Сиренов А. В. Степенная книга и русская историческая мысль XVI–XVIII вв. М.; СПб.: Альянс-Архео, 2010. 552 с.

29. Солодкин Я. Г. Очерки по истории общерусского летописания конца XVI – первой трети XVII веков. Нижневартовск: Изд-во Нижневарт. гуманит. ун-та, 2008. 237 с.

30. Софонович Ф. Хроніка з літописців стародавніх / передм., комент. Ю. А. Мицика, В. М. Кравченка. Київ: Наукова думка, 1992. 336 с.

31. Флоря Б. Н. Россия и восточнославянские земли Польско-Литовского государства в конце XVI – первой половине XVII в. Политические и культурные связи. М.: Индрик, 2019. 478 с.

32. Чистякова Е. В., Богданов А. П. «Да будет потомкам явлено...»: Очерки о русских историках второй половины XVII века и их трудах. М.: Изд-во УДН, 1988. 134 с.

33. Чупрына Ю. А. Великое княжество Литовское в исторической памяти русских земель первой половины XVII века // Русин. 2023. № 73. С. 67–84. doi: 10.17223/18572685/73/5

REFERENCES

1. Bogdanov, A.P. (2024) *Obshcherusskoe letopisanie kontsa XVII veka* [All-Russian Chronicle Writing of the Late 17th Century]. Moscow: Al'ma Mater.

2. Bogdanov, A.P. (2022) Power of the Legend: The Tale of Sloven and Rus in Russian Chronicles of the 17th Century. *Studia Litterarum*. 7(1). pp. 184–201. doi: 10.22455/2500-4247-2022-7-1-184-201

3. Buganov, V.I. (1975) *Otechestvennaya istoriografiya russkogo letopisaniya. Obzor sovetskoy literatury* [Russian Historiography of the Russian Chronicle. A Review of Soviet Literature]. Moscow: Nauka.

4. Bulanin, D.M. & Turilov, A.A. (1998) Skazanie o Slovene i Ruse [The Legend of Sloven and Rus]. In: *Slovar' knizhnikov i knizhnosti Drevney Rusi* [Dictionary of Scribes and Bookishness of Old Rus]. Vol. 3(3). St. Petersburg: Dmitriy Bulanin. pp. 444–447.

5. Vasenko, P.G. (1902) *Zametki k Latukhinskoy stepennoy knige* [Notes on the Latukhin Book of Royal Degrees]. St. Petersburg: Imperial Academy of Sciences.

6. Gizel, I. (1674) *Sinopsis ili Kratkoe sobranie ot raznykh letopistsev o nachale slavyano-rossiyskogo naroda, i pervonachal'nykh knyazey bogospasaemago grada Kieva* [Synopsis, or a Concise Compilation from Various Chroniclers about the Origins of the Slavic-Russian People and the Early Princes of the God-Blessed City of Kiev]. Kiev: Tipografiya Lavry.

7. Gizel, I. (1680) *Sinopsis ili Kratkoe sobranie ot raznykh letopistsev o nachale slavyano-rossiyskogo naroda, i pervonachal'nykh knyazey bogospasaemago grada Kieva* [Synopsis, or a Concise Compilation from Various Chroniclers about the

Origins of the Slavic-Russian People and the Early Princes of the God-Blessed City of Kiev]. Kiev: Tipografiya Lavry.

8. Dvornichenko, A.Yu. & Chupryna, Yu.A. (2025) Kievskaja Rus' glazami ljudej buntashnogo veka [Kievan Rus through the Eyes of People of the Rebellious Century]. *Vestnik of Saint Petersburg University. History*. 70(4). pp. 931–957.

9. Erusalimsky, K.Y. (2005) *Istoriya na posol'skoy sluzhbe: diplomatiya i pamyat' v Rossii XVI v.* [History at Diplomatic service: Diplomacy and Memory in the 16th Century Russia]. Moscow: HSE.

10. Erusalimsky, K.Y. (2003) Ponyatie “istoriya” v russkom istoriopisanii XVI veka. [The concept of “history” in the Russian historiography of the 16th century]. In: *Obrazy proshlogo i kollektivnaya identichnost' v Evrope do nachala Novogo vremeni* [Images of the Past and Collective Identities in Europe before the Modern Age]. Moscow: Krug. pp. 365–401.

11. Zatylyuk, Ya.V. (2013) *Minule Rusi u kiivs'kikh tvorakh XVII stolittya: teksti, avtori, chitachi* [The Past of Rus' in 17th-Century Kievan Narratives: Texts, Authors, Readers]. History Cand. Diss. Kiev.

12. Alekseeva, O.B. (ed.) (1966) *Istoricheskie pesni XVII veka* [Historical Songs of the 17th Century]. Moscow, Leningrad: Nauka.

13. Kochegarov, K.A. (2015) Drevnerusskoe proshloe v politicheskikh kontseptsiyakh ukrainskoy elity vtoroy poloviny XVII veka [The Old Rus Past in the Political Concepts of the Ukrainian Elite of the Second Half of the 17th Century]. *Slavyanovedenie*. 2. pp. 19–38.

14. Kochegarov, K.A. (2019) *Ukraina i Rossiya vo vtoroy polovine XVII veka: politika, diplomatiya, kul'tura. Ocherki* [Ukraine and Russia in the Second Half of the 17th Century: Politics, Diplomacy, Culture. The Essays]. Moscow: Kvadriga.

15. Krinichnaya, N.A. (1974) *Narodnye istoricheskie pesni nachala XVII veka* [Folk Historical Songs of the Early 17th Century]. Leningrad: Nauka.

16. Pokrovskiy, N.N. (2012) *Latukhinskaya stepennaya kniga. 1676 god* [The Latukhin Book of Royal Degrees. 1676]. Moscow: Yazyki slavyanskoy kul'tury.

17. Bugarov V.I. (ed.) (1968) Mazurinskiy letopisets [The Mazurin Chronicle]. In: *Polnoe sobranie russkikh letopisey. Letopisty posledney chetverti XVII v.* [Complete Collection of Russian Chronicles. Chroniclers of the Last Quarter of the 17th Century]. Vol. 31. Moscow: Nauka. pp. 11–179.

18. Filyushkin, A.I. (ed.) (2022) *Mobilizovannoe Srednevekov'e: v 2 t.* [The Mobilized Middle Ages: in 2 vols.]. Vol. 2. St. Petersburg: St. Petersburg State University.

19. Morozova, L.E. (2017) *Smuta nachala XVII veka v sochineniyakh sovremennikov* [The Early 17th-Century Time of Troubles in the Works of Contemporaries]. Moscow: Kuchkovo pole, Kimmeriyskiy tsentr.

20. Morozova, L.E. (2000) *Smuta nachala XVII veka glazami sovremennikov* [The Early 17th-Century Time of Troubles as Seen by Contemporaries]. Moscow: Institute of Russian History.

21. Mylnikov, A.S. (1996) *Kartina slavyanskogo mira: vzglyad iz Vostochnoy Evropy: Etnogeneticheskie legendy, dogadki, protogipotezy XVI – nachala XVIII veka* [The Picture of the Slavic World: The View from Eastern Europe: Ethnic Legends, Preassumptions, Protohypotheses (16th – beginning of the 18th Century)]. St. Petersburg: Peterburgskoe vostokovedenie.

22. Mytsyk, Yu.A. (1978) *Ukrainskie letopisi XVII veka* [Ukrainian Chronicles of the 17th Century]. Dnepropetrovsk: Dnepropetrovsk State University.

23. Nemenskiy, O.B. (2003) Istoriya Rusi v “Palinodii” Zacharii (Kopystenskogo) i “Oborone unii” L’va Krevzy [The History of Rus’ in “Palinody” by Zachariah (Kopystensky) and “Defense of the Union” by Lev Krevza]. In: *Ukrai’na ta Rosiya: Problemi politichnikh i sotsio-kul’turnikh vidnosin.* [Ukraine and Russia: problems of political and socio-cultural relations]. Kiev: Institute of History of Ukraine of the National Academy of Sciences of Ukraine. pp. 409–434.

24. Nemenskiy, O.B. (2013) St. Cyril and Methodius as the Baptizers of Russia in Orthodox and Unitarian Ideas of Rzech Pospolita in the First Half of the Seventeenth Century. In: *Slavyanskiy al’manakh: 2012* [Slavic Almanac: 2012]. Moscow: Indrik. pp. 78–86.

25. Pokrovskiy, N.N. (2011) Latukhinskaya Stepennaya kniga – istoriya edinogo Gosudarstva Rossiyskogo [The Latukhin Book of Royal Degrees is the History of the Unified Russian State]. *Nauka iz perykh ruk.* 6(42). pp. 58–75.

26. Abramenko, N.M. (ed.) (2019) *Ravnoapostol’nye knyaz’Vladimir i knyaginya Ol’ga. Istoricheskiy vybor Rossii* [Equal-to-the-Apostles Prince Vladimir and Princess Olga: Russia’s Historical Choice]. Moscow: Leto.

27. The National Library of Russia (RNB). *Sbornik istoricheskoy, konets XVII v.* [Book of History, Late 17th Century]. Fund 550. File F.IV.215.

28. Sirenov, A.V. (2010) *Stepennaya kniga i russkaya istoricheskaya mysl’ XVI–XVIII vv.* [The Book of Royal Degrees and Russian Historical Thought of the 16th–18th Centuries]. Moscow, St. Petersburg: Al’yans-Arkheo.

29. Solodkin, Ya.G. (2008) *Ocherki po istorii obshcherusskogo letopisaniya kontsa XVI – pervoy treti XVII vekov: Monografiya.* [Essays on the History of All-Russian Chronicle Writing from the Late 16th to the First Third of the 17th Century: Monograph]. Nizhnevartovsk: Nizhnevartovsk University for the Humanities.

30. Smoliy, V.A. (ed.) (1992) *Sofonovich F. Khronika z litopistsiv starodavnikh* [F. Sofonovich. Chronicle from the Old Chronicles]. Kiev: Naukova dumka.

31. Florya, B.N. (2019) *Rossiya i vostochnoslavyanskije zemli Pol’sko-Litovskogo gosudarstva v kontse XVI – pervoy polovine XVII v. Politicheskie i kul’turnye svyazi* [Russia and the East Slavic Lands of the Polish-Lithuanian Commonwealth in the Late 16th – First Half of the 17th Century. Political and Cultural Ties]. Moscow: Indrik.

32. Chistyakova, E.V. & Bogdanov, A.P. (1988) “*Da budet potomkam yavleno...*”: *Ocherki o russkikh istorikakh vtoroy poloviny XVII veka i ikh trudakh* [“Let It Be

Revealed to Posterity...”: Essays on Russian Historians of the Second Half of the 17th Century and Their Works]. Moscow: RUDN.

33. Chupryna, Yu.A. (2023) The Grand Duchy of Lithuania in the Historical Memory of the Ruthenian Lands in the First Half of the 17th Century. *Rusin*. 73. pp. 67–84. doi: 10.17223/18572685/73/5

Чупрына Юлия Алексеевна – ассистент кафедры истории России с древнейших времён до XX века Института истории Санкт-Петербургского государственного университета (Россия).

Yulia A. Chupryna – St. Petersburg State University (Russia).

E-mail: y.chupryna@spbu.ru

УДК 94(47).05(436)

UDC

DOI: 10.17223/18572685/82/5

Переселение учителей-угрорусов в Россию на рубеже 60–70-х гг. XIX в.

А.Н. Птицын

Северо-Кавказский федеральный университет
Россия, 355017, Ставропольский край, г. Ставрополь, ул. Пушкина, 1
E-mail: ptiandr@gmail.com

Авторское резюме

Угорская Русь была одной из отсталых окраин Габсбургской монархии, но некоторые её уроженцы имели возможность получить высшее образование и стать преподавателями высших и средних учебных заведений. В XIX в. их охотно приглашали на работу в Россию, где в них видели европейски образованных «единоплеменников», близких по вере и способных быстрее других иностранцев освоить русский литературный язык. Можно выделить две волны русинской интеллектуальной эмиграции в Российскую империю: в начале XIX в. и в 1860–1870-е гг. Их предпосылками стали проводимые в эти периоды образовательные реформы, в ходе которых создавались новые учебные заведения, педагогов для которых приходилось искать в том числе за границей. В 1803–1804 гг. Михаил Андреевич Балугьянский, Пётр Дмитриевич Лодий и Василий Григорьевич Кукольник – трое угрорусов – стали профессорами открытого в Петербурге Педагогического института. После преобразования этого института в Петербургский университет они продолжали там свою службу, причём Балугьянский был избран его первым ректором. Их земляк Иван Семёнович Орлай в 1820-е гг. был директором Гимназии высших наук в Нежине и Ришельевского лицея в Одессе. Вторая, более массовая волна переселения преподавателей-русинов была вызвана гимназической реформой 1864–1871 гг., в ходе которой мужские гимназии были преобразованы в классические. Для них потребовалось много преподавателей латинского и древнегреческого языков, и их нехватка была частично восполнена за счёт массового приглашения из славянских земель Австро-Венгрии. Около трети среди приглашённых педагогов составили русины из Галиции, Угорской Руси и Буковины. Первыми угрорусами, принятыми в российские гимназии в период гимназической реформы, стали Юрий Юрьевич Ходобай, Пётр Иванович Феерчак и Виктор Фёдорович Кимак. На их примере можно рассмотреть механизмы эмиграции и адаптации русинских педагогов.

Ключевые слова: угорские русины, эмиграция, Российская империя, Москва, Одесса, гимназии, учителя древних языков, Ходобай, Феерчак, Кимак

Migration of Ugric Rusin teachers to Russia at the turn of the 1870s

Andrey N. Ptitsyn

North-Caucasus Federal University
1 Pushkin Street, Stavropol, Stavropol Region, 355017, Russia
E-mail: ptiandr@gmail.com

Abstract

Hungarian Rus was one of the most underdeveloped peripheries of the Habsburg Monarchy, yet some of its natives had the opportunity to receive higher education and become teachers in higher and secondary educational institutions. In the 19th century, they were eagerly invited to work in Russia, where they were seen as European-educated “fellow tribesmen,” close in faith and capable of mastering the Russian literary language more quickly than other foreigners. Two waves of Rusin intellectual emigration to the Russian Empire can be identified: in the early 19th century and in the 1860s–1870s. Their precondition was the educational reforms implemented during these periods. The shortage of own qualified personnel was the reason to turn abroad in search of educators. In 1803–1804, three Ugro-Rusins became professors at the newly opened St. Petersburg Pedagogical Institute: Mikhail Andreyevich Balugjanski, Pyotr Dmitriyevich Lodiy, and Vasily Grigoryevich Kukolnik. After this institute had been transformed into St. Petersburg University, they continued their service there, with Balugjanski being elected its first rector. Their compatriot Ivan Semyonovich Orlay served as director of the Gymnasium of Higher Sciences in Nizhyn and the Richelieu Lyceum in Odessa in the 1820s. The second, more mass wave of Rusin teacher migration was triggered by the gymnasium reform of 1864–1871, during which boys’ gymnasiums were converted into classical ones. This created a high demand for teachers of Latin and Ancient Greek, and the shortage was partially met through the mass recruitment of educators from the Slavic lands of Austria-Hungary. Approximately one-third of the invited teachers were Rusins from Galicia, Ugro-Rus, and Bukovina. The first Ugro-Rusins accepted into Russian gymnasiums during this reform were Yury Yuryevich Hodobai, Pyotr Ivanovich Feyerchak, and Viktor Fyodorovich Kimak. Their example allows for an examination of the mechanisms of emigration and adaptation among Rusin educators.

Keywords: Ugric Rusins, emigration, Russian Empire, Moscow, Odessa, classical gymnasiums, teachers of ancient languages, Hodobai, Fejerchak, Kimak

Переселение карпаторусских интеллектуалов в Россию в начале XIX в. было изучено довольно подробно Т. Байцурой, Н.М. Пашаевой и рядом других авторов [3; 17; 18]. А вот вторая переселенческая волна 60–70-х гг. до сих пор рассматривалась лишь фрагментарно. Её общий обзор дали О.М. Сухий [32], С.Г. Суляк [30; 31], А.Н. Птицын [19; 20] и другие исследователи, при этом главное внимание уделялось галичанам. Биографические сведения об отдельных учителях-эмигрантах из числа угрорусов содержат обзорные и справочные издания Е.Л. Недзельского, И.И. Попа, В.П. Смышляевой и др. [14; 18; 28].

Кампания по приглашению зарубежных филологов в российские гимназии проходила с середины 1860-х до начала 1880-х гг. Её участниками стали около 200 человек [26]. Молодые славянские учителя и студенты охотно переезжали в Россию, поскольку часто были недовольны своим положением и перспективами на родине, а также придерживались панславистских и русофильских взглядов. Для угрорусских учителей существенным фактором, толкавшим их к эмиграции, стала политика мадьяризации, которую венгерское правительство активно проводило после образования дуалистической Австро-Венгрии в 1867 г. [19: 93–95].

Приглашённых учителей в России стали называть славянскими стипендиатами, поскольку они вначале проходили обучение и переподготовку в Петербурге, получая стипендии Министерства народного просвещения (МНП). Более половины из них были чехами, треть – русинами (примерно 70 человек), за ними в порядке убывания следовали немногочисленные словенцы, словаки, хорваты и сербы. Подавляющее большинство русинов-стипендиатов были галичанами, буковинцев среди них насчитывалось менее десятка, а угрорусов – лишь полдесятка [26].

В первые годы кампании по набору славянских стипендиатов (вторая половина 60-х – начало 70-х гг.) в их число были зачислены трое угрорусов – Ю.Ю. Ходобай, П.И. Феерчак и В.Ф. Кимак, чья российская карьера будет рассмотрена ниже. Следует назвать ещё двух, поступивших на российскую службу позднее, во второй половине 1870-х гг. Илларион Семёнович Кулланда (1848–1922) с 1877 г. до 1904 г. преподавал древние и новые языки в гимназиях и других учебных заведениях г. Пензы [2: 41, 48; 26: 29]. Эммануил Иванович Грабарь-Храбров (1831–1910) служил учителем немецкого и французского языков в прогимназии г. Егорьевска (с 1876 г.), гимназиях г. Измаила (с 1882 г.), а закончил карьеру в качестве помощника

инспектора студентов в Юрьевском (Дерптском) университете (в 1895–1902 гг.) [7: 18, 28, 101].

Первым угрорусским эмигрантом «второй волны» стал Юрий Юрьевич Ходобай (Годобай) (15.05.1835–18.10.1889). Он родился в семье греко-католического священника в селе Ярембине в Спишском комитате Венгрии (ныне – Восточная Словакия). Закончив в 1856 г. Кошицкую гимназию, в течение двух лет учился на богословском факультете в Прешове, после чего прошёл полный курс обучения на филологическом отделении Грацкого университета. С 1861 г. работал преподавателем классических языков в гимназиях Ужгорода и Левочи (Спишский комитат). Сдал государственный учительский экзамен, необходимый для получения штатного места в гимназии. Также Ходобай принял духовный сан греко-униатского священника, но своего прихода не имел и исполнял пастырскую службу при гимназии [22: 12; 28: 486].

Поиском, отбором и приглашением славянских стипендиатов занимался главным образом протоиерей Михаил Фёдорович Раевский, настоятель русской посольской церкви Св. Николая в Вене. Именно он был инициатором этой акции, подав в конце 1865 г. соответствующее предложение министру народного просвещения А.В. Головнину. Оно было одобрено министром и Александром II, причём было решено вести дело неофициально, поручив его тому же Раевскому, чтобы не вызвать недовольства габсбургского правительства [22: 2].

Ю.Ю. Ходобай познакомился с отцом Михаилом Раевским в 1866 г. в Вене при посредничестве А.И. Добрянского, лидера угрорусского национального движения [22: 22]. По свидетельству внука последнего, известного художника и искусствоведа И.Э. Грабаря, жена Ходобая – Аделина Александровна – приходилась племянницей жене Добрянского Элеоноре Иосифовне [7: 21].

Хотя вопрос о переезде молодого учителя в Россию был затронут уже на его первой встрече с венским священником, до конкретных действий дело дошло лишь через два года. В письме Раевскому от 22 мая 1868 г. Ходобай заявил, что «с превеликою охотой» поступил бы «на службу Империи Российской и принял кафедру латинского и греческого языков при одной из реорганизованных гимназий», поскольку «давно уже расположился жить между своими и не сносить выговоры и разные оскорбления, не слышать угрозы за искреннюю любовь к родному» [22: 22–22 об.]. В этой связи он сообщил о предстоявшем ему по окончании учебного года переводе из Левочи «в страну совсем мадьярскую за мнимый панславизм» [22: 23 об.]. В таком случае переезд в Россию виделся учителю более предпочтительной альтернативой. Примечательно, что подобные мотивы

для переселения будут высказывать и другие учителя из числа его земляков.

В то же время Ходобай не упускал из виду и материальный аспект дела. В том же письме он выразил надежду на получение достаточного пособия на переезд вместе с женой и сыном, назначение достойного жалования и зачисление на гражданскую службу, как это было сделано для учителей-галичан, переселившихся в Россию ранее [22: 22–23].

М.Ф. Раевский в своём письме товарищу министра народного просвещения И.Д. Делянову от 6 июня 1868 г. рекомендовал Ходобая как опытного учителя, семейного человека и славянского патриота и особо отметил знание им русского языка, приложив полученное от него письмо. На этом основании он ходатайствовал о зачислении угроруса на службу и выдаче ему повышенной суммы на переезд – 400 руб. вместо обычных 100 руб. [22: 13]. И.Д. Делянов проинформировал об этом предложении попечителя Московского учебного округа князя А.П. Ширинского-Шихматова, и тот согласился предоставить Ходобаю место в одной из подведомственных ему гимназий при условии сдачи тем экзамена по древним языкам [22: 29].

В начале декабря 1868 г. Юрий Юрьевич прибыл в Москву и уже через месяц выдержал требуемый экзамен на историко-филологическом факультете Московского университета. В январе 1869 г. он был назначен учителем латинского языка в Тульскую гимназию [22: 87]. Полгода спустя Ходобай был переведён в недавно открытый московский Лицей в память цесаревича Николая, который основал и возглавлял известный публицист М.Н. Катков. Там угрорус получил должность тьютора (тьютора, наставника) гимназических классов и преподавателя латинского языка с жалованием 900 руб. в год и казённой квартирой. В этой связи следует заметить, что институт тьюторов в России впервые появился именно в Катковском лицее. Также интересно, что одновременно с Ходобаем аналогичную должность занял учитель-словак Э.В. Чёрный. В лицее угрорусский педагог проработал 13 лет, до 1882 г. [4: 147–148; 9: 465, 551; 10: 559].

В том же 1869 г. Ю. Ходобай одновременно с должностью в лицее получил место учителя латинского языка в 3-й Московской мужской гимназии с жалованием 1200 руб. в год. Совмещение привело к большой загруженности педагога, но обеспечило материальный достаток. В указанной гимназии он проработал ровно 20 лет. В 1870-е гг. угрорус принял российское подданство и перешёл в православие. Постепенно продвигаясь по карьерной лестнице, он достиг чина статского советника, максимального для обычного учителя [4: 147–148; 28: 486].

По воспоминаниям коллег, Юрий Юрьевич был неутомимым тружеником. Его рабочий день «начинался с 7 часов утра... с 9 до 3-х шли классные занятия, после 3-х он давал частные уроки. После краткого обеденного промежутка с 7 часов вечера он снова был в лицее и возвращался домой в 10 часов вечера. Непомерные труды надорвали его здоровье» [10: 559]. В памяти учеников угрорус остался как строгий преподаватель, методично и упорно выполнявший свои обязанности. Один из бывших учеников Катковского лицея написал о нём так: «В необходимости своего кропотливого методического чтения он был столь же уверен, сколь была бы уверена египетская мумия, если бы её воскресили и предложили обучать своему диалекту. Горячий, он сдерживал свой гнев перед беззаботностью лентяев, презрительно фыркал носом, прикидывался равнодушным и гортанным выговором своим, вывезенным из-за Карпат, обрубал как палач: “Не хотите учиться? Что ж, останетесь на второй год”» [28: 487].

Ходобай придерживался весьма консервативных взглядов, ориентируясь на М.Н. Каткова, и старался подчёркивать свою политическую лояльность. Знаменитый историк Н.И. Кареев, работавший в 1870-е гг. учителем 3-й Московской гимназии, в своих мемуарах называл своего коллегу из Карпатской Руси «настоящим человеком в футляре» и «ревностным блюстителем министерских предписаний» [11: 137]. Также историк приводил случай, когда при выборе директором гимназии текстов из Тита Ливия для чтения в классах «сердитый угрорус Ходобай» категорически возражал против включения отрывка о борьбе римских плебеев против патрициев, поскольку опасался, что подобные темы могут способствовать воспитанию будущих революционеров [11: 137–138].

Прибыв в Россию в период гимназической реформы, Юрий Юрьевич, как и другие учителя, столкнулся с острой нехваткой учебной и методической литературы по древним языкам. Будучи европейски образованным филологом, он совместно со своим коллегой по лицее и гимназии П.А. Виноградовым подготовил на основе немецких учебников целый комплекс учебных пособий по латинскому языку. Они получили одобрение МНП и выдержали множество переизданий. Базовое учебное пособие «Латинская грамматика д-ра Ф. Шульца, обработанная для русских гимназий Ю. Ходобаем» выходило из печати с 1872 г. по 1904 г. в общей сложности 17 раз. Его дополняли «Книга упражнений к “Латинской грамматике д-ра Ф. Шульца”» (13 изданий), «Сборник статей для перевода с русского языка на латинский» (4 издания) и двухтомный «Полный русско-латинский словарь» (3 издания). По этим пособиям училось большинство тогдашних русских гимназистов [28: 486].

Часто переиздававшиеся учебные пособия принесли Ходобаю, по свидетельству родственника его жены И.Э. Грабаря, «изрядный доход», на который им было куплено имение Титово в Калужской губернии, включавшее несколько сот десятин пахотной земли и леса, а также старинный помещичий дом. Так учитель из Закарпатья стал русским помещиком. Семья Ходобаев проводила в имении летние месяцы [7: 29, 54]

В 1889 г. Юрий Юрьевич по болезни ушёл в отставку и в том же году скончался в Титово на 55-м году жизни [28: 486]. Его сын Борис Ходобай служил обер-секретарём в Сенате и в 1902 г. стал одним из основателей «Галицко-Русского благотворительного общества» в Петербурге [6: 5]. В целом жизнь Ю.Ю. Ходобая в России может служить примером удачной адаптации учителя-эмигранта.

Весьма успешно сложилась и российская карьера Петра Ивановича Феерчака (1844–30.04.1919). Он родился в семье греко-униатского священника в русинском селе Матисова (ныне – Пряшевский край Словакии). После окончания гимназии поступил в Пештский университет, вначале на богословский факультет, а через год перевёлся на философский, где в течение двух лет изучал преимущественно естественные науки. После этого ещё год проучился в Венском университете и сдал экзамен на звание учителя естествознания и математики [25: 10].

С 1867 г. П.И. Феерчак работал учителем естественной истории, физики, математики и географии в реальной гимназии венгерского города Буда, позднее вошедшего в состав Будапешта. Одновременно он служил переводчиком с русского и других славянских языков при венгерском Министерстве просвещения [25: 10–10 об.]. Молодой педагог также являлся редактором-переводчиком русинской версии «Газеты для народных учителей», которая издавалась этим Министерством на языках основных народов Венгрии. Благодаря Феерчаку это издание, по его собственным словам, выходило «приблизительно на литературном русском языке» [33: 40]. Однако затем министерскому руководству стало известно, что «на глазах его и на его же средства» выходит газета на «московском языке», и оно заменило редактора-переводчика на хорвата Ференца, профессора славянских языков Пештского университета, который стал издавать её на украинском языке [33: 40].

Поступлению Феерчака на российскую службу, помимо общих для педагогов-русинов мотивов, способствовали личные, можно даже сказать, романтические обстоятельства. Он познакомился с русским протоиереем Василием Мироновичем Войтковским, служившим в 1850–1860-е гг. настоятелем православного храма-усыпальницы

св. царицы Александры в Ирёме близ Буды (там была похоронена русская великая княжна Александра Павловна, вышедшая замуж за австрийского эрцгерцога Иосифа) [12: 1, 11]. После знакомства молодого учителя с семьёй русского священника у него сложились романтические отношения с одной из дочерей последнего. По свидетельству протоиерея Михаила Раевского, близкого знакомого отца Василия Войтковского, тот не желал выдавать свою дочь замуж «за австрийца», но не возражал против её брака с учителем, поступившим на российскую службу [25: 6].

По просьбе ирёмского священника М.Ф. Раевский в письме к А.И. Георгиевскому (одному из руководителей МНП, курировавшему «славянских стипендиатов») от 14 декабря 1868 г. отрекомендовал П.И. Феерчака как «дельного человека, которому место давно в России» [25: 4]. При этом он указал на отсутствие у кандидата филологического образования, но выразил уверенность в том, что тот достаточно подробно изучил древние языки в гимназии и университете и сможет их преподавать после дополнительной подготовки [25: 4].

К этим аргументам руководители МНП прислушались. Но согласно установленным правилам приёма в число славянских стипендиатов, учителю из Буды пришлось пройти проверочное испытание, как и всем, кто не имел австро-венгерского диплома учителя древних языков. Оно заключалось в написании автобиографии на латинском языке и переводе на русский язык фрагментов сочинений Геродота и Тита Ливия под наблюдением протоиерея Раевского или его представителя. Выполненные Феерчаком работы, согласно установленному порядку, были пересланы в Петербург и после проверки университетскими преподавателями признаны удовлетворительными [25: 12]. После этого 3 июня 1869 г. он был зачислен в состав славянских стипендиатов. Благодаря ходатайствам Войтковского и Раевского ему были выделены повышенные пособие на переезд (400 руб.) и стипендия (66 руб. в месяц вместо обычных 37 руб.) [23: 129].

В Петербург П. Феерчак приехал 1 августа 1869 г., причём накануне Раевский написал Делянову письмо с просьбой поручить кому-нибудь встретить его и помочь с обустройством [25: 17]. В российской столице молодой педагог провёл полгода. Он слушал в университете лекции по классической филологии и посещал практические занятия по древним и русскому языкам, которые вели со стипендиатами прикрепленные к ним преподаватели. В феврале 1870 г. карпаторус успешно сдал экзамен на звание учителя древних языков на историко-филологическом факультете Петербургского университета и был зачислен на службу [26: 8].

П.И. Феерчак получил назначение в Одессу в качестве преподавателя древних языков 1-й Одесской Ришельевской гимназии. В этом городе прошло всё его дальнейшее служение (любопытно, что там же вместе с семьёй поселился вернувшийся из Венгрии протоиерей Войтковский, ставший в 1870 г. профессором церковной истории Новороссийского университета) [12: 1–2].

Летом 1873 г. Петра Ивановича перевели в 1-ю Одесскую мужскую прогимназию, где он проработал почти 20 лет [8: 148–150]. Угрюрус принял православие и российское подданство, в 1882 г. получил чин статского советника. Его служебная характеристика, составленная в том же году, была не очень хорошей: «С древними языками знаком настолько, что может преподавать их в четырёх низших классах, но и здесь его преподавание чисто механическое, у него нет любви к своему предмету, а потому успех дела не может считаться обеспеченным» [26: 8]. Очевидно, Феерчаку мешало отсутствие базового филологического образования.

В то же время уроженец Закарпатья обладал организаторскими способностями, которые были замечены руководством. В ноябре 1883 г. Феерчак был назначен инспектором той же 1-й Одесской прогимназии, где преподавал (во главе прогимназии стоял инспектор, во главе гимназии – директор, а его заместитель также назывался инспектором). В первый же год после назначения Пётр Иванович организовал переезд учебного заведения в новое, более просторное и приспособленное здание, где имелась казённая квартира и для инспектора. Его годовой заработок составлял 2,1 тыс. руб. По ходатайству инспектора весной 1892 г. эта прогимназия из четырёхклассной была преобразована в шестиклассную [8: 27–30].

Работа Феерчака во главе прогимназии была признана успешной, и в августе 1892 г. он был назначен директором 3-й Одесской мужской гимназии. Она была довольно новой, хорошо устроенной и пользовалась авторитетом в городе. Директор-угрюрус руководил ею разумно и с успехом в течение 11 лет. Зарабатывал он 2,3 тыс. руб. в год, а после выслуги 25 лет стажа стал получать ещё и пенсию (800 руб., а позднее – 950 руб. в год). В период своего директорства Пётр Иванович также был председателем попечительского совета частной Одесской женской гимназии С.И. Вадинской с годовым вознаграждением 600 руб. В мае 1896 г. он получил чин действительного статского советника (4-й по старшинству чин Табели о рангах, дававший права потомственного дворянства). За годы службы педагог был награждён орденами Св. Владимира 3-й степени, Св. Анны 2-й степени, Св. Станислава 2-й степени и др. [29: 670].

В ноябре 1903 г., на пороге своего 60-летия, Феерчак «по прошению» был уволен со службы, после чего продолжал жить в Одессе, занимаясь общественной и литературной деятельностью. В течение пяти лет после отставки он был членом правления Славянского благотворительного общества в Одессе, в состав которого входил и раньше [5: 396].

Во время работы в Одессе Феерчак опубликовал несколько научных и публицистических трудов. Наиболее значимая из них – «Очерк литературного движения угорских русских» (1888) – стала первой работой по истории угрорусской литературы и журналистики и одновременно познакомила российских читателей с этим малоизвестным регионом [33]. Таким образом, можно сделать вывод, что учитель-эмигрант продолжал сохранять связи с родиной и заниматься её изучением. Также он был автором нескольких статей и брошюр, посвящённых истории одесских учебных заведений и биографии своего земляка слависта Ю.И. Венелина.

Пётр Иванович имел двух сыновей и дочь, и в дальнейшем он остался вдовцом [29: 670]. Его старший сын Борис продолжил дело отца и с конца 90-х гг. до Первой мировой войны преподавал русский и латинский языки в одесских гимназиях [16: 145]. Скончался П.И. Феерчак в апреле 1919 г. в Одессе в возрасте 75 лет и был похоронен на 2-м христианском кладбище, сохранив о себе в городе добрую память [15].

Угрорус Виктор Фёдорович Кимак (16/28.11.1839 – не ранее 1906), как и Ю. Ходобай и П. Феерчак, родился на территории Верхней Венгрии (в то время название Словакии). Он учился в Ужгородской гимназии и греко-католической духовной семинарии в том же городе. Высшее образование получил в Пештском университете, где изучал филологию и богословие, там же в 1867 г. сдал экзамен на звание учителя древних языков. В 1860-е гг. работал преподавателем древних языков и истории в Ужгородской гимназии, сначала внештатным, затем штатным [21: 1–2; 24: 1].

Кимак придерживался русофильских взглядов и активно участвовал в угрорусском национальном движении. Он являлся одним из наиболее деятельных членов культурно-просветительского Общества Св. Василия Великого в Ужгороде, занимал в нём должность товарища (заместителя) председателя. При поддержке этой организации он издал на русском языке несколько месяцесловов (календарей) для русинов и трёхтомный учебник всемирной истории, который использовался в школах Закарпатской Руси [14: 186; 24: 1].

В 1869–1871 гг. Кимак был редактором еженедельной газеты «Свет», которая издавалась тем же Обществом в Ужгороде. Она

печатались на языке, близком к русскому литературному, и таким образом знакомила с ним русинов. Газета освещала жизнь Карпатской Руси, пропагандировала связи с Россией, боролась против политики мадьяризации и её проводников (мукачевского епископа Стефана Панковича и др.) [14: 182; 33: 27, 36]. В качестве редактора Виктор Фёдорович завязал переписку с протоиереем Раевским и получил через него субсидию для еженедельника от Московского славянского благотворительного комитета [9: 203]. После того как в начале 1871 г. под давлением «мадьяризаторов» Кимака отстранили от редактирования «Света», он стал издавать новую сатирическую иллюстрированную газету «Сова», которая придерживалась того же направления, но и она через несколько месяцев была закрыта, а издатель оштрафован [14: 183; 33: 39].

Чтобы пресечь общественную активность угрорусского патриота, венгерское Министерство просвещения летом 1871 г. перевело его на службу в гимназию г. Печ в юго-западной Венгрии. Но Кимак туда не поехал, а подал в отставку и отправился в Россию [14: 187]. В феврале 1872 г. по ходатайству протоиерея Раевского он был зачислен в состав славянских стипендиатов, получив 400 руб. на переезд и повышенную стипендию (66 руб. в месяц) [23: 143].

В течение полугода Кимак слушал лекции в Петербургском университете и занимался с преподавателями латинским, древнегреческим и русским языками. Его венгерское свидетельство на учительское звание было признано действительным и для России, поэтому нового учительского экзамена ему держать не пришлось. В сентябре 1872 г. угрорус был назначен учителем древних языков во 2-ю Московскую мужскую гимназию. Вскоре он присоединился к православию и в декабре 1874 г. принял российское подданство [21: 1].

Летом 1875 г. Кимака перевели на такую же должность в 6-ю Московскую мужскую гимназию, а в декабре 1879 г. назначили её инспектором с заработком 1750 руб. в год [21: 8]. В его служебной характеристике 1882 г. говорилось, что он «весьма добросовестно относится к своим обязанностям, успешно преподаёт древние языки в низших и средних классах, для высших классов не может быть так полезен по недостаточному знанию русского языка и потому, что не обращает должного внимания на содержание читаемых авторов» [26: 18].

За время службы Виктор Фёдорович был награждён орденами Св. Станислава 3-й степени и Св. Анны 3-й степени, а в 1885 г. произведён в статские советники. Однако 1 ноября того же года он «по прошению» ушёл в отставку, что было связано с плохим состоянием здоровья. После этого карпатский уроженец переселился на юг – в

Одессу с её более мягким климатом. Пенсии он выслужить не успел и получил при увольнении единовременное пособие в размере 850 руб. [21: 9]. Педагог подавал прошение о том, чтобы в его служебный стаж зачли почти 10 лет его заграничной службы, но оно успеха не имело [24: 4 – 5].

В Одессе Кимак давал частные уроки, преподавал по найму в разных учебных заведениях. Однако деятельная натура и материальные соображения заставили его принять новый вызов. Летом 1889 г. отставной статский советник при поддержке местных властей открыл частную четырёхклассную мужскую прогимназию в г. Тирасполе Херсонской губернии, ставшую первым средним учебным заведением в этом городе. В течение восьми лет он довольно успешно руководил своей частной школой. В 1892 г. педагога восстановили на службе в МНП в статусе «причисленного к министерству», что давало служебные права без государственной должности и жалования [21: 10–13]. В феврале 1894 г. прогимназию Кимака проинспектировал попечитель Одесского учебного округа Х.П. Сольский. По его отзыву, успехи учеников были удовлетворительными по всем предметам, поведение не вызывало нареканий, помещение же учебного заведения было «довольно хорошим» [27: 1]. В том же году Виктор Фёдорович при поддержке попечителя подавал прошение в МНП о присвоении его прогимназии прав правительственных учебных заведений, но встретил отказ [27: 3–4].

Руководство частным училищем было делом очень трудным и хлопотным, поэтому в 1898 г. 58-летний педагог покинул прогимназию и Тирасполь. Не имея пенсии и надеясь её выслужить, Кимак вновь вернулся на преподавательскую службу в государственных гимназиях. Летом 1898 г. он был назначен учителем немецкого языка в Бахмутскую мужскую гимназию (Екатеринославская губерния) [21: 15], а через год перешёл на такую же должность в Екатеринославскую мужскую гимназию, где проработал до 1905 г. [13: 355]. Последним местом его службы стала мужская прогимназия в г. Вознесенске Херсонской губернии в 1905/06 учебном году [1: 331].

Виктор Фёдорович оставался холостяком, что для того времени было редкостью [21: 2]. Точная дата его смерти не установлена. Некоторые авторы расплывчато указывают только десятилетие – «девятисотые годы» [14: 187]. Другие называют дату «около 1900 г.» [18: 205], что неточно, поскольку, как отмечалось выше, до 1906 г. включительно Кимак числился в списках гимназических преподавателей. Оценивая его российскую карьеру в целом, можно сделать вывод, что она оказалась прерывистой и не столь успешной по сравнению с Ю. Феерчаком и отчасти П. Ходобаем. Но в то же время Кимак имел успешный опыт создания частного учебного заведения

и руководства им, что является уникальным случаем для учителей-эмигрантов из числа русинов.

Таким образом, вторая волна эмиграции угрорусских интеллектуалов в Российскую империю в 60–70-е гг. XIX в. была вызвана в первую очередь целенаправленной кампанией по приглашению преподавателей из числа зарубежных славян в реформируемые российские гимназии. Для самих же угрорусов стимулами для переезда стали как недовольство своим положением в условиях политики мадьяризации, так и свойственные многим из них симпатии к России и осознание своей принадлежности к единому русскому народу. Неслучайно все угрорусские эмигранты в данный период являлись участниками национального движения.

Среди уроженцев Закарпатья первыми поступили на российскую службу в этот период Ю.Ю. Ходобай, П.И. Феерчак и В.Ф. Кимак. Все они успешно адаптировались в России и в течение многих лет плодотворно трудились на ниве народного просвещения в Москве, Одессе и других городах Северного Причерноморья. Феерчак был инспектором прогимназии и директором гимназии в Одессе, Кимак служил инспектором гимназии в Москве и затем открыл собственную частную прогимназию в Тирасполе, а московский учитель Ю.Ю. Ходобай подготовил множество учебных пособий, по которым учились гимназисты всей России.

ЛИТЕРАТУРА

1. Адрес-календарь. Общая роспись начальствующих и прочих должностных лиц по всем управлениям в Российской империи на 1906 год. Ч. 2. СПб.: Инспекторский отд. собственной е.и.в. канцелярии, 1906. 524 стб., 68 с.
2. Адрес-календарь и памятная книга Пензенской губернии на 1904 год / сост. В.П. Попов. Пенза: Изд-е Пенз. губ. статист. комитета, 1903. 246 с.
3. *Байцура Т.* Закарпатоукраинская интеллигенция в России в первой половине XIX века. Братислава: Словацьке педагогічне видавництво; Пряшев: Відділ української літератури, 1971. 230 с.
4. *Виноградов П.А.* Краткий исторический очерк пятидесятилетия Московской III гимназии (1839–1889). М.: Тип-я А. Левенсон и К°, 1889. 289 с.
5. Вся Одесса: Адресная и справочная книга г. Одессы на 1908 год. Одесса: Изд-е Л.А. Лисянского, 1908. 682 стб.
6. Галицко-русское благотворительное общество в Санкт-Петербурге. СПб.: Пушкинская скоропечатня, 1903. 48 с.
7. *Грабарь И.Э.* Моя жизнь: Автобиография. Этюды о художниках. М.: Республика, 2001. 495 с.

8. Григорьев А.А. Очерк двадцатипятилетия Одесской четвёртой гимназии (бывшей Первой прогимназии). 1873–1898. Одесса: Тип. Акц. Южно-Русского общества печатного дела, 1898. 200 с.

9. Зарубежные славяне и Россия. Документы архива М.Ф. Раевского. 40–80-е годы XIX века. М.: Наука, 1975. 576 с.

10. Историческая записка Императорского Лицея в память Цесаревича Николая за XXX лет / под ред. Л.А. Георгиевского. М.: Университ. тип-я, 1899. 653 с.

11. Кареев Н.И. Прожитое и пережитое. Л.: Изд-во Ленинград. ун-та, 1990. 384 с.

12. Клитин А.М. Протоиерей Василий Миронович Войтковский, заслуженный профессор богословия Новороссийского университета (ум. 24 февраля 1904 г.). Одесса: «Экономическая» тип-я, 1904. 14 с.

13. Локоть Ф.В. Столетие Екатеринославской классической гимназии. 1805–1905: краткий исторический очерк. Екатеринослав: Тип-я губерн. земства, 1908. 386 с.

14. Недзельский Е.Л. Очерк карпаторусской литературы. Ужгород: Тип-я «Школьной помощи», 1932. 290 с.

15. Одесское второе кладбище. Педагоги. URL: <https://sites.google.com/view/2smentarz/тематический-указатель/педагоги> (дата обращения: 15.10.2025).

16. Памятная книжка Одесского учебного округа на 1913–1914 учебный год. Ч. 1–2. Одесса: Тип-я об-ва «Русская речь», 1914. 499 с.

17. Пашаева Н.М. Карпаторусские интеллигенты в России в 1-й половине XIX века: Орлай, Балугьянский, Лодий, Кукольник, Венелин // Русин. 2008. № 3–4 (13–14). С. 129–140.

18. Поп И.И. Энциклопедия Подкарпатской Руси. Ужгород: Память, 2001. 429 с.

19. Птицын А.Н. Русины в Институте славянских стипендиатов (1866–1882 гг.) // Русин. 2022. № 70. С. 86–103. doi: 10.17223/18572685/70/6

20. Птицын А.Н. Русины – директора петербургских и московских гимназий в 1870–1900-е гг. // Русин. 2023. № 71. С. 60–75. doi: 10.17223/18572685/71/3

21. Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 733. Оп. 122. Д. 581. Дело о причислении из отставных статского советника Кимака к Министерству народного просвещения (1892–1898).

22. РГИА. Ф. 733. Оп. 162. Д. 502. Дело о назначении славянских уроженцев учителями древних языков в средних учебных заведениях МНП (1867–1869).

23. РГИА. Ф. 733. Оп. 169. Д. 8а. Распоряжения господина министра народного просвещения по делам славянских стипендиатов (1867–1873).

24. РГИА. Ф. 733. Оп. 169. Д. 101. Дело о стипендиате Викторе Кимаке (1872–1875).

25. РГИА. Ф. 733. Оп. 169. Д. 195. Дело о стипендиате русском из Венгрии Петре Ивановиче Фейэрчаке (1868–1869).

26. РГИА. Ф. 733. Оп. 169. Д. 230. Список стипендиатов Славянского учительского института в С.-Петербурге (1866–1882).

27. РГИА. Ф. 733. Оп. 191. Д. 1506. Дело о даровании частному учебному заведению в Тирасполе Херсонской губернии, содержимому Кимаком, прав четырёхклассной прогимназии (1895).

28. *Смышляева В.П.* Российские филологи-классики XIX века: «германовское» направление: биографический словарь. СПб.: Наукоёмкие технологии, 2021. 563 с. URL: <https://publishing.intelgr.com/index.php/izdaniye-raboty/15-izdaniya/uchebnye-i-nauchnye-raboty/192-rossiyskie-filologi-klassiki.html> (дата обращения: 12.10.2025).

29. Список лиц, служащих по ведомству Министерства народного просвещения на 1903 г. СПб.: Сенатская тип-я, 1903. 1016 с.

30. *Суляк С.Г.* Е.М. Крыжановский о русинах-униатах Русского Забужья // Русин. 2022. № 70. С. 104–147. doi: 10.17223/18572685/70/7

31. *Суляк С.Г.* Деятельность Ф.Г. Лебединцева в Холмщине // Русин. 2023. № 74. С. 35–108. doi: 10.17223/18572685/74/4

32. *Сухий О.М.* Вид русофильства до москвофильства (росийський чинник у громадський думци та суспільно-политичному житті галицьких українців у XIX столітті). Львів: Львів. нац. ун-т ім. И. Франка, 2003. 498 с.

33. *Феерчак П.И.* Очерк литературного движения угорских русских. Одесса: Тип. В. Францова, 1888. 42 с.

REFERENCES

1. His Imperial Majesty's Own Chancery. (1906) *Adres-kalendar'. Obshchaya rospis' nachal'stvuyushchikh i prochikh dolzhnostnykh lits po vsem upravleniyam v Rossiyskoy imperii na 1906 god* [Address Calendar. General List of Senior and Other Officials in All Departments of the Russian Empire for 1906]. St. Petersburg: His Imperial Majesty's own Chancery.

2. Pokhov, V.P. (ed.) (1904) *Adres-kalendar' i pamyatnaya kniga Penzenskoy gubernii na 1904 god* [Address Calendar and Memorial Book of the Penza Province for 1904]. Penza: Penza Provincial Statistical Committee.

3. Baytsura, T. (1971) *Zakarpatoukrainskaya intelligentsiya v Rossii v pervoy polovine XIX veka* [Transcarpatho-Ukrainian intelligentsia in Russia in the first half of the 19th century]. Bratislava: Slovats'ke pedagogichne vydavnistvo; Prešov: Viddil ukraïïns'koï literature.

4. Vinogradov, P.A. (1889) *Kratkiy ocherk pyatidesyatiletiya Moskovskoy III gimnazii (1839–1889)* [A Brief Essay on the Fiftieth Anniversary of the Moscow III Gymnasium (1839–1889)]. Moscow: A. Levenson.

5. Lisyanskiy, L.A. (ed.) (1908) *Vsya Odessa: Adresnaya i spravochnaya kniga g. Odessy na 1908 god* [All of Odessa: Address and reference book of the city of Odessa for 1908]. Odessa: L.A. Lisyanskiy.

6. Galician-Russian Charitable Society in St. Petersburg. (1903) *Galitsko-russkoe blagotvoritel'noe obshchestvo v Sankt-Peterburge* [Galician-Russian Charitable Society in St. Petersburg]. St. Petersburg: Pushkinskaya skoropечатnya.

7. Grabar, I.E. (2001) *Moya zhizn': Avtomonografiya. Etyudy o khudozhnikakh* [My Life: Automonograph. Sketches about Painters]. Moscow: Respublika.

8. Grigoriev, A.A. (1898) *Ocherk dvadtsatipiatiletiya Odesskoy chetvertoy gimnazii (byvshey Pervoy progimnazii). 1873–1898* [Essay on the twenty-fifth anniversary of the Odessa Fourth Gymnasium (formerly the First Progymnasium). 1873–1898]. Odessa: Aktsionernoe Yuzhno-Russkoe obshchestvo pechatnogo dela.

9. Nikitin, S.A. (ed.) (1975) *Zarubezhnye slavyane i Rossiya. Dokumenty arkhiva M.F. Raevskogo. 40 – 80-e gody XIX veka* [Foreign Slavs and Russia. Documents from M.F. Raevsky's of the 1840–80s]. Moscow: Nauka.

10. Georgievskiy, L.A. (ed.) (1899) *Istoricheskaya zapiska Imperatorskogo Litseya v pamyat' Tsarevicha Nikolaya za XXX let* [Historical Notes of the Imperial Lyceum in Memory of Tsarevich Nicholas for 30 years]. Moscow: Universitetskaya tipografiya.

11. Kareev, N.I. (1990) *Prozhitoe i perezhitoe* [Lived and Experienced]. Leningrad: Leningrad University.

12. Klitin, A.M. (1904) *Protoiereyi Vasilii Mironovich Voitkovskiy, zasluzhennyy professor bogosloviya Novorossiyskogo universiteta (um. 24 fevralia 1904 g.)* [Archpriest Vasily Mironovich Voitkovsky, Professor Emeritus of Theology at Novorossiysk University (died February 24, 1904)]. Odessa: "Ekonomicheskaya" tipografiya.

13. Lokot, F.V. (1908) *Stoletie Ekaterinoslavskoy klassicheskoy gimnazii. 1805–1905: kratkiy istoricheskiy ocherk* [The Centenary of the Yekaterinoslav Classical Gymnasium. 1805–1905: A Brief Historical Overview]. Ekaterinoslav: Gubernskoe zemstvo.

14. Nedzelsky, E.L. (1932) *Ocherk karpatorusskoy literatury* [An Essay on Carpathian Russian Literature]. Uzhhorod: Shkol'naya pomoshch'.

15. Anon. (n.d.) *Odesskoe vtoroe kladbishche. Pedagogi* [Odessa Second Cemetery. Teachers]. [Online] Available from: <https://sites.google.com/view/2cmentarz/tematicheskii-ukazatel/pedagogi> (Accessed: 15th October 2025).

16. Odessa Educational District. (1914) *Pamyatnaya knizhka Odesskogo uchebnogo okruga na 1913 – 1914 uchebnyy god* [Commemorative Book of the Odessa Educational District for the 1913–1914 Academic Year]. Vol. 1–2. Odessa: Obshchestvo Russkaya rech'.

17. Pashaeva, N.M. (2008) Carpatho-Russian intellectuals in Russia in the first half of the 19th century: Orlay, Balugjanski, Lodiy, Kukolnik, Venelin. *Rusin.* 3–4(13–14). pp. 129–140.

18. Pop, I.I. (2001) *Entsiklopediya Podkarpatskoy Rusi* [Encyclopedia of Subcarpathian Rus]. Uzhhorod: Padyak.
19. Ptitsyn, A.N. (2022) Rusins in the Institute of Slavic Scholars (1866–1882). *Rusin*. 70. pp. 86–103. doi: 10.17223/18572685/70/6
20. Ptitsyn, A.N. (2023) Rusins – headmasters of St. Petersburg and Moscow gymnasiums in the 1870s – 1900s. *Rusin*. 71. pp. 60–75. doi: 10.17223/18572685/71/3
21. The Russian State Historical Archive (RGIA). (1892–1898) *Delo o prichislenii iz ostavnykh statskogo sovetnika Kimaka k Ministerstvu narodnogo prosveshcheniya* [The Case of the Appointment of Retired State Councilor Kimak to the Ministry of Public Education]. Fund 733. List 122. File 581.
22. The Russian State Historical Archive (RGIA). (1867–1869) *Delo o naznachanii slavyanskikh urozhentsev uchitelyami drevnikh yazykov v srednikh uchebnykh zavedeniyakh MNP* [The case of the appointment of Slavic natives as teachers of ancient languages in secondary educational institutions of the Ministry of Public Education]. Fund 733. List 162. File 502.
23. The Russian State Historical Archive (RGIA). (1867–1873) *Rasporyazheniya gospodina ministra narodnogo prosveshcheniya po delam slavyanskikh stipendiatov* [Orders of the Minister of Public Education for Slavic Scholarship Holders]. Fund 733. List 169. File 8a.
24. The Russian State Historical Archive (RGIA). (1872–1875) *Delo o stipendiate Viktore Kimake* [The case of scholarship recipient Viktor Kimak]. Fund 733. List 169. File 101.
25. The Russian State Historical Archive (RGIA). (1868–1869) *Delo o stipendiate russkom iz Vengrii Petre Ivanoviche Feerchake* [The Case of the Russian Scholarship Recipient from Hungary, Petr Ivanovich Feyerchak]. Fund 733. List 169. File 195.
26. The Russian State Historical Archive (RGIA). (1866–1882) *Spisok stipendiatov Slavyanskogo uchitel'skogo instituta v S.-Peterburge* [List of Scholarship Holders of the Slavic Teachers' Institute in St. Petersburg]. Fund 733. List 169. File 230.
27. The Russian State Historical Archive (RGIA). (1895) *Delo o darovanii chastnomu uchebnomu zavedeniyu v Tiraspole Khersonskoy gubernii, sodержимому Kimakom, prav chetyrekhklassnoy progimnazii* [The Case of Granting the Rights of a Four-Grade Progymnasium to a Private Educational Institution in Tiraspol, Kherson Province, Run by Kimak]. Fund 733. List 191. File 1506.
28. Smyshlyaeva, V.P. (2021) *Rossiyskie filologi-klassiki XIX veka: "germanovskoe" napravlenie: biograficheskiy slovar'* [Russian Classical Philologists of the 19th Century: The "German" Movement: A Biographical Dictionary]. [Online] Available from: <https://publishing.intelgr.com/index.php/izdannye-raboty/15-izdaniya/uchebnye-i-nauchnye-raboty/192-rossiyskie-filologi-klassiki.html> (Accessed: 12th October 2025).

29. Ministry of Public Education of Russia. (1903) *Spisok lits, sluzhashchikh po vedomstvu Ministerstva narodnogo prosveshcheniya na 1903 g.* [List of People Serving Under the Department of the Ministry of Public Education. 1903 Academic Year]. St. Petersburg: Senate.

30. Sulyak, S.G. (2022) Evfimy Kryzhanovsky on the Rusins-Uniates of the Russian Zabuzhie. *Rusin.* 70. pp. 104–147. doi: 10.17223/18572685/70/7.

31. Sulyak, S.G. (2023) Feofan Lebedintsev and his activities in Chełm Land. *Rusin.* 74. pp. 35–108. doi: 10.17223/18572685/74/4.

32. Sukhiy, O.M. (2003) *Vid rusofil'stva do moskvofil'stva (rosiys'kyy chynnyk u hromads'koy dumtsi ta suspil'no-politychnomu zhytti halyts'kykh ukraïntsiiv u XIX stolitti)* [From Russophilia to Muscovophilism (The Russian Official in the Public Thought and Socio-Political Life of Galician Ukrainians in the 19th Century)]. Lviv: Lviv State University.

33. Feyerchak, P.I. (1888) *Ocherk literaturnogo dvizheniya ugorskikh russkikh* [An Essay on the Literary Movement of the Ugric Russians]. Odessa: V. Frantsov.

Птицын Андрей Николаевич – кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории Гуманитарного института Северо-Кавказского федерального университета (Россия).

Andrey N. Ptitsyn – North-Caucasus Federal University (Russia).

E-mail: ptiandr@gmail.com

УДК 94(430+438+470+476+477);528.921;572.08;902.2

UDC

DOI: 10.17223/18572685/82/6

Родриг фон Эркерт: прусский дворянин, русский генерал, картограф и этнолог

С.Г. Суляк

Санкт-Петербургский государственный университет
Россия, 199034, Санкт-Петербург, Университетская набережная, 7/9
E-mail: s.sulyak@spbu.ru

Авторское резюме

Родриг Фёдорович (Георгий (Георг) Гансович) фон Эркерт (Roderich George Friedrich Robert von Erckert) (15.12.1821 – 12.12.1900) – генерал-лейтенант Русской императорской армии, представитель старинного прусского дворянского рода, антрополог, археолог, историк, картограф, этнограф, действительный член Русского Императорского географического общества и член Берлинского общества антропологии, этнологии и древней истории. С 1846 по 1884 г. служил в Русской императорской армии. На русской военной службе стал заниматься научными исследованиями. В 1862 г. в Берлине на французском языке издал в цвете «Этнографическую карту Российской империи». Она вошла в вышедший в этом же году в Санкт-Петербурге альбом Ф.Х. Паули «Этнографическое описание народов России» (*Description ethnographique des peuples de la Russie*), изданный к 1000-летию России. В 1863 г. сначала на французском, затем на русском языке был издан его «Этнографический атлас западнорусских губерний и соседних областей». Атлас, вышедший во время польского восстания, показал несостоятельность утверждений о принадлежности данных территорий к Польше. В 1864 г. он выпустил «Взгляд на историю и этнографию западных губерний России». Во время службы на Кавказе изучал местные этносы. Опубликовал ряд статей: «Антропологические измерения некоторых кавказских народов и малороссов Харьковской губернии» (1881), «Добавление к антропологическим измерениям некоторых кавказских народов» (1881), «Антропологические измерения кавказских народов и описание измеренных субъектов (продолжение)» (1883). После выхода в отставку уехал в Берлин, где продолжал заниматься научными исследованиями. Среди его известных работ на немецком языке: «Der Ursprung der Kosaken, vorzüglich nach neuen russischen Quellen» (Происхождение казаков, в основном, согласно новым российским источникам. Berlin, 1882); «Ein Kurgan bei Stavropol» (Курган близ Ставрополя, Berlin, 1883); «Der Kaukasus und

seine Volker» (Кавказ и его народы. Leipzig, 1887); «Die Sprachen des Kaukasischen Stammes» (Языки народов Кавказа. Wien, 1895); «Wanderungen und Siedelungen der Germanischen Stämme in Mittel-Europa von der ältesten Zeit bis auf Karl den Grossen» (Миграции и расселения германских племён в Центральной Европе от древнейших времён до Карла Великого. Berlin, 1901). В монографии «Die Sprachen des Kaukasischen Stammes», включавшей «Глоссарий» и «Образцы языка», часть языков была описана впервые. Последнюю работу фон Эркерта – «Wanderungen und Siedelungen der Germanischen Stämme in Mittel-Europa», состоящую из двенадцати карт с сопроводительным текстом, – считают «величайшим трудом его жизни».

Ключевые слова: Родриг фон Эрkert, Roderich von Erckert, западнорусские губернии, Царство Польское, поляки, русские, малороссы, белорусы, русины

Roderich von Erckert: Prussian nobleman, Russian general, cartographer, and ethnologist

Sergey G. Sulyak

St. Petersburg State University

7/9 Universitetskaya Embankment, St. Petersburg, 199034, Russia

E-mail: s.sulyak@spbu.ru

Abstract

Rodrig Fedorovich (Georg Gansovich) von Erckert (Roderich George Friedrich Robert von Erckert) (December 15, 1821 – December 12, 1900) was a Lieutenant General in the Russian Imperial Army, a cartographer, ethnographer, historian, and a representative of an old Prussian noble family. He was a full member of the Russian Imperial Geographical Society and a member of the Berlin Society for Anthropology, Ethnology, and Prehistory. From 1846 to 1884, he served in the Russian Imperial Army. During his Russian military service, he engaged in cartographic and ethnographic research. In 1862, he published in color in Berlin, in French, the “Ethnographic Map of the Russian Empire.” This map was included in the album by F.H. Pauli, “Description ethnographique des peuples de la Russie,” published in St. Petersburg the same year to mark the 1000th anniversary of Russia. In 1863, his “Ethnographic Atlas of the Western Russian Provinces and Adjacent Areas” was published first in French and then in Russian. Issued during the Polish Uprising, the atlas refuted claims about the Polish affiliation of these territories. In 1864, von Erckert published a Russian-language “A View on the History and Ethnography of the Western Provinces of Russia.” While serving in the Caucasus, he studied local ethnic groups and published a series of articles: “Anthropological Measurements of Several Caucasian Peoples and Little Russians of the Kharkiv Province” (1881),

“Addendum to Anthropological Measurements of Several Caucasian Peoples” (1881), “Anthropological Measurements of Caucasian Peoples and Description of the Measured Subjects (Continuation)” (1883). After retiring, he moved to Berlin, where he continued his research. Among his notable works are: “Der Ursprung der Kosaken, vorzüglich nach neuen russischen Quellen” (Berlin, 1882); “Der Kaukasus und seine Völker” (Leipzig, 1887); “Die Sprachen des Kaukasischen Stammes” (Vienna, 1895); “Wanderungen und Siedelungen der Germanischen Stämme in Mittel-Europa von der ältesten Zeit bis auf Karl den Grossen” (Berlin, 1901). His monograph *Die Sprachen des Kaukasischen Stammes*, which included a “Glossary” and “Language Samples,” provided the first descriptions of several languages. His final work, *Wanderungen und Siedelungen der Germanischen Stämme in Mittel-Europa*, containing twelve maps with accompanying text, is considered “the greatest work of his life.”

Keywords: Roderich von Erckert, Western Russian provinces, Kingdom of Poland, Poles, Russians, Little Russians, Belarusians, Rusins

В ряду исследователей населения Восточной Европы, в частности поляков, русских, малороссов, русинов, белорусов, а также народов Кавказа, значительное место занимает личность **Родрига Фёдоровича (Георгия (Георга) Гансовича) фон Эркерта (Roderich George Friedrich Robert von Erckert)** (15.12.1821 – 12.12.1900)¹ – генерал-лейтенанта Русской императорской армии, антрополога, археолога, историка, картографа, этнографа, действительного члена Русского Императорского географического общества и члена Берлинского общества антропологии, этнологии и древней истории [71; 83–85; 87]. 38 лет его службы в Русской императорской армии² пришлось на правление трёх императоров: Николая I, Александра II и Александра III. По военному ведомству он проходил как Георгий (Георг) Гансович фон Эрkert. Свои исследования на русском языке подписывал, как Родриг Фёдорович фон Эрkert (Р.Ф. фон Эрkert, либо Р.Ф. Эрkert), на немецком – Roderich von Erckert (R. von Erckert).

Подробные сведения о жизни и семейном положении фон Эркерта отсутствуют. Краткая информация о нём и его исследованиях приведена в небольших некрологах, написанных в немецких научных изданиях [76; 83; 87], кратких биографических заметках в ряде энциклопедий [71; 84]. Его военная карьера сжато изложена в «Списках генералам по старшинству (см., напр., [64]), «Списках полковникам по старшинству» (см., напр., [65]), информация о присвоении званий, назначениях, награждениях, отпусках, поощрениях содержится в газетах «Русский инвалид» (см., напр., [25–37; 39; 41–54]) и «Сенатские ведомости» (см., напр., [56–62]). О некоторых его

Р.Ф. фон Эркерт. 1885 г.

Фотография: Левицкий и сын, Санкт-Петербург.

Источник: Erckert, Roderich v. Fotosammlung des Geographischen Institutes der Humboldt-Universität zu Berlin. URL: https://www.geographie.hu-berlin.de/de/institut/direktorium_zentraledienste/zentrale_dienste/geodaten/kartensammlung/PFS/bfhtml/BFP078 (Дата обращения: 11.09.2025).

работах упоминают современные исследователи (см., напр., [8–9; 13–14; 22–23; 73–74].

Он родился 15 декабря 1821 г. в Кульме, Королевство Пруссия (ныне – г. Хелмно Куявско-Поморского воеводства Польши). Происходил из старинного прусского дворянского рода. На службе в прусской армии (офицер)³ с 15 декабря 1838 г. [64; 65]. Уволенный из королевско-прусской службы⁴ подпоручик фон Эркерт был принят 14 июня 1846 г. приказом императора Николая I по военному ведомству подпоручиком в Гренадёрский его Императорского высочества Великого князя Михаила Павловича полк [25]. К сожалению, причина перехода фон Эркерта на

службу в русскую армию неизвестна. 26 февраля 1849 г. он произведён в поручики того же полка [26].

4 апреля 1854 г. произведён из подпоручиков в поручики Лейб-гвардии Московского полка (в «старой» гвардии чины были на два класса выше, чем в армии. – С.С.) [27]. 6 декабря 1854 г. – в штабс-капитаны при оставлении в той же должности [28].

30 августа 1861 г. произведён в капитаны Л.-гв. Московского полка, тоже с оставлением в настоящей должности [29]. 19 мая 1863 г. становится полковником Л.-гв. Московского полка [30; 65]. В этом

полку фон Эркерт прослужил с 1849 по 1863 г. [63: 48]. 27 декабря 1863 г. полковник Л.-гв. Московского полка фон Эркерт переводится в 11-й Стрелковый батальон [32]. 29 марта 1864 г. полковник фон Эркерт назначен командиром 1-го Резервного стрелкового батальона [35]. 7 мая 1866 г. он становится командиром Дорогобужского 143-го пехотного полка. В полк так и не прибыл и 27 мая того же года стал командиром 86-го пехотного Вильманstrandского полка [12: 9; 39]. Полком командовал до 14 августа 1872 г. [21].

14 августа 1872 г. фон Эркерт назначен командующим 2-й стрелковой бригады [45]. 17 апреля 1873 г. ему присваивается звание генерал-майора с утверждением в настоящей должности [46; 64].

Летом 1874 г. инспектором стрелковых генералом от артиллерии герцогом Георгом Августом Мекленбург-Стрелицким и его подчинёнными были проинспектированы все стрелковые батальоны, за исключением 4-х Туркестанских. Несмотря на убыль из батальонов «старослужащих грамотных чинов», молодые солдаты прошлого года набора показали хорошие результаты. Проверялись цельная стрельба нижних чинов, глазомерное определение расстояний, гимнастика и фехтование (штыковой бой. – С.С.), а также грамотность. Она составила в среднем 71 % от списочного числа. Во 2-й стрелковой бригаде – 78 %. Бригада три года подряд давала высокие показатели и по стрельбе. За что фон Эркерт получил благодарность [48].

14 сентября 1874 г. генерал-майор фон Эркерт был назначен начальником 1-й Стрелковой бригады [47]. В октябре 1878 г. он выступил на заседании Военно-учёного комитета Главного штаба с составленными им «краткими заметками о совокупном действии пехоты с артиллерией» [49]. По результатам смотров стрелковых частей в войсках, произведённых 1880 г. император объявил фон Эркерту монаршую благодарность [52].

С 11 апреля 1881 по 2 сентября 1882 г. фон Эркерт – командующий 19-й пехотной дивизией. Со 2 сентября 1882 г. – командующий 21-й пехотной дивизией. 15 мая 1883 г. фон Эркерт был зачислен в запас армейской пехоты [53; 71]. Тогда же ему было присвоено звание генерал-лейтенанта [71]. 8 июня 1884 г. состоящий в запасе армейской пехоты генерал-лейтенант фон Эркерт отправлен в отставку по болезни с мундиром и пенсией полного оклада [54].

После выхода в отставку фон Эркерт переехал в Берлин. Умер от гриппа 12 декабря 1900 г. незадолго до своего 79-летия [76].

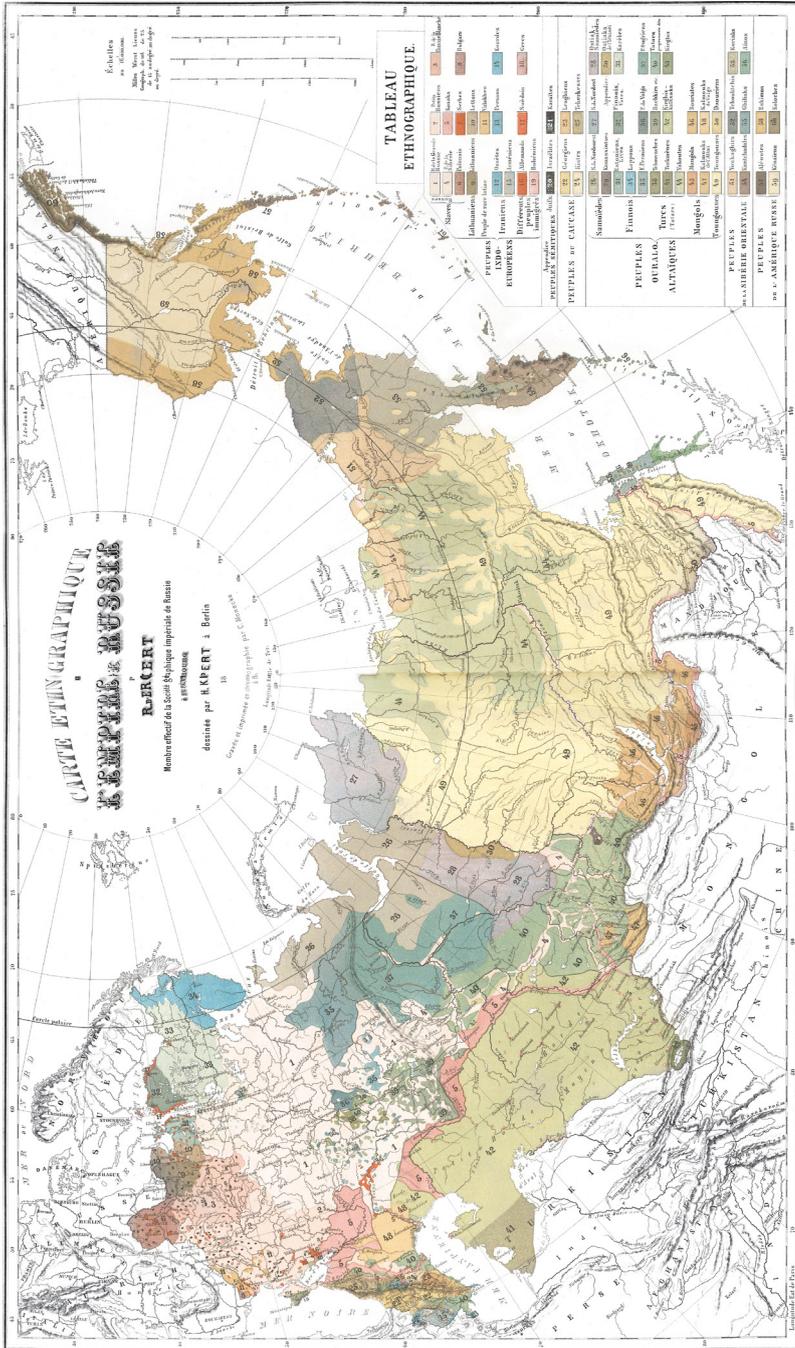
Служа в русской армии, фон Эркерт постоянно посещал Пруссию и другие страны. О чём свидетельствуют приказы о его увольнении в отпуск. К примеру, от 1 июня 1863 г. за границу, в Берлин, на

15 дней; от 20 сентября 1865 г. в отпуск для излечения болезни за границу, в Германию и Францию на 2,5 месяца; от 17 июня 1867 г. в отпуск за границу, в Австрию и Пруссию на 28 дней; от 6 августа 1867 г. продолжается срок отпуска за границу ещё на 10 дней; от 5 сентября 1869 г. в отпуск за границу, в Пруссию и Австрию на 28 дней; от 13 июля 1879 г. в отпуск за границу, в государства Западной Европы на шесть недель [31; 36; 41; 42; 44; 50].

За годы службы фон Эркерт был награждён российскими орденами Св. Станислава 3-й ст (1856), Св. Анны 3-й ст (1862), Св. Станислава 2-й ст. с императорской короной (1865), Св. Анны 2-й ст. (1868), Св. Владимира 4-й ст. (1870), знаком императорского ордена Св. Анны 2-й ст., украшенным императорской короной (1872), Св. Владимира 3-й ст (1876), Св. Станислава 1-й ст. (1879). Прусскими: Короны 2-й ст. (1866), звездой к ордену Короны 2-й ст. (1875), Красного Орла 2-й ст. (1869), бриллиантовыми украшениями к ордену Красного Орла 2-й ст. (1872) и звездой к ордену Красного Орла 2-й ст. (1879) [37; 43; 51; 56; 57; 58; 59; 60; 61; 62; 64; 65; 71].

На русской военной службе фон Эркерт стал заниматься антропологическими, археологическими, историческими, картографическими и этнографическими исследованиями.

В 1862 г. в Берлине на французском языке была издана в цвете «Этнографическая карта Российской империи» («Carte Ethnographique de l'Empire de Russie») фон Эркерта [86]. Она вошла в вышедший в этом же году в Санкт-Петербурге на французском языке в двух частях роскошный альбом Густава-Фёдора Паули⁵. «Description ethnographique des peuples de la Russie» (Этнографическое описание народов России), изданный к 1000-летию России и посвящённый императору Александру Николаевичу [89–90]. Издание было выпущено при содействии полковника фон Эркерта и ряда известных учёных. Предисловие написал академик К. Бэр. В альбоме подробно описаны положение и отличительные черты большинства этносов Российской империи. Сами этносы были сгруппированы по их происхождению и географическому положению. Сочинение состояло из следующих разделов: I. Народы-Индоевропейские; II. Кавказские народы; III. Урало-Алтайские народы; IV. Народы Восточной Сибири; V. Народы Российской Америки. Эти разделы, в свою очередь, делились на главы, каждая из которых была посвящена отдельной народности. Издание содержало 62 хромолитографированных рисунка, изображающих народные типы и костюмы, которые были выполнены с натуры известными художниками и отпечатаны в Париже, Берлине и Мюнхене. К изданию прилагались краниологическая таблица с изображением черепов основных ти-

«Carte Ethnographique de l'Empire de Russie par R. von Erckert» [86] из «Les peuples de la Russie. Description ethnographique des peuples de la Russie. Publiée à l'occasion du Jubilé millénaire de l'empire de Russie. 1: [Tome 1]» [89].

пов, этнографическая и статистическая таблицы и этнографическая карта Российской империи, выполненная фон Эркертом. Книга была отпечатана на веленовой (высокосортной) бумаге [19; 34].

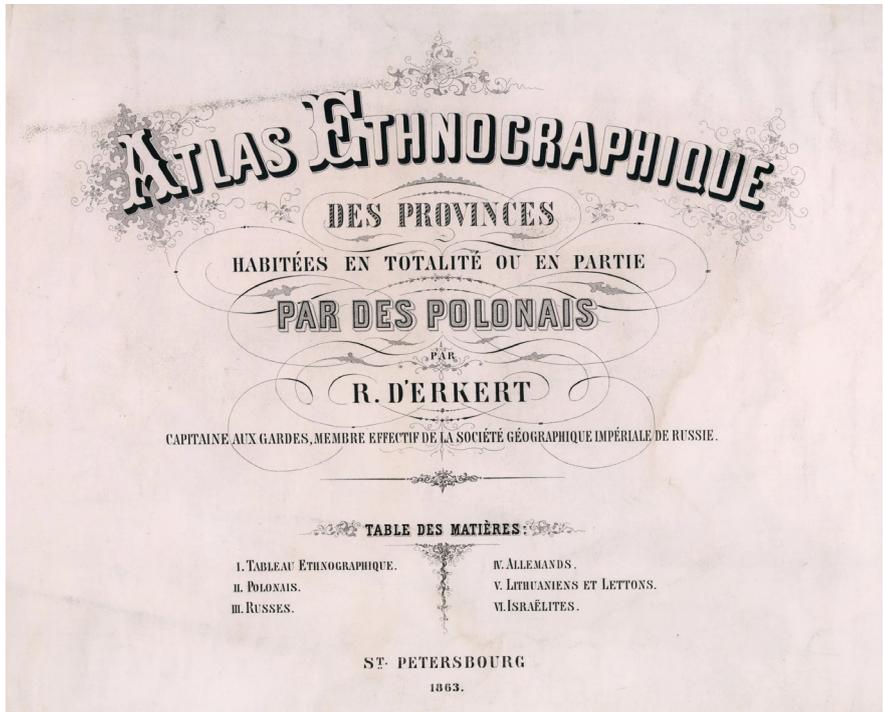
Как писал один из критиков, перечислив «все существующие в этом отношении труды», «появление сочинение г. Паули тем приятнее, что до сих пор изучение племён Российской империи в отношении их обычаев, хозяйственного быта и пр. было весьма поверхностно» [1: 10]. Он выразил сомнения в правильности «принятой г. Паули и его сотрудником г. Эркертом системе» распределения 27 языков по указанным группам [1: 17]. Говоря об этнографической карте России, изданной известным берлинским картографом Кипертом, критик отметил, что он «на этот раз работал небрежно». Имея в руках «весьма хорошее основание для Европейской России в карте Кёппена и употребив всё старание на собрание материала, необходимого для Сибири и Кавказа, назначили для всего этого огромного пространства слишком незначительный масштаб» [1: 19].

Весной 1863 г. фон Эркерт издал на французском языке «Atlas ethnographique des provinces habitées en totalité ou en partie par des Polonais» («Этнографический атлас провинций, населённых полностью или частично поляками») [75] и его версию на русском языке – «Этнографический атлас западнорусских губерний и соседних областей» [72]. Карты были отпечатаны в Берлине, в типографии и литографическом предприятии «Винкельманн и сыновья». Некоторые исследователи считают, что «Этнографический атлас» фон Эркерта был ответом на вышедшую в Париже в 1861 г. «Carte de l'ancienne Pologne: avec les délimitations actuelles» (Карту бывшей Польши: с указанием современных границ), составленную французским географом Огюстом-Анри Дюфуром и польским историком Феликсом Вротновским. В 1863 г. эта карта была переиздана [9: 66; 17: 487].

Атласы фон Эркерта вышли в разгар польского восстания и сыграли свою роль в информировании западноевропейской и российской общественности об ареале расселения различных этносов, в т. ч. и поляков, на территории Царства Польского и 10 западных губерний, показав несостоятельность мечты о Великой Польше, выраженной в националистическом лозунге «Polska od morza do morza» (Польша от моря до моря).

Как писала газета «Русский инвалид», «благодаря отчасти усилиям самих русских, а отчасти и правдолюбию некоторых иностранцев, имевших случай ближе узнать Россию и вникнуть в её вековой спор с Польшей, иностранцы имеют в настоящее время немало средств к уяснению себе последнего. Между прочим, недавно появилась в Париже, у книгопродавца Данту, брошюра:

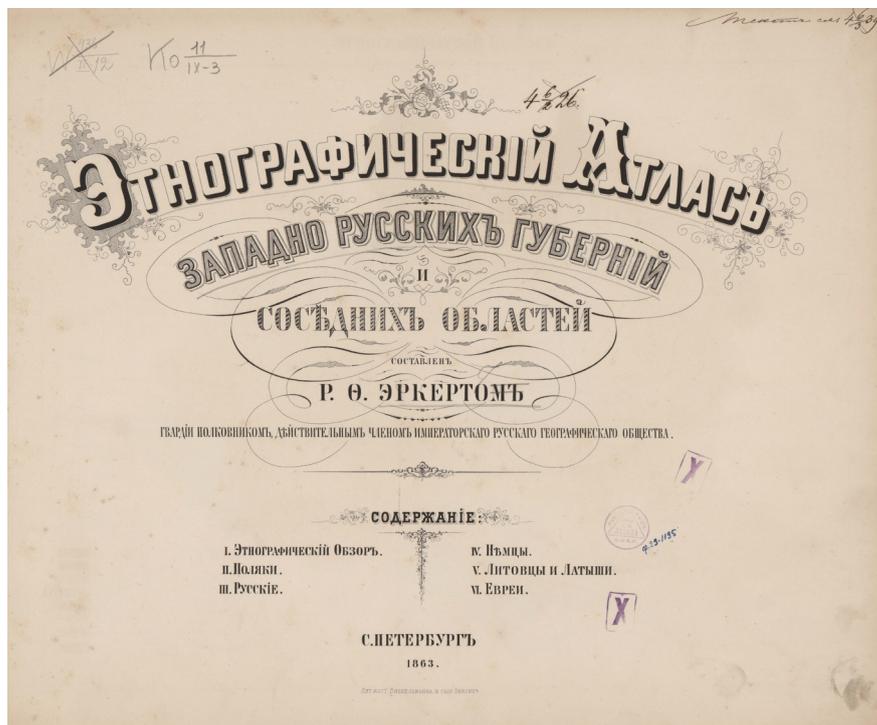
La Restauration de la Pologne, appréciée au point de vue de la science historique et ethnographique (Восстановление Польши, рассмотренное с точки зрения историко-этнографической науки. – С.С.) (Paris, 1864), особенно замечательная тем, что почтенные авторы её, гг. де М. и Обрихт, приложили к ней общую этнографическую карту, составленную г. Эркертотом, всех стран, в которых обитают поляки и на которые они предъявляют свои притязания, и привели все этнографические данные для разъяснения вопроса с точки зрения национальностей. Как известно, притязания поляков, с этой точки зрения, оказываются совершенно несостоятельны, так как в западном крае России их не насчитывается и одной десятой в целой массе населения, а русских в нём с лишком в 5 раз больше, чем поляков (53 против 10). “Неужели же, говорит брошюра, можно допустить притязания поляков на этот край, занимающий 439 178 квадратных вёрст и довольно населённый, когда их не оказывается и 2,8 на версту, а в некоторых губерниях даже и 0,5 и 0,8? Отче-

Титульный лист «Atlas ethnographique des provinces habitées en totalité ou en partie par des Polonais» [75].

го же бы не от дать его в таком случае евреям, которые все-таки несколько многочисленнее тут, чем поляки, которые поселились одновременно с ними и которые, во всяком случае, трудолюбивее и же способны к преуспению, чем выродившаяся польская шляхта?» Затем брошюра обращается к обсуждению польских притязаний с исторической точки зрения, и напомнив главные моменты в истории восточной Руси, Литвы и Польши, особенно подробно знакомит своих читателей с тем, как состоялась Люблинская Уния (1569 г.), как представители Литовской Руси всячески защищались против теснейшего соединения с Польшей, как король Сигизмунд Август присоединил сначала к Польше Полесье (западную часть Гродненской губернии), потом Волынь и наконец Киев, и как вообще несообразно с историческою истиною толковать о *братском* соединении Литвы с Польшей» [33].

В «Этнографических атласах» несколько отличаются данные по численности польского, русского и литовско-латышского населения в Царстве Польском и 10 губерниях. В варианте атласа на русском

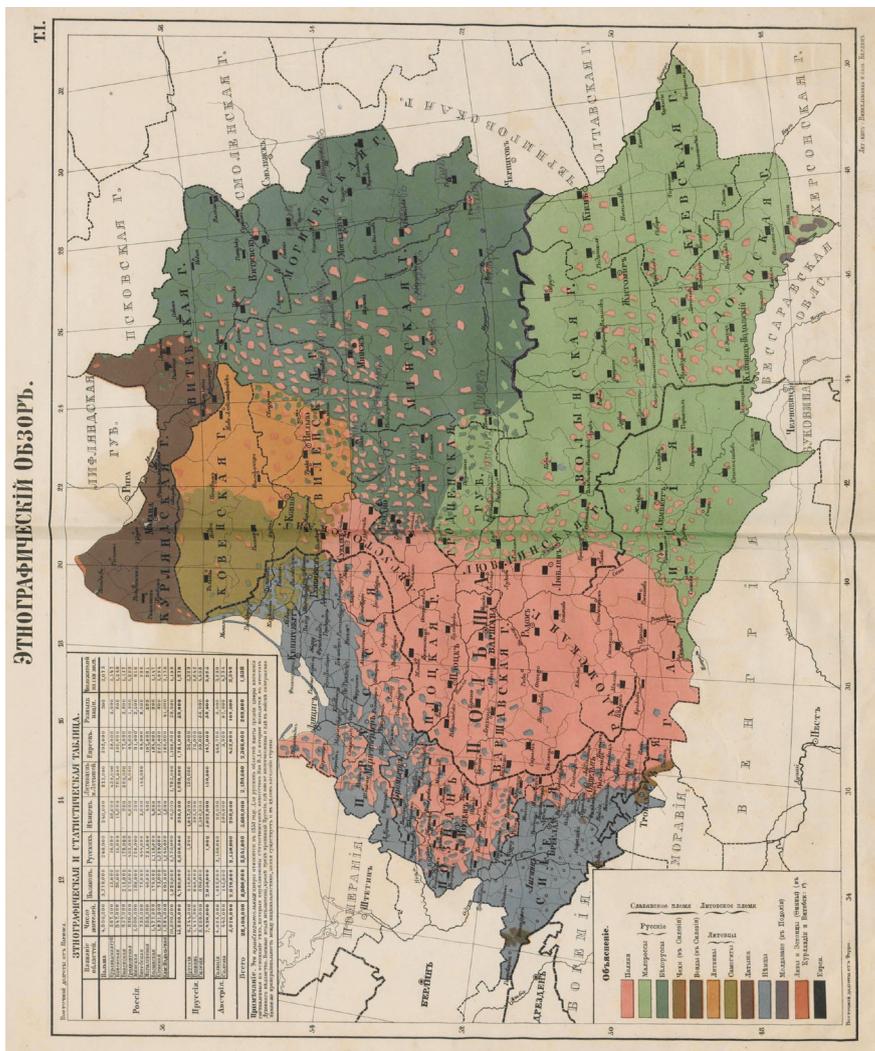

Титульный лист «Этнографического атласа западнорусских губерний и соседних областей» [72].

языке в Царстве Польском численность поляков дана на 50 тыс. меньше, русских – на 20 тыс. больше, литовцев и латышей – на 30 тыс. больше. В этом же варианте также допущены чисто математические ошибки при сведении численности польского, русского, литовского и латышского населения 10 губерний. Она тоже изменена на приведённые выше значения. Как позже признал автор, в русском варианте атласа в данных о количестве поляков в 10 западных губерниях (Курляндской, Ковенской, Виленской, Гродненской, Миской, Витебской, Могилёвской, Волынской, Киевской, Каменец-Подольской) вкралась опечатка. Вместо 1 220 000 следует читать 1 270 000 [69: 57].

В «Этнографическом обзоре. Т. I» полковник Р.Ф. Эркерт для разъяснения карты, на которой показаны ареалы расселения на данной территории самых многочисленных этносов, разместил этнографическую и статистическую таблицу, где привёл сведения об их численности. По приблизительным данным 1858 г., опубликованным статистическим комитетом и находящимся в отчётах Духовного ведомства, в Царстве Польском, Курляндской, Ковенской, Виленской, Гродненской, Минской, Витебской, Могилёвской, Волынской, Киевской, Каменец-Подольской губерниях проживало, без учёта воинских контингентов, 15,6 млн чел. Среди них поляков было 4,78 млн чел, русских – 6,69 млн чел., немцев – 330 тыс. чел., литовцев и латышей – 1,98 млн чел., евреев – 1,761 млн чел., других национальностей – 59 тыс. чел. В Царстве Польском проживало 4,8 млн чел., из них поляков – 3,51, русских – 240 тыс., столько же немцев. Литовцев и латышей – 215 тыс., евреев – 595 тыс. чел и 500 чел. др. национальностей. Он отметил, что в австрийской Галиции проживало 4,625 млн. чел., из них поляков – 1,925 млн, русских – 2,15 млн чел. [72].

В примечании к этнографической карте «Поляки. Т. II» он писал, что «в губерниях, где поляки смешаны с русскими, ничто с такою верностью и определённостью не обозначает границ между этими двумя национальностями как различие их вероисповеданий, таким образом почти без исключения, все славянское население в означенных выше областях, исповедующее римско-католическую веру, должно считаться польским, все славянское население исповедующее греко-российскую веру – русским населением». Фон Эркерт упомянул, что хоть поляки и уступают в численности в западнорусских губерниях, они представляют здесь «самый жизненный и влиятельный национальный элемент». Объясняет это автор тем, что это все эти области долгое время входили в состав Польского королевства и «в настоящее время почти все поземельные владельцы, фер-

«Этнографический обзор. Т. I» из «Этнографического атласа западнорусских губерний и соседних областей» [72].

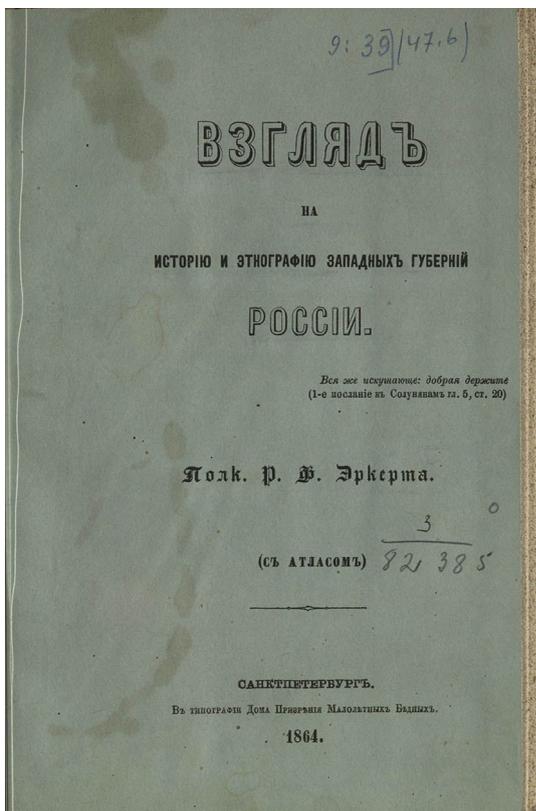
меры, управители, все непосредственно окружающие поземельных владельцев, многие из ремесленников и рабочего класса и проч. – поляки». Говоря о Галиции, исследователь подчеркнул, что её западная часть находится в тех же условиях, что и восточная часть Познани, где преобладают поляки, а восточная часть Галиции – с соседними русскими областями. Исследователь считал, что «численность польского народонаселения в западных губерниях России и в Пруссии, скорее преувеличена, чем уменьшена» [72].

В примечании к карте «Русские. Т. III» фон Эркерт отметил, что «русские (малороссы, белорусы и рассеянные между ними в каждой губернии по несколько тысяч великорусов или собственно русских) в областях, обитаемых частью поляками, отличаются от последних равно и от литовцев языком, а в особенности своим вероисповеданием (православием). Долговременное политическое господство поляков и влияние римско-католической религии совершенно уничтожили в этих областях национальность древнего русского дворянства, которое уже давно присвоило себе, вместе с католическим исповеданием, польскую национальность. Народ, т. е. большая масса поселян, всегда оставался русским и польское влияние, бывшее столь могущественным во многих отношениях в течение нескольких столетий, должно было ограничиться введением унии в тех областях прежнего Польского королевства, которые населены русскими. В 1839 году уния уничтожена и последователи её присоединились к греческой церкви. Только русские (малороссы или русины, рутены, русняки) Люблинской губернии, ровно и Галиции, и Венгрии одни остались ещё униатами» [72].

В исследовании «Взгляд на историю и этнографию западных губерний России (С атласом)», вышедшем в 1864 г., полковник фон Эркерт даёт разъяснение своего атласа и отстаивает свою точку зрения о правильности определения национальной принадлежности русского и польского населения по вероисповеданию [69]. Его работа вышла после появления «Атласа народонаселения западно-русского края по исповеданиям» А.Ф. Риттиха. Фон Эркерт писал, что «ничто в западных губерниях России не определяет черты, отделяющей русскую народность от польской, так отчётливо и правильно, как различие вероисповеданий». Он считал, что «если за основание деления принять один только язык, то численное отношение между русскими и поляками немало изменилось бы в пользу русского населения и в ущерб польского. Распределение на основании одного только языка весьма важно и занимательно во многих отношениях, но когда дело идёт о существенном и практическом понимании настоящего порядка вещей и ближайшей будущности касательно

различия между русской и польской народностью, то упомянутое деление относительно имеет менее важное значение. Если мы совершенно беспристрастно спросим себя, кто вообще в тех местностях русский и кто поляк, то едва ли не придётся принять наш взгляд. Исторический ход событий наложил во всех отношениях на русское население западных губерний положительно чуждый тип, который резко отличается от коренной, всецело русской народности, и чем более мы углубимся в изучение этого исторического хода, тем более мы узнаем, к каким средствам поляки прибегали в течение нескольких веков, в особенности же с шестнадцатого столетия, для того, чтобы уничтожить, т. е. ополячить беспомощную русскую народность. Поэтому находящиеся перед нами наяву, как нам кажется, результаты таких последовательных действий поляков вполне согласуются с ходом истории. Нам кажется невозможным верить в историю прошедшего и в тоже время отвергать неизбежные её последствия в настоящем. Предоставляем каждому произнести окончательный приговор, сообразно его собственным целям и по его собственному разумению. Мы со своей стороны не хотим предрешать этот вопрос, а только намерены показать вкратце, *кто* в прежнее время были обитатели западных губерний, *чем* они сделались в течение нескольких веков, *почему* они стали такими, и *чем* мы их считаем в настоящее время» [69: 6–7].

Фон Эркерт считал, что может судить об этом «гораздо спокойнее и беспристрастнее», т. к. он не принадлежал ни к польской, ни

Титульный лист исследования Р. фон Эркерта «Взгляд на историю и этнографию западных губерний России» [64].

русской народности, ни к католическому, ни православному вероисповеданию и у него нет ни служебных, ни социальных, ни материальных интересов в западных губерниях. С западными губерниями он познакомился «в течение трёхкратного, довольно продолжительного пребывания в том крае в звании офицера». Автор, «давно уже занимаясь вообще этнографией России, а, в особенности, западных губерний», полагал, что «теоретические занятия, по возможности, должны идти рука об руку с наблюдениями живой действительности, иначе мы подвергаемся опасности принимать за действительные факты полуистинные исторические выводы и патриотические желания» [69: 4–5].

Исследователь посчитал необходимым, помимо «кратких замечаний, сообщаемых к каждой отдельной карте» приложить к атласу «особый краткий текст для того, чтобы рядом с некоторыми пояснениями и правками указать точку зрения автора». Этот текст, по его мнению, «должен вкратце изложить историческое развитие, вследствие которого западные губернии России, прежде почти исключительно населённые русскими, в течение нескольких веков до известной степени подверглись польскому влиянию, пока наконец недавно настала сильная и успешная реакция в пользу подавленной русской народности» [69: 4].

В разделе «Взгляд на историю Западной России» он излагает историю польской и русской государственности, пишет что набеги монголов «повлекли за собою распадение России на восточную и западную (распадение, которое вскоре, вследствие влияния литовцев, а потом поляков, становилось все сильнее) и тогда в России стали выделяться три главные группы: великорусов, малорусов и белорусов» [69: 19].

Со времени правления Гедимины (1320–1345), «который впервые принял титул великого князя Литовского и Русского и господствовал на юго-восток до Днепровских порогов, история западной России в течение нескольких столетий была тесно связана с историей Литвы, как история великого княжества Литовского или Литовской Руси. Одна только Галиция была непосредственно занята Польшей уже при короле Казимире в 1350 году, но окончательно сделалась польскою областью лишь в 1351 и 1352 годах, после упорной борьбы, поддержанной литовско-русскими вассальными князьями из дома Гедиминова. Той же участи подверглась западная Волынь в 1366 году. Господство литовцев освободило юго-западную Русь от монгольской зависимости...». Литовские князья стали уже в XIII в. «употреблять русский язык в делопроизводстве», на нём писались законы. Литовские князья, «которые часто женились на русских

княжнах, составляли господствующую династию и сообщили своё имя русской стране (а также и русскому народу, который ещё до сих пор в некоторых местностях называет себя литвой). Литовская аристократия подверглась сильному влиянию русской народности, вследствие браков с русскими и посредством принятия греческого вероисповедания, русского языка и русского образования. Великое княжество Литовское состояло, в особенности со времён Гедимина, из сравнительно очень небольшой части литовцев, большинство населения составляли русины. Выражение “Литовская Русь” в противоположность “Московской Руси” как нельзя лучше и точнее определяет различие и позднейшую противоположность политического и национального развития русского элемента в той и другой группе» [69: 20–22].

Пресечение династии Пястов привело к браку между великим литовским князем Ягайло и польской принцессой Ядвигой, и к первому соединению обоих государств. Принятие Ягайло вместе с короной и католичества стало первым важным актом более тесной связи между двумя государствами. Объединение и позднейшее влияние Великого княжества Литовского (запада Руси, Литовской Руси) привело к тому, что Западная Русь не стала связующим звеном между востоком (Москвой) и западом (Польшей). «Напротив, поляки насильно сделали её враждебным членом между собою и русским востоком, членом, который со всеми своими богатыми средствами и силами существовал, по-видимому, только для того, чтобы сделаться жертвой полонизма и католицизма, а в особенности для того, чтобы властолюбию последнего служить орудием против греческой церкви. То, что в национальном, а затем, и в политическом отношении спасло восточную Русь от монголов, т. е. основанная на религии народность (нашедшая последнее своё убежище у духовенства и в монастырях), то самое подверглось на западе самым жестоким и энергическим гонениям со стороны поляков, вопреки всем принципам истинного христианства. Таким образом, основано было, правда, *могущественное королевство*, в котором *многие* властвовали и получали высшее образование, но не было создано *прочного* государства, которое развивало бы из себя свежие, плодотворные зародыши и создало бы из всего народа одну нацию». По мнению фон Эркерта, «единство и централизация управления, основанные на единстве народности и веры, которого домогались поляки, были именно небылицей, потому что на деле такого единства народности и веры вовсе не было; их нужно было сперва ввести силою» [69: 22–24].

После окончательного свержения монгольского ига «Москва последовательно, хотя и не с одинаковым успехом, продолжает осу-

шествовать свой принцип воссоединения всех русских племён в одно однородное целое». Причём вопрос о перевесе одного государства над другим зависел «от господства над русским западом». С одной стороны, господство над западной частью России необходимо для существования России, с другой – «без Западной России немыслимо самостоятельное Польское королевство». История Польши, как самостоятельного государства «есть история Западной России». Изгнания поляков из Москвы и присоединения к Москве малорусской области на левом берегу Днепра даёт Московскому царству перевес [69: 24–25].

Пока Ягайло царствовал в Польше, Великое княжество Литовское «находилось под властью его родственника и вассала Витольда, который хотя и не был враждебно настроен против русской народности, но фактически вредил ей вследствие разных обстоятельств, а в особенности по настоянию Ягайло и католического духовенства». Витольд позволил поселиться в княжестве немцам, татарам, евреям и караимам. При нём также начался приток польского населения. Поляки получали при Витольде землю и привилегии, которые не имело русское население. В это же время начался переход литовцев-язычников в католицизм. Победа над Тевтонским орденом при Танненберге в 1410 г. сблизила оба государства и привела в 1413 г. к их объединению на сейме в Городле [69: 25–27].

Политические решения Сейма стали катализатором церковного обособления 1415 г. Тогда по инициативе князя Витовта на соборах в Новогрудке было официально провозглашено отделение Киевской митрополии от митрополита Киевского и всея Руси в Москве. «Этот шаг облегчил и некоторым образом подготовил позднейший церковный раскол посредством религиозной унии», которая была принята в 1596 г. на соборе в Бресте. Слияние Великого княжества Литовского с Польшей завершилось на Люблинском сейме в 1569 г. «Начавшаяся при Витольде борьба полонизма против русизма и католической церкви против греческой, со смертью его (в 1430 году) быстро приняла характер крайнего ожесточения, которым она отличалась и впоследствии. Борьба эта, даже после решительного торжества руссизма и греческой церкви, ныне ещё, хотя и безуспешно, продолжается с таким же ожесточением, что конечно должно повлечь за собою только быструю погибель самих поляков» [69: 29].

Введение Магдебургского права, продолжил фон Эркерт, «массами влекло поляков в города Великого княжества Литовского». Литовский статут, основанный на древнем русском праве, содержал много новых положений, добавленных литовцами и поляками.

Бояре уже в начале XV в. стали превращаться в шляхту. В 1470 г. Казимир предпринял реорганизацию Малороссии по польскому образцу. На Люблинском сейме в 1569 г. Великое княжество Литовское было окончательно присоединено к Польше, южная его часть, юридически постиравшаяся за левый берег Днепра, стала частью Польши. Белоруссия, «отчасти вследствие прежнего своего отделения от Киева, и нравственно и физически более слабого населения, отчасти и потому ещё, что она более, чем Малороссия, была театром литовских и польских войн, пришла с Польшей, так сказать, в более близкое национальное соприкосновение, нежели Малороссия». Поляки ополячили западных белорусов, но жители восточной Белоруссии (Витебской и Могилёвской губерний) ещё до сих пор называют себя белорусами [69: 30–35].

Появившиеся во время Люблинской унии в Великом Литовском княжестве иезуиты усилили «враждебные действия католической церкви против православной». При введении унии русское дворянство в Литве и Малороссии, а также литовская шляхта и простой народ стали выступать в защиту своей веры, «но не прошло и полстолетия, как аристократия сама приняла католицизм, который ежедневно делал новые успехи и мало-помалу вытеснил почти бесследно протестантизм», который нашёл было «сильных защитников в Радзивиллах, Потоцких и т. д., и притом получил свои собственные церкви». Автор отметил, что «под влиянием унии и польских нравов, помещик не питал ни малейшего сострадания к подвластному ему крестьянину, который и по религии, и по языку, был теперь для него чужим человеком». Сопrotивление «несчастливого простого русского народа, оставленного и подавленного высшими классами, было только страдательное и притом ослабевало всё сильнее, особенно в Литве и на Волини». Конечно и положение крестьян в Великой России в то время тоже было незавидно, однако здесь «гнёт помещика не сопровождался религиозным и национальным презрением» [69: 32, 35–39].

С прекращением династии Ягеллонов (1572), Польша стала «чисто избирательным государством». Это, как считал фон Эркерт, «без сомнения, была первая причина её неизбежного падения, которое, правда, было удержано на время некоторыми замечательными личностями, вроде Батория и Собеского, но не могло быть совершенно устранено». При слабом Сигизмунде III началось «быстрое внутреннее распадение Польши». В 1648 г. гетман Хмельницкий призвал казаков на войну за независимость против Польши. С 1651 г. Хмельницкий положил «первое начало присоединению Малороссии к Великой России». В 1654 г. он лично присягнул на верность

царю Алексею Михайловичу, за ним последовало жившее по обеим берегам Днепра население Малороссии. По Виленскому договору 1656 г. Малороссия и часть Белороссии досталась Великой России. Но борьба после смерти Хмельницкого в 1657 г. «уничтожила значение этого договора». Андрусовский мир 1667 г. утвердил за Россией область на левом берегу Днепра и Смоленск с окрестностями. Киев был уступлен России в 1686 г. [69: 40–43].

Фон Эркерт обратил внимание на то, что это разделение Малороссии «чрезвычайно повредило малорусской народности», той части территории, которая была присоединена к Польше и лишь в 1793 перешла к России. «Оно окончательно завершило заметное ещё поныне различие между настоящими малорусами и русинами в губерниях Подольской и Киевской» [69: 43].

Падение польского государства совершилось окончательно при королях из Саксонского дома Августе II и Августе III. Со времён Петра Великого русские цари стали управлять судьбами Польши [69: 44]. «Верховное управление и законодательная власть сосредоточивались в руках сейма, т. е. многочисленного собрания из депутатов от дворянства и шляхты различных провинций, собрания, решавшего вопросы о войне и мире, о взимании податей, издании новых законов, одним словом, все дела Речи Посполитой. На принятие какого-нибудь изменения закона требовалось единогласное решение всех депутатов. Известное *liberum veto*, т. е. право уничтожать всякое решение словами “*nie pozwalam*” делало из сейма какую-то пародию на государственное правление. Таким образом управление королевством зависело от необузданной воли сильнейших страстей. Магнаты, перевес которых правил государством, были многочисленны и богаты, и владели почти всеми государственными имуществами. Они жили с царскою пышностью в своих укреплённых замках, содержали на жалованье войска, часто воевали между собою и имели сильное влияние на провинциальные сеймы. Хвалёная свобода поляков состояла, по большей части, только из необузданного и безнаказанного своеволия нескольких тысяч деспотов, между тем, масса народа почти совершенно изнемогала под гнётом барщины и разных тягостей» [69: 44–45].

После смерти Августа III поляки захотели иметь короля, выбранного из династии Пястов. Образовалось две партии. Одна искала поддержки у России, другая – у Франции. Россия подержала кандидатуру Станислава Понятовского. Были восстановлены права диссидентов. Сейм подал голос против диссидентов. Король попросил посредничества России, чтобы при помощи нового сейма защитить права диссидентов. Это привело к образованию конфедерации в

Баре (Подолия) и началу кровавой войны, «которая способствовала полной деморализации Польши и довела её до совершенного изнеможения» [69: 47].

Далее он пишет, что три соседние державы Россия, Пруссия и Австрия в 1772 г. разделили Польское королевство в первый раз. России досталась собственно Белоруссия (Витебская и Могилёвская губернии), Пруссии – восточная часть Померании без Данцига и лежащая вдоль Нетцы часть Великой Польши (Западная Пруссия и Нетцкий округ), Австрия получила Галицию. Шляхта создала в Тарговицах конфедерацию и объявила установленные с Россией законы недействительными и провозгласила новое государственное устройство. Противники конфедерации обратились к защите к России. В 1793 г. в Гродно был созван общий сейм, в результате чего произошёл новый раздел Польши. Россия получила Минскую (с Дисненским уездом, но без Новогрудского), Киевскую и Подольскую губернии и лежащую к востоку от Горыни часть Волыни. Пруссии досталась Великая Польша с Данцигом и Торном [69: 47–48].

В 1794 г. произошло восстание под предводительством Т. Костюшко, «мощная рука Суворова подавила эту отчаянную попытку». Это привело к третьему разделу Польши в 1795 г. Россия получила Ковенскую, Виленскую и Гродненскую (без Подлясья) губернии, Австрия – Краковское, Сандомирское и Люблинское воеводства, Пруссия – все остальное с городом Варшава. В 1807 и 1809 гг. Наполеон I возродил Польское королевство, образовав из него Великое герцогство Варшавское, вошедшее в состав Рейнского союза и принявшее участие в походе французской армии против России в 1812 г. В 1813 г. герцогство было занято русскими войсками и в 1815 г. перешло под управление России в тех пределах, которых оно до сих пор принадлежит ей. Остальные западные и южные части достались Пруссии и Австрии. Из большей части Великого герцогства Варшавского император Александр I создал т. н. Царство Польское [69: 48–49].

Автор напомнил, что «не прошло и пятнадцати лет, как Польша, под скипетром русского монарха, достигла высокой степени материального благосостояния и административного совершенства. Варшава во всех отношениях сделалась значительным городом. Но как в предшествовавшие столетия польское дворянство, следовательно значительное меньшинство нации, своими беспорядками и внутренними раздорами, сделалось причиной отделения от Польши первоначально русских областей (Малороссии и Белоруссии) и включения их в состав России, и таким образом привело Польшу на край политической гибели, так и теперь дворянство не понимало

своего положения и влияния, и предавалось только мечте сделать из Польши независимое государство». Стали появляться тайные общества, «в особенности между молодыми людьми и по исключительным подстрекательствам военной молодёжи». Поляки дома и за границей стали распускать слухи о жестоком управлении русских. «Возмущение, открывшееся в Варшаве в ноябре месяце 1830 года, постепенно, вследствие нерешительности русской и отчасти присоединившейся к ней польской военной силы, обратилась во всеобщее восстание и повлекло за собою трудный поход, который окончился поражением польской армии и взятием Варшавы». Как считал фон Эркерт, «он и не мог кончиться иначе, потому что простой народ в деревнях не сочувствовал восстанию»⁶. Польша лишилась многих прежних своих привилегий, «которыми она умела воспользоваться только во вред себе и России, в административном отношении она была сближена с Россией», но сохранила некоторую самостоятельность под управлением царского наместника. Император Александр II «снова великодушно даровал так называемому Царству Польскому очень важные национальные привилегии и льготы, которыми поляки, в своём ослеплении и безрассудстве, под разными гуманными, либеральными и политико-экономическими формами, воспользовались для достижения того, что привело к настоящему и неизвестному ещё в ближайшем будущем порядку вещей» [69: 49–50].

Фон Эркерт делает вывод, что «каков бы не был исход теперешнего движения (имеется ввиду восстание 1863–1864 гг. – С.С.), мы не можем сомневаться в том, что он поведёт только к *скорейшей гибели* польской нации, и что истина и право должны восторжествовать, как бы они ни были затемнены и оскорблены. *Такое* восстание *не* может иметь счастливого исхода, в этом нам не позволяет сомневаться христианская религия» [69: 50].

Касаясь истории западных губерний, фон Эркерт отметил, что они, «даже после воссоединения с Россией, постоянно оставались в близких сношениях и связях с Польшей». Причём «полонизм и католицизм, со времени раздела Польши, конечно, другими средствами, нежели прежде, с удвоенным усилием старались в нравственном (а за тем и в политическом) отношении снова овладеть тем, чего они лишились в политическом отношении. Для достижения своей цели, они выбрали самое действительное средство: нравственное влияние и умственное образование посредством духовенства и школ. Если бы они употребили это средство несколькими столетиями ранее, то западные губернии погибли бы для России на вечные времена. Но и теперь опасность была велика». Поляки со времени

третьего раздела действовали энергично и последовательно, стараясь «ополячить западные губернии и осуществить мысль о польском царстве. Униатская церковь под таким влиянием, скоро также сделалась бы католической». Но в результате восстаний поляки «открыть глаза русским», дважды показали им, «что такое западные губернии, кем собственно они населены и как затем, на основании этих указаний, следовало бы действовать с русской стороны, для того, чтобы исправить прежние, непостижимые упущения, явиться опять на помощь совершенно забытым собратам и разъяснить себе своё собственное положение» [69: 50–51].

Описывая «ополячивание западных губерний России в духовном отношении», начавшееся с третьего раздела Польши, автор упомянул, что «поляки основали Виленский университет (1804), Кременецкий лицей и множество школ, в особенности при монастырях, и таким образом опутали запад России целую сетью школ, которая, с учреждением Виленского учебного округа, давала польскому элементу возможность твёрдой фалангой понемногу сломать и уничтожить уже потрясённую русскую народность. Духовенство также не дремало. Последователей православного исповедания привлекали или, по крайней мере, всеми средствами старались привлечь к униатской церкви, а униатов к католицизму (для лучшего воспитания униатских духовных, которые стояли на очень низкой степени духовного образования, учебные заведения получили лучшее устройство лишь в первые годы царствования императора Александра I). Полонизм делал большие успехи и имел, так сказать, со своей стороны право на это, потому что ему были предоставлены большие привилегии ко вреду подавленной русской народности, которая падала все более и более. Польская революция раскрыла глаза нашему правительству. Виленский учебный округ был упразднён, Виленский университет понемногу закрыт и в замену его основан Киевский (1834); русский язык повсеместно введён в дело-производство и при обучении. Важнейшей мерой для оживления русской народности и сильнейшим ударом, нанесённым полонизму, было уничтожение унии и воссоединение униатов с православною церковью в 1839 году» [69: 51–52].

После соединения западных губерний с Россией «в политическом и религиозном отношении» последовало «уничтожение крепостного права со всеми его последствиями, или соединение в социальном отношении с древнерусским началом гражданской свободы и самостоятельности мира». На фактическое же социальное соединение, отметил исследователь, понадобится «много времени. Совокупное действие политического, религиозного и социального воссоедине-

ния западного края с Россией одно только может и должно повести к совершенному соединению их в *национальном* отношении» [69: 52–53].

В разделе «Взгляд на этнографию западных губерний» автор представил «краткий обзор этнографических отношений западного края». Из-за «краткости изложения» он ограничился «характеристикой четырёх главных народностей западного края: поляков, русских, литовцев и евреев» [69: 54]. Он приводит четыре разные точки зрения по подсчёту численности русского и польского населения в крае: 1) «Если принять *теперешний язык*, русский или польский, за способ разграничения жителей русской и польской народностей, да в добавок ещё примешать к этому происхождение их, как это делают некоторые, вопреки собственному же принципу, то мы получим относительно наименьшее число поляков». Если не принимать в губерниях Виленской и Гродненской в расчёт влияние польского языка, сделавшее из местных русских наречий испорченный польско-русский или русско-польский язык, то при строгом разграничении языков число поляков, показанных им в таблице уменьшилось, особенно значительно в Гродненской, Виленской, Минской, Витебской и Могилёвской губерниях. Их бы стало только 1 млн чел. Недавно была приведена, вместо сообщённой фон Эркертом численности поляков в Гродненской губернии 279 тыс. чел., цифра 83,8 тыс. чел, причём ему неясно, на чём основан такой способ исчисления. 2) «Если при разграничении русской и польской народностей основываться главным образом на *теперешнем вероисповедании* жителей, то мы на основании того, что сказано в начале этой брошюры, получим 6 454 000 русских и 1 257 000 поляков, следовательно отношение 5 к 1». Как отметил фон Эркерт, «много совершенно русских католиков в южных частях Белоруссии, причислены к русским, а напротив, совершенно польские православные, в особенности в городах, и в помещичьих усадьбах приняты за поляков». 3) «Если при разграничении народностей принять в соображение *вероисповедания в том вид, в каком они, существовали до 1839 года*, и основываться на том, что униатская церковь, не задолго до её воссоединения с православною, *de facto* была очень близка к католицизму», т. е. «предположить, что значительное большинство униатов, обратившихся опять в 1839 году в православие, находилось к польской народности ближе, нежели к русской, то число поляков увеличилось бы на несколько миллионов». Поляки постоянно пользуются данной методикой, преувеличивая своё количество. 4) «Если *не принимать в соображение ни религии, ни языка*, а, оставляя в стороне лишь некоторые исключительные отношения, считать единственным мерилом политическое и социаль-

ное влияние, которое полонизм столь долго и сильно оказывал, на всех жителей западного края, то в этом смысле, или правильнее, в этой бессмыслице объясняется название “польские провинции”» [69: 55–58].

Рассматривая вопрос «с точки зрения *чисто национальной*», фон Эркерт посчитал первый взгляд «ультрарусским», второй – «общерусским» и «самым правильным», третий – «общепольским», четвёртый – «ультрапольским». Из упомянутых четырёх, наиболее распространённых взглядов на национальные отношения западного края, «два опираются на вероисповедание (настоящего и прошедшего времени)» [69: 58].

Говоря о влиянии польского населения фон Эркерт писал, что «если жители русской народности в западных губерниях превосходят поляков в *численности*, то последние настолько же превосходят русских в *моральном* отношении». Он указал, что в руках поляков находится «частная поземельная собственность», значительное число городских жителей, чиновников (особенно низших), шляхты, управляющих имениями, экономов, арендаторов, прислуги польского дворянства – поляки-католики, а местами православные, говорящие по-польски. «Поляки считают и называют западные губернии своими, польскими в национальном отношении, и политически незаконно у них отнятыми. Без сомнения, это вскоре изменится. Они присваивают себе также право на преобладание в социальном отношении и смотрят на живущих там мало- и белорусов, как на своих холопов. Это резко и ясно обрисовывает, по крайней мере, действительное, спесивое положение, которое полонизм ещё недавно занимал в западном крае. Вскоре такая спесь и ослепление снова погрузятся в своё ничтожество. Непостижимо влиятельная роль польского дворянства чрезвычайно утратила своё значение уже с 1831 и 1839 годов (но более всего с 1861 и 1863 г.)» [69: 58–59].

Далее автор пишет, что «чем дальше на восток, тем более польский элемент уменьшается в численном отношении, но не во внутренней своей силе; последняя уменьшается лишь в малорусских губерниях, потому что малорусская народность противодействовала польской сильнее и резче» [69: 60].

Говоря о шляхте, фон Эркерт, подразумевая под ней «низшее дворянство и многих однодворцев или то сельское дворянство, какое именно только и встречается в Польше (и западных губерниях России), да разве ещё в Венгрии», считал что она «более значительное, национально-общественное учреждение, самостоятельно созданное полонизмом», крайний предел польского национального твор-

чества, картина оцепенения», «окастневший полонизм, концентрированная польская кислота» [69: 61–62].

Русский элемент, по его мнению, занимает в западных губерниях «лишь второстепенное место». Только помещиков немногих уездов и небольшой части горожан и шляхты можно назвать русскими, основная же масса русских «простой народ, низшее сельское сословие». Русские делятся на две главные группы: белорусов и малорусов, «которых в географическом и национальном отношении разделяет болотистая область Припяти». Также в этих губерниях проживает около 200 тыс. великорусов [69: 63].

Белорусы, писал фон Эркерт, «суть представители одного из трёх больших национальных отделов русской народности вообще, а белорусский язык – одно из трёх главных наречий русского языка. Белорусский язык подходит к великорусскому более малорусского, в особенности более того, на котором говорят в местностях, преимущественно называемых в наше время Малороссией. С распространением малорусов, или, правильнее, червонорусов на восток, проник в этом же направлении малорусский язык, отличающийся от великорусского более, нежели язык чернорусов в Галиции и Волыни». Последний, как отметил автор, «гораздо более сохранил свои древние формы и потому с первого взгляда производит это странное впечатление. В этом легко убедится всякий великорус, приехавший в тот край». Отличительным признаком близкого родства наречий, как считал исследователь, «служит *грамматический их строй*». Сотня или даже несколько сотен польских слов, усвоенных народом в течении времени, «народ считает теперь коренным достоянием *своего языка*» [69: 63–64].

«Первоначальные национальные особенности, свойство почвы, соседство литовцев и влияние поляков», по мнению фон Экерта, «создали несколько национальных групп белорусов, которые существуют ещё и теперь, или именно теперь то более или менее ясно». Первая – это «так называемые *настоящие белорусы* в губерниях Витебской и Могилёвской (также далее на восток) и в восточной части Минской губернии. Они примыкают на западе к латышам, к Двине, вверх до Десны и далее к Борису, вниз по Березине». Другая группа – «живущие далее на запад *белорусы, которые, однако же сами не зовут себя этим именем, да и поляками не называются белорусами*, они по большей части не дают себе никакого национального названия, а язык свой называют “простым”. Великорусы и поляки в общежитии обыкновенно обозначают их словами: “из униатов”. Для этих западных белорусов, которые сильно подверглись польскому влиянию, в особенности в северо-восточной трети Гродненской гу-

бернии, принято вообще название чёрнорусов (по чёрным овцам, из шерсти которых они делают себе одежду), но сами они не называют себя этим именем. Эти две группы, по его мнению, были главными [69: 64–65].

Большая часть Подлясья, в особенности Сокольский уезд, и весьма немногие места Августовской губернии в Царстве Польском, населены третьей, наиболее ополяченной категорией белорусов (подляшанами). Язык, на котором они говорят, очень непонятен для великорусов, но, рядом с мазурским влиянием, представляет большое разнообразие, вследствие различной колонизации, которая, в эту некогда ятвяжскую страну, мало-помалу переселила белорусов» [69: 64–65].

Постепенно, при движении от Подлясья на восток польское население постепенно уменьшается, русское же усиливается. Вид Орши и «ближайшего от него, лежащего к востоку чисто русского города Красного очень резко обозначают эту противоположность как с внутренней, так и с внешней стороны. Даже Смоленскую губернию и северо-западную часть Калужской жители не причисляют ещё к настоящей Великой России» [69: 65].

Он считал, что «собственная Белоруссия, в особенности Могилёвская губерния, вовсе не такая жалкая страна, какой её обыкновенно изображают, но обработка земли её в высшей степени запущена. Белоруссию можно сравнить с бедной, но прекрасной девушкой, которая может рассчитывать на богатое наследство. Настоящие белорусы находятся на очень низкой степени образования, жители Могилёвской губернии очень бедны, малого роста и слабого сложения, их язык, одежда и нравы подверглись польскому влиянию меньше, нежели в большей части уездов Витебской губернии, которая, по своему географическому положению, была долго театром войн между поляками и враждебными их соседями на севере». Белорусы-католики, «более или менее» поляки, почти все «носят польский костюм, отличающийся от одежды православных белорусов, по своему образу мыслей, привычкам и роду жизни, они совершенные поляки. Даже православные по большей части, за неимением русских молитвенников, придерживаются католического обычая читать в церкви молитвы из польских молитвенников» [69: 65–66]. В конце 1863 г. митрополит Литовский снова обратился к духовенству о необходимости вывести из употребления прихожанами польские молитвы и молитвенники, заменив их молитвенниками на славянском или русском языках. Также православному духовенству Литовской епархии было предписано, «чтобы в священнослужительских семействах было прекращено употребление польского языка» [69: 66].

Фон Эркерт обратил внимание, что «в нравах и роде жизни западных, ненастоящих белорусов, сильно обнаруживается польское влияние, но у них до сих пор и не было почти никакой связи с великорусами». Они брили бороду и усы, одевались бедно, имели тёмный цвет лица. Их «общественные удовольствия» – музыка (скрипка) и пляска. Они собирались в корчме, «совершенно польском заведении, составляющем резкую противоположность к чисто русскому постоялому двору», попарно, мужчина с женщиной, плясали польские танцы. Тоже самое, но «ещё в гораздо большей мере, должно сказать о белорусских городских жителях, из которых многие, несмотря на своё православное вероисповедание, по языку и образу мыслей совершенные поляки» [69: 66].

Говоря о малорусах, он ещё раз отметил, что они, тоже вследствие польского влияния, делятся на две главные группы: настоящих *малорусов* и *русинов*. «Последние называются у поляков также рутенами, но, на основании их языка, должны называться червоннорусами». Он отметил, что «язык малорусов в губерниях Полтавской, Екатеринославской, восточной части Черниговской, Киевской и отчасти Херсонской, с точки зрения многих настоящих малорусов, неправильно считается более чистым языком, нежели коренное наречие в Червонной Руси. Последнее древнее его и ближе к великорусскому языку, нежели то наречие, на котором говорят в вышеупомянутых губерниях». Примесь полонизмов встречается в западной части Киевской губернии и в губерниях Подольской и Волынской, «где язык очень близко подходит к галицийскому (собственно червонорусскому). Особую категорию составляет, по своей грубости и жёсткости в звуках и оборотах, наречие, на котором говорят в Полесье, в особенности в южной части Гродненской губернии» [69: 66–67].

Фон Эркерт считал, что малорусы населяют «чрезвычайно плодородную и прекрасную страну», которая привлекала поляков, которые селились здесь «в большом количестве», о чём свидетельствуют богатые поместья. Он отметил, что они «во всех отношениях стоят выше белорусов, русская народность отделяется здесь от польской гораздо резче, потому что от неё нет таких переходных членов к полонизму». Однако, несмотря «на живучесть их народности и на долгие и энергические усилия для защиты веры и народности (в особенности посредством казачества), малорусы не были в состоянии занять роль главных предводителей или вождей русской народности вообще, роль, которая выпадала им три раза: в первый раз во времена удельных княжеств, в отношении к прочим княжествам; во второй раз во время Галичского княжества в отношении к литовцам; наконец в третий раз во время казачества в отношении к полякам.

Ни болотистой и лесистой Белоруссии, ни богатой степями Малороссии, не суждено было сделаться настоящею колыбелью русско-го элемента. Действительной родиною её должна была сделаться средняя, Великая Россия, соединявшая в себе все условия политического благосостояния и политической независимости» [69: 67–68].

Он указал, на то, что «настоящие малорусы в восточной и южной части Киевской и юго-восточной части Подольской губернии твёрдо сохранили свою религию и народность. Польское влияние у них едва заметно, этому много способствовала близость Киева». Он обратил внимание, что среди «настоящих малорусов» до сих пор много свободных крестьян, которые называют себя казаками и они никогда не принадлежали к униатской церкви [69: 68].

Среди русинов фон Эркерт выделил несколько групп, «на которые отчасти влияло польское соседство в западной Волыни; больше всего действовали местные обстоятельства». Он считал, что «в восточной части Волыни чище всего сохранился червонорусский или (древний) малорусский тип, как в наружном виде, так и в форме черепа». Исследователь отличал жителей Полесья, южная граница которого идёт от Устьлуга на Буге, через Владимир, Луцк, Ровно, Новоград-Волынский и к северу мимо Радомысла, до Днепра. На севере Полесье заходит далеко в губернии Гродненскую и Минскую. Оно слабо населено, «только на отдельных сухих местах». При реке Случе население живёт в немногих деревнях, просто в первобытном состоянии. При реке Убороте, в Овручском уезде, на пространстве 200 кв. вёрст нет ни одной деревни. Полешуки живут небольшими селениями. Их жилые и хозяйственные строения, «обращённые узкою своею стороною на улицу, сведены в одно целое, под общую крышу». Сами полешуки «находятся на очень низкой степени просвещения, отличаются тихим характером, среднего роста, слабого телосложения и не носят бород. Женщины их, в отличие от волынцев и подольцев, гораздо красивее мужчин». В Полесье также живут великорусы. Они занимаются рубкой леса, выработкой дёгтя и т. д. Также здесь живут будники или мазуры, которых здесь называют буцами. Они переселились сюда из Мазовии, вероятно, в XVI в. Из «скитавшихся рабочих» они стали со временем земледельцами, которые платили владельцам подать (чинш) и стали называться «чиншевой шляхтой». В Овручском уезде живут также «великорусские будники, которые очень бедны и находятся на очень низкой ступени». Исследователь отметил, что «полешуки Гродненской губернии сохранили свою народность не столь чисто, как полешуки Волынской губернии, они делятся на пинчуков и бужан» [69: 68–69].

Говоря о латышах, фон Эркерт, обратил внимание, что в западных уездах Витебской губернии они сильно подверглись польскому влиянию и почти все исповедуют католицизм. Литовцев он разделил на две группы, «находящиеся между собою в близком родстве»: на литовцев «в тесном смысле слова, или *литвинов*» и *жмудь*. Литвины занимали в настоящее время меньшее пространство, нежели прежде, когда они жили далее на юг. Их «отчасти вытеснил белорусский элемент» Польский же элемент утвердился среди них «в качестве дворянства, шляхты и городских жителей, подчинил их польскому влиянию, в особенности при помощи католической религии». Литвины, подчеркнул исследователь, «за исключением языка и совершенно особых, национальных и религиозных понятий, относящихся к отдалённому прошедшему образу жизни мало отличаются от смежных с ними белорусов, к которым они находятся в каком-то пассивном и подчинённом положении». В Новоалександровском уезде литовцы перешли на польский язык и «по большей части называют себя поляками» [69: 69].

Исследователь считал, что «*жмудь* в нравственном и материальном отношении стоит гораздо выше литовцев». Самый чистый тип её проживал в Тельшевском уезде, где земледелие было более развито, чем в других уездах, населённых жмудью. Это население «до сих пор отличается большою религиозностью, привязанностью к католической вере, твёрдостью и энергией характера, и воинственным духом». Жмудское наречие отличается от литвинского «самостоятельным развитием и отсутствием польского влияния». Нравы жмуди «просты и патриархальны; любовь к родине очень сильна. Народ отличается приветливым и весёлым характером; мужчины ростом меньше, нежели литвины; женщины очень красивы собою, прекрасно сложены и хорошо одеты, привязаны к дому, чистоплотны и очень целомудренны» [69: 69–70].

В западном крае евреи в основном жили в городах и местечках. Западную Россию «в настоящее время можно считать действительною родиною евреев». Их численность равна численности поляков. Все коммерческие сделки и вся торговля вообще, оптовая и розничная, «совершаются при посредстве евреев» [69: 70–71].

В заключение фон Эркерт ещё раз подчеркнул, что он хотел только разъяснить прошлое и настоящее края, не касаясь политических, религиозных и социальных тенденций и что он не хотел никого оскорбить своим трудом. Он считал, что на его исследование обратят больше внимания в будущем, «нежели теперь, когда страсти раздражены». Фон Эркерт полагал, что «для правительства прежде всего необходимо правильное понимание существующего: оно может

делать правильные выводы только из *действительных*, а не *воображаемых* величин. Если мы коснулись раны, из которой к сожалению уже так часто и много сочилось крови, то это сделано из-за самой раны, а по из-за пальца, прикоснувшегося к ней для того, чтобы указать её тем, которые не только вправе, но и обязаны способствовать излечению её» [69: 72].

Его атласы и «Взгляд на историю и этнографию западных губерний России» из-за решения автора принять религиозный фактор в качестве этнического разграничения славян Западной России подверглись критике.

В двух номерах газеты «Русский инвалид» (№№ 75 и 80) П.О. Бобровский разбирает этнографический атлас Р. фон Эркерта [2; 3]. Позже его статья «Можно ли одно вероисповедание принять в основание племенного разграничения славян западной России?» вышла отдельной брошюрой [4].

Упомянув, что атлас на русском языке роскошно издан и продаётся по доступной цене 2 руб. серебром, П. Бобровский отметил, что в небольшой брошюре «автор высказывает свою точку зрения на этнографию западной России, обрисовывает довольно правильно историческую судьбу этой страны и обозревает, впрочем, весьма слабо и неполно, характеристику главных племён, её населяющих: русских (белорусов и малороссов), поляков, литовцев и евреев». Однако фон Эркертом «даётся неточный колорит общественному положению западнорусских элементов и недостаточно верно определено разграничение поляков от русских (белорусов и малороссов), наиболее многочисленных племён, составляющих главную и с древнейших времён оседлую массу на пространстве к западу от Днепра до Карпат, верховий Вислы, устьев Нарева и средних частей Немана и Западной Двины» [2: 3].

Фон Эрkert неправильно «счёл необходимым принять в основание этнографических разграничений одну лишь религию» и это «натолкнуло его на большие погрешности и далеко не привело его к наиболее верной или лучше *наиболее практической цифре* поляков в западной России». Сравнивая данные по населению фон Эркерта и Риттиха в губерниях, где проживает значительное количество белорусов (Могилёвской, Минской, Гродненской, Виленской и Витебской), П. Бобровский обратил внимание на «несогласие в цифрах». К примеру, поляков фон Эрkert насчитал в два раза больше, чем Риттих в «Атласе народонаселения западно-русского края по исповеданиям» (СПб., 1863; Изд. 2 – СПб., 1864). Разница почти в 10 %, а в количестве литовцев с латышами – в 3,6 % от общего населения 5 губерний. В атласе Риттиха православных – 59, 2 % и римско-като-

ликов – 29,9 %. К первым он отнёс не только русских, но и до 37 000 литовцев, к последним – всех поляков, почти всех литовцев и латышей, а также более 240 000 (т. е. до 6%) русских. Часть католиков Риттих отнёс к белорусам. Если соединить численность католиков поляков и русских получится 623 000 чел. У фон Эркerta показано 791 000 чел. Стало быть, он принял за поляков и часть белорусов, и малороссов, исповедующих православную веру. Впрочем, сам фон Эркерт «не хочет навязывать другим своего взгляда, а потому и цифрам своим не придаёт особо важного значения, полагая во всяком случае свою цифру поляков преувеличенной» [2: 3].

Для определения национальности, особенно в таких разнообразно населённых, как западная Россия, необходимо «исследование языка или наречий, как ветвей одного дерева». Даже те белорусы, которые называли себя «простыми», «не зная того, что они белорусы – сохранили и в обыденной речи, и в песнях, и в пословицах, свои определённые, национальные, логические формы, свой дух, свой определённый характер, свои права, свои обычаи и т. п.» [2: 3].

Говоря о Гродненской губернии, «более всего подверженной польскому влиянию», П. Бобровский обращает внимание на ошибочность мнения фон Эркerta, что почти все мещане – поляки, да и «нынешнее дворянство Гродненской губ. по происхождению (говоря вообще) не может быть причислено к польскому племени, но оно исповедует римско-католическую веру, говорит по-польски, дышит Польшей и ненавидит Россию. Все помещики себя считают поляками, да и мы их не можем назвать белорусами». Основываясь на данных Парчевского, на его списках деревень, населённых поляками, П. Бобровский считал, что количество поляков в губернии составляет 83 000 чел. В заключение автор написал, что фон Эркерт смог бы избежать многих ошибок, если бы в основу своего труда взял не только вероисповедание, но и «все другие крупные признаки племенных особенностей и прежде всего – язык» [3: 3–4].

Высказываясь о работе А.Ф. Риттиха «Материалы для этнографии Царства Польского. Губернии Люблинская и Августовская» (СПб., 1864), П. Бобровский написал, что две карты «наглядно знакомят нас с количественным отношением разнообразных племён». Он отметил, что «невыносимое иго постоянно давящей иезуитско-шляхетской двойственной силы легло всею тяжестью на эти передние части русских земель. Стоит только взглянуть на карты г-на Риттиха, чтобы понять весь глубокий смысл исторического хода этнографии в среде соплеменных нам малороссов и белорусов. Поэтому нельзя не отдать справедливого уважения труду г. Риттиха, который, для исполнения своей трудной задачи, должен был рыться в значитель-

ной массе материалов. Строго держась основных начал этнографии, он, в своих исследованиях, не впал в ошибку, испортившую все дело в замечательном по мысли, но одностороннем в исполнении труде г. Эркерта, который размежевает славян на основании религии, совершенно упуская из виду, что без указаний языка, нравов, обычаев, привычек, одна религиозная сторона не может установить совершенно твёрдой раздельной черты между поляками с одной стороны и малороссами и белорусами с другой». Благодаря картам, продолжил критик, теперь каждому ясно, что смежная с западными губерниями России полоса Царства Польского далеко не представляет строгого племенного единства. Преобладающее большинство, в частности, здесь не принадлежит полякам. Количественное первенство в Августовской губернии, более 40 %, принадлежит литовскому племени, литве и жмуди, в Люблинской около 45 % русскому – малороссам» [5].

В выступлении на общем собрании географического общества 8 мая 1863 г. М.О. Коялович высказался по поводу выхода изданного фон Эркертом этнографического атласа на французском языке. Это выступление затем было опубликовано в № 114 газеты «Русский инвалид» [17]. Он упомянул, что само название атласа «не может не поразить западнорусского общественного деятеля, не оторвавшегося от народа». М. Коялович подчеркнул, что «этнографическое господство в западной России принадлежит коренным, самобытным племенам её, а не полякам». Правда, он констатировал, что «местный, западнорусский взгляд, который ещё так мало сознан, так мало получил прав в науке и в жизни, что не легко ставить его на видное место. Да, впрочем, для науки, строго говоря, безразлично соединять или разделять *на карте* Западную Россию и действительную Польшу, и так или иначе озаглавливать этнографический их атлас. А что касается до житейской практики, то я думаю, в настоящее время от такого соединения Западной России с Польшей и этнографического подчинения первой последней, может выйти даже большая польза» [17: 486–487].

М. Коялович считал, что атлас «должен произвести весьма сильное впечатление за границей, а может быть и у нас. Я представляю себе при этом ту заграничную литературу и ту недавно тоже изданную там карту бывшего польского государства, по которым все пространство западной России от Немана и Буга до Двины и Днепра, даже за Двину и за Днепр – все Польша и Польша... и думаю, что атлас г. Эркерта составляет самую жестокую и неотразимую критику всего этого. Теперь оказывается и оказывается наглядно и популярно, что *польская провинция* есть *русская область*, что целые

миллионы *поляков* этой провинции сводятся на деле к миллиону с небольшим, что составляет *десятую долю* всего населения западной России, а в частности, число, в шесть раз меньшее числа русских, меньшее числа литовцев...» [17: 487].

М. Коялович указал, что «по ошибочности и сбивчивости данных» произошла «громадная уступка туземных элементов в пользу элемента польского». Приведя в пример Гродненскую губернию, с которой он хорошо знаком, М. Коялович сказал, что численность польского (мазовецкого) племени в западной части губернии преувеличена. Здесь больше малороссов и белорусов, чем показано в атласе. Обратил он внимание на то, что около Припяти шляхта говорит по-белорусски и среди неё немало православных. В городах же, «рядом с еврейскою краскою, окрашены польскою», но «почти везде мещанское христианское население городов западной России говорит или по-белорусски, или по-малороссийски». Многие из них даже православного вероисповедания [17: 487].

Критику попытку связать религиозную принадлежность с национальной, М. Коялович обратил внимание, что «многие латиняне шляхетского, мещанского и все члены крестьянского сословия сохраняют ещё свои самородные, местные начала, не делаются поляками, как бы должны были сделаться по требованию тамошнего латинства. Вот почему не все латиняне тамошней страны могут быть названы поляками». Далее он перешёл к обозрению упомянутых фон Эркертом «племён Западной России» [17: 487].

В статье М. Кояловича «Взгляд г. Эркерта на Западную Россию», опубликованной в № 174 «Русском инвалиде» за 1864 г., затем вышедшей отдельной брошюрой, даётся обзор этнографического атласа западнорусских губерний и соседних областей фон Эркерта и приложенной к нему брошюре «Взгляд на историю и этнографию западных губерний России» [15; 16]. М. Коялович посчитал, что «дурна самая мысль ставить Западную Россию все вместе и в параллеле только с Польшей. Известно, как давно и усиленно поляки поддерживали мнение, что западная Россия и Польша одно, и обе – резко отдельны и отличны от восточной России. В популярном труде о Западной России нужно устранять эту теорию и ставить Западную Россию или между восточною Россией и Польшей, или одну. Это будет справедливо и в научном, и в практическом отношениях» [15: 3].

Он считал цифру в 1 200 000 поляков, проживающих в западных губерниях ошибочной. По его мнению, «вместе с действительным числом поляков крестьян, мещан и шляхты они едва ли составят больше 700 000 т. во всей Западной России». М. Коялович не разделял взгляда фон Эркерта, что славян Западной России можно

разделить на русских и поляков только на основании их вероисповедания. Считать, что католики – это поляки, а православные – русские. Об этом он упоминал ранее при обзоре атласа фон Эркerta на французском языке [15: 3].

Говоря о национальном самоопределении М. Коялович писал: «Видели бы вы, как в настоящее время западнорусские крестьяне, латиняне, расположены к России и русским, сколько-нибудь дельным, и ненавидят поляков без всякого разбора! За что же таких латинян, которые большею частью не знают польского языка, польских обычаев, польских тенденций, вы причисляете к полякам? Как несправедлива и к каким грубым ошибкам может вести теория различать русских и поляков в *народе* по одной вере – это будет, надеемся, очень ясно, если мы напомним читателям, что таким способом полмиллиона русских – плохих латинян в польском смысле причисляется к полякам. Достоинство этой теории разве то, что при ней ни один истый поляк, т. е. политический поляк, не будет причислен к русским, хотя бы и говорил по-русски, как на родном языке, а по-польски плохо. Латинство в нём, действительно, будет более верным указателем национальности. Но что касается до простого народа, которым больше всего и должна заниматься этнография, то в его жизни одно латинство не может служить критерием национальности. Он слишком непосредственно относится к вере и слишком разобщён с польским панством, чтобы латинство имело у него ту же национальную польскую силу, как у поляков-панов» [15: 3].

В статье «Этнографический обзор Витебской губернии», вышедшей в 1872 г. А. М. Сементовский высказал своё мнение об атласе фон Эркerta, вышедшем в разгар польского мятежа «сперва за границей на французском языке (весной 1863 г.), а потом и у нас на русском языке (в 1864 году)». Он был не согласен с мнением фон Эркerta «в выборе признаков национальности, в особенности при разграничении славянской народности», используя при этом для русских и поляков религиозный признак, который фон Эркерт посчитал верным для белорусов. А. Сементовский показал несостоятельность данного утверждения: в Витебской губернии проживает 59 179 белорусов-католиков. Также фон Эркерт «пытается отвергнуть 159 659 латышей, 1 067 эстов, некоторую часть немцев, французов и других народностей». А. Сементовский считал, что «за этнографический признак разграничения народностей» надо принимать родной язык народа, «на котором он говорит с детства, который постоянно употребляется в его семье и достался ему, так сказать, по наследству» [55: 1–2].

В «Приложение к материалам для этнографии Царства Польского. Губернии Люблинская и Августовская», вышедшем в 1864 г.,

А.Ф. Риттих говоря о разделении фон Эркертом племён по религиям, заметил, что во время его разъездов по центру западнорусского края он встречался с белорусами и малорусами «без различия религии». Причём независимо от того, были они католиками или православными, «наружный вид крестьян, по лицу, обуви и одежде, ни их, – понятное для всякого мало-мальски знающего русский язык, – наречие, не отличались». Такое же положение на Украине, в Гродненской, Витебской и Могилёвской губерниях. Это, по его мнению, «доказывает, что хотя религия и может служить в подразделении населения на племена, но она не может проводить окончательно раздельную черту и находится в тесной связи с говором народа, его нравами, обычаями, привычками и другими признаками этнографии». Также фон Эркерт в Люблинской губернии, скорее всего, причислил к народности русской одних только греко-католиков [24: 26].

Сам же А. Риттих предлагал для правильного определения национальности принимать во внимание «для каждого лица, на научных основаниях и независимо изустных показаний»: а) место родины, которое указывает на заселённость по преимуществу той или другой народностью; б) народность отца и матери, которая переходит на детей, за исключением некоторых случаев; в) подданство; г) вероисповедание; д) язык; е) школа обучения: правительственная, общественная или приходская, в период окончания учебных занятий; ж) признание опрашиваемой личности» [66: 65–66].

Упомянув о работе Р. фон Эркерта «Взгляд на историю и этнографию западных губерний России», В.М. Кабузан в своей монографии «Народы России в первой половине XIX в. Численность и этнический состав» отметил, что в условиях России язык оказался гораздо более действенным этническим показателем, чем религиозная принадлежность. С утраты веры в тот период действительно начинался процесс утраты своей национальной принадлежности, что видно на примере Галичины, Угорской Руси и Царства Польского. Однако в России к тому времени для ополячивания населения уже не было условий. Эти территории были в составе российских губерний и, наоборот, большие группы белорусского и малорусского населения возвращались в православие. Об ополячивании, по мнению В. Кабузана, можно говорить лишь в отношении дворянства и населения крупных городов Западной Руси. Он сравнил численность поляков, указанную фон Эркертом с их численностью, указанной другими исследователями [13: 21–22].

Исходя из католического вероисповедания, фон Эркерт указал в девяти западных губерниях 1 257 000 поляков (без Курляндской губернии – 13 000 поляков. – С.С.). Он же предположил, что если

за основу взять язык, то их бы количество могло бы быть только 1 000 000 чел. [69: 56]. М. Лебёдкин в своей статье «О племенном составе народонаселения Западного края Российской империи», вышедшей в 1861 г. указал численность поляков в девяти губерниях Западного края в 1 027 947 чел. Он же упомянул о сохранившихся этнических группах, называющих себя полянами, древлянами, бужанами, дулебами, тиверцами и угличами в Волынской и Подольской губерниях и хорватами – в Волынской губернии [18: 139–140]. Примерно такое же количество поляков – 961 144 чел. в губерниях Европейской части России, без Царства Польского, приводится в «Военно-статистическом сборнике», составленном офицерами Генерального штаба, под общєю редакцией Н.Н. Обручёва, вышедшем в 1871 г. [6: 94].

По мнению В. Кабузана на данной территории в то время проживало 636 тыс. поляков, по переписи 1897 г. их было 886 тыс. Он считал, что нельзя брать за основу только вероисповедание, а необходимо «учитывать, насколько это возможно, язык, сословно-классовую принадлежность и даже географическое положение, а также время перехода в католическую веру. Не вызывает никаких сомнений, что попытка опереться лишь на один, хотя и существенный признак привела Эркерта к необоснованным выводам». Он же отметил, что некоторые русские статистики относили к полякам вообще всех жителей бывшей Речи Посполитой (К.Ф. Герман), что явно не соответствовало действительности [13: 22].

Из более поздних работ фон Эркерта, изданных в России, интерес представляют его исследования кавказских народов и малороссов: «Антропологические измерения некоторых кавказских народов и малороссов Харьковской губернии» (Известия Кавказского отдела Русского географического общества. 1881. Т. 7. № 1), «Добавление к антропологическим измерениям некоторых кавказских народов» (Известия Кавказского отдела Русского географического общества. 1881. Т. 7. № 2), «Антропологические измерения кавказских народов и описание измеренных субъектов (продолжение)» (Известия Кавказского отдела Русского географического общества. 1883. Т. 8. № 1) [67–68; 70].

В 1880 г. он «измерил 85 кавказцев, а именно: 30 адигэ (кабардинцев, абадзехов и представителей некоторых других черкесских племён), 7 чеченцев (ингушей), 11 грузин (собственно грузин, имеретин и аджарцев), 14 осетин, 14 армян и 9 азербейджанских татар (азербейджанцев. – С.С.)». В 1879 г. он обследовал 80 малороссов трёх уездов Харьковской губернии (32 – в Изюмском, 32 – в Змиевском и 16 – в Старобельском уездах). Измерения проводились по

инструкции немецкого учёного Рудольфа Вихрова в миллиметрах [11: 885; 67: 129]. Фон Эркерт продолжил публикацию исследования в двух статьях [68; 70].

В «Отчёте о деятельности и состоянии Кавказского отдела Императорского Русского географического общества в 1882 г.» было отмечено значение исследований фон Эркертом народов Кавказа: «Ещё в прошлом году в “Известиях” помещены были антропологические измерения, произведённые, по инструкции Вирхова, нашим многоуважаемым сочленом Р.Ф. фон Эркертом, сделавшим у нас на Кавказе почин в деле антропологических измерений. Им измерено было сперва 85 кавказцев; к измерениям приложены и описания. В прошлом году Р.Ф. фон Эркерт измерил 99 кавказцев и приложил к измерениям описание типов всех измеренных субъектов. Теперь нашим неутомимым сочленом измерено до 300 лиц в Дагестане. Следует пожелать многоуважаемому Р.Ф. фон Эркерту, чтобы он произвёл на Кавказе ещё больше измерений, так как измерение значительного числа живых представителей кавказских народов предоставит возможность составить надлежащее понятие о типе последних, устранил разноречивые по этому предмету показания, основанные лишь на одном впечатлении, и уяснит многое неразгаданное ещё в вопросе о генетическом происхождении обитателей Кавказа» [20: 7].

В статье «Антропологические измерения кавказских народов, произведённые генералом Р.Ф. фон Эркертом и г. Эрнестом Шантром», опубликованной в «Известиях Кавказского отдела Русского географического общества» (1884. Т. 8) их редактор, русский лингвист и этнограф Л.П. Загурский писал: «Необходимость производства антропологических измерений на Кавказе сознавалась уже давно, но почин сделан только в 1881 году. Р.Ф. фон Эркерт, перешедший на службу на Кавказ, успел в течении двух лет измерить 184 представителя разных народов, населяющих Закавказье и Северный Кавказ. Сверх того, он составил описание 99 измеренных субъектов. Р.Ф. фон Эркерт, поступивши тогда в члены Кавказского Отдела Имп. Рус. географического общества, доставил в отдел свой труд. Хотя означенные измерения произведены были по инструкции Вирхова, между тем, как в России вообще придерживаются методы Брока, но нельзя было, в виду совершенного отсутствия антропологических измерений на Кавказе, колебаться, и редакция “Известий Отдела” с чувством благодарности поместила добросовестный труд Р.Ф. фон Эркerta...» [10: 7].

Фон Эркерт выпустил несколько работ на немецком языке, часть уже после выхода в отставку. Среди них: «Der Ursprung der Kosaken,

vorzüglich nach neuen russischen Quellen» (Происхождение казаков, в основном, согласно новым российским источникам, Berlin, 1882); «Ein Kurgan bei Stavropol» (Курган близ Ставрополя, Zeitschrift für Ethnologie. 1883. Bd. 15); «Die Mauer von Derbend» (Стена Дербента, Zeitschrift für Ethnologie. 1885. Bd. 17); «Der Kaukasus und seine Völker» (Кавказ и его народы, Leipzig, 1887), «Die Sprachen des Kaukasischen Stammes. Bände 1-2» (Языки народов Кавказа, Wien: Alfred Hölder, 1895), «Wanderungen und Siedelungen der Germanischen Stämme in Mittel-Europa von der ältesten Zeit bis auf Karl den Grossen» (Миграции и расселения германских племён в Центральной Европе от древнейших времён до Карла Великого. Berlin, 1901) [77–82].

В 1882 г. в Берлине вышла его брошюра «Der Ursprung der Kosaken, vorzüglich nach neuen russischen Quellen». Вначале он дал краткую историю образования Русского централизованного государства, отметив роль великого князя Ивана III, которого автор назвал основателем московского государства и первым правителем, который благодаря контактам с западноевропейской культурой, стремился вдохнуть новую жизнь в изолированную, зависимую от Азии, находившуюся почти триста лет под татаро-монгольским владычеством страну. Причём великий князь сохранял с самого начала русские традиции и поддерживал связь с Востоком, «привезя в Москву византийского двухглавого орла». Главным его достижением было объединение княжеств

Der
Ursprung der Kosaken.

Vorzüglich nach neuesten russischen Quellen

von

R. v. Erkerth.

Berlin

Ferd. Dümmlers Verlagsbuchhandlung
Gartowitz und Hofmann
1882.

Титульный лист брошюры Р.фон Эркерта «Der Ursprung der Kosaken, vorzüglich nach neuen russischen Quellen» [77].

«в единое московское целое», в развитии внутренней и внешней мощи, обороны, в стремлении к независимости [77: 1].

Он приводит краткое объяснение происхождения татарских и русских казаков. Фон Эркерт считал, что истоки образования казачества восходят к временам Чингисхана и Тамерлана, когда для охраны семей и имущества во время походов требовались небольшие отряды, которые шли впереди основной части огромной армии. Для этой цели выбирались бедные, нищие, неженатые люди, не обременённые заботами. Так возникло значение и обозначение так называемых «татарских бездомных», то есть смелых и энергичных людей степи. Эти татарские казаки служили охраной и защитой баскам. В середине XIV в. татарские казаки, называемые мещерскими или городскими, появились на службе у великих князей. Они поселились вдоль притоков Оки в Муромском районе Мещерской территории и основали (тогдашние) приграничные города Касимов, Темников, Елатьма и другие. Они несли караульную службу вдоль Дона и шли отрядами к Волге, чтобы грабить племена Орды. Их численность особенно увеличилась за счёт переселенцев из различных орд во времена великого князя Василия II Тёмного, который предоставлял убежище и привилегии на свободной муромской территории уважаемым и знатным татарам. Сразу после мещерских казаков, и это неразрывно с ними связано, сформировались русские, рязанские казаки [77: 8–9].

После покорения Северного Кавказа армиями Тамерлана в конце XIV в. его баскак Ахмет, посланный в Курское княжество, переселил значительное число кабардинских черкасов из Бештау (Пятигорья) на южную границу этого княжества в качестве пограничных казаков, чтобы создать противовес проникающим туда русским дружинам, которые уже приобрели характер татарских казаков. Эти кабардинские черкасы до вторжения Чингисхана жили в Крыму и Днепровских степях под названием «Чёрные клобуки». Эта миграция привела к противоположным результатам: черкасские казаки познакомились с русскими и заключили с ними союз из-за общей ненависти к татарскому владычеству. Спустя некоторое время князь Олег Курский получил «ярлык», позволявший ему изгнать эту беспокойную степную вольницу. Черкасские казаки переместились далеко в степь и долгое время оставались там в укреплённых местах, где их подкрепляли русские казацкие поселенцы. Сливаясь с русским большинством и сохраняя память о том, что их предки, «Черные клобуки», свободно жили в степях нижнего Днепра и служили там первому русскому великому князю степным кордоном. Они переселились на Днепр и, с разрешения татарского баскака, основали поселение Черкассы, за-

ложив таким образом первый фундамент для будущей знаменитой черкасской или запорожской казацкой культуры [77: 9–10].

Это также объясняет раннее знакомство кабардинцев, или, как их раньше называли, пятигорцев и черкас, с Россией, что объясняет ранние миграции русских казаков к терекцам, к пятигорским казакам, а также гостеприимство, которое определенная часть свободных русских казаков, поздние терские казаки, нашла на территории этого воинственного народа [77: 9–10].

Осиротевшие княжеские дружины, обладавшие духом воинского братства и смелости, не желавшие заниматься земледелием, мигрировали не только к Курской границе, но и к южной границе Рязанского княжества. Однако Рязанское княжество было более других подвержено татарским набегам и опустошению. Поэтому пограничный кордон был крайне необходим мирным жителям этого региона. Рязанские казаки жили в междуречье между Доном и Хопром (Червлёный Яр), у них были свои сотники и баскаки. Они несли караульную службу на окраинных землях и на переправах на дороге из Москвы в Азов. Они знали все степные дороги и тропинки в этом направлении и служили проводниками и сопровождением для посольств, купцов и других лиц, путешествующих из Москвы или прибывающих из неё в Азов, Каффу, Константинополь и т. д. Несмотря на всё это, казаки занимались грабежом и мародёрством в отдалённых степных районах и на реках, что не нравилось Москве, из чего следует, что рязанские казаки или червлёные казаки действовали вполне свободно под властью князей Рязанских и, с приближением слияния княжества с Москвой, опасались введения строгой дисциплины [77: 10–11].

Два водных пути (на север, в Новгород и на юг, через узкую полосу земли, отделяющую Волгу от Дона, по Дону в Азов), по которым двигались богатые купеческие караваны, привлекали казаков. Ради богатой добычи они предлагали оплатить предполагаемую или реальную защиту, либо устраивали засады с целью получения выкупа или грабежа. Основу этому заложили новгородские ушкуйники. Этот предпринимательский и разбойничий дух вскоре обернулся против купеческих караванов, путешествующих по рекам Нева и Волга, и эти новгородцы, смешанные с казаками, часто формировали отряды до 2 000 человек, командуя флотом до 150 гребных судов. Они быстро распространили свои набеги до устья Волги и дальше в Каспийское море, где достигали Терек. Сами они называли такие набеги невинным словом «молодечество» (деяния молодого, крепкого юноши, совершенно не имеющие цели и смысла), слово, которое, конечно, было очень непопулярно в Москве. До поздних

времен этот дух и характер наиболее специфически сохранялись на нижнем течении Волги и Дона, особенно среди бродячих бурлаков (речных жителей, которые тянули корабли) и среди людей, которых специально называли «бродягами». Новгородские ушкуйники, вероятно, заложили самый прочный фундамент для воровской стороны казачества, в то время как элементы, отделившиеся от старой княжеской дружины, заложили фундамент для казачества в целом. Хотя забота о базовом материальном обеспечении была главным приоритетом этой казацкой культуры, она, не имея прямого намерения, способствовала распространению русской культуры и, таким образом, оказала огромное влияние на ход русской истории [77: 11–13].

Далее фон Эркерт писал, что жители Рязанского княжества отличались воинственным и независимым характером, но его князья и бояре часто находились в тесном союзе с врагом. Великий князь Рязанский Олег не принимал участия в Куликовской битве против татар. Великие князья Московские не могли обойтись без жёстких мер при объединении Рязани с Москвой в 1520 г., мер, которые проявились в заключении в тюрьму, сожжении и насильственном переселении, как это уже случалось ранее с жителями Пскова, Новгорода и Твери. Жестокость особенно ощущалась по отношению к казакам Червлёного Яра, которые, избегая переселения, готовились бежать после соответствующего голосования и подготовки. Старшие и более состоятельные из них голосовали за подчинение и за присоединение к городским казакам. Более молодые, бедные и опытные, знакомые с новгородцами, проголосовали за переправу на паромах на Дон и Волгу, за постройку транспортных средств для этой цели и за отъезд сразу после Пасхи со всем имуществом, жёнами и детьми. Обе стороны оставались непоколебимы в своих убеждениях, что было характерно для казаков [77: 13].

Высокий уровень воды и наличие речных судов, которые новгородцы, зимовавшие в районе Червлёного Яра, спрятали вдоль Волги, а также участие этих новгородцев в экспедиции, способствовали её осуществлению. Они поплыли вниз по течению, затем вдоль Дона и переправились в его излучине к Волге, которая часто выбиралась в качестве плацдарма для экспедиций, но территория которой никогда не выбиралась казаками в качестве постоянной базы. Другие группы также двинулись к Дону, который, однако, многим казался небезопасным и недостаточно удалённым от Москвы и поэтому они двинулись на восток, остановившись только у Яика (реки Урал) и, изгнав татар, образовали современных уральских казаков, среди которых до недавнего времени оставалась популярной фраза:

«Живите, братья, чтобы Москва как можно меньше о вас знала!». Червлёные казаки также двинулись на юг через Каспийское море к Тереку, с которым некоторые из них были знакомы с более ранних времён, а также к пятигорским черкасам, большинство из которых в то время ещё исповедовали христианство. Кабардинские князья были рады прибытию воинственных гостей из России и выделили им спорный и, следовательно, необитаемый участок земли правом берегу реки Сунжа, выше устья реки Аргун и заключили с ними союз. От них пошли гребенские казаки (от гребень – вершина, хребет), более поздние терские казаки, которые долгое время составляли казаков «Кавказской линии», «линейных казаков», смесь различных племён, привитых к великорусскому основному элементу, в отличие от соседних ранних «черноморских казаков», считавшихся частью кубанских казаков, потомков запорожского племени, которые, с меньшим смешением, представляют собой более громоздкий русский элемент. Вышеописанное произошло примерно в 1530 г. Это была эпоха открытого появления свободных русских казаков на всех полюсах широкого пространства их исторической деятельности, которая в основном двигалась в крайностях между героизмом и готовностью к самопожертвованию, с одной стороны, и низменной жадностью и воровством, с другой [77: 14–15].

В результате продолжающийся Москвой централизации казаки одновременно появились на реках Дон, Волга, Яик и Терек в совершенно разных количествах. В древнейших казацких песнях, наряду с донскими казаками, упоминаются также яицкие и гребенские казаки. В других преданиях этих казаков называют донскими или волжскими казаками, в отличие от днепровских казаков (черкасов, части современных кубанских казаков). Донские и запорожские казаки не были предками терских и уральских казаков. Они постоянно селились на своей нынешней территории позже других и долгое время скитались, прежде чем обосноваться, поскольку даже в 1569 г. гребенские казаки, проходя через этот регион в составе экспедиции, не встретили там других казаков [77: 15].

В русской истории упоминаются три атамана из волжских казаков, которые, опасаясь наказания со стороны царя, в 1579 г. провели совет в низовьях Волги, решив, куда им следует бежать. Старший, Ермак (он воевал в Ливонской войне, участвовал в 1581 г. в походе на Литву. Поэтому указанная дата совета может быть ошибочной. – С.С.), сын Тимофея, отправился на север к знаменитым Строгановым и завоевал Сибирское царство, двое других бежали по воде, по отдельности: меньшая группа – к р. Яик, большая – к р. Терек к своим родственникам [77: 15].

В заключение фон Эркерт высказал своё мнение о будущем казачества: «Казачья культура может существовать только в таком виде, она может быть создана только на враждебной, неопределённой границе, в условиях опасности для собственного дома. Если эти условия исчезнут, если граница станет мирной или если она отодвинется дальше и оставит казачью территорию внутри страны, казачья культура, хотя и медленно, но в конечном итоге погибнет и не сможет поддерживаться временными военными кампаниями». Другие условия жизни сначала изменят, а затем уничтожат дух, принцип, бытие, сущность и весь тип казачьей культуры [77: 15–16].

Позже в монографии «Der Kaukasus und seine Völker» (Кавказ и его народы) он посвятил отдельную главу казакам Кавказа (Kasaken des Kaukasus) [80: 43–61].

В 1883 г. в журнале «Zeitschrift für Ethnologie. Organ der Berliner Gesellschaft für Anthropologie, Ethnologie und Urgeschichte» (Журнал этнологии. Орган Берлинского общества антропологии, этнологии и древней истории) было опубликовано четыре сообщения фон Эркерта «Ein Kurgan bei Stavropol» (Курган в Ставрополе), «Ein zweiter Kurgan bei Stavropol, ausgegraben im October 1881» (Второй курган близ Ставрополя, раскопанный в октябре 1881 года), Beschreibung des Kostüms einer Kabardinerin (Описание женского костюма кабардинки), Beschreibung des Kostüms einer Ossetin (Описание женского костюма осетинки) и одна информация «Eine türkische und eine arabische Handschrift» (Турецкая и арабская рукописи). Он отправил в редакцию две рукописные книги, одна из которых была найдена в разрушенной мечети рядом с местом захоронения в «Теке-степи» (Ахал-Теке (Akhal-Teke). – С.С.) в Туркменистане [78: 171–179]. Также фон Эркерт отправил из Петровска-Кавказского председателю общества «серию черепов, скелетных останков и погребальных принадлежностей из кавказских захоронений, о которых последний оставляет за собой право сделать дальнейшие сообщения позже» [78: 170].

Фон Эркерт рассказал о исследованиях погребальных курганов. Один располагался югу (юго-западу. – С.С.) от Ставрополя, второй курган – в 2 км к юго-востоку от Ставрополя. Раскопки второго он проводил сам в 1881 г. Он дал описание предметов, найденных в курганах и их изображения. Из-за нехватки времени фон Эркерт выбрал для раскопок меньший курган, поскольку большие требовали трёх недель раскопок и десять рабочих, в основном для выемки выкопанной земли, труд их стоил более 100 рублей. На раскопки данного кургана ушло пять дней. Здесь же он упомянул о «незавершённых раскопках в Куявии», где служил ранее [78: 171–177].

Как считает современный исследователь Ю.А. Прокопенко, материалы двух курганов, раскопанных в окрестностях г. Ставрополя в 1881 г. и опубликованные Р. фон Эркерт, имеют различное происхождение. Первый был изучен местным краеведом, отставным унтер-офицером П.Ф. Федотовым, второй – фон Эркерт. Эти были первые памятники скифского времени, исследованные на Ставропольской возвышенности [23: 156, 161–162].

Описывая костюм кабардинских женщин, фон Эркерт отметил, что он практически повсюду идентичен. За исключением головного убора и нескольких незначительных деталей, он напоминает не только костюм адыгов (черкасов), но и очень сильно костюм осетинских женщин, да и вообще всех кавказских народов, особенно мусульманских [78: 177].

В 1885 г. фон Эркерт выступил с сообщением «Die Mauer von Derbend» (Стена Дербента⁷) на заседании «Берлинского общества антропологии, этнологии и древней истории», которое было затем опубликовано в журнале общества «Zeitschrift für Ethnologie» («Журнале этнологии») вместе с планом Дербентской стены [79]. Позже он включил сообщение и план в свою работу «Der Kaukasus und seine Völker» («Кавказ и его народы», 1887). План, был составлен, по словам исследователя, при «беглой съёмке на месте». Он отличается от более ранних планов тщательностью исполнения. Современный исследователь М.С. Гаджиев полагает, что, несмотря на неточности, план фон Экерта стал «первым и относительно достоверным картографическим изображением этой оборонительной системы» [8: 51–52]. В этом же номере журнала генерал-лейтенант фон Эркерт сообщил о своих измерениях головы на Кавказе в 1881–1883 гг. («Kopfmessungen im Kaukasus in den Jahren 1881–1883» (S. 112–116).

В отзыве на сообщение фон Экерта «Die Mauer von Derbend» немецкий врач, археолог, антрополог и палеонтолог Рудольф Вирхов (Rudolf Ludwig Karl Virchow) сказал: «Сообщения генерала фон Экерта, основанные исключительно на его собственном расследовании, более ценны, чем многочисленные противоречивые свидетельства, данные до сих пор о знаменитом Дербентском перевале, протяжённость которого, вероятно, не была определена ни одним современным наблюдателем». Перевал «представляет собой единственный путь, которым большие группы людей, особенно армии или кочующие племена, могли воспользоваться для перемещения из Закавказья в северные степи или наоборот» и что «этот путь этот путь часто использовался северными народами». Р. Вирхов подчеркнул, что «однако гораздо важнее вопрос о том, использовали

ли этот путь южные народы для миграции на север. Насколько мне известно, нет ни свидетельств, ни прямых указаний на это из более ранних времён, тогда как из более поздних такие свидетельства имеются. Это был бы очевидный путь, особенно для предполагаемой миграции ариев из Персии. Поэтому автор может быть уверен в благодарности всех, кто исследует эти сложные проблемы миграции» [79: 59].

В 1887 г. в Лейпциге была издана книга фон Эркerta «Der Kaukasus und seine Völker» (Кавказ и его народы) «на основе личных наблюдений». В конце даются два приложения: «Приложение I. Краткий обзор языков Кавказского региона» и «Приложение II. Численность населения Кавказа», а также четыре таблицы краткого глоссария и этнографическая карта. Книга богата фотографиями представителей кавказских народов и др. иллюстрациями [80].

В предисловии автор отметил, что двухлетнее пребывание на Кавказе на высоком военном посту, а также многочисленные официальные и личные поездки в научных целях предоставили возможность изучить землю и её жителей в различных регионах и группах, а также получить представление о многом, что находится за пределами обычных туристических маршрутов. Он подчеркнул, что данное описание, конечно, не может представлять собой что-то цельное. Оно основано на личных рассказах и впечатлениях, собранных им на месте, увиденных и услышанных [80: 1].

Фон Эркерт прежде всего проводил антропологические и этнографические исследования с целью выявления как можно большего числа малоизвестных или в значительной степени неизвестных народов и племён. Он посетил горы и их северные склоны, провёл множество измерений головы и предоставил переводы в единообразно составленном кратком глоссарии, а также несколько примеров склонений и спряжений, чтобы можно было лингвистически установить или опровергнуть расовую или племенную принадлежность, возможно, указанную формой головы и лица. Фон Эркерт сожалел, что ему не выпала возможность побывать на Кавказе «в период его героической многолетней борьбы, в которой русские войска с беспрецедентной преданностью, стойкостью и самоотверженностью в конце концов одержали победу над всеми горными народами Кавказа. Однако ему посчастливилось посетить эту землю и её народы в спокойном и нетронутом состоянии, во всех горах, долинах и ущельях после четверти века мира, и стать свидетелем мирного, гуманного влияния русской администрации на правопорядок, спокойствие и справедливость – администрации, которая под руководством Великого князя Михаила Николаевича в качестве императорского

правителя так благотворно действовала после того, как он силой оружия сломил последнее сопротивление врага» [80: 1–2].

В 1895 г. в Вене вышла монография фон Эркerta «Die Sprachen des Kaukasischen Stammes» (Языки народов Кавказа). Книга состояла из двух частей: Часть I. Глоссарий; Часть II. Языковые примеры и грамматические очерки. В конце книги была помещена «литографированная языковая карта»: «Карта – Схема народов Кавказа. Незаштрихованные области населены арийскими и татарскими народами» [81].

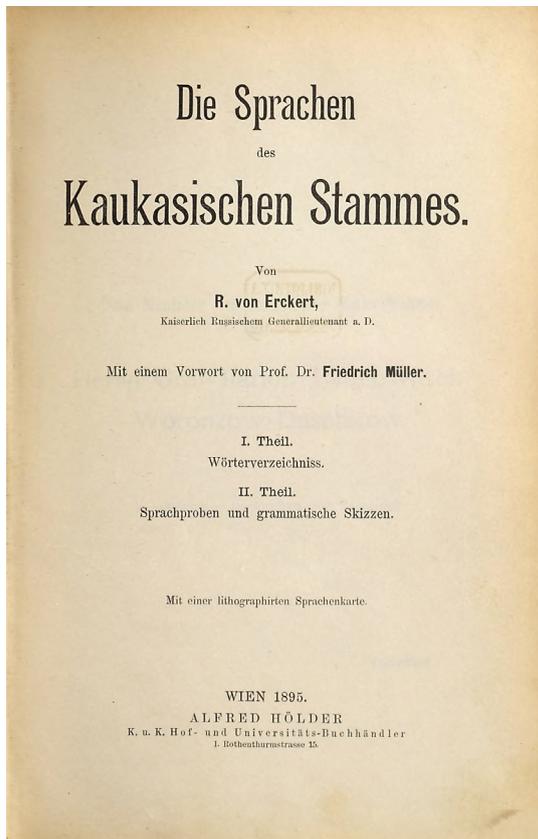
Во введении автор написал, что во время пребывания на Кавказе он, в первую очередь, проводил исследования среди «большого числа малоизвестных или в значительной степени неизвестных народов и племён, особенно на горных хребтах и их северных склонах, а также взятие многочисленных образцов [измерения. – С.С.] голов с целью выявления поразительных расовых характеристик и различий и, таким образом, возможно, обнаружения племенных связей с другими известными народами». В результате была написана книга «Der Kaukasus und seine Völker» [81: 1].

Однако вскоре этого оказалось недостаточно. Необходимо было включить в область исследования языки кавказских (неарийских и нетюркских) народов, поскольку они могли бы рассказать больше о родстве или различиях этносов. Из этого возникла попытка самим автором изучить языки Кавказа, пусть даже поверхностно. Фон Эркерт сообщил, что материалы собирались с большим трудом, учитывая такие факторы, как время и средства, «необходимые автору для завершения, улучшения и повышения пригодности для предполагаемой цели материала, первоначально собранного лично». Сам материал, собранный и обработанный в представленной форме, сможет принести пользу в дальнейших исследованиях и, отчасти, стимулировать их. Работа первоначально задумывалась, как новаторская. Личные обстоятельства позволили ему «дать лишь поверхностный обзор всей языковой области кавказского племени и предложить лишь краткое представление о характеристиках и структуре этих языков». На основе этого он смог дать предварительную картину, которая будет подтверждена или скорректирована в ходе новых, более глубоких исследований. Фон Эркерт добавил, что если бы он занялся этими исследованием раньше, во время своего пребывания на Кавказе, то смог бы «задействовав чрезвычайные ресурсы, тогда планирование и выполнение этого сложного предприятия было бы иным». Однако после того, как покинул Кавказ и приступил к обработке собранного им материала, возникла необходимость дополнить и улучшить его. Поэтому он установил постоянный контакт с

людьми разных профессий и социальных слоёв на Кавказе, а также разных национальностей, чтобы в течение десяти лет своего пребывания в Берлине собрать новую улучшенную информацию. Автор попросил у читателей «оценки, которая была бы столь же строгой научной, сколь и снисходительной личной, чем больше ошибок и неточностей будет выявлено, тем лучше для проекта» [81: 1–2].

Фон Эркерт выразил благодарность за помощь министру Императорского двора и уделов Российской империи графу И.И. Воронцову-Дашкову, попечителю Кавказского учебного округа, тайному советнику К.П. Яновскому, а также различным представителям грузинского народа, среди которых грузин Мосэ (Моисей) Джанашвили (грузинский историк и филолог. – С.С.) в Тбилиси «выделялся как выдающийся авторитет в изучении грузинского языка и всегда был готов прийти мне на помощь как специалист», многим другим официальным гражданским и военным лицам, в т. ч. военному губернатору Дагестанской области князю Н.З. Чавчавадзе, командующим военными округами, исследователям, учителям, кубанскому казаку есаулу Фелицину и др. [81: 2–3].

В грамматической структуре языков, которые, кроме грузинского, не имели письменной формы, автору помог разобраться молодой учёный, доктор Беер (Beer). Монография разделена на две отдельные части: первая содержит, согласно приведённому списку, достаточно однородный, словарный запас из 545 выражений, которые воспроизведены макси-

Титульный лист монографии Р. фон Эркерта «Die Sprachen des Kaukasischen Stammes» [81].

мально точно, так, как они были услышаны. Хотя в некоторых из них прилагательные и глаголы не приводятся в их фактической, точной форме, поскольку, учитывая нехватку времени и недостаточное понимание абстрактных понятий со стороны носителей языка, часто было невозможно получить что-либо правильное и точное. В словаре, по возможности, были выявлены все слова, заимствованные из арабского, персидского или тюркских языков, что частично показывает масштабы и характер иностранного культурного влияния на кавказские языки. Хотя представленный словарь лишь частично указывает на родство или заимствования посредством сходства в обозначении одного и того же объекта или понятия, тем не менее, из списка слов ясно видно, насколько похожи слова, принадлежащие к более крупной или меньшей языковой группе. Сам автор привёл пояснительные примечания, но не указал на какое-либо родство между языками кавказского племени. Список фраз (около 200) во втором томе работы содержит краткие формы склонения и спряжения более чем в 40 языках и диалектах, а также краткие грамматические замечания [81: 3–4].

Сведения о некоторых языках фон Эркерттом были опубликованы впервые, в т. ч. и по языкам малочисленных народов Кавказа: ахвахскому, багвалинскому, ботлихскому, годоберинскому, гунзибскому, каратинскому, рутульскому, тиндинскому, хваршинскому языкам и т. д. [74: 39, 42, 51, 63, 66, 90, 152, 182, 218].

К сожалению, в приведённом в книге материале, на что указывал сам автор, были ошибки, этому способствовала и неправильно выполненная транскрипция [73: 163].

Последней работой фон Эркerta, вышедшей уже после его смерти, стала монография «Wanderungen und Siedelungen der Germanischen Stämme in Mittel-Europa von der ältesten Zeit bis auf Karl den Grossen» (Миграции и расселения германских племён в Центральной Европе от древнейших времён до Карла Великого) [82].

Немецкий физиолог и антрополог, профессор по кафедре антропологии в Мюнхенском университете Иоганн Ранке (Johannes Ranke) в предисловии, в частности, написал: «Генерал фон Эркерт, выдающийся исследователь в широких областях истории, географии, антропологии, этнографии и лингвистики, тщательно подготовленный и проверенный скрупулёзными специализированными исследованиями, представляет в этом великолепном труде результат верного и плодотворного изучения жизни. В течение многих лет я имел честь с большим интересом следить за предварительной работой над этой книгой, и я рад выразить свои сердечные поздрав-

ления автору и всему сообществу классических исследований в Германии по случаю завершения этого монументального труда» [82: 2].

Он полагал, что работу фон Эркerta может считать справочником и она заложила основу для дальнейших исследований. «Ничего подобного в таком виде до сих пор не публиковалось. Каждый, кто воспользуется этой работой, будет в восторге от великолепных, прекрасно оформленных карт. Каждая из них – это настоящее произведение искусства с точки зрения оформления и ясности, чему в значительной степени способствует гениальная идея печати пояснительного текста непосредственно на каждой карте». Он же обратил внимание на то, что автор отбросил «гипотетические детали, которые могли быть включены только в ущерб точности и правдивости» представленной информации. Ранке считал, что это исследование будет интересно «любому образованному человеку», причём не только немецкой образованной публике, но французской и славянской. Сама же работа даёт «незаменимую основу для понимания своего народа и его соседей», имеет одинаково важное значение для этнологических и исторических знаний, незаменима для педагога, исследователя в области истории и доисторического времени, и для политика. Профессор выразил пожелание, что «эта уникальная работа, которую генерал фон Эркерт преподносит немецкому народу как драгоценный дар на рубеже веков, найдёт повсюду, как среди нашего народа, так и среди наших соседей, достойное место, которого она так заслуживает» [82: 3].

Сам автор во введении, которое почему-то было датировано

Титульный лист монографии Р.фон Эркerta «Wanderungen und Siedelungen der Germanischen Stämme in Mittel-Europa von der ältesten Zeit bis auf Karl den Grossen» [82].

1 января 1901 г., объяснил, что он хотел к началу нового столетия «в ясной и краткой форме представить результаты столь разнообразных и содержательных исследований, в частности германистики, касающихся археологических, лингвистических и исторических условий жизни германских племен в Центральной Европе». Он выразил надежду, что эта этнографическая работа, выполненная в рамках, указанных в названии, это начинание, в котором осталось много нерешенных проблем, в дальнейшем будет прояснено и исправлено новыми исследованиями, в т. ч. археологическими [82: 4].

Фон Эркерт объяснил установленные временные рамки исследования и то, что он не довёл его, как планировал, до начала XX в., чтобы не откладывать работу на неопределённый срок, своим преклонным возрастом. Пояснительные замечания включены им в сами карты. Упомянул он также то, что этнографическими исследованиями занимался несколько десятилетий, для них «Российская империя предоставляет беспрецедентное поле по количеству и разнообразию соответствующего материала» [81: 4].

Немецкий лингвист и этнограф Рихард Лёве (Loewe, Löwe) написал рецензию на труд фон Эркерта, считал, что его атлас является хорошим дополнением к небольшой книге австрийского учёного Рудольфа Муха (Rudolf Much) «Deutsche Stammeskunde» (Немецкая этнология, Leipzig Göschen, 1900), которую он назвал слабым произведением. Как писал рецензент, «пожилой генерал, хорошо известный своими этнологическими исследованиями, особенно этнографией Кавказа, который уже ушёл из жизни, представляет здесь, как говорит Иоганн Ранке в предисловии, результат кропотливого и плодотворного исследования жизни немецкого народа в качестве подарка на рубеже веков». В этом ему оказал помощь ряд известных учёных. Автор, добавивший пояснительные примечания к отдельным картам, демонстрирует знакомство со всеми областями этнологических исследований, включая лингвистику, которая, как правило, представляет большие трудности для неспециалиста. Среди двенадцати картографических листов атласа седьмой, разделённый на четыре отдельные карты, занимает исключительное место, поскольку каждый из этих четырёх рисунков, изображающих миграции и военные походы германских народов с начала II века до н.э., охватывает почти всю Европу и части Азии и Африки, в то время как второй показывает распространение индоевропейских народов в начале VI века до н.э., по крайней мере, в Европе. Тот факт, что оставшиеся карты ограничиваются Центральной Европой, не совсем идёт на пользу работе. В атласе, где изображены миграции и расселения германских племен, можно было бы ожидать, что будет полностью по-

казано заселение Скандинавии. На четвёртой карте седьмого листа автор, изображая миграции и военные походы нордических народов с 850 по 1600 год, выходит далеко за рамки временных ограничений, которые он сам для себя установил. Тем не менее, считал критик, работа надолго останется очень полезным пособием и представляет интерес для исследователей [88: 17, 22–23].

Во время службы в Русской императорской армии, а она проходила в разных регионах России, фон Эркерт стал увлекаться антропологией, археологией, историей, картографией, этнографией. Его «Atlas ethnographique des provinces habitées en totalité ou en partie par des Polonais» на французском языке и «Этнографический атлас западнорусских губерний и соседних областей» на русском языке вышли в разгар польского восстания. Во «Взгляде на историю и этнографию западных губерний России» он попытался объяснить свой подход в «Этнографическом атласе» к определению национальной принадлежности к русскому (малорусам, белорусам) и польскому народам на основе религиозного фактора. Однако эти его работы подверглись критике, в которой указывалось на игнорирование фон Эркертом других немаловажных признаков, определяющих национальную принадлежность, в т. ч. и родной язык. В результате чего им была дана завышенная численность польского населения, проживающего в западнорусском крае. В то же время, его исследования сыграли большую роль в информировании зарубежной и российской общественности о численности и ареалах проживания наиболее крупных этносов региона и показали несостоятельность претензий поляков на эти земли. Интерес представляют также описанные им этнические группы и его мнение о русинах. Он считал, что вследствие польского влияния малороссы разделились на две ветви: «настоящих» малорусов и русинов. По его мнению, наречие последних, которых он также называл червонорусами, древнее и ближе к великорусскому языку, чем то, на котором говорят нынешние малорусы.

Многочисленные археологические, антропологические, исторические, этнографические, лингвистические исследования во время службы фон Эркерта на Кавказе в качестве командующего дивизией, продолженные после выхода в отставку и переезда в Берлин, сыграли важную роль в изучении региона и его населения, положили начало дальнейшим археологическим изысканиям, антропологическим исследованиям и изучению языков местного населения. Интерес, на наш взгляд, также представляет его брошюра «Der Ursprung der Kosaken, vorzüglich nach neuen russischen Quellen», краткое содержание которой мы, без наших оценок, постарались

изложить в данной статье. К сожалению, из-за преклонного возраста фон Эркерт не удалось до конца завершить главный труд своей жизни «Wanderungen und Siedelungen der Germanischen Stämme in Mittel-Europa von der ältesten Zeit bis auf Karl den Grossen», который он планировал довести до начала XX в.

Значительную часть своей жизни Родриг фон Эркерт посвятил службе в Русской императорской армии, что не могло не отразиться на его научной деятельности. В своих трудах он предстаёт не просто как исследователь, а как непосредственный носитель имперского военного мышления, предлагая читателю авторский взгляд на историю и современность через призму опыта офицера русской армии.

Примечания

1. В органе Берлинского общества антропологии, этнологии и древней истории «Zweiiinddreissigster Jahrgang» («Журнале этнологии») за 1900 г. датой смерти Р. фон Эркерта указано 12 ноября [87].

2. В то время в русской армии служило немало выходцев из стран Западной Европы. Среди соотечественников фон Эркерта можно отметить ряд лиц, косвенно имеющих отношение к нему. Иван Иванович Дибич (нем. Hans Ehrenfried von Diebitsch und Narden; 1738–1822), происходивший из силезского дворянства и его сын Иван Иванович Дибич-Забалканский (1785–1831), русский генерал-фельдмаршал. Матерью И.И. Дибич-Забалканского была вторая жена отца – Мария Антуанета Эркерт. Барон Карл Карлович фон Притвиц (Carl Leonhard Friedrich Anton von Prittwitz, 1797–1881) тоже уроженец Силезии – генерал от кавалерии, генерал-адъютант. Его отец – отставной ротмистр прусской службы Карл Карлович (Отто Карл) фон Притвиц, мать – баронесса Каролина, урождённая фон Дибич. Герцог Георг-Август-Эрнст-Адольф-Карл-Людвиг Мекленбург-Стрелицкий (Georg August Ernst Adolf Karl Ludwig; 1824–1876), второй сын Георга, Великого герцога Мекленбург-Стрелицкого и Марии Гессен-Кассельской, двоюродный брат супруги императора Николая I императрицы Александры Фёдоровны. В 1859 г. перешёл на службу в русскую армию, стал генералом от артиллерии и инспектором стрелковых батальонов (с 1856).

3. В. Петронис в своей статье «Pinge, divide et impera: взаимовлияние этнической картографии и национальной политики в поздней имперской России (вторая половина XIX века)» пишет, что фон Эркерт получил геодезическое и инженерно-техническое образование и продолжил военную карьеру в России, предварительно получив

личную рекомендацию прусского короля Фридриха Вильгельма IV. К сожалению, ссылка на источник данной информации отсутствует [22: 326].

4. Представители его рода продолжали службу в прусской армии. К примеру, прусский король Вильгельм I Фридрих Людвиг в «Письме его величества короля прусского к её величеству королеве, написанного после битвы под Кёниггрецом» 4 июля 1866 г. пишет: «Тебе должно уже быть известно, что гвардейский генерал Гиллер убит. Тяжкая утрата! У Антона Гогенцоллерна засели в бедро четыре ружейные пули; не знаю, как он себя сегодня чувствует. Он, кажется, дрался вчера непомерно храбро. Эркерт тяжело ранен, а полковник Оберниц получил рану в голову. Первый гвардейский полк потерпел столь значительный урон, что из двух батальонов пришлось составить один. Ты легко поймёшь, что душу мою волновали самые противоположные чувства! Радость и горе!» [40].

Вероятно, тот же Эркерт упоминался в немецких газетах при покушении на графа Бисмарка, которое совершил студент Фердинанд Коэн-Блинд, пасынок революционера Карла Блинда, 7 мая 1866 г. в Берлине. Он попытался застрелить прусского министра-президента, чтобы помешать объединению Германии без участия Австрии. Описывая покушение берлинские газеты писали: «После захвата преступника, вокруг министра-президента, который был несколько взволнован и стоял, опершись на руку майора Эркерта, мгновенно собрались тысячи народа, в тёплых словах выражавшего ему своё сочувствие и приносившего министру-президенту поздравления с избавлением его от опасности. Министр Мюллер тотчас поспешил к месту действия, обнял графа Бисмарка и проводил его к его отелю, расположенному в Вильгельмской улице. Министр-президент предпочёл идти пешком и, при восклицаниях сопровождавшей его толпы, достиг своего отеля. Король был извещён о злодеянии майором Эркертом» [38].

5. Федор Христианович Паули (Gustave Theodor Pauly, 1817–1867), российский этнограф, член Русского географического общества, немец по происхождению, учился в Берлинском университете. На службу в Русскую императорскую армию поступил 14 февраля 1841 г. из подпоручиков прусской армии. 4 мая 1842 г. оставил службу в армии будучи поручиком. На гражданской службе дослужился до чина статского советника. Автор «Description ethnographique des Peuples de la Russie» («Этнографическое описание народов России» (Saint-Pétersbourg: Imprimerie de F. Bellizard, 1862) [7].

6. О том, что восстание простой народ не поддержал и в нём участвовала только шляхта, ксёндзы и члены их семей писал и А.Ф. Риттих [67: 97, 100].

7. Дербентская стена (Горная стена или «Даг-бары») – двойная стена построена в V–VI вв. для защиты Сасанидской империи от нашествия кочевников с севера, в своё время перекрывала Каспийские ворота в Дербенте. Топоним «Дербент» означает «узкие врата». Стена перекрывала эти ворота от морского берега до крепости Нарын-кала.

ЛИТЕРАТУРА

1. А.Б. Description Ethnographique des peuples de la Russie, par T. de Pauly, publiée à l'occasion du Jubilé millénaire de l'Empire de Russie. St. Pétersbourg (Bellizard), 1862 // Записки Императорского Русского географического общества. 1862. Кн. II. Библиография и критика. С. 10–22.

2. Бобровский П. Можно ли вероисповедание принять в основание племенного разграничения славян Западной России (По поводу этнографического атласа западнорусских губерний и соседних областей Р.Ф. Эркерта) // Русский инвалид. 1864. № 75. 3 (15) апреля. С. 3–4.

3. Бобровский П.О. Можно ли вероисповедание принять в основание племенного разграничения славян Западной России (По поводу этнографического атласа западнорусских губерний и соседних областей Р.Ф. Эркерта) II // Русский инвалид. 1864. № 80. 9 (21) апреля. С. 3–4.

4. Бобровский П.О. Можно ли одно вероисповедание принять в основание племенного разграничения славян Западной России (По поводу Этногр. атл. зап.-рус. губ. и сосед. обл. Р.О. Эккерта). СПб.: Воен. тип., 1864. 51 с.

5. Бобровский П.О. Библиография. Материалы для этнографии царства Польского. Составил генерального штаба подполковник Риттих // Русский инвалид. 1864. № 257. 19 ноября (1 декабря). С. 3.

6. Военно-статистический сборник / составлен офицерами Генерального штаба: В. Ф. Де-Ливроном [и др.] под общєю редакцией генерал-майора Н. Н. Обручёва, управляющего делами Военно-учёного комитета и профессора военной статистики. Вып. 4. СПб.: в Военной тип., 1871. XXX, 922, 235 с., [1] л. ил.

7. Вольтер Э.А. Паули, Густав-Федор Христианович // Русский биографический словарь / Издан под наблюдением Императорского Русского исторического общества А.А. Половцева. Т. 13: Павел, преподобный – Петр (Илейка). СПб.: типография И.Н. Скороходова, 1902. С. 399–401.

8. Гаджиев М.С. Р. Эркерт и Дж. Эберкромби – исследователи «Даг-бары» // Вестник Института истории, археологии и этнографии. Махачкала. 2005. № 3. С. 51–58.

9. Герасимчик В.В. Проблема идентичности белорусов в научной дискуссии 1863–1864 годов о народонаселении «западной России» // Белорусский исторический обзор. 2020. № 4 (1). С. 55–106.

10. *Загурский Л.П.* Антропологические измерения кавказских народов, произведённые генералом Р.Ф. фон Эркертотом и г. Эрнестом Шантром // Известия Кавказского отдела Русского географического общества. 1884. Т. 8. № 2. С. 374–381.

11. История полувековой деятельности Императорского Русского географического общества, 1845–1895. В 3 ч. / составил по поручению Совета Императорского Русского географического общества вице-председатель общества П.П. Семенов, при содействии действительного члена А.А. Достоевского. Ч. 2. Отдел IV. Ч. 2. СПб.: Тип. В. Безобразова и К°, 1896. XI, с. 472–979, [3], [1] л. портр.

12. Исторический очерк столетия 143 пехотного Дорогобужского полка. 1806-16/VIII-1906. [Б. м.: б. и., 1906]. 148 с., 3 л. портр. С. 9

13. *Кабузан В.М.* Народы России в первой половине XIX в. Численность и этнический состав. М.: Наука, 1992. 214, [2] с.

14. *Комзолова А.А.* Национальная идентичность в статистических исследованиях Северо-Западного края Российской империи (1860-е годы) // Большая Евразия: развитие, безопасность, сотрудничество. 2020. № 3-2. С. 496–501.

15. *Коялович М.* Взгляд г. Эркерта на Западную Россию // Русский инвалид. 1864. № 174. 6 (18) августа. С. 3–4.

16. *Коялович М.И.* Взгляд г. Эркерта на Западную Россию. [СПб.]: Воен. тип., ценз. 1864. 43 с.

17. *Коялович М.* О расселении племён Западного края России. По поводу изданною г. Эркертом (на французском языке) этнографического атласа областей, населённых сплошь или отчасти поляками. Сказано в общем собрании географического общества 8 мая 1863 г. // Русский инвалид. 1863. № 114. 26 мая (7 июня). С. 486–488.

18. *Лебёдкин М.* О племенном составе народонаселения Западного края Российской империи // Записки Императорского Русского географического общества. 1861. Кн. III. СПб, 1861. С. 131–141.

19. Отчёт о действиях Императорского Русского географического общества за 1862 год // Русский инвалид. 1863. № 47. 1 (13) марта. С. 205–206.

20. Отчёт о деятельности и состоянии Кавказского отдела Императорского Русского географического общества в 1882 году // Известия Кавказского отдела Императорского Русского географического общества». 1883. Т. 8. № 1. С. 1–19.

21. Офицеры РИА. 86-й пехотный Вильманstrandский полк // https://ria1914.info/index.php/86-%D0%B9_%D0%BF%D0%B5%D1%85%D0%BE%D1%82%D0%BD%D1%8B%D0%B9_%D0%92%D0%B8%D0%BB%D1%8C%D0%BC%D0%B0%D0%BD%D1%81%D1%82%D1%80%D0%B0%D0%BD%D0%B4%D1%81%D0%BA%D0%B8%D0%B9_%D0%BF%D0%BE%D0%BB%D0%BA (дата обращения: 15 октября 2025).

22. *Петронис В. Pinge, divide et impera: взаимовлияние этнической картографии и национальной политики в позднеимперской России (вторая половина XIX века) // Imperium inter pares: Роль трансферов в истории Российской империи (1700–1917). Сб. ст. / ред. М. Ауст, Р. Вульпиус, А. Миллер. М.: Новое литературное обозрение, 2010. С. 308–329.*

23. *Прокопенко Ю.А. О раскопках П. Федотова и Р. Эркерта курганов скифского времени в окрестностях г. Ставрополя в 1881 г. // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2022. № 5. Циркумпонтика. Вып. IV. С. 155–163. doi: 10.18384/2310-676X-2022-5-155-163*

24. *Риттих А.Ф. Приложение к материалам для этнографии Царства Польского. Губернии Люблинская и Августовская / составил Генерального штаба подполковник Риттих. СПб., 1864. 1 кор. 36 с.*

25. Русский инвалид. 1846. № 135. 19 июня. С. 1.

26. Русский инвалид. 1849. № 48. 3 марта. С. 1.

27. Русский инвалид. 1854. № 83/84. 15 апреля. С. 373.

28. Русский инвалид. 1854. № 274. 8 декабря. С. 1289.

29. Русский инвалид. 1861. № 197. 10 сентября. С. 1.

30. Русский инвалид. 1863. № 109. 19 (31) мая. С. 1.

31. Русский инвалид. 1863. № 120. 2 (14) июня. С. 1.

32. Русский инвалид. 1863. № 286. 29 декабря (10 января). С. 1.

33. Русский инвалид. 1864. № 54. 8 (20) марта. С. 2.

34. Русский инвалид. 1864. № 70. 26 марта (1 апреля). С. 4.

35. Русский инвалид. 1864. № 72. 31 марта (12 апреля). С. 1.

36. Русский инвалид. 1865. № 209. 24 сентября (4 октября). С. 1.

37. Русский инвалид. 1865. № 228. 17 (29) октября. С. 1.

38. Русский инвалид. 1866. № 110. 30 апреля (12 мая). С. 2.

39. Русский инвалид. 1866. № 137. 31 мая (12 июня). С. 1.

40. Русский инвалид. 1866. № 178. 12 (24) июля. С. 3

41. Русский инвалид. 1867. № 168. 20 июня (1 июля). С. 1

42. Русский инвалид. 1867. № 223. 14 (26) августа. С. 1

43. Русский инвалид. 1868. № 332. 6 (18) декабря. С. 1

44. Русский инвалид. 1869. № 109. 13 (25) сентября. С. 2

45. Русский инвалид. 1872. № 184. 20 августа. С. 1.

46. Русский инвалид. 1873. № 84. 19 апреля. С. 1.

47. Русский инвалид. 1874. № 206. 21 сентября. С. 1.

48. Русский инвалид. 1875. № 37. 14 февраля. С. 1–2.

49. Русский инвалид. 1878. № 257. 19 ноября. С. 2.

50. Русский инвалид. 1879. № 153. 14 июля. С. 1.

51. Русский инвалид. 1879. № 194. 5 сентября. С. 4.

52. Русский инвалид. 1881. № 38. 17 февраля. С. 1.

53. Русский инвалид. 1883. № 105. 16 мая. С. 1.

54. Русский инвалид. 1884. № 127. 9 июня. С. 1.
55. *Сементовский А.М.* Этнографический обзор Витебской губернии. СПб.: Типография М. Хана, 1872. 69 с.: ил., табл.; 1 [отд. л.] карт.
56. Сенатские ведомости. 1857. № 15. 19 февраля. С. 158.
57. Сенатские ведомости. 1863. № 16. 22 февраля. С. 42.
58. Сенатские ведомости. 1866. № 10. 4 февраля. С. 44.
59. Сенатские ведомости. 1871. № 17. 26 февраля. С. 83.
60. Сенатские ведомости. 1874. № 14. 15 февраля. С. 54.
61. Сенатские ведомости. 1876. № 94. 19 ноября. С. 612.
62. Сенатские ведомости. 1881. № 105. 29 декабря. Прибавление к Сенатским ведомостям. С. 2.
63. Список высочайшим особам, генералам, штаб и обер-офицерам, состоящим и числящимся в Лейб-гвардии Московском полку с 7 ноября 1811 года по 2 января 1900 года. СПб.: Экономическая типолитография, 1899. 57 с.
64. Список генералам по старшинству. Исправлено по 1-е января 1883. СПб.: Военная типография, 1883. С. 505.
65. Список полковникам по старшинству. Исправлено по 3-е июня [1864 г.]. СПб.: Военная типография, 1864. С. 443
66. *Суляк С.Г.* Александр Фёдорович Риттих (1831–1915) – жизнь и труды русского генерала, славянофила и его исследования Карпатской Руси // Русин. 2025. № 81. С. 53–126. doi: 10.17223/18572685/81/4
67. *Эркерт Р.Ф.* Антропологические измерения некоторых кавказских народов и малороссов Харьковской губернии // Известия Кавказского отдела Русского географического общества. 1881. Т. 7. № 1. С. 129–147.
68. *Эркерт Р.Ф.* Антропологические измерения кавказских народов и описание измеренных субъектов (продолжение) // Известия Кавказского отдела Русского географического общества. 1883. Т. 8. № 1. С. 47–73.
69. *Эркерт Р.* Взгляд на историю и этнографию западных губерний России (С атласом). СПб.: тип. Дома призрения малолет. бедных, 1864. [2], 72 с.
70. *Эркерт Р.Ф.* Добавление к антропологическим измерениям некоторых кавказских народов (помещённым в 1-м вып. VII тома «Известий Кавказского отдела Русского географического общества») // Известия Кавказского отдела Русского географического общества. 1881. Т. 7. № 2. С. 268–274.
71. Эркерт фон Георгий Гансович // Биографический словарь. Высшие чины Российской империи (22.10.1721–2.03.1917). В 4-х т. Т. IV. С–Я. / Сост. к.и.н. Е.Л. Потемкин. М.: Б.и., 2019. С. 605.
72. Этнографический атлас западнорусских губерний и соседних областей. [1:3 600 000, 36 км в 1 см] / составлен Р.Ф. Эркерт, гвардии полковником, действительным членом Императорского Русского географического общества. СПб., 1863. 1 атл. (тит. л., 6 разв. л.) цв., текст, табл.

73. Юсупов Х.А. Основные этапы изучения даргинского языка // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2016. № 4 (58). Ч. 3. С. 162–164
74. Языки народов России. Красная книга. Энциклопедический словарь-справочник / гл. ред. В.П. Нерознак. М.: Academia, 2002. 378 с.
75. Atlas ethnographique des provinces habitées en totalité ou en partie par des Polonais, par R. d'Erkert, St. Pétersbourg, 1863. [1], feuille VI: cartes.
76. Der russische Generalleutnant a. D. Roderich v. Ercker // Globus; illustrierte Zeitschrift für Länder- und Völkerkunde. 1901. Bd. 79. S. 67.
77. Erckert R. von. Der Ursprung der Kosaken, vorzüglich nach neuen russischen Quellen. Berlin: Ferd. Dümmlers Verlagsbuchhandlung, 1882. 18 s.
78. Erckert R. von. Ein Kurgan bei Stavropol. Ein zweiter Kurgan bei Stavropol, ausgegraben im October 1881. Beschreibung des Kostüms einer Kabardinerin. Beschreibung des Kostüms einer Ossetin. Eine türkische und eine arabische Handschrift // Zeitschrift für Ethnologie. Organ der Berliner Gesellschaft für Anthropologie, Ethnologie und Urgeschichte. 1883. Bd. 15. Verhandlungen Berliner Gesellschaft Anthropologie, Ethnologie und Urgeschichte / Redigirt: Rud. Virchow. S. 170–179.
79. Erckert R. von. Die Mauer von Derbend // Zeitschrift für Ethnologie. Organ der Berliner Gesellschaft für Anthropologie, Ethnologie und Urgeschichte. 1885. Bd. 17. Verhandlungen Berliner Gesellschaft Anthropologie, Ethnologie und Urgeschichte / Redigirt: Rud. Virchow. S. 55–59.
80. Erckert R. von. Der Kaukasus und seine Völker. Leipzig: Verlag von Paul Froberg, 1887. 385 s.
81. Erckert R. von. Die Sprachen des Kaukasischen Stammes. Bände 1-2. Wien: Alfred Hölder, 1895. 390 s.
82. Erckert R. von. Wanderungen und Siedelungen der Germanischen Stämme in Mittel-Europa von der ältesten Zeit bis auf Karl den Grossen / von Roderich von Ercker. 1:3 000 000. Berlin: Mittler, 1901. XII Karten; [2] Textblätter: farbig.
83. Ercker, Roderich v. // Biographisches Jahrbuch und Deutscher Nekrolog // Herausgeber von Anton Bettelheim. Band. V. Berlin: Druck und Verlag von Georg Reimer, 1903. S. 74.
84. Ercker Roderich von (1821–1900) // Wielka ilustrowana encyklopedia powszechna. T. 4. Dewsbury-Europa. Kraków: Wydawnictwo Gutenberga, [1929]. S. 282.
85. Ercker, Roderich von (1821–1900) // Das Deutsche Literaturarchiv Marbach (DLA). URL: https://www.dla-marbach.de/find/opac/id/PE00427204/?tx_find_find%5Baction%5D=detail&tx_find_find%5Bcontroller%5D=Search&hash=5641a5c43f48912d2ced7bf55a643981 (дата обращения: 12 сентября 2025).
86. Carte Ethnographique de l'Empire de Russie par R. von Ercker, membre effectif de la Société géographique impériale de Russie, dessinée par H. Kiep-

ert à Berlin. 1862. Gravée et imprimée en chromolithographie par C. Monecke à Berlin.

87. Leider hat die Gesellschaft am 12. November eines ihrer treuesten und fleissigsten Mitglieder, den General-Lieutenant Roderich v. Erckert // Zeitschrift für Ethnologie. Organ der Berliner Gesellschaft für Anthropologie, Ethnologie und Urgeschichte / Redactions-Commission: M. Bartels, R. Virchow, A. Voss. Zweiiinddreissigster Jahrgang. 1900. S. 577.

88. *Loewe R.* Much R. Deutsche Stammeskunde. von Erckert R. Wanderungen und Siedelungen der germanischen Stämme in Mittel-Europa von der ältesten Zeit bis auf Karl den Großen (Richard Loewe) // Indogermanische Forschungen. Zeitschrift für Indogermanische Sprach- und Altertumskunde / Herausgegeben: Karl Brugmann, Wilhelm Streitberg. Bd. 14. Anzeigers für indogermanische Sprach- und Altertumskunde. Beiblatt zu den Indogermanischen Forschungen / Herausgegeben: Wilhelm Streitberg. Bd. 14. Ausgaben 1, 2 und 3. 1903. S. 17–24.

89. *Pauly Theodore de.* Les peuples de la Russie. Description ethnographique des peuples de la Russie. Publiée à l'occasion du Jubilé millénaire de l'empire de Russie. 1: [Tome 1]. Saint-Pétersbourg: Imprimerie de F. Bellizard, 1862. 66 p., il., cartes, tabl.

90. *Pauly Theodore de.* Les peuples de la Russie. Description ethnographique des peuples de la Russie. Publiée à l'occasion du Jubilé millénaire de l'empire de Russie. 2: [Tome 2]. Saint-Pétersbourg: Imprimerie de F. Bellizard, 1862. XIV, 154, 30, 78, 13, 15 p.

REFERENCES

1. A.B. (1862) Description Ethnographique des peuples de la Russie, par T. de Pauly, publiée à l'occasion du Jubilé millénaire de l'Empire de Russie. St. Pétersbourg (Bellizard). *Zapiski Imperatorskogo Russkogo geograficheskogo obshchestva*. 2. pp. 10–22.

2. Bobrovskiy, P. (1864) Mozhno li veroispovedanie prinyat' v osnovanie plemennogo razgranicheniya slavyan Zapadnoy Rossii (Po povodu etnograficheskogo atlasa zapadnorusskikh guberniy i sosednikh oblastey R.F. Erkerta) [Is it possible to accept religion as the basis for the tribal delimitation of the Slavs of Western Russia (Regarding the ethnographic atlas of the Western Russian provinces and adjacent regions by R.F. Erkert)]. *Russkiy invalid*. 3rd (15th) April. pp. 3–4.

3. Bobrovskiy, P. (1864) Mozhno li veroispovedanie prinyat' v osnovanie plemennogo razgranicheniya slavyan Zapadnoy Rossii (Po povodu etnograficheskogo atlasa zapadnorusskikh guberniy i sosednikh oblastey R.F. Erkerta) II [Is it possible to accept religion as the basis for the tribal delimitation of

the Slavs of Western Russia (Regarding the ethnographic atlas of the Western Russian provinces and adjacent regions by R.F. Erkert) II]. *Russkiy invalid*. 9rd (21st) April. pp. 3–4.

4. Bobrovskiy, P.O. (1864) *Mozhno li odno veroispovedanie prinyat' v osnovanie plemennogo razgranicheniya slavyan Zapadnoy Rossii (Po povodu Etnogr. atl. zaprus. gub. i sosed. obl. R.O. Ekkerta)* [Is it Possible to Accept Religion Alone as the Basis for the Tribal Delimitation of the Slavs of Western Russia (Regarding the Ethnographic Atlas of the Western Russian Provinces and Adjacent Regions by R.O. Erckert)]. St. Petersburg: Voennaya tipografiya.

5. Bobrovskiy, P. (1864) Bibliografiya. Materialy dlya etnografii tsarstva Pol'skogo. Sostavil general'nogo shtaba podpolkovnik Rittikh [Bibliography. Materials for the Ethnography of the Kingdom of Poland. Compiled by General Staff Lieutenant Colonel Rittikh]. *Russkiy invalid*. 19th November (1st December). p. 3.

6. De-Livron, V.F. et al. (eds) (1871) *Voенно-statisticheskiy sbornik* [Military Statistical Collection]. Vol. 4. St. Petersburg: V Voенnoy tipografii.

7. Volter, E.A. (1902) Pauli, Gustav-Fedor Khristianovich. In: Polovtsev, A.A. (ed.) *Russkiy biograficheskiy slovar'* [Russian Biographical Dictionary]. Vol. 13. St. Petersburg: I.N. Skorokhodov. pp. 399–401.

8. Gadzhiev, M.S. (2005) R. Erkert i Dzh. Eberkrombi – issledovateli “Dag-bary” [R. Erckert and J. Abercromby – Researchers of the “Dag-bary”]. *Vestnik Instituta istorii, arkheologii i etnografii*. 3. pp. 51–58.

9. Gerasimchik, V.V. (2020). Problema identichnosti belorusov v nauchnoi diskussii 1863–1864 godov o narodonaselenii “zapadnoi Rossii” [The problem of the identity of Belarusians in the scientific discussion of 1863–1864 about the population of “Western Russia”]. *Belorusskii istoricheskii obzor*. 4(1). pp. 55–106.

10. Zagurskiy, L.P. (1884) Antropologicheskie izmereniya kavkazskikh narodov, proizvedennye generalom R.F. fon Erkertom i g. Ernestom Shantrom [Anthropological Measurements of Caucasian Peoples, Conducted by General R.F. von Erckert and Mr. Ernest Chantre]. *Izvestiya Kavkazskogo otdela Russkogo geograficheskogo obshchestva*. 8(2). pp. 374–381.

11. Semenov, P.P. (ed.) (1896) *Istoriya poluvekovoy deyatelnosti Imperatorskogo Russkogo geograficheskogo obshchestva, 1845–1895* [History of the Half-Century Activity of the Imperial Russian Geographical Society, 1845–1895]. Vol. 2. St. Petersburg: Tip. V. Bezobrazova i K°.

12. Anon. (1906) *Istoricheskii ocherk stoletiya 143 pekhotnogo Dorogobuzhskogo polka. 1806-16/VIII-1906* [Historical Sketch of the Centenary of the 143rd Dorogobuzh Infantry Regiment. 1806-16/VIII-1906]. [S.l.: s.n.].

13. Kabuzan, V.M. (1992) *Narody Rossii v pervoy polovine XIX v. Chislennost' i etnicheskii sostav* [Peoples of Russia in the First Half of the 19th Century. Population and Ethnic Composition]. Moscow: Nauka.

14. Komzolova, A.A. (2020) Natsional'naya identichnost' v statisticheskikh

issledovaniyakh Severo-Zapadnogo kraya Rossiyskoy imperii (1860-e gody) [National Identity in Statistical Studies of the Northwestern Region of the Russian Empire (1860s)]. *Bol'shaya Evraziya: razvitie, bezopasnost', sotrudnichestvo*. 3-2. pp. 496–501.

15. Koyalovich, M. (1864) Vzgl'yad g. Erkerta na Zapadnyuyu Rossiyu [Mr. Erckert's View on Western Russia]. *Russkiy invalid*. 6th(18th) August. pp. 3–4.

16. Koyalovich, M.I. (1864) *Vzgl'yad g. Erkerta na Zapadnyuyu Rossiyu* [Mr. Erckert's View on Western Russia]. [St. Petersburg]: Voennaya tipografiya.

17. Koyalovich, M. (1863) O rasselenii plemen Zapadnogo kraya Rossii. Po povodu izdannogo g. Erkertom (na frantsuzskom yazyke) etnograficheskogo atlasa oblastey, naselennykh splosh' ili otchasti polyakami. Skazano v obshchem sobranii geograficheskogo obshchestva 8 maya 1865 g. [On the Settlement of the Tribes of the Western Region of Russia. Regarding the Ethnographic Atlas of Regions Inhabited Wholly or Partly by Poles, Published by Mr. Erckert (in French). Presented at the General Meeting of the Geographical Society on May 8, 1865]. *Russkiy invalid*. 26th May (7th June). pp. 486–488.

18. Lebedkin, M. (1861) O plemennom sostave narodonaseleniya Zapadnogo kraya Rossiyskoy imperii [On the Tribal Composition of the Population of the Western Region of the Russian Empire]. *Zapiski Imperatorskogo Russkogo geograficheskogo obshchestva*. 3. pp. 131–141.

19. Anon. (1863) Otchet o deystviyakh Imperatorskogo Russkogo geograficheskogo obshchestva za 1862 god [Report on the Activities of the Imperial Russian Geographical Society for 1862]. *Russkiy invalid*. 1st(13th) March. pp. 205–206.

20. Report on the activities and status of the Caucasian Department of the Imperial Russian Geographical Society in 1882. *News of the Caucasian Department of the Imperial Russian Geographical Society*. 1883. Vol. 8. No. 1. Pp. 1–19.

21. Anon. (n.d.) *Ofitsery RIA. 86-y pekhotnyy Vil'manstrandskiy polk* [Officers of the RIA. 86th Infantry Vilmanstrand Regiment]. [Online] Available from: https://ria1914.info/index.php/86-%D0%B9_%D0%BF%D0%B5%D1%85%D0%BE%D1%82%D0%BD%D1%8B%D0%B9_%D0%92%D0%B8%D0%BB%D1%8C%D0%BC%D0%B0%D0%BD%D1%81%D1%82%D1%80%D0%B0%D0%BD%D0%B4%D1%81%D0%BA%D0%B8%D0%B9_%D0%BF%D0%BE%D0%BB%D0%BA (Accessed: 15th October 2025).

22. Petronis, V. (2010) Pinge, divide et impera: vzaimovliyanie etnicheskoy kartografii i natsional'noy politiki v pozdeimperskoy Rossii (vtoraya polovina XIX veka) [Pinge, divide et impera: The Interplay of Ethnic Cartography and National Policy in Late Imperial Russia (Second Half of the 19th Century)]. In: Aust, M., Vulpius, R. & Miller, A. (eds) *Imperium inter pares: Rol' transferov v istorii Rossiyskoy imperii (1700–1917)* [Imperium inter pares: The Role of Transfers in the History of the Russian Empire (1700–1917)]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie. pp. 308–329.

23. Prokopenko Yu.A. (2022) About P. Fedotov and R. Erkert's excavations of Scythian burial mounds in the vicinity of Stavropol in 1881. *Bulletin of Moscow Region State University. Series: History and Political Sciences*. 5. Circumpontica. Is. IV. pp 155–163. doi: 10 18384/2310-676X-2022-5-155-163

24. Rittikh, A.F. (1864) *Prilozhenie k materialam dlya etnografii Tsarstva Pol'skogo. Gubernii Lyublinskaya i Avgustovskaya* [Appendix to the Materials for the Ethnography of the Kingdom of Poland. Lublin and Augustów Provinces]. St. Petersburg.

25. *Russkiy invalid*. (1846) 19th June. p. 1.

26. *Russkiy invalid*. (1849) 15th April. p. 1.

27. *Russkiy invalid*. (1854a) 15th April. p. 373.

28. *Russkiy invalid*. (1854b) 8th December. p. 1289.

29. *Russkiy invalid*. (1861) 10th September. p. 1.

30. *Russkiy invalid*. (1863a) 19th(31st) May. p. 1.

31. *Russkiy invalid*. (1863b) 2nd(14th) June. p. 1.

32. *Russkiy invalid*. (1863c) 29th December (10th January). p. 1.

33. *Russkiy invalid*. (1864a) 8th(20th) March p. 2.

35. *Russkiy invalid*. (1864b) 26th March (1st April). p. 4.

36. *Russkiy invalid*. (1864c) 31st March (12th April). p. 1.

35. *Russkiy invalid*. (1865a) 24th September (4th October). p. 1.

37. *Russkiy invalid*. (1865b) 17th (29th) October. p. 1.

38. *Russkiy invalid*. (1866a) 30th April (12th May). p. 2.

39. *Russkiy invalid*. (1866b) 31st May (12th June). p. 1.

40. *Russkiy invalid*. (1866c) 12th (24th) July. p. 3.

41. *Russkiy invalid*. (1867a) 20th June (1st July). p. 1.

42. *Russkiy invalid*. (1867b) 14th (26th) August. p. 1.

43. *Russkiy invalid*. (1868) 6th (18th) December. p. 1.

44. *Russkiy invalid*. (1869) 13th (25th) September. p. 2.

45. *Russkiy invalid*. (1872) 13th September. p. 1.

46. *Russkiy invalid*. (1873) 19th April. p. 1.

47. *Russkiy invalid*. (1874) 21st September. p. 1.

48. *Russkiy invalid*. (1875) 14th February. pp. 1–2.

49. *Russkiy invalid*. (1878) 19th November. p. 2.

50. *Russkiy invalid*. (1879a) 14th July. p. 1.

51. *Russkiy invalid*. (1879b) 5th September. p. 4.

52. *Russkiy invalid*. (1881) 17th February. p. 1.

53. *Russkiy invalid*. (1883) 16th May. p. 1.

54. *Russkiy invalid*. (1884) 9th June. p. 1.

55. Sementovskiy, A.M. (1872) *Etnograficheskiy obzor Vitebskoy gubernii* [Ethnographic Review of the Vitebsk Province]. St. Petersburg: Tipografiya M. Khana.

56. *Senatskie vedomosti*. (1857) 19th February. p. 158.

57. *Senatskie vedomosti*. (1863) 22nd February. p. 42.

58. *Senatskie vedomosti*. (1866) 4th February. p. 44.
59. *Senatskie vedomosti*. (1871) 26th February. p. 83.
60. *Senatskie vedomosti*. (1874) 15th February. p. 54.
61. *Senatskie vedomosti*. (1876) 19th November. p. 612.
62. *Senatskie vedomosti*. (1881) 29th December. p. 2.
63. Anon. (1899) *Spisok vysochayshim osobam, generalam, shtab i oberofitseram, sostoyashchim i chislyashchimsya v Leyb-gvardii Moskovskom polku s 7 noyabrya 1811 goda po 2 yanvaryu 1900 goda* [List of the Highest Persons, Generals, Staff and Chief Officers, Serving and Listed in the Life Guards Moscow Regiment from November 7, 1811 to January 2, 1900]. St. Petersburg: Ekonomicheskaya tipolitografiya.
64. Anon. (1883) *Spisok generalam po starshinstvu. Ispravleno po 1-e yanvaryu 1883* [List of Generals by Seniority. Corrected as of January 1, 1883]. St. Petersburg: Voennaya tipografiya.
65. Anon. (1864) *Spisok polkovnikom po starshinstvu. Ispravleno po 3-e iyunya [1864 g.]* [List of Colonels by Seniority. Corrected as of June 3, [1864]]. St. Petersburg: Voennaya tipografiya.
66. Sulyak, S.G. (2025) Aleksandr F. Rittikh (1831–1915) – the life and works of a Russian general, Slavophile, and his research on Carpathian Rus'. *Rusin*. 81. pp. 53–126. doi: 10.17223/18572685/81/4
67. Erkert, R.F. (1881) Antropologicheskie izmereniya nekotorykh kavkazskikh narodov i malorossov Khar'kovskoy gubernii [Anthropological Measurements of Some Caucasian Peoples and Little Russians of the Kharkiv Province]. *Izvestiya Kavkazskogo otdela Russkogo geograficheskogo obshchestva*. 7(1). pp. 129–147.
68. Erkert, R.F. (1883) Antropologicheskie izmereniya kavkazskikh narodov i opisaniye izmerennykh sub'ektov (prodolzheniye) [Anthropological Measurements of Caucasian Peoples and Description of the Measured Subjects (Continuation)]. *Izvestiya Kavkazskogo otdela Russkogo geograficheskogo obshchestva*. 8(1). pp. 47–73.
69. Erkert, R. (1864) *Vzglyad na istoriyu i etnografiyu zapadnykh guberniy Rossii (S atlasom)* [A View on the History and Ethnography of the Western Provinces of Russia (With an Atlas)]. St. Petersburg: Tip. Doma prizreniya maloletnikh bednykh.
70. Erkert, R.F. (1881) Dobavlenie k antropologicheskim izmereniyam nekotorykh kavkazskikh narodov (pomeshchyonnym v 1-m vyp. VII toma "Izvestiy Kavkazskogo otdela Russkogo geograficheskogo obshchestva") [Addendum to the Anthropological Measurements of Some Caucasian Peoples (Published in Issue 1 of Volume VII of the "News of the Caucasian Department of the Russian Geographical Society")]. *Izvestiya Kavkazskogo otdela Russkogo geograficheskogo obshchestva*. 7(2). pp. 268–274.
71. Potemkin, E.L. (ed.) (2019) *Biograficheskiy slovar'. Vysshie chiny Rossiyskoy*

imperii (22.10.1721–2.03.1917) [Biographical Dictionary. The Highest Ranks of the Russian Empire (22.10.1721–2.03.1917)]. Vol. 4. Moscow: [s.n.]. p. 603.

72. Erkert, R.F. (1863) *Etnograficheskiy atlas zapadnorusskikh guberniy i soseidnikh oblastey* [Ethnographic Atlas of the Western Russian Provinces and Adjacent Regions]. St. Petersburg: [s.n.].

73. Yusupov, Kh.A. (2016) Osnovnye etapy izucheniya darginского yazyka [Main Stages of the Study of the Dargin Language]. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki*. 4(58). pp. 162–164.

74. Neroznak, V.P. (ed.) (2002) *Yazyki narodov Rossii. Krasnaya kniga. Entsiklopedicheskiy slovar'-spravochnik* [Languages of the Peoples of Russia. Red Book. Encyclopedic Reference Dictionary]. Moscow: Academia.

75. d'Erkert, R. (1863) *Atlas ethnographique des provinces habitées en totalité ou en partie par des Polonais*. St. Pétersbourg: [s.n.].

76. Erckert, R. (1901) Der russische Generalleutnant a. D. Roderich v. Ercker. *Globus; illustrierte Zeitschrift für Länder- und Völkerkunde*. 79. p. 67.

77. Erckert, R. von. (1882) *Der Ursprung der Kosaken, vorzüglich nach neuen russischen Quellen*. Berlin: Ferd. Dümmers Verlagsbuchhandlung.

78. Erckert, R. von. (1883) Ein Kurgan bei Stavropol. *Zeitschrift für Ethnologie*. 15. pp. 171–179.

79. Erckert, R. von. (1885) Die Mauer von Derbend. *Zeitschrift für Ethnologie*. 17. pp. 55–59.

80. Erckert, R. von. (1887) *Der Kaukasus und seine Völker*. Leipzig: [s.n.].

81. Erckert, R. von. (1895) *Die Sprachen des Kaukasischen Stammes*. Bände 1-2. Wien: Alfred Hölder.

82. Erckert, R. von. (1901) *Wanderungen und Siedelungen der Germanischen Stämme in Mittel-Europa von der ältesten Zeit bis auf Karl den Grossen*. Berlin: Mittler.

83. Bettelheim, A. (ed.) (1903) *Biographisches Jahrbuch und Deutscher Nekrolog*. Band. V. Berlin: Druck und Verlag von Georg Reimer. p. 74.

84. Anon. (1929) *Wielka ilustrowana encyklopedia powszechna*. Vol. 4. Kraków: Wydawnictwo Gutenberga. p. 282.

85. *Das Deutsche Literaturarchiv Marbach (DLA)*. [Online] Available from: https://www.dla-marbach.de/find/opac/id/PE00427204/?tx_find_find%5Baction%5D=detail&tx_find_find%5Bcontroller%5D=Search&cHash=5641a5c43f48912d2ced7bf55a643981 (Accessed: 12th September 2025).

86. Erckert, R. von. (1862) *Carte Ethnographique de l'Empire de Russie par R. von Erckert, membre effectif de la Société géographique impériale de Russie, dessinée par H. Kiepert à Berlin*. Gravée et imprimée en chromolithographie par C. Monecke à Berlin.

87. Erckert, R. von. (1900) Leider hat die Gesellschaft am 12. November eines ihrer treuesten und fleissigsten Mitglieder, den General-Lieutenant Roderich v.

Erckert. *Zeitschrift für Ethnologie. Organ der Berliner Gesellschaft für Anthropologie, Ethnologie und Urgeschichte.* 32. p. 577.

88. Much, R. (1903) Deutsche Stammeskunde. von Erckert R. Wanderungen und Siedelungen der germanischen Stämme in Mittel-Europa von der ältesten Zeit bis auf Karl den Großen (Richard Loewe). *Indogermanische Forschungen. Zeitschrift für Indogermanische Sprach-und Altertumskunde.* 14. pp. 17–24.

89. Pauly, Th. de. (1862) *Les peuples de la Russie. Description ethnographique des peuples de la Russie. Publiée à l'occasion du Jubilé millénaire de l'empire de Russie.* Tome 1. Saint-Pétersbourg: Imprimerie de F. Bellizard.

90. Pauly, Th. de (1862) *Les peuples de la Russie. Description ethnographique des peuples de la Russie. Publiée à l'occasion du Jubilé millénaire de l'empire de Russie.* Tome 2. Saint-Pétersbourg: Imprimerie de F. Bellizard.

Суляк Сергей Георгиевич – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории народов стран СНГ Института истории Санкт-Петербургского государственного университета (Россия).

Sergey G. Sulyak – St. Petersburg State University (Russia).

E-mail: s.sulyak@spbu.ru

УДК 94(47)“1920”

UDC

DOI: 10.17223/18572685/82/7

Делегация Украинского национального комитета в белом Крыму (сентябрь – октябрь 1920 г.)*

А.А. Чемакин

Санкт-Петербургский государственный университет
Россия, 199034, Санкт-Петербург, Университетская набережная, 7/9
E-mail: a.chemakin@spbu.ru

Авторское резюме

Осенью 1920 г. врангелевский Крым посетила делегация Украинского национального комитета в Париже (УНК), состоявшая из председателя комитета С.К. Маркотуна, генерального секретаря Б.В. Цытовича и профессора Н.М. Могилянского. УНК был создан в декабре 1919 г. в результате раскола украинской делегации во Франции на петлюровскую и галицкую части. Первоначально УНК, выступавший за союз с белыми и создание федерации России и Украины, состоял преимущественно из галичан (В.Л. Панейко и др.) и группы бывших гетманцев и петлюровцев во главе с С.К. Маркотуном. Поражения белых в начале 1920 г. привели к тому, что галичане покинули комитет и он оказался под контролем видного деятеля украинского масонства и бывшего гетманского секретаря Маркотуна. В конце лета 1920 г. по инициативе начальника управления иностранных сношений Юга России П.Б. Струве члены УНК были приглашены в Крым для переговоров с П.Н. Врангелем. По всей видимости, изначально члены УНК рассчитывали на то, что Врангель заключит с ними договор и признает комитет официальным украинским представительством, но этого так и не произошло. Приезд петлюровской делегации в Крым несколькими неделями ранее привёл к тому, что Врангель ограничился выражением солидарности с позицией УНК и обещанием назначить уполномоченного по украинским делам, а также разрешить формирование украинских частей в составе Русской армии. С опорой на материалы российских и зарубежных архивов, крымской и эмигрантской прессы, воспоминания современников подробно рассматривается вопрос о создании УНК и его составе, ходе переговоров с врангелевскими властями и представителями крымской обще-

* Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 24-28-00046 «Украинский вопрос в политике генерала П.Н. Врангеля (весна–осень 1920 г.)», <https://rscf.ru/project/24-28-00046/>

ственности, делается вывод о влиянии приезда членов комитета на политику Врангеля на украинском направлении.

Ключевые слова: Гражданская война, Украинский национальный комитет, Крым, Юг России, С.К. Маркотун, Н.М. Могилянский, П.Н. Врангель, П.Б. Струве

The delegation of the Ukrainian National Committee in the White Crimea (September – October 1920)*

Anton A. Chemakin

St. Petersburg State University
7/9 University Embankment, Saint Petersburg, 199034, Russia
E-mail: a.chemakin@spbu.ru

Abstract

In the autumn of 1920, a delegation of the Ukrainian National Committee in Paris (UNC) visited visited Crimea, which was controlled by General Wrangel. The delegation consisted of the committee's chairman, Sergey K. Markotun, secretary general, Boris V. Tsytovich, and professor Nikolay M. Mogilyansky. The UNC had been established in December 1919 following a split within the Ukrainian delegation in France into Petliurist and Galician factions. Initially, the UNC, which advocated for an alliance with the White movement and the creation of a Russian-Ukrainian federation, was composed mainly of Galicians (such as Vasily L. Paneiko) alongside a group of former Hetmanists and Petliurists led by Markotun. Following White defeats in early 1920, the Galicians left the committee, and leadership passed to Markotun, a prominent figure in Ukrainian Freemasonry and a former secretary to the Hetman. In the late summer of 1920, at the initiative of Pyotr B. Struve, head of the Foreign Relations Department of South Russia, UNC members were invited to Crimea for negotiations with General Wrangel. The UNC members apparently hoped that Wrangel would formalize an agreement with them and recognize the committee as the official Ukrainian representative body, but this did not occur. The arrival of a Petliura delegation several weeks earlier had led Wrangel to limit his commitments to expressing solidarity with the UNC's position, promising to appoint a commissioner for Ukrainian affairs, and permitting the formation of Ukrainian

* This study was funded by the Russian Science Foundation, Project No. 24-28-00046, "The Ukrainian question in general P.N. Wrangel's policy (spring – autumn 1920)", <https://rscf.ru/en/project/24-28-00046/>

units within the Russian army. Based on materials from Russian and foreign archives, the Crimean and émigré press, and contemporaries' memoirs, this article examines the formation and composition of the UNC, the course of its negotiations with Wrangel's government and representatives of the Crimean public, and assesses the impact of the committee's visit on Wrangel's Ukrainian policy.

Keywords: Civil War, Ukrainian National Committee, Crimea, South Russia, Sergey K. Markotun, Nikolay M. Mogiliansky, Pyotr N. Wrangel, Pyotr B. Struve

Визит делегации парижского Украинского национального комитета (УНК) в Крым – это один из немногих сюжетов «украинской» политики главнокомандующего Русской армией, освещённых в его воспоминаниях. Врангель, по его словам, получил известие о том, что из Парижа выехали в Крым представители украинцев-федералистов из УНК, являвшегося «противником самостоятельной политики Петлюры» и работавшего «в тесном единении с галицким украинским правительством [Е.Е.] Петрушевича, провозглашавшего единство с Россией». «Украинский комитет не имел за собой реальной силы, однако являлся дружественной нам организацией, имевшей некоторые связи как на западе, главным образом во Франции, так и на Украине, и к тому же могущей быть использованной как противовес украинцам-самостийникам. Я постарался оказать ему всяческое внимание, принял депутацию в присутствии [председателя правительства] А.В. Кривошеина, начальника управления иностранных сношений П.Б. Струве и начальника моего штаба генерала [П.Н.] Шатилова. Выразив принципиальное согласие с предложенными делегацией положениями, я заявил, что в основу своей политики ставлю объединение всех русских сил, борющихся с большевиками, и готов поддержать развитие национальных образований на тех же основаниях, которые положены в основу соглашения моего с казачеством», – вспоминал бывший правитель Юга России [4: 178, 192–193]. Впоследствии практически все историки, писавшие про врангелевский Крым, упоминали визит делегации УНК, но в большинстве случаев они ограничивались пересказом воспоминаний Врангеля [31: 250–251]. Некоторым исключением могут служить статьи украинского историка А.В. Иванца, посвящённые как истории самого комитета [15], так и его взаимоотношениям с врангелевскими властями [16]. К сожалению, работы эти полны ошибок и неточностей. В частности, Иванец, опирающийся преимущественно на источники петлюровского происхождения, вслед за ними отстаивает версию, согласно которой часть окружения Врангеля планировала создать на базе УНК марионеточное украинское правительство, а главным ини-

циатором приезда делегации якобы был «генерал для поручений по украинским делам при главнокомандующем» В.Ф. Кирей. Имеющиеся в нашем распоряжении источники (в частности дневники члена УНК профессора Н.М. Могилянського) показывают несостоятельность этих утверждений.

В декабре 1919 г. на фоне противоречий между галичанами и надднепрянцами, вызванных сближением председателя Директории УНР С.В. Петлюры с поляками и переходом Галицкой армии на сторону белых, представители Западной области Украинской Народной Республики (ЗОУНР), возглавляемые В.Л. Панейко, поставили вопрос о выходе из состава украинской делегации во Франции [30]. 1 (14) декабря галицкие члены делегации и некоторые примкнувшие к ним надднепрянцы объявили о создании УНК. Инициатором его появления был С.К. Маркотун, предложивший галицким членам украинской делегации создать общеукраинскую политическую организацию (национальную раду) из противопетлюровских и небольшевистских элементов, выступающую за объединение всей украинской этнографической территории в украинское государство, которое вступило бы в федеративный союз с Россией и другими новообразованными государствами. Глава галицкой части делегации УНР В.Л. Панейко сначала выступил против этого, но не из-за несогласия с общей идеей, а по тактическим и личным соображениям. Маркотун, видимо, продолжал на него давить, и Панейко согласился создать не национальную раду, а подготовительный комитет, в состав которого бы вошла не галицкая делегация, а её члены на персональной основе. Кроме того, Панейко потребовал от Маркотуна найти как можно скорее известных украинских деятелей не из числа галичан. Пока этого не произошло, комитет должен был остаться не полностью сформированным, и поэтому из всех должностных лиц УНК был назначен только генеральный секретарь [28: 6]. 3 (16) декабря на собрании галицких членов украинской делегации было решено выйти из её состава [3]. Ходили слухи, что идея создания УНК в противовес петлюровцам принадлежала советнику российского посольства во Франции Н.А. Базили, а осуществление её взял на себя Маркотун, получивший русские деньги [41: 70]. Вполне возможно, что российские дипломаты действительно поддерживали противников Петлюры в украинской делегации, но первые деньги от посольства – 10 000 франков – были выданы УНК лишь в июле 1920 г. [7: 40]

6 (19) декабря 1919 г. доктор К.Д. Белик (Билик), ставший генеральным секретарем, распространил декларацию УНК, в которой тот именовался «новым заграничным органом украинской идеи». Своим идеалом УНК провозглашал Украину, «неприкосновенную в

своих этнографических пределах и объединённую федеративной формой с сильной Россией» [35]. В УНК от галичан вошли государственный секретарь иностранных дел ЗОУНР, заместитель председателя делегации УНР В.Л. Панейко и его сотрудники: историк С.Т. Томашевский, сын диктатора ЗОУНР А.Е. Петрушевич, А.Ю. Кульчицкий. Американских украинцев представлял уроженец Волыни, еще в юности перебравшийся в США доктор К.Д. Белик. Членами комитета от «надднепрянцев» стали преимущественно бывшие гетманцы: экс-секретарь гетмана С.К. Маркотун, бывший секретарь Союза земельных собственников и товарищ министра внутренних дел Украинской державы А.А. Вишневецкий, бывший товарищ государственного секретаря профессор Н.М. Могилянский, контр-адмирал Украинского державного флота Н.Л. Максимов, третий секретарь делегации УНР Б.В. Цытович, капитан Б.Н. Курдиновский, чуть позже остальных к комитету присоединился бывший адъютант гетмана полковник В.В. Кочубей [14: 282; 41: 41; 43: 31].

Впоследствии журналист А.И. Филиппов утверждал, что УНК состоял всего из трёх лиц (Маркотуна, Могилянского и Цытовича) [40], но очевидно, что это не так. Могилянский вспоминал, что был избран членом комитета закрытой баллотировкой в конце 1919 г. в собрании под председательством Петрушевича, на котором присутствовало 10–12 человек [11: 2]. Изначально УНК явно не был фиктивной организацией, но, конечно, её будущее зависело от хода боевых действий на деникинском фронте. Когда в конце зимы 1920 г. стало известно, что войска А.И. Деникина разбиты, а Галицкая армия переметнулась на сторону большевиков, галичане решили покинуть УНК. После их ухода руководство организацией фактически перешло в руки «триумвирата», состоявшего из Маркотуна, Цытовича и Могилянского. Маркотун стал председателем УНК, Цытович – генеральным секретарём, Могилянский – редактором печатных изданий комитета и фактически его главным идеологом.

Уроженец Санкт-Петербурга Сергей Константинович Маркотун (Маркотун) (1893–1971) ещё в годы учебы на юридическом факультете Киевского университета увлёкся мартинизмом и масонством, возглавлял ложи «Святого Андрея Первозванного» (*Sanctus Andreus Prævocatus*) и «Нарцисс» (*Narcissus*). «Украинское масонство – это моё детище», – заявлял Маркотун впоследствии [12: 1]. После 1917 г. он руководил железнодорожной милицией при управлении Юго-Западных железных дорог и, ввязываясь во всяческие авантюры, пытался играть закулисную роль в украинской политике. Осенью 1917 г. он создал тайную франкофильскую организацию «Молодая Украина», в которую входили С.В. Петлюра и, возможно, П.П. Скоро-

падский. Маркотун пытался организовать свержение Центральной рады в начале 1918 г., а впоследствии его люди принимали участие в гетманском перевороте. Осенью 1918 г. Маркотун по решению ложи занял пост секретаря гетмана и пытался переориентировать Украинскую державу с Германии на страны Антанты [12: 4–9, 18–20]. После падения гетманского режима Маркотун с согласия пришедшего к власти Петлюры уехал в Париж для установления контактов с французскими властями и Великим востоком Франции. Некоторое время он вёл себя лояльно по отношению к петлюровской делегации и даже пытался стать её членом, но затем Петлюра решил избавиться от него [2; 41: 70–71]. В итоге осенью 1919 г. Маркотун выступил на страницах парижской русской газеты «Общее дело», издававшейся В.Л. Бурцевым, с открытым письмом к Петлюре, в котором публично объявил об исключении его из масонской ложи [22].

Вторым человеком в комитете стал профессор Николай Михайлович Могилянский (1871–1933). Уроженец Чернигова, до революции он преподавал этнографию и географию в учебных заведениях Санкт-Петербурга и возглавлял этнографический отдел Русского музея, а

**Б.В. Цытович, С.К. Маркотун
и Н.М. Могилянский.**

Севастополь, 9 (22) сентября 1920 г.

Источник: ГАРФ. Ф. Р-5787. Оп. 1. Д. 9. Л. 32.

в 1918 г. переехал в Киев и занял пост товарища государственного секретаря Украинской державы. В октябре 1918 г. он был назначен украинским послом во Франции, но добраться до Парижа смог только летом 1919 г., уже после падения гетманского режима. Во Франции Могилянский взаимодействовал преимущественно с русскими либеральными кругами и даже подумывал о вступлении в кадетскую партию [7: 13 об.; 10: 242–247]. Будучи человеком украинофильских взглядов, считавшим украинцев отдельным этническим типом, он выступал против отделения Украины от России, а про себя писал так: «Происходя по отцу и матери из южно-русских, малорусских или украинских фамилий, я считаю себя русским по культуре, отечеством своим считаю Россию, а родиной Украину или Малорос-

сию. В понятие “Украина” не вкладываю ни сепаратистских вожделиний, но и не связываю его с “изменой”, как необходимым, по мнению некоторых, атрибутом украинства» [23: 289].

Техническое руководство комитетом взял на себя Борис Викторович Цытович (1897 – не ранее 1937), племянник последнего ректора Киевского университета Н.М. Цытовича [5: 3, 5 об.]. Цытович ещё во время учебы на юридическом факультете познакомился с Маркотуном и, видимо, вошёл в его масонскую ложу. В годы Гражданской войны он был сотрудником министерства иностранных дел УНР, служил третьим секретарём украинской делегации на Парижской мирной конференции. После раскола делегации он присоединился к УНК. По свидетельству полковника В.В. Колосовского, Цытович жил за счёт всевозможных афер. Так, например, в Париже он получил займы от одной русской дамы 5 000 франков, называя себя «князем Цытовичем-Шепановским», владельцем богатых имений и домов в России [41: 70 об.].

В мае 1920 г. УНК начал издание своего бюллетеня (*Bulletin du Comité National Ukrainien à Paris*), а с августа – журнала *La Jeune Ukraine* (Молодая Украина). В первом же номере бюллетеня была опубликована программа УНК, основные положения которой сводились к установлению республиканско-демократического и федеративного образа правления в «будущей великой и могучей России». Украина должна была получить местное собрание (сейм) и местную администрацию во главе с Министерством, в то время как армия, флот и внешняя политика относились к компетенции общероссийских органов. Провозглашалось полное равенство всех национальностей, живущих на Украине. Официальным языком всего государства должен был быть русский, во внутренних сношениях, в судах и школах Украины он должен был использоваться наравне с украинским. УНК выступал за признание факта аграрной революции и закрепление всей земли за крестьянами в качестве частной собственности с установлением максимального размера владений. Во внешней политике предполагалось проведение славянской политики и противодействие германизации. Большевизм и сепаратизм УНК объявлял движениями разрушительными и антисоциальными [54].

Летом 1920 г. УНК активно участвовал в кампании в поддержку Врангеля и его политики, выступал с различными заявлениями и декларациями, осуждающими сепаратистов. Эта деятельность не осталась незамеченной, и 10 (23) августа 1920 г. в Париж пришла телеграмма от Струве, в которой Могилянскому и Маркотуну предлагалось «прибыть в Севастополь возможно скорее». Посол России во Франции В.А. Маклаков сообщил Маркотуну о телеграм-

ме, приглашающей членов УНК «ехать в Крым для переговоров» [7: 58 об., 59].

В петлюровских кругах полагали, что за приглашением представителей УНК в Крым стоит генерал Кирей, планировавший при их помощи создать «малороссийское» правительство при Врангеле [45: 45]. Якобы именно он через редактора «Общего дела» Бурцева и вызвал Маркотуна в Крым [43: 3]. На наш взгляд, для подобных выводов нет никаких оснований, так как Кирей не был знаком с Бурцевым, а с Могиланским и Маркотуном познакомился лишь после их приезда в Севастополь. Куда вероятнее предположение Могиланского, полагавшего, что приглашение в Крым – «дело рук П.Б. Струве и, м[ожет] б[ыть], А.В. Кривошеина» [7: 58 об.]. Со Струве Могиланский был знаком ещё по петербургским научным кругам, а потом встречался с ним в Париже в 1919 и 1920 гг. [6: 25 об., 46; 7: 20 об.] С Кривошеиным он часто виделся в гетманском Киеве в 1918 г. [10: 240, 242] Правда, начальник политической части при главнокомандующем С.Н. Ильин утверждал, что инициатива вызова Маркотуна в Крым не принадлежала ни Кривошеину, ни Струве. «Маркотун сам просил разрешить ему приезд в Крым для переговоров об образовании единого антибольшевистского фронта (Русская армия, казачество, украинцы-федералисты), – писал Ильин. – Ходатайство Маркотуна было удовлетворено по получению благоприятного заключения П.Б. Струве» [53: 606]. По данным журналиста А.И. Филиппова, ещё в мае 1920 г. Маркотун, узнав о том, что Кривошеин едет в Крым, «атаковал» бывшего гетманского чиновника Р.Г. Моллова, чтобы тот их познакомил. При встрече с Кривошеиным он рассказал всякие небылицы о значительной роли УНК в борьбе с большевиками и попросил по приезде в Крым замолвить словечко перед Врангелем и вызвать его и других членов комитета [40]. Сам Маркотун впоследствии утверждал, что официальное приглашение от правительства Врангеля было вручено ему посольством России в Париже, Моллов же к этому никакого отношения не имел. Впрочем, Маркотун не отрицал, что Кривошеина и других крымских «министров» близко знал Могиланский [41: 36]. Кубанский атаман В.Н. Иванис полагал, что за Маркотуном стояли Струве, Бурцев и П.Н. Милюков [17: 175]. В.Л. Бурцев вспоминал, что Маркотун получал значительные субсидии от парижских антибольшевистских организаций, и в Крым он поехал с рекомендациями от некоторых из них [26].

По всей видимости, последовательность событий была следующей: Могиланский ещё в конце весны – начале лета 1920 г. прозондировал почву в разговорах со Струве и Кривошеиным, после чего Маркотун, заручившись поддержкой посольства России в Париже и редакции

«Общего дела», обратился в Крым с просьбой принять делегацию УНК, которая и была согласована с подачи Струве. Как будет показано далее, основную активность в связи с приездом делегации проявлял именно Струве, так что можно предполагать, что он и являлся его главным инициатором. Вероятно, начальник управления иностранных сношений хотел представить французам доказательства нового курса Врангеля в отношении окраин и его приверженности федерализму, а кроме того, путём заключением договоренности с УНК не допустить политического соглашения Юга России с петлюровцами.

Петлюровский полковник В.В. Колосовский полагал, что истинной целью поездки УНК в Крым было желание Маркотуна «запастись суммами на будущее», весьма туманное ввиду ясного для него приближения конца Врангеля [41: 70]. В интервью «Общему делу», данном по возвращении в Париж, Маркотун заявил, что главным заданием делегации было разрешение основных принципиальных вопросов, которое дало бы возможность государственно мыслящим демократическим украинским элементам сотрудничать с правительством Юга России. К этим вопросам Маркотун относил следующие: «1) Признание принципа федерации основанием строительства будущего государства Российского. 2) Неуклонное проведение аграрной реформы, вслед за продвижением войск главнокомандующего по территории Украины. 3) Отрицание возможности переговоров с украинскими самозванными самостийными образованиями (Петлюры и пр.). Такие переговоры на основах хотя бы фактического и временного признания самостийности есть отход от всероссийской государственной точки зрения и фактическое признание расчленения России» [39]. Два года спустя Маркотун повторил, что единственной задачей его приезда было добиться признания федеративного принципа и прав Украины, а также непризнания самостийной Украины Петлюры. «Вокруг Врангеля было сильное течение – путём признания Петлюры создать с Польшей единый антибольшевистский фронт, на чём настаивали генерал Махров и Савинков. Я же считал эту политику антинациональной и крайне опасной в международном отношении, ибо это явилось бы признанием самими же русскими <...> расчленения России», – объяснял он свои мотивы [41: 36–37].

Делегация УНК выехала из Парижа вечером 25 августа (7 сентября) 1920 г. по маршруту, пролегающему через Триест, Любляну, Белград, Ниш, Софию, и через неделю, 1 (14) сентября, прибыла в Константинополь [7: 64–67, 68 об.]. Верховный комиссар США в Турции адмирал М. Бристоль предоставил членам УНК корабль для поездки в Крым. 7 (20) сентября делегация на американском эсминце «Barker» (DD-213) отправилась из Константинополя в Констанцу, а оттуда – в

Севастополь, куда и прибыла 9 (22) сентября. Члены УНК на катере добрались до Графской пристани, но, вопреки ожиданиям, их никто не ждал. Могилянский, просидевший 2–2,5 часа на вещах на солнце, пока Маркотун и Цытович решали квартирный вопрос, записал в дневнике: «Никто не встретил нас, *приглашённых* правительством – элементарное приличие у нас не в моде» [7: 70–71; 8: 18 об., 27, 32]. Неприятной новостью оказалось и то, что незадолго до приезда членов УНК у Врангеля уже побывала петлюровская делегация, приехавшая в Крым по инициативе генерала Я.А. Слащёва [49].

10 (23) сентября Маркотун, Цытович и Могилянский были приняты Врангелем в Малом дворце. При беседе также присутствовали Кривошеин, Шатилов, Струве, Кирей и другие лица [38]. Официальное сообщение о встрече гласило: «Выразив своё принципиальное согласие с положениями, изложенными делегацией, главнокомандующий заявил, что в основу проводимой правительством Юга России политики полагается принцип федерации и земельная реформа. Стремясь к объединению всех сил, борющихся с большевиками, правительство Юга России готово поддерживать развитие всех демократических национальных образований на тех же принципах, которые положены в основание соглашения, заключённого с казачеством, и решительно отказывается от общения с какими бы то ни было течениями, носящими сепаратический характер» [37]. Согласно записи в дневнике Могилянского, свидание с Врангелем длилось 1 час 45 минут [8: 5 об.].

По словам Маркотуна, и Врангель, и Кривошеин указали, что никакие соглашения и переговоры с сепаратистскими течениями немыслимы, а недавно приехавшая петлюровская делегация прибыла в Крым по собственному почину, ограничилась информацией и не делала никаких определённых заявлений. Главным итогом встречи с членами УНК стало заявление Врангеля о том, что украинская территория, занятая его войсками, впредь до образования на Украине местного украинского федеративного правительства будет подчинена особому украинскому управлению при правительстве Юга России [39]. Могилянский впоследствии написал статью, в которой изложил основные вопросы, по всей видимости, обсуждавшиеся на встрече. Так, Врангель готов был согласиться на формирование отдельных украинских частей под командованием доверенных генералов, участвовавших бы в выполнении общего стратегического плана. По мере освобождения украинской территории местные элементы должны были наделяться административной властью, а со временем сформировать местное украинское правительство. Кроме того, ожидалось назначение специального уполномоченного по украинским делам в ранге министра и с правом голоса в Совете министров, который будет

выступать в качестве связующего звена между Украиной и правительством Юга России. Нельзя исключать, что на этой же встрече были обсуждены и возможные кандидатуры для занятия этой должности. По словам Могилянского, планировалось, что уполномоченным станет бывший член Государственного совета И.Н. Леонтович как «человек со значительным политическим и законодательным опытом, хорошо знакомый с сельской жизнью на Украине и с экономическими условиями на Юге России» [55: 335]. Сразу же после совещания Струве передал старейшине русского дипломатического корпуса М.Н. Гирсу официальное сообщение о приёме делегации Врангелем. «Благоволите это сообщение довести до сведения французского правительства, использовать при сношениях с другими иностранными представителями, сообщить циркулярно нашим посольствам и миссиям и предать гласности», – отмечалось в телеграмме [52].

11 (24) сентября члены УНК провели две встречи – первую с генералом В.Ф. Киреем и группой украинцев, вторую с объединённой группой русских общественных деятелей, среди которых присутствовал бывший депутат Государственной думы А.А. Свечин [8: 6 об.]. Закрытое заседание с представителями крымских украинских организаций, как раз примерно в это время объединившимися в Украинский национально-политический блок (УНПБ), закончилось провалом. Как отмечал присутствовавший на нём Н.Г. Левченко, хотя программа, предложенная Маркотуном, очень близко подходила к программе блока, его члены после всестороннего обсуждения вопроса отказались присоединиться к УНК [13: 232]. По всей видимости, соглашение не было достигнуто из-за непримиримой позиции Маркотуна в отношении Петлюры [46: 304].

14 (27) сентября Могилянский посетил Струве, у которого познакомился с князем Н.Б. Щербатовым – крупным полтавским землевладельцем, бывшим управляющим Министерства внутренних дел и членом Государственного совета. «Уверяет, что он ещё при царском режиме был федералистом. Все они *теперь* федералисты, когда нечего и не с кем федерировать!» – записал свои впечатления от беседы Могилянский. Вечером того же дня он посетил Кривошеина, с которым говорил «по вопросу об Украине» [8: 8 об.–9]. 15 (28) сентября Могилянский на день уехал в Ялту, где посетил собрание украинцев (как местных, так и беженцев). По словам присутствовавшего на собрании В.Н. Леонтовича, Могилянский «проводил замаскированную федералистическими лозунгами антиукраинскую пропаганду», и его речь, выдержанная в этом направлении, вызвала резкий отпор со стороны И.Н. Леонтовича, поддержанного всеми собравшимися [20: 16]. Могилянский впоследствии характеризовал И. Леонтовича как

человека «чрезвычайно тактичного и примирительного в дебатах», но при этом допускал, что тот, будучи назначен на пост уполномоченного по украинским делам при Врангеле, может не проявить достаточной твердости в противостоянии сепаратистам [55: 336].

16 (29) сентября Маркотун принял участие в закрытом заседании Внепартийного совещания государственных и общественных деятелей в редакции «Военного вестника», на котором обсуждался результат работы комиссии по украинско-малороссийскому вопросу [33]. В основном члены совещания придерживались центристских и правоцентристских взглядов. В итоговой резолюции заседания говорилось о необходимости децентрализации и предоставлении Слободской, Левобережной, Правобережной Украине, Новороссии и Галичине широкой автономии, причём в заявлении говорилось не только про Новороссию, но и использовался термин «Малороссия» как синоним «Украины» [34]. По всей видимости, главными инициаторами этой резолюции были кадеты. По итогу совещания Могилянский сделал вывод, что правые круги (Врангель, Кривошеин, один из руководителей совещания сенатор Н.И. Ненарокомов) «большому научились, чем до сих пор самомнящие представители партии к.-д.», и «смотрят на дело много трезвее, реальнее, я бы сказал, даже честнее». Группа кадетов под председательством князя П.Д. Долгорукова произвела на Могилянского «удручающее впечатление»: «Эти ничему не научились и твердят своё. “Малороссия, а не Украина”. “Автономия, но не федерация”. Будто в словах дело, будто не было 1917 года» [8: 23]. Таким образом, переговоры УНК и с украинскими, и с русскими деятелями провалились: первым казалось, что члены делегации под видом федерализма проводят антиукраинскую пропаганду, вторые и вовсе выступили против федерации, а только за автономию.

Несколько лучше обстояло дело с казаками. Вечером 16 (29) сентября состоялось заседание всех казачьих правительств – донского, кубанского, терского и астраханского – под председательством донского атамана А.П. Богаевского и с участием делегации УНК. Маркотун сделал подробный доклад о международном положении и пришёл к выводу, что «только солидарное выступление южнорусских сил, казачьих земель и Украины могут создать то могучее национальное движение, которое победит большевиков» [19]. Кубанский атаман В.Н. Иванис вспоминал, что Маркотун посетил атаманов сразу же по приезде в Крым. Донцам и терцам он понравился больше, чем делегация от Петлюры, но отношения с кубанским атаманом у него не заладились. «Этот маленький, кругленький, дипломатично зачёрсанный человечек», придя к Иванису, поинтересовался его мнением о федерации с Украиной. Иванис, уклонившись от ответа, спросил у

гостя, где его войско и насколько велика группа политических деятелей, разделяющих его программу федерализма? Маркотун сбивчиво ответил, что с ним идеологически сотрудничает украинец из Галичины доктор Панейко. В ответ Иванис прочитал кубанскую декларацию, в которой говорилось про федерацию Кубани с Россией, а не с Украиной, на чём разговор и закончился [17: 176].

Вечером 18 сентября (1 октября) в Морском собрании Севастополя казаками был организован торжественный раут. Изначально член донского правительства В.В. Шапкин хотел устроить банкет в честь Маркотуна, но Иванис и астраханский атаман Д.Т. Ляхов выразили категорический протест против такого чествования. В итоге решено было мероприятие всё же организовать, но Маркотуна пригласить в качестве простого гостя [17: 176]. Могилянский так вспоминал выступление Маркотуна: «Он немного хватил алкоголя и был хорошо возбуждён. Речь была не программная, даже без всякой системы, но была по существенным местам и была ровно, метко, красиво. Речь имела успех. После этой речи речь Врангеля была сравнительно бледной» [8: 16].

Кроме переговоров с правительством Юга России и казачьими властями делегация встретила с прибывшими в Крым атаманами повстанцев Правобережной Украины, якобы выразившими своё согласие с программой УНК [36]. Имена атаманов, пожелавших сотрудничать с Маркотуном, так и не были названы, поэтому, на наш взгляд, масштабы сотрудничества с повстанцами были членами комитета преувеличены.

В отличие от приезда петлюровцев, появление делегатов УНК широко освещалось в прессе. Маркотун, встретившись с представителями печати, заявил, что военные силы Петлюры ничтожны, в то время как федеративное течение, возглавляемое УНК, «находится в контакте с галицким украинским правительством Петрушевича, которое склоняется к единению с Россией» [24]. По его словам, делегация УНК, являющегося не партией, а союзом федеративных партий, была вполне удовлетворена заявлениями, сделанными Врангелем, а также проведением в жизнь аграрной реформы. «Мы нисколько не сомневаемся, – заключал Маркотун, – что настоящая политика главнокомандующего привлечёт на его сторону украинские элементы и на почве федерации России мы вместе будем вести борьбу за возрождение былой великой России» [1].

Каковы же были результаты визита парижских федералистов? В прессе появились сообщения о том, что между правительством Юга России и представителями УНК заключено соглашение особой важности, в связи с чем приезд представителя Петлюры в Севастополь

признан нежелательным. Генеральный секретарь УНК Цытович заявил, что делегация вынесла самое отрадное впечатление из пребывания в Крыму и вполне удовлетворена результатами переговоров с южнорусским правительством [32]. Полковник С.Н. Ильин писал два года спустя: «Никаких документов, относящихся к переговорам с Маркотуном, другими украинскими деятелями, не было, так как эти переговоры велись устно и не были облечены в форму каких-либо соглашений, условий или обязательств» [53: 606 об.]. Перед самым отъездом Маркотун заявил прессе, что «наша миссия выполнена», так как главной задачей делегации было выяснение вопросов принципиального характера – о федерации и о земле. Итогом, по его словам, было то, что официальная телеграмма Струве, «выражающая полное согласие с программой Украинского национального комитета, направлена для сведения западным правительствам и в заграничную печать» [48]. Журналист А.И. Филиппов иронизировал, что «не обошлось без вещественных доказательств достигнутого соглашения» [40]. Генерал-майор С.К. Бородин утверждал, что Врангель раскусил Маркотуна и, чтобы избавиться от него, приказал выдать гостю 10 000 франков и пожелать хорошей дороги туда, откуда он приехал [42: 28 об.]. Генерал П.С. Махров рассказывал в разговоре с петлюровскими представителями в Польше, что Маркотун, никаких договоров с Врангелем не заключивший, только выманил у него деньги, потребовав оплатить обратный проезд до Парижа [44: 67 об.]. Сам Врангель также вспоминал о том, что комитету была оказана некоторая материальная помощь, но конкретной суммы не называл [4: 193].

По сведениям газеты «Время», «одно лицо, занимающее ответственный пост в управлении иностранных сношений, перед своим отъездом в Париж» сообщило, что отношение правительства к Петлюре выяснилось окончательно: «Заключить с ним союз – это значит скомпрометировать себя навсегда. Не может быть никакого соглашения с тем лицом, которое побывало в немецких объятиях и заключило такой позорный договор с Польшей». Теперь взоры властей были обращены на УНК, благодаря которому в случае разговоров в парижских политических кругах о самостоятельности можно было «противопологать веские аргументы в виде украинской федеративной делегации». Правда, автор комментария признавал, что «эта делегация представляет из себя генерала без армии», но, несмотря на это, все симпатии крымских властей были «всцело на её стороне» [29]. Нетрудно догадаться, что лицом, «занимающим ответственный пост», был Струве, выехавший из Севастополя в Париж как раз за несколько дней до появления анонимного комментария.

Несмотря на то что делегацию принимали на весьма высоком уровне, очевидно, что-то пошло не по плану, и обе стороны явно не были удовлетворены друг другом. Парижские кадеты в октябре 1920 г. поинтересовались у приехавшего из Севастополя Струве, что вышло из совещания. Струве ответил: «Вышел скандал, оказалось, что эти украинцы правее нас, так как они ограничились требованием автономии, а не федерации». Когда о словах Струве узнал Цытович, он яростно заявил, что это неправда, а Струве и Маклаков, «наобещав украинцам всяческую поддержку перед отъездом из Парижа, предали их у Врангеля, так как при их свидании с Врангелем Струве упорно молчал, а Маклаков предложил вместо отдельного украинского правительства с представителем при Врангеле – особый отдел у Врангеля по украинским делам, да притом негласный. Одновременно с вызовом украинцев к Врангелю Струве вёл переговоры с Петлюрой через генерала Кирея и с группой украинцев генерала Павленко» [21: 247].

По всей видимости, изначально у Струве были достаточно большие виды на УНК. Речь шла если и не о создании пророссийского украинского правительства под контролем Врангеля, как утверждал Цытович, то как минимум – украинского политического центра, оппозиционного Петлюре и официально признанного правительством Юга России, а через него – и странами Антанты. Совершенно неожиданный приезд петлюровской делегации в Крым поломал Струве его планы. Врангель принял делегацию УНР и согласился на продолжение переговоров о военном сотрудничестве. Очевидно, в таких условиях он не хотел обострять ситуацию и, уже ведя переговоры с петлюровцами, давать какие-то обязывающие обещания их врагам из УНК. Некий Одоевский, уже в советское время написавший доклад об украинском вопросе в Крыму, справедливо обращал внимание на то, что Маркотун приехал в Севастополь «с небольшим опозданием, не успев опередить представителей Петлюры», и, несмотря на ласковый прием, услуги его не были приняты [46: 309об.]. Именно из-за этого опоздания повестка переговоров с УНК изменилась, и во время встречи делегации с главнокомандующим Струве молчал и не пытался даже касаться тех обещаний, которые ещё в Париже давал членам комитета. Делегаты УНК, в свою очередь, посчитали, что Струве их предал, не дав официального статуса их организации и ведя у них за спиной переговоры с Петлюрой (которые, конечно, изначально в планы врангелевского «министра» не входили). В итоге «парадными речами и кончилась вторая попытка разрешить “украинский вопрос”» [46: 302].

Впрочем, Струве всё же попытался использовать визит УНК хотя бы в целях пропаганды, дав информацию о нём для иностранных пра-

вительств и произведя впечатление, по крайней мере, на французов. 15 (28) октября председатель Совета министров и министр иностранных дел Франции Ж. Лейг написал военному министру А. Лефевру о том, что Маркотун, по-видимому, договорился с Врангелем. По его мнению, Франция могла «с определённой долей благосклонности отнестись к сближению такого рода, оставляющему возможность для достижения договорённостей на основе автономии, федерализма или любого другого способа примирения украинских стремлений с собственно Россией» [51: 192–193].

23 сентября (6 октября) 1920 г. делегация отправилась на американском эсминце «Трасу» (DD-214) в Константинополь, а оттуда выехала в Париж, в который вернулась 11 (24) октября [8: 37 об., 42; 9: 95; 27]. Могилянский был поездкой явно разочарован. Позицию руководителей Юга России по украинскому вопросу он отразил следующим образом:

«Врангель принял честно и открыто принцип федерации, ибо понимает, что иначе к Украине подойти нельзя.

Кривошеин *contre-soeur* (неохотно – *фр.* – А.Ч.) (честно не скрывая этого) идёт тоже на федерацию.

Струве – врёт, что он понял украинский вопрос.

Кн[язь] П.Д. Долгоруков и тупые к[а]д[еты] “благожелательны” к “автономии” “Малороссии”, но несогласны на федерацию. Ну разве это не сумасшедший дом?» [8: 26 об.].

Несмотря на свои крайне негативные впечатления, Могилянский по итогам поездки опубликовал в журнале *The New Russia* достаточно комплиментарную статью, в которой утверждал, что решение Врангеля начертать на знамени Российского государства слово «Федерация» означает отказ от пагубной системы централизма и широко открывает двери для русского патриотизма украинцев. При этом он признавал, что есть основания и для скептицизма, так как большинство министров Врангеля в глубине души не разделяли его точку зрения: Кривошеин не скрывал своих централистских наклонностей, хотя и встал на путь федерализма; Струве всегда выступал против украинского национализма, но был вынужден волей-неволей двигаться в том же направлении, что и Врангель; и лишь начальник финансового управления М.В. Бернацкий, по мнению Могилянского, являлся сознательным федералистом [55: 332–333].

Реакция петлюровцев на приезд Маркотуна в Крым оказалась крайне болезненной. Они передали председателю Совета министров Франции Ж. Лейгу ноту, в которой обращали внимание на то, что Врангель выразил желание создать федеративную Россию, но вместо этого организовал «жалкую мистификацию». По мнению представителей

УНР, Врангель, неправильно пользуясь «доверенной ему властью» и проявляя двуличность, может повредить антибольшевистскому фронту и миру в Европе [25].

Сам Врангель никаких официальных заявлений не делал, но, очевидно, в течение октября 1920 г. им было принято решение если и не полностью отмежеваться от УНК, то, по крайней мере, показать, что встреча с его представителями никаких принципиальных последствий не имела и не была направлена против Петлюры. В парижской газете «Последние новости» появилась заметка, основывавшаяся на сведениях, полученных «из весьма авторитетных источников». Согласно этой заметке, правительство Юга России готово было считаться с волеизъявлением украинского народа, но, пока оно не произошло, решило ограничиться ознакомлением с теми политическими течениями, которые представлены в программах различных украинских партий: «Представители правительства охотно принимают и беседуют с посланцами Петлюры и украинских федералистов, и даже отдельных повстанческих групп, – исключительно в целях осведомления о политических настроениях, господствующих на Украине» [18].

После эвакуации Крыма УНК ещё какое-то время поддерживал Врангеля, а затем вступил в переговоры с руководством Советской Украины. В мае 1922 г. в Генуе Маркотун от имени УНК подписал соглашение с украинским советским правительством [47]. Могилянский, узнав об этом, вышел из комитета. В 1923 г. Цытович исключил из УНК Маркотуна, а в довершение упразднил и сам комитет [41: 86]. Маркотун, в свою очередь, исключил Цытовича, а в 1924 г. приостановил деятельность «своего» УНК, ссылаясь на то, что «создавшаяся международная обстановка исключает дипломатические организации эмигрантов» [26]. Возможно, это решение было принято под давлением французских властей. Ещё в ноябре 1923 г. ему был вручено постановление о высылке из Франции, но в октябре 1924 г. оно было отменено, вероятно, в обмен на отказ от политической деятельности [50]. После ликвидации УНК Маркотун вернулся к занятиям оккультизмом.

В заключение можно констатировать, что полная несогласованность в действиях между различными группировками в окружении Врангеля привела к тому, что единой линии по украинскому вопросу так и не было выработано. Приехавшая по инициативе Слащёва делегация Петлюры сорвала планы Струве по созданию несепаратистского украинского политического центра, а приезд делегации УНК, в свою очередь, серьёзно испортил отношения уже с петлюровцами. Никаких соглашений правительство Юга России с УНК не заключило, но всё же определённые совместные решения относительно украинского

вопроса на занятых Врангелем территориях были приняты. Так, на встрече с делегацией Врангель дал обещание сформировать при своём правительстве управление по украинским делам и разрешить создание украинских частей в составе Русской армии. По большому счёту, этими обещаниями всё и ограничилось. Объединить украинские организации Крыма под эгидой УНК не получилось, попытки Маркотуна взять под контроль повстанческое движение также к реальным результатам не привели. Да и сами «украинцы-федералисты» в лице Маркотуна и Цытовича, как показал их последующий переход на сторону большевиков, оказались весьма сомнительными личностями, склонными к авантюризму.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Ал. Гр.* Беседа с С.К. Маркотуном // Вечернее слово. 1920. 12 сентября. № 211. С. 3.
2. *Борщак І.* Кар'єра одного авантюриста. II // Діло. 1925. 1 квітня. № 72. С. 3.
3. Важні переміни у Парижі // Український прапор. 1919. 23 грудня. № 38. С. 1–2.
4. *Врангель П.Н.* Записки (Ноябрь 1916 г. – Ноябрь 1920 г.) // Белое дело. Летопись Белой борьбы. Т. VI. Берлин: Медный всадник, 1928. С. 5–265.
5. Государственный архив г. Киева (ГАК). Ф. 16. Оп. 464. Д. 11411. Цытович Борис Викторович. 1915–1918.
6. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. Р-5787. Оп. 1. Д. 2. Дневник Н.М. Могилянського. 1919.
7. ГАРФ. Ф. Р-5787. Оп. 1. Д. 8. Дневник Н.М. Могилянського. 1920.
8. ГАРФ. Ф. Р-5787. Оп. 1. Д. 9. Дневник Н.М. Могилянського. 1920.
9. ГАРФ. Ф. Р-5787. Оп. 1. Д. 11. Дневник Н.М. Могилянського. 1921.
10. ГАРФ. Ф. Р-5787. Оп. 1. Д. 15. Дневник Н.М. Могилянського. 1925.
11. ГАРФ. Ф. Р-5802. Оп. 1. Д. 416. Письма Н.М. Могилянського. 1920–1924.
12. ГАРФ. Ф. Р-5866. Оп. 1. Д. 139. Доклад С. Маркотуна об истории масонской ложи Украины. 1919.
13. ГАРФ. Ф. Р-7440. Оп. 1. Д. 3. Янушевский Г.Е. Украинский вопрос в Крыму при генерале Врангеле в 1920 г. 1934.
14. 3 українського життя на чужині // Воля. 1920. 7 лютого. Т. 1, № 6. С. 280–282.
15. *Іванець А.В.* До питання про діяльність паризького Українського національного комітету (1919–1921 рр.) // Український історичний журнал. 2010. № 5. С. 117–135.
16. *Іванець А.* Невдала спроба творення «уряду України» під патронатом білих // Українознавство. 2010. № 3. С. 91–94; № 4. С. 143–149.

17. *Іванис В.* Стежками життя (Спогади). Кн. IV: Капітуляція. Сидіння в Криму. Перші кроки вигнання. Новий Ульм: Ukrainski Wisti, 1961. 404 с.
18. *К.Ш.* Врангель и украинская проблема // Последние новости. 1920. 11 ноября. № 170. С. 1.
19. Казачество и украинский вопрос // Юг России. 1920. 17 сентября. № 135. С. 2.
20. *Леонтович В.* Уривок спогадів. Українці в Криму за часів генерала Врангеля // Тризуб. 1933. 10 грудня. № 45. С. 11–17.
21. *Маргуліес М.С.* Год интервенции. Книга третья (сентябрь 1919 – декабрь 1920). Берлин: Изд-во З.И. Гржебина, 1923. 319 с.
22. *Маркотун С.* За кулисами Петлюровщины // Общее дело. 1919. 26 ноября. № 61. С. 2–3.
23. *Могилянский Н.М.* Трагедия Украины // Грядущая Россия. 1920. Февраль. Кн. 2. С. 288–316.
24. *Н.Т.У С.* Моркотуна // Великая Россия. 1920. 13 сентября. № 111. С. 1.
25. Нота української делегації Франції // Син України. 1920. 9 жовтня. № 10. С. 6.
26. О С. Моркотуне и Б. Цитовиче // Последние новости. 1928. 28 января. № 2502. С. 2.
27. Отъезд делегации // Время. 1920. 22 сентября. № 62. С. 2.
28. *Панейко В.* Лист до редакції // Український прапор. 1920. 11 липня. № 39. С. 5–6.
29. Петлюра и главнокомандование // Время. 1920. 22 сентября. № 62. С. 2.
30. Раскол среди украинцев // Россия. 1920. 6 января. № 16. С. 3.
31. *Росс Н.* Врангель в Крыму. Франкфурт-на-Майне: Посев, 1982. 362 с.
32. Соглашение с украинцами // Время. 1920. 22 сентября. № 62. С. 2.
33. Украинский вопрос // Юг России. 1920. 16 сентября. № 134. С. 2.
34. Украинский вопрос. Резолюция совещания государственных и общественных деятелей // Юг России. 1920. 22 сентября. № 139. С. 2.
35. Украинский Национальный Комитет // Общее дело. 1920. 19 февраля. № 65. С. 4.
36. Украинское федералистическое движение // Последние новости. 1920. 3 ноября. № 163. С. 2.
37. Украинцы у ген. Врангеля // Юг России. 1920. 16 сентября. № 134. С. 2.
38. Украинцы-федералисты // Юг России. 1920. 12 сентября. № 132. С. 2.
39. Украинцы-федералисты (Из беседы) // Общее дело. 1920. 26 октября. № 103. С. 2.
40. *Филитов А.* Новое приобретение большевиков // Общее дело. 1922. 23 июня. № 565. С. 3.
41. Центральный государственный архив органов власти и управления (ЦГАВО) Украины. Ф. 4. Оп. 1. Д. 87. Переписка с председателем «Украинского национального комитета» в Париже С. Маркотуном. 1922–1923.

42. ЦГАВО України. Ф. 1075. Оп. 4. Д. 37а. Листування з Генеральним штабом УНР про становище врангелівської армії в Болгарії та Сербії. 1921–1922.
43. ЦГАВО України. Ф. 1429. Оп. 2. Д. 31. Історична довідка про діяльність Українського національного комітету. 1919–1920.
44. ЦГАВО України. Ф. 3696. Оп. 2. Д. 425. Листування з головним управлінням Генерального штабу УНР про військове становище на польсько-російському фронті. 1920.
45. ЦГАВО України. Ф. 3696. Оп. 2. Д. 624. Інформаційні доповіді про події на польсько-українському фронті, огляд військових подій на Україні. 1920–1922.
46. Центральный государственный архив общественных объединений и украиники. Ф. 5. Оп. 1. Д. 152. Материали о политике Врангеля, борьбе с ним и освобождении Крыма. 1918–1920.
47. *Цытович Б.* Письмо в редакцию // Последние новости. 1922. 8 июня. № 656. С. 3.
48. *Чарский В.* Беседа с С.К. Маркотуном // Заря России. 1920. 21 сентября. № 199. С. 2.
49. *Чемакин А.А.* Генерал Я.А. Слащёв и миссия полковника Я.Д. Ноги в Галичину (апрель – август 1920 г.) // Русин. 2024. № 77. С. 141–166. doi: 10.17223/18572685/77/10
50. Archives nationales (AN). Archives postérieures à 1789. F/7/14751. Au sujet des nommés Marcotoune, Tzitovitch. Paris, 12 février 1937.
51. Documents diplomatiques français. Série 1920–1932. 1920. T. III (24 septembre 1920 – 15 janvier 1921) / éd. J. Bariéty. Bruxelles: P.I.E.-Peter Lang, 2002.
52. Hoover Institution Archives (HIA). M.N. Girs papers. Box 6. Folder 2. Телеграма А.А. Нератова М.Н. Гирсу от 4 октября 1920 г.
53. HIA. P.N. Wrangel collection. Box 149. File 38. Политическая переписка. T. III.
54. Le programme du Comité National Ukrainien // Bulletin du Comité National Ukrainien à Paris. 1920. 5 Mai. № 1. P. 1.
55. *Moghilansky N.M.* General Wrangel and the Ukraine // The New Russia. 1920. November 11. № 41. P. 332–336.

REFERENCES

1. Al. Gr. (1920) Beseda s S.K. Markotunom [Conversation with S.K. Markotun]. *Veчерnee slovo*. 12th September. p. 3.
2. Borshchak, I. (1925) Kariera odnogo avanturista. II [The career of an adventurer. II]. *Dilo*. 1st April. p. 3.
3. *Ukraïns'kiy prapor*. (1919) Vazhni peremini u Parizhi [Important changes in Paris]. 23rd December. pp. 1–2.

4. Wrangel, P.N. (1928) Zapiski (Noyabr' 1916 g. – Noyabr' 1920 g.) [Notes (November 1916 – November 1920)]. In: Lampe, A.A. von (ed.) *Beloe delo. Letopis' Belay bor'by* [The White Cause. Chronicle of the White Struggle]. Vol. VI. Berlin: Mednyy vsadnik. pp. 5–265.

5. The State Archives in the City of Kiev (GAK) (1915–1918). *Tsytovich Boris Viktorovich*. Fund 16. List 464. File 11411.

6. The State Archive of the Russian Federation (GARF). (1919a) *Dnevnik N.M. Mogilyanskogo* [Diary of N.M. Mogilyansky]. Fund R-5787. List 1. File 2.

7. The State Archive of the Russian Federation (GARF). (1920a) *Dnevnik N.M. Mogilyanskogo* [Diary of N.M. Mogilyansky]. Fund R-5787. List 1. File 8.

8. The State Archive of the Russian Federation (GARF). (1920b) *Dnevnik N.M. Mogilyanskogo* [Diary of N.M. Mogilyansky]. Fund R-5787. List 1. File 9.

9. The State Archive of the Russian Federation (GARF). (1921) *Dnevnik N.M. Mogilyanskogo* [Diary of N.M. Mogilyansky]. Fund R-5787. List 1. File 11.

10. The State Archive of the Russian Federation (GARF). (1925) *Dnevnik N.M. Mogilyanskogo* [Diary of N.M. Mogilyansky]. Fund R-5787. List 1. File 15.

11. The State Archive of the Russian Federation (GARF). (1920–1924) *Pis'ma N.M. Mogilyanskogo* [Letters from N.M. Mogilyansky]. Fund R-5802. List 1. File 416.

12. The State Archive of the Russian Federation (GARF). (1919b) *Doklad S. Markotuna ob istorii masonskoy lozhi Ukrainy* [S. Markotun's report on the history of the Masonic Lodge of Ukraine]. Fund R-5866. List 1. File 139.

13. Yanushevskiy, G.E. (1934) *Ukrainskiy vopros v Krymu pri generale Vrangele v 1920 g.* [The Ukrainian question in Crimea under General Wrangel in 1920]. The State Archive of the Russian Federation (GARF). Fund R-7440. List 1. File 3.

14. *Volya*. (1920) Z ukrai'ns'kogo zhittya na chuzhini [From Ukrainian life abroad]. 7th February. pp. 280–282.

15. Ivanets, A.V. (2010a) Do pitannya pro diyal'nist' pariz'kogo Ukrai'ns'kogo natsional'nogo komitetu (1919–1921 rr.) [On the activities of the Ukrainian National Committee in Paris]. *Ukrai'ns'kiy istorichniy zhurnal*. 5. pp. 117–135.

16. Ivanets, A. (2010b) Nevdala sproba tvorenniya "uryadu Ukrai'ni" pid patronatom bilikh [An unsuccessful attempt to create a "government of Ukraine" under the patronage of the Whites]. *Ukrai'noznavstvo*. 3. pp. 91–94; 4. pp. 143–149.

17. Ivanis, V. (1961) *Stezhkami zhittya (Spogadi)* [Paths of Life (Memoirs)]. Vol. 4. Neu-Ulm: Ukrainski Wisti.

18. K.Sh. (1920) Vrangel' i ukrainskaya problema [Wrangel and the Ukrainian problem]. *Poslednie novosti*. 11th November. p. 1.

19. *Yug Rossii*. (1920a) Kazachestvo i ukrainskiy vopros [Cossacks and the Ukrainian question]. 17th September. p. 2.

20. Leontovich, V. (1933) Urivok spogadiv. Ukrai'ntsi v Krimu za chasiv generala Vrangelya [A fragment of memories. Ukrainians in Crimea during the time of General Wrangel]. *Trizub*. 45. pp. 11–17.

21. Margulies, M.S. (1923) *God interventsii. Kniga tret'ya (sentyabr' 1919 – dekabr' 1920)* [The Year of Intervention. Book 3 (September 1919 – December 1920)]. Berlin: Izdatel'stvo Z.I. Grzhebina.

22. Markotun, S. (1919) Za kulisami Petlyurovshchiny [Behind the scenes of Petliurism]. *Obshchee delo*. 26th November. pp. 2–3.

23. Mogilyanskiy, N.M. (1920) Tragediya Ukrainy [The tragedy of Ukraine]. *Gryadushchaya Rossiya*. 2. pp. 288–316.

24. N.T. (1920) U S. Morkotuna [At S. Morkotun's]. *Velikaya Rossiya*. 13th September. p. 1.

25. *Sin Ukrai'ni*. (1920) Nota ukrai'ns'koi' delegatsii' Frantsii' [Letter of protest from the Ukrainian delegation to France]. 9th October. p. 6.

26. *Poslednie novosti*. (1928) O S. Morkotune i B. Tsitoviche [About S. Morkotun and B. Tsitovich]. 28th January. p. 2.

27. *Vremya*. (1920a) Ot'ezd delegatsii [Departure of the delegation]. 22nd September. p. 2.

28. Paneyko, V. (1920) List do redaktsii' [Letter to the editor]. *Ukrai'ns'kiy prapor*. 11th July. pp. 5–6.

29. *Vremya*. (1920b) Petlyura i glavnokomandovanie [Petlyura and the High Command]. 22nd September. p. 2.

30. *Rossiya*. (1920) Raskol sredi ukraintsev [Split among Ukrainians]. 6th January. p. 3.

31. Ross, N. (1982) *Vrangel' v Krymu* [Wrangel in Crimea]. Frankfurt am Main: Posev.

32. *Vremya*. (1920c) Soglashenie s ukraintsami [Agreement with Ukrainians]. 22nd September. p. 2.

33. *Yug Rossii*. (1920b) Ukrainskiy vopros [Ukrainian question]. 6th September. p. 2.

34. *Yug Rossii*. (1920c) Ukrainskiy vopros. Rezolyutsiya soveshchaniya gosudarstvennykh i obshchestvennykh deyatelay [The Ukrainian question. Resolution of the meeting of state and public figures]. 22nd September. p. 2.

35. *Obshchee delo*. (1920a) Ukrainskiy Natsional'nyy Komitet [Ukrainian National Committee]. 19th February. p. 4.

36. *Poslednie novosti*. (1920) Ukrainskoe federalisticheskoe dvizhenie [Ukrainian federalist movement]. 3rd November. p. 2.

37. *Yug Rossii*. (1920d) Ukraintsy u gen. Vrangelya [Ukrainians at General Wrangel's]. 16th September. p. 2.

38. *Yug Rossii*. (1920e) Ukraintsy-federalisty [Ukrainian federalists]. 12th September. p. 2.

39. *Obshchee delo*. (1920b) Ukraintsy-federalisty (Iz besedy) [Ukrainian Federalists (From the conversation)]. 26th October. p. 2.

40. Filippov, A. (1922) Novoe priobretenie bol'shevikov [A new acquisition for the Bolsheviks]. *Obshchee delo*. 23rd June. p. 3.

41. The Central State Archives of the Supreme Bodies of Authority and Administration of Ukraine (TsDAVO of Ukraine). (1922–1923) *Perepiska s predsedatelem "Ukrainskogo natsional'nogo komiteta" v Parizhe S. Markotunom* [Correspondence with the Chairman of the Ukrainian National Committee in Paris S. Marcotun]. Fund 4. List 1. File 87.

42. The Central State Archives of the Supreme Bodies of Authority and Administration of Ukraine (TsDAVO of Ukraine). (1921–1922) *Listuvannya z General'nim shtabom UNR pro stanovishche vragelivs'koi' armii' v Bolgarii' ta Serbii'* [Correspondence with the General Staff of the UPR on the situation of the Wrangel army in Bulgaria and Serbia]. Fund 1075. List 4. File 37a.

43. The Central State Archives of the Supreme Bodies of Authority and Administration of Ukraine (TsDAVO of Ukraine). (1919–1920) *Istorychna dovidka pro dij'al'nist' Ukraï'n's'kogo nacinal'nogo komitetu* [Historical background of the activities of the Ukrainian National Committee]. Fund 1429. List 2. File 31.

44. The Central State Archives of the Supreme Bodies of Authority and Administration of Ukraine (TsDAVO of Ukraine). (1920) *Listuvannya z golovnim upravlinnyam General'nogo shtabu UNR pro viys'kove stanovishche na pol'sko-rosiys'komu fronti* [Correspondence with the Main Directorate of the General Staff of the UPR on the military situation on the Polish-Russian front]. Fund 3696. List 2. File 425.

45. The Central State Archives of the Supreme Bodies of Authority and Administration of Ukraine (TsDAVO of Ukraine). (1920–1922) *Informatsiyni dopovidi pro podii' na pol's'ko-ukrai'n's'komu fronti, oglyad viys'kovikh podiy na Ukraï'ni* [Information reports on events on the Polish-Ukrainian front, an overview of military events in Ukraine]. Fund 3696. List 2. File 624.

46. The Central State Archive of Public Organizations and Ukrainica (TsDAHO Ukraï'ny). (1918–1920) *Materialy o politike Vrangelya, bor'be s nim i osvobozhdenii Kryma* [Materials about Wrangel's policy, the fight against him and the liberation of Crimea]. Fund 5. List 1. File 152.

47. Tsytovich, B. (1922) Pis'mo v redaktsiyu [Letter to the editor]. *Poslednie novosti*. 8th June. p. 3.

48. Charskiy, V. (1920) Beseda s S.K. Markotunom [Conversation with S.K. Markotun]. *Zarya Rossii*. 21st September. p. 2.

49. Chemakin, A.A. (2024) General Yakov A. Slashchov and Colonel Yaroslav D. Noga's mission to Galicia (April – August 1920). *Rusin*. 77. pp. 141–166. doi: 10.17223/18572685/77/10

50. Archives nationales (AN). (1937) *Archives postérieures à 1789. Au sujet des nommés Marcotoune, Tzitovitch*. F/7/14751.

51. Bariéty, J. (ed.) (2002) *Documents diplomatiques français. Série 1920–1932. 1920. T. III (24 septembre 1920 – 15 janvier 1921)*. Bruxelles: P.I.E.-Peter Lang.

52. Hoover Institution Archives (HIA). (1920) *Telegramma A.A. Neratova M.N. Girsu ot 4 oktyabrya 1920 g.* [Telegram from A.A. Neratov to M.N. Girs, October 4]. M.N. Girs papers. Box 6. Folder 2.

53. Hoover Institution Archives (HIA). (1920) *Politicheskaya perepiska* [Political Correspondence]. Vol. III. Box 149. File 38.

54. *Bulletin du Comité National Ukrainien à Paris.* (1920) Le programme du Comité National Ukrainien. 1. p. 1.

55. Moghilansky, N.M. (1920) General Wrangel and the Ukraine. *The New Russia.* 41. pp. 332–336.

Чемакин Антон Александрович – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории для преподавания на естественных и гуманитарных факультетах Института истории Санкт-Петербургского государственного университета (Россия).

Anton A. Chemakin – St. Petersburg State University (Russia).

E-mail: a.chemakin@spbu.ru

УДК 94(438).081:94(430).086

UDC

DOI: 10.17223/18572685/82/8

Ещё раз к вопросу о секретном польско-германском договоре от 25 февраля 1934 г.

С.В. Морозов

Белгородский государственный национальный исследовательский университет

Россия, 308015, г. Белгород, ул. Победы, 85

E-mail: morozov_s@bsuedu.ru

Авторское резюме

Рассматривается документ с текстом секретного польско-германского договора от 25 февраля 1934 г., опубликованный в начале апреля 1935 г. в парижском еженедельнике «Экутэ-муа» и рассекреченный недавно Российским государственным военным архивом. В отличие от аналогичного текста, опубликованного в газетах «Правда» и «Известия», данный текст более широкий и упоминает в преамбуле президентов Польши (И. Мосцицкого) и Германии (П. фон Гинденбурга). Особое внимание уделено анализу польско-германской декларации от 26 января 1934 г., которая, как выяснилось, так же как и секретный договор от 25 февраля, содержала завуалированные намерения совместных действий пилсудчиков и гитлеровцев «для обеспечения мира в Европе», т. е. в восточном направлении или против СССР. Причем основывались они на пакте Бриана–Келлога, являвшимся по сути американской международно-правовой платформой, вмонтированной в правовой механизм «подталкивания» Германии на Восток.

Ключевые слова: архивный текст, секретный польско-германский договор от 25 февраля 1934 г., пакт Липски–Нейрата, пакт Бриана–Келлога, американская международно-правовая платформа

Once again on the secret Polish-German treaty of February 25, 1934

Stanislav V. Morozov

Belgorod State National Research University
Russia, 308015, Belgorod, Pobedy St., 85
E-mail: morozov_s@bsuedu.ru

Abstract

The article examines a document containing the text of the secret Polish-German treaty of February 25, 1934, which was published in early April 1935 in the Parisian journal *Écoute-moi* and recently declassified by the Russian State Military Archive. Unlike the version published in *Pravda* and *Izvestia*, this text is more extensive and includes in its preamble the names of Polish President Ignacy Mościcki and German President Paul von Hindenburg. Special attention is given to the Polish-German Declaration of January 26, 1934, which, like the secret treaty of February 25, contained veiled provisions for joint action by the Piłsudski regime and the Nazis directed eastward—that is, against the USSR.

Keywords: archival text, secret Polish-German treaty of February 25, 1934, Lipski-Neurath Pact, Briand-Kellogg Pact

В системе международных отношений все народы мира, включая русинов, живут в правовом поле, что означает их вовлечённость в систему правовых связей в рамках государств, которые выступают в качестве субъектов международного права. Они подчиняются тем или иным правовым нормам – международным договорам, соглашениям, декларациям и т. д. и т. п., среди которых определённое место занимают и документы, заключённые секретным путём.

Секретные договоры являются, пожалуй, если не составной, то, во всяком случае, неотъемлемой частью дипломатии и часто призваны играть важную роль во взаимосвязях между государствами. Согласно оценке авторитетного справочника по международным отношениям, с 1521 г. по настоящее время между 110 странами и независимыми политическими образованиями было заключено 593 секретных договора [28: 206–207]. Хранят их, в силу важности и значимости, как зеницу ока, скрывая от посторонних глаз, а обнародование тех или иных секретных документов может произойти в виде исключения, например в период радикальных государственных катаклизмов. Так по мандату большевистского руководства во главе с В.И. Лениным

секретарём новоиспечённого НКВД был назначен матрос Н.Г. Маркин, стараниями которого в конце 1917 – начале 1918 г., несмотря на решение заседания послов стран Антанты о невозможности дальнейших сношений с новыми властями России в случае опубликования, всё-таки были опубликованы выисканные им в недрах канцелярий и сейфов секретные дипломатические документы царской России [27].

Однако этот пример – несомненно, исключение из негласных правил, в то время как подавляющая часть секретных договоров не предназначена для опубликования, поскольку является незримой путеводной нитью для заключивших их сторон и залогом успеха реализации намерений последних. Другое дело, если по какой-либо причине происходит утечка потаённого документа, и обнародование секретного договора случается в результате, например, действий третьей стороны, против которой могло быть направлено его содержание, и последняя стремится путём его опубликования, этой реализации во что бы то ни стало избежать. Под вышеперечисленные критерии подпадают обстоятельства с текстом секретного польско-германского договора от 25 февраля 1934 г., опубликованного 20 апреля 1935 г. на первых страницах советских газет «Правда» и «Известия» со ссылкой на французскую «Бурбоннэ републикен», разместившую его за 2 дня до этого [10: 20.04.1935; 23: 20.04.1935]. Если не принимать во внимание многочисленных упоминаний в зарубежной прессе того времени факта его обнародования в СССР и за рубежом, например [22: 22.04.1935], то с момента его опубликования объектом отдельного изучения он не становился, хотя газета с упомянутой датой в научном исследовании появлялась [12: 230].

Введение в научный оборот данного документа началось в начале 2000-х гг. и продолжается по настоящее время [16: 35–53; 18: 189–190; 19: 211], включая данное исследование. В результате обобщения как международно-политической ситуации того времени, так и анализа доступных на данный момент фактов и документов со значительной долей убеждённости можно утверждать, что его возникновение могло стать возможным в результате реализации *усилий*, прежде всего, *польской стороны*. После Локарнской конференции, продолжившей в октябре 1925 г. процесс формирования «правового механизма “подталкивания” Германии на Восток», предполагавший среди прочего территориальные уступки со стороны Польши, маршал Ю. Пилсудский, раскусивший потаённый смысл созданной схемы и обладавший достаточным политическим опытом, начал процесс сосредоточения управления внешней политикой Польши в своих руках. Это ему было необходимо по нескольким причинам. Основной среди них было стремление реализовать сформировавшиеся на тот момент

цель и смысл жизни польского вождя – непременно восстановить «былое величие» любимой «Ойчизны» (Родины), т. е. в границах 1772 г., причём (! – С.М.) за счёт раздела СССР. Собственных сил у него было явно недостаточно, а вот в тандеме с Берлином шансы неизмеримо возрастали, и уж тем более если того «подталкивали» на Восток столь могущественные силы, как талассократические банкиры – директор Английского банка М. Норман и директор Федерального резервного банка США Б. Стронг [17: 85].

Произведя государственный переворот в мае 1926 г., он не стал занимать официальных постов, предпочитая оставаться в тени, но бразды правления страной через преданных людей были крепко сосредоточены в его руках. Для реализации столь амбициозных сокровенных замыслов ему были необходимы надёжные люди, одним из которых стал его молодой соратник по Легионам – полковник Юзеф Бек. Подтвердив свою преданность участием в майских событиях, он в период 1926–1930 гг. был введён в должность начальника кабинета Военного министерства, затем в 1930 г. назначен заместителем премьер-министра, а в ноябре 1932 г. занял ключевую с точки зрения реализации планов вождя позицию министра иностранных дел.

Уже через месяц, в декабре, сочтя Францию ненадёжным партнёром, германofil Пилсудский принял решение о переориентации внешней политики на Германию, для чего германofil Бек подходил как нельзя лучше. Но не тут-то было – Берлин, участник Рейнского пакта в иерархии Локарно, находился на более высокой ступени и сближаться с Варшавой ему было не с руки. Молодой канцлер Гитлер также не имел подобных намерений, однако польский вождь обладал на тот момент неотразимым и беспрюграммным аргументом – трёхкратным численным превосходством вооружённых сил, которым он, не откладывая, не преминул воспользоваться.

Противостояние ефрейтора с маршалом могло стать гибельным для первого, т. к. последний в течение всего 1933 г. жёстко и изощённо шантажировал своего визави, используя целый набор средств, основным из которых была угроза развязывания превентивной войны. Данная угроза была применена им трижды: весной – в конце апреля, осенью – в середине ноября, и, по утверждению польского историка М. Згурняка, в декабре¹ [15: 166]. Если учесть, что военно-политическое давление каждый раз имело своей кульминацией дипломатическое заявление фактически в виде ультиматума, то Гитлеру ничего не оставалось, как пойти на политический мезальянс – сближение и оформление отношений с жаждавшим поквитаться с Россией (в том числе за участие в разделах Польши второй половины XVIII в.) и возвеличить Польшу Пилсудским. 15 ноября агентство Вольфа опубли-

ковало официальное коммюнике, в котором говорилось, что обмен мнениями выявил «единодушное намерение обоих правительств разрешить вопросы, касающиеся обеих стран, путём непосредственных переговоров и в целях укрепления мира в Европе отказаться от применения всякого насилия в отношении друг друга»² [8: 869]. А 26 января 1934 г. глава германского МИД К. фон Нейрат и посланник Ю. Липский заключили «Декларацию о необращении к силе»³, которая почти полностью совпадала с ноябрьским коммюнике [26: 41–42].

Учитывая то обстоятельство, что в предыдущей статье 2005 г. в журнале «Славяноведение» [16] основное внимание автора было сосредоточено на комментарии договора от 25 февраля 1934 г., размещённом на страницах «Правды» и «Известий», а вышеприведённая декларация ранее в исследованиях отдельно не рассматривалась, целесообразно будет на этот раз привести её в полном виде, т. е. опубликованной после ратификации в сеймовом «Дзенике устав Жечипосполиты Польской», и прокомментировать.

«Декларация между Польшей и Германией о необращении к силе, подписана в Берлине 26 января 1934 г.

ОТ ИМЕНИ ПОЛЬСКОЙ РЕСПУБЛИКИ, МЫ ИГНАЦИЙ МОСЦИЦКИЙ,
ПРЕЗИДЕНТ ПОЛЬСКОЙ РЕСПУБЛИКИ,

Для всех и каждому в отдельности, кому об этом следует знать, подвергаем обнародованию:

Двадцать шестого января тысяча девятьсот тридцать четвёртого года в Берлине между правительством Польской республики и правительством Германского рейха была подписана декларация о необращении к силе дословно следующего содержания:

Польское и Германское правительства полагают, что настало время начать новую фазу польско-германских отношений путём прямых сношений между обоими государствами. Вследствие этого они решили установить в настоящей декларации основу для развития этих отношений.

Оба правительства исходят из того факта, что поддержание и укрепление длительного мира между их странами является существенным условием всеобщего мира в Европе. Вот почему они решили положить в основу их взаимоотношений принципы, содержащиеся в Парижском пакте от 27 августа 1928 г., и желают уточнить его применение, поскольку дело идёт о польско-германских отношениях.

Каждое из правительств в то же время констатирует, что принятые им доселе международные обязательства по отношению к другим, не препятствуют развитию их взаимоотношений, не противоречат настоящей декларации и не затрагиваются настоящей декларацией.

Кроме того, они полагают, что настоящая декларация не относится к вопросам, которые по международному праву должны считаться исключительно внутренним делом каждого из обоих государств.

Оба правительства заявляют о своем намерении сноситься прямо по всякого рода вопросам, касающимся взаимоотношений между ними. В случае возникновения между ними спорных вопросов, которые не могли бы быть урегулированы путем прямых переговоров, оба правительства будут искать их разрешения, в каждом отдельном случае и по обоюдному соглашению, иными мирными средствами, подразумевая, что в случае необходимости это не лишит возможности применения той процедуры, которая предусмотрена для таких случаев в других соглашениях, действующих между обеими сторонами. Тем не менее они ни в коем случае не будут обращаться к силе для разрешения таких спорных вопросов.

Созданная вышеуказанными принципами гарантия мира облегчит обоим правительствам важную задачу нахождения для политических, экономических и культурных вопросов решений, основанных на правильной и справедливой координации их взаимных интересов.

Оба правительства убеждены, что таким образом отношения между их странами будут выгодно развиваться и поведут к укреплению добрососедских отношений, что будет иметь благотворные последствия не только для их обеих стран, но также и для других народов Европы.

Настоящая декларация будет ратифицирована, и обмен ратификационными грамотами произойдет в Варшаве в возможно скором времени. Декларация будет оставаться в силе в течение десятилетнего срока, считая со дня обмена ратификационными документами. В случае, если одно из правительств не денонсирует декларацию с предварительным предупреждением за шесть месяцев до истечения этого срока, она будет продолжать оставаться в силе, но в дальнейшем каждое из правительств будет иметь возможность денонсировать её в любое время с предварительным предупреждением за шесть месяцев.

Учинено в двух экземплярах на польском и немецком языках.

Берлин, 26 января 1934 г.

От Польского правительства: *Юзеф Липский,*

От Германского правительства: *барон К. фон Нейрат*

Ознакомившись с вышеприведенной декларацией мы её признаём и признаём справедливыми как в совокупности, так и каждый её пункт, заявляем, что она принята, ратифицирована и подтверждена, и обещаем, что она будет неуклонно соблюдаться.

В подтверждение чего мы издали данный правовой акт, подтверждённый государственным печатью

Варшава 15 февраля 1934 г.

М.П.

Председатель Совета министров

Министр иностранных дел

И. Мосцицкий

Е. Енджевич

Бек» [32: 124].

Таким образом, 15 февраля «Декларация о необращении к силе» была подписана президентом И. Мосцицким, а 24 февраля последовало правительственное заявление за подписью Бека об обмене ратификационными документами [32: 125]. Рассмотрим саму декларацию.

Что и говорить, «документик», используя лексику В.И. Ленина, «презанятнейший», хотя в силу его блеклого, на первый взгляд, вида и содержания он не становился объектом изучения ни в советской, ни в современной российской историографии, являлся своеобразным ключиком к появлению последующего детища польского вождя – польско-германского договора от 25 февраля 1934 г. В первом же абзаце обе стороны, считавшие друг друга в течение более шести веков непримиримыми врагами, вдруг во всеуслышание заявляли о начале новой фазы двусторонних отношений путем *прямых сношений* между собой, для чего в данной декларации должна была быть сформирована ни более ни менее как *основа* для развития этих отношений. Шестьсот лет ничего, кроме вражды и битвы не на жизнь, а на смерть не было, и вдруг наступает новая эра прямых сношений, с чего бы это? Что только в нашей жизни не случается! Будем следовать далее, хотя уже можно понять, что следует пытаться улавливать какие-то тайные, сверхтонкие флюиды.

В данную основу входило условие поддержания и укрепления длительного мира между Варшавой и Берлином как существенного условия всеобщего мира в Европе. Для этого основу польско-германских отношений должны были составить принципы из Парижского пакта 27 августа 1928 г., для чего предполагалось его применение в рамках польско-германских отношений. Таким образом, объединившиеся «закрытые друзья», озабоченные поддержанием и укреплением длительного мира между собой, выставляют это обстоятельство как весомое условие всеобщего мира и где бы вы думали? – в Европе. А за пределы Европы их миротворческие взоры разве не распространяются? Ещё более странно выглядит их стремление использовать для своих миротворческих инициатив шестилетней давности франко-американский и К^о пакт Бриана–Келлога.

Далее новоявленные «закрытые друзья» заявляют, что ранее принятые ими обязательства по отношению к другим странам им отныне не указ. Похоже, намечается прелюбопытнейший сюжет. Ещё более увлекательная картина вырисовывается касательно, на первый взгляд,

обыденного момента – декларация к их внутренним делам никак не относится. Таким образом «закадычные дружки» рука об руку будут решать исключительно *совместные* внешнеполитические проекты.

Поскольку в Европе они намеревались сохранять мир, то их совместные внешнеполитические интересы, возможно менее миролюбивого наполнения, могли быть сосредоточены в противоположном от неё направлении, то есть на Востоке. Для этого они обзавелись намерением сноситься прямо по вопросам возможного взаимодействия между собой в восточном направлении – трогательнейшее единение для решения совместных задач на Востоке. Допуская возникновение спорных вопросов, не поддающихся под урегулирование прямых переговоров, оба правительства снабжались возможностью применения процедуры, предусмотренной для таких случаев в *других* соглашениях, действующих между обеими сторонами, не обращаясь к силе.

Похоже, что основные принципы сотрудничества на восточном направлении новоявленных «заклятых друзей» были уже сформированы и оставалось подвести своеобразный итог в случае его удачного завершения. Удивлённой и умиротворённой Европе предстояло вскоре узреть плоды усилий inferнального тандема в реализации вышеуказанных принципов гарантии мира за её пределами, т. е. на Востоке. По-видимому, вновь созданная новоиспечёнными партнёрами геополитическая реальность должна была облегчить обоим правительствам важную задачу нахождения для политических, экономических и культурных вопросов решений, основанных на правильной и справедливой координации их взаимных интересов. Подтверждением данного предположения является следующий абзац, свидетельствующий об убеждённости обоих правительств в дальнейшем выгодном развитии и укреплении добрососедских отношений, что будет иметь, в свою очередь, благоприятные последствия как для них самих, так и для застывших в немом восторге народов Европы.

Заключительный абзац регулировал технические моменты декларации, касающиеся срока ратификации и места обмена ратификационными документами, десятилетнего срока её действия, условий продления и денонсации, предусматривавших шесть месяцев для предупреждения о первом или второй.

Таким образом, вышеприведённый международно-правовой документ, заключённый в результате беспощадного шантажа маршала Ю. Пилсудского в отношении более молодого и на тот момент «бездомного» апатрида-ефрейтора германского канцлера А. Гитлера, под миролюбивой внешней оболочкой заключал в себе фундамент гря-

дущего тайного военного союза «санационной» Варшавы и нацистского Берлина, направленного на Восток, т. е. против СССР. Учитывая тот факт, что этот сомнительный постшляхетский тандем зародился на берегах Вислы, а не Шпрее, его можно рассматривать в качестве блестящего образчика иезуитского ума западнославянского разлива.

Своеобразным индикатором справедливости данного вывода-предположения мог бы стать более пристальный взгляд на заявленную основу декларации – пакт Бриана–Келлога. Работа над ним началась 6 апреля 1927 г. вследствие инициативы главы Кэ д’Орсе Аристиды Бриана в отношении США заключить двусторонний договор «о вечной дружбе, запрещающий обращение к войне как к средству национальной политики». Ответ последовал лишь 28 декабря от госсекретаря США Фрэнка Биллингса Келлога с предложением заключить договор о «вечной дружбе» не с одной лишь Францией, а «достигнуть присоединения всех главных держав к пакту, посредством которого эти державы отказались бы от войны как орудия национальной политики» [3].

Многосторонний документ ослаблял значение ранее заключенных Францией международных договоров, равно как и наносил ущерб французской системе союзов. Не говоря уже об ударе по престижу Лиги наций. Ей противопоставлялось бы новое объединение европейских государств, подписавших пакт. Французская сторона предложила американцам заложить в договор такие формулировки, которые означали бы отказ не от войны вообще, а лишь от всякой наступательной войны. Новый пакт не должен был упразднить заключенных ранее союзов и аннулировать обязательства, содержащиеся в Уставе Лиги наций, в Локарнских соглашениях и прочих международных актах.

13 апреля 1928 г. Келлог официально представил проект документа, в котором осуждалась война, но не оговаривались никакие санкции против её поджигателей. Проект договора, в том числе и первоначальный, был направлен министрам иностранных дел Великобритании, Германии, Италии и Японии, а также европейским союзникам Франции и в британские доминионы. 27 апреля Германия первой откликнулась и высказалась в пользу американского проекта, и как результат 27 августа 1928 г. «Парижский договор об отказе от войны в качестве орудия национальной политики» был подписан. Местом хранения ратификационных документов был определён Вашингтон, т. е. он действовал вне Лиги наций, где доминировало британское влияние, и по ныне сей документ остаётся в силе [7: 503–506].

Это – то, что находится снаружи, а что же могло быть сокрыто внутри? Как выяснится позже, идея двустороннего миролюбивого пакта была предложена Бриану американским историком, профессором

Джеймсом Томсоном Шотвеллом, но в результате настойчивых усилий Госдепа она превратилась постепенно в многостороннее соглашение⁴. Поскольку США не подписали итоговые документы Парижской мирной конференции, Вашингтонская конференция не в полной мере учла их интересы в Европе, а к созданию Локарнских документов, продолживших формирование правового механизма “подталкивания” Германии на Восток, они хоть и имели косвенное отношение, но в них не присутствовали, то подобного формата документ им был крайне необходим. Во-первых, они под благовидным предлогом формировали параллельно с британской собственную, т. е. американскую, политико-правовую платформу для осуществления своих проектов в Европе. Во-вторых, данная юридическая база позволяла по мере возможностей проводить свою линию и находить международную поддержку для собственных проектов вне рамок Лиги наций. В-третьих, она создавала для США возможность не только оказывать определенное влияние на европейские дела, но и проводить более активную внешнюю политику [38: 377–390].

Таким образом, пакт Бриана-Келлога был положен в основу январской декларации Липски–Нейрата неспроста. Поскольку «правовой механизм “подталкивания” Германии на Восток» был создан на базе британской платформы и предполагал в ходе его реализации отторжение части государственной территории возможно за счёт «польского коридора» в пользу Германии, то альтернативная американская платформа позволяла в перспективе создать международно-правовую базу для воплощения в жизнь честолюбивых планов польского вождя – двинуться со свежеспечённым «дружбаном-ефрейтором» на Восток, но без репутационных и территориальных потерь.

В пользу того факта, что декларация 26 января 1934 г. заложила международно-правовую основу для скрытого польско-германского военного союза, свидетельствует среди прочего отсутствие предоставления гарантий польско-германской границы, что допускало возможность пересмотра территориального статус-кво как обеих сторон, так третьих государств. В отличие от советско-польского договора о ненападении от 25 июля 1932 г. (заключённого всего лишь на 3 года), равно как и принятой дипломатической практики, польско-германская декларация не содержала статьи о прекращении её действия в случае вступления одной из сторон в вооружённый конфликт с третьей страной, что при определённых условиях могло придать ей характер наступательного союза. 21 февраля ТАСС обратило внимание на оценку польско-германской декларации в газете «Роботник», размещённую бывшим польским дипломатом

Б. Эльмером, рассматривавшим её не как пакт о ненападении, а как пакт соглашения [16: 35; 30: 106–108].

Итак, правовая основа для дальнейшего совместного продвижения «закадычно-заклятого» тандема на Восток из обречённой на мир Европы была создана в рамках американской международно-правовой платформы. Но это был лишь первый шаг – намерения, если, конечно, таковые имелись, предстояло теперь продвинуть с целью дальнейшей реализации. Не обиделась ли Британия? Нет, не обиделась. Глава Форин-офис Д. Саймон 29 января 1934 г. поздравил польского посла в Лондоне К. Скирмунта и заочно Бека от имени английского правительства и высоко оценил политику, приведшую к подписанию декларации 26 января 1934 г. Он сообщил, что передал такие же поздравления Гитлеру [1: Оп. 1. Д. 80. К. 61–64; 16: 40].

А что же изощрённый западнославянский иезуитский ум? Он не дремал и продвигался как минимум по двум направлениям. Министр Бек, не обращая внимания на злопыхателей, в частности на французскую прессу, трубившую налево и направо о заключённом параллельно с декларацией «секретном польско-германском соглашении»⁵, взял да и нанёс 13–15 февраля визит в Москву. Беседуя с главой НКВД СССР М.М. Литвиновым, польский министр в связи с отсутствием в тексте декларации статьи о прекращении действия соглашения в случае агрессии Германии со смехом заметил, что ему приписывают секретное соглашение с Берлином, но даже и не подумал опровергнуть эти утверждения. А на шутовское замечание Литвинова о том, что Польша заключила с СССР пакт на 3 года, а с Германией – на 10 лет, слегка замешкавшись, обратил внимание, что это можно исправить. На завершившем визит банкете Бек никак не отреагировал на тост-предложение Литвинова присоединиться к платформе миролюбивых сил [9: 134].

После возвращения Бека в Польшу обозначилось второе направление. Накануне ратификации пакта Липски–Нейрата, в начале третьей декады февраля 1934 г. председатель иностранной комиссии сейма сенатор Януш Радзивилл озвучил единомышленникам из консервативной краковской газеты *Czas*, что «на пользу Польше пошло изменение обстановки в Германии и угроза СССР со стороны Японии». В особенности обращало на себя внимание следующее его высказывание: «Нам помогло то обстоятельство, что наш великий восточный сосед, столь грозный для нас несколько лет тому назад, все более запутывается в дальневосточной политике, *результаты которой сегодня трудно предвидеть!* (курсив мой. – С.М.)». 22 февраля 1934 г. Радзивилл прибыл в Вильно, где встретился с политическим активом из числа местной администрации и польской аристократии

и обрисовал новые политические перспективы на Востоке в связи с ратификацией «пакта Липски–Нейрат» [20]. 24 февраля, как отмечалось выше, произошёл обмен ратификационными грамотами, а уже 25 февраля, если верить «Правде» и «Известиям» от 20 апреля 1935 г. в купе с «Бурбоннэ републикен», был подписан польско-германский секретный договор – объект нашего исследования. В целом алгоритм действий был выбран весьма ловко – во время встреч с наркомом Литвиновым, имевших место, как мы помним, 13–15 февраля, министр Бек мог смело смотреть тому в глаза, так как секретный договор ещё не был подписан.

Далее совершим краткий обзор наиболее значимых политических сил, действовавших тогда на международной арене, о которых шла речь в предыдущей статье, опубликованной в 2005 г. в журнале «Славяноведение» и перейти непосредственно к предмету нашего исследования. Мнение автора сводилось к тому, что появление данного документа могло осуществиться в результате политического развития событий в рамках *британской международно-правовой платформы* и действовавшего в её рамках «правового механизма “подталкивания” Германии» на Восток [16].

Внешняя политика не только Польши, но и Германии в межвоенный период всё ещё зависела от великих держав, прежде всего Великобритании, которая в результате создания Версальско-Локарнской системы лишь упрочила свои позиции на международной арене. Первейшей задачей британских правящих кругов было сохранение источников благосостояния, находящихся на бескрайних просторах Британской империи. К 1930 г. в европейских странах было сосредоточено лишь 8 % британских заграничных инвестиций, в то время как в империи таковых было размещено 59 % [16: 38; 41: 5], и их защита была первейшей задачей британского политического руководства. Основную угрозу для них излучали Германия и Япония, правящие круги которых были одержимы идеей захвата колоний. Поэтому вполне понятной и естественной задачей для британских стратегов становилась переориентация захватнических устремлений Берлина и Токио таким образом, чтобы они реализовались не за счёт империи.

Наиболее предпочтительные шансы стать объектом их захватнической политики были у СССР, находившегося вне пределов Версальско-Локарнской системы. С объективной точки зрения переориентация в Европе германской экспансии в восточном, т. е. советском, направлении стала одной из приоритетных задач Лондона. Такая перспектива всё более открыто обсуждалась в среде британской элиты – в Сити, в аристократических клубах, на загородных обедах в Клайвдене – ре-

зиденции владельцев газеты Times Асторов, которых навещал среди прочих и глава Форин-офис Д. Саймон [16: 39; 29: 41].

Об этом же толковал в узком кругу приближённых и президент США Франклин Делано Рузвельт. Министр внутренних дел США Гарольд Икес в 1935 г. записал: «По информации президента, существует взаимопонимание между Германией и Японией, которое ведет к совместной игре против России. Великобритания, всегда беспокоящаяся за сохранность империи, с неприязнью усматривает угрозу, таящуюся в этой комбинации для британских колоний, особенно в Азии, и поэтому решила прийти к какому-либо взаимопониманию с Гитлером» [16: 39; 37: 494]. Таким образом, британские правящие круги, заботясь о защите своих интересов в колониях, не могли в то же время не уделять серьёзного внимания континентальной, и не в последнюю очередь Восточной, Европе. Взаимозависимость колониальной и европейской политики Лондона получила еще в начале XX в. своё идейно-теоретическое обоснование в работах английского «классика геополитики» Хэлфорда Маккиндера [16: 39; 39: 55–58, 77–78, 83; 40]. Именно с этой целью и был создан «правовой механизм “подталкивания” Германии на Восток».

Маршал, адекватно сориентировавшийся сразу после Локарно и фактически узурпировавший власть в Польше, сам оставаясь в тени, расставив своих людей на ключевые государственные посты и полковника Бека – на пост главы МИДа, заставил путём шантажа германского канцлера Гитлера оформить 26 января 1934 г. наступательный тандем под внешне миролюбивой вывеской «Декларация о необращении к силе». Дорога на Восток вновь открытым друзьям-партнёрам была фактически открыта, закулисные британские режиссёры в лице главы МИДа Д. Саймона, поздравившего 29 января посла К. Скирмунта, стало быть, не возражали против навязавшего себя вновь открытого партнёра. Теперь предстояло под хитромудрой вывеской соорудить не менее затейливый *правовой механизм* для предстоящего взаимодействия, что, судя по всему, и было осуществлено 25 февраля 1934 г.

В статье, опубликованной в журнале «Славяноведение», был подробно рассмотрен процесс создания алгоритмов неофициального взаимодействия британских правящих кругов с гитлеровской Германией на пути подталкивания её на Восток. Они включали визит А. Розенберга в Лондон и его встречу с главой Форин-офис Джоном Саймоном в мае 1933 г., утечку информации в прессу, организованную через секретаря германского посольства в Лондоне О. Бисмарка, о достижении взаимопонимания между ними; о посещении Германии летом того же года секретарём кабинета министров и комитета им-

перской обороны, «человеком-секретом» Морисом Хэнки и предоставлении им правительству «Заметок о внешней политике Гитлера в теории и на практике», в которых сообщалось, что восточные планы фюрера в значительной степени соответствовали внешнеполитическим предпочтениям британских правящих кругов – Гитлер получал «жизненное пространство» на Востоке, отказавшись в то же время от претензий на имперскую собственность Великобритании; об установлении неофициального канала связи по линии британской разведки бароном Вильямом де Роппом, который с определенной регулярностью навещал нацистских чиновников, в частности А. Розенберга, и координировал взаимообмен информацией о нюансах германской внешней политики с учётом обоюдных интересов. Этот так называемый второй канал исправно функционировал до осени 1939 г., т. е. вплоть до начала Второй мировой войны. Англо-германские контакты не нарушали устоявшейся в европейской политике иерархии и не выходили за рамки Версальско-Локарнской системы, что наиболее ярко проявилось в проекте «пакта четырех»⁶ [16: 39–40].

Поскольку польский вождь был всецело одержим идеей предстоящего раздела СССР и в его восточных планах присутствовало японское направление (о чём не забывали информировать свои правительства западные дипломаты⁷), то наряду с германским был также добросовестно изучен процесс создания алгоритмов неофициального взаимодействия с правящими кругами Японии. Начало его можно было отнести к неудачной поездке Пилсудского летом 1904 г. в Токио с предложением ведения террористической антироссийской деятельности. Зато 8 июля 1934 г. принц Кайо привёз ему личное послание от бывшего военного министра Садао Араки, в котором тот сообщал о намерении напасть на Советский Союз, используя в качестве повода КВЖД, но жаловался на слабость японской авиации, из-за чего войну приходилось отложить, по крайней мере, до марта-апреля 1935 г. Несмотря на это, Араки предлагал: «Если Польша и Германия дадут Японии заверения в том, что они выступят против СССР на следующий день после начала военных действий между Японией и СССР, то Япония достаточно подготовлена, чтобы начать войну немедленно, не дожидаясь срока окончания реорганизации и усиления своей авиации» [16: 42; 24: 81]. Следует обратить внимание на тот факт, что для самурайского кодекса чести данное слово трактовалось выше письменного договора, что и привело к активизации планов польского вождя наряду с тайным германским, *тайного японского направления* деятельности.

В период с 1934 г. до весны 1935 г. в Варшаве втайне действовали совместные польско-германская, во главе с генералом К. Фабрыцы,

и польско-японская, во главе с начальником Главного штаба Войска Польского генералом Я. Гонсиоровским, военные комиссии. Их деятельность была всецело посвящена вопросам предстоящего взаимодействия. С германской стороны комиссию возглавлял генерал В. Райхенау, а с японской стороны – генерал Т. Нагата [13; 14]. Для обсуждения военных аспектов сотрудничества предусматривалось провести в октябре 1934 г. в Берлине переговоры, куда бы прибыла японская военная миссия во главе с Нагатой и Гонсиоровским [24: 81].

18 октября 1934 г. И.В. Сталин получил информацию о внешней политике Польши, из содержания которой следовало, что мнение о возможности войны между Японией и Советским Союзом прочно утвердилось в официальных кругах Варшавы. Именно с расчётом на неё польское правительство планировало свой внешнеполитический курс, намереваясь договориться с Германией. Между Пилсудским и Гитлером обозначилось сближение по таким вопросам, как поддержка аншлюса Австрии, присоединение части территории Чехословакии под предлогом объединения немцев, и главное – на основе враждебного отношения к СССР. Японская дипломатия неустанно поддерживала убеждённость Варшавы в неизбежности советско-японского вооружённого конфликта. Советская разведка также сообщала: «В настоящий момент между Польшей и Германией в Берлине ведутся переговоры о совместных действиях в Европе на случай осложнения на Дальнем Востоке» [16: 43; 24: 111–117].

К осени 1934 г. польско-японское военно-техническое сотрудничество шло уже полным ходом. Советник полпредства СССР в Варшаве Б. Подольский сообщал 11 ноября замнаркома Б.С. Стомонякову, что японский генштаб осуществляет широкое наблюдение за СССР из Прибалтики и Польши, а «польская военная и металлургическая промышленность имеет японские заказы». Во многом благодаря активности польского торгового атташе в Токио Травинского Япония разместила в Польше заказ на изготовление 100 тыс. винтовок, а также приобрела у неё лицензию на истребитель П–7. Её предприятия выполняли военные заказы на стальной прокат, бронеплиты, трубы и турбины [9: 828–829; 16: 44].

Реализация взаимных с Польшей планов военным путём на Востоке предполагала потребление значительных объемов нефтепродуктов, а у Германии, как известно, с этим было непросто, но при наличии доброжелательных заинтересованных лиц вопрос создания стратегического нефтяного резерва был решён. Американский консул в Гамбурге Эрхардт докладывал в Берлин послу В. Додду, что в июле 1934 г. рейхсминистерство экономики представило международным концернам («Шелл», «Англо-першн», «Стандард

ойл») план, по которому в Германию предполагалось ввезти 1 млн т нефтепродуктов в кредит на сумму около 250 млн долл. Цель данного приобретения не была тайной для американского дипломата. С исключительно профессиональной проницательностью он объяснил создание этого «национального резерва – на крайний случай или, говоря другими словами, на случай войны». Поставку предусмотренного соглашением контингента предполагалось осуществить в течение четырёх месяцев после оплаты, для чего 1 ноября 1934 г. в Берлине было подписано англо-германское соглашение. В период с ноября 1934 г. по апрель 1935 г., согласно обязательствам нефтяных компаний, нефть была поставлена, и у рейха появился столь желанный стратегический запас. Это позволяло гитлеровцам закупать вооружение и существенно активизировать подготовку к войне [16: 44; 35: 323–325].

К середине февраля 1935 г. многие информированные наблюдатели настолько были уверены в том, что Гитлер с Пилсудским готовят войну против СССР, что не стеснялись говорить об этом польским дипломатам. В частности, этой возможностью воспользовалась 16 февраля 1935 г. известная французская журналистка Ж. Табуи в беседе с пресс-референтом польского посольства в Париже А. Узнанским, по мнению которого оценки, высказанные ею, отличались необыкновенной откровенностью. Табуи подчеркнула, что после январской декларации 1934 г. компетентные французские политические круги полностью перестали считаться с возможностью существенного улучшения взаимоотношений Франции и Польши, причём этой же оценки придерживались и широкие круги общественности [1: Оп. 1. Д. 79. К. 82; 16: 45].

Одной из причин этих изменений Табуи считала некое тайное польско-германское соглашение, которое якобы было заключено в дополнение к декларации 26 января 1934 г., а также противодействие со стороны польского МИД «во всех сферах французской политики». Французская журналистка также говорила о слухах, курсировавших во французском правительстве, о возможном совместном польско-германском нападении на Советский Союз [1: Оп. 1. Д. 79. К. 83–85; 16: 45].

Одновременно продолжала усиливаться напряжённость в отношениях СССР и Японии. К концу марта 1935 г. в Москве посчитали необходимым предпринять шаги, направленные на устранение возможного предлога, который можно было бы использовать для развязывания советско-японского конфликта. 23 марта 1935 г. было подписано соглашение о выкупе японским правительством Китайско-Восточной железной дороги [11: 590; 16: 46].

К апрелю 1935 г. совместное польско-германское взаимодействие в области «восточных планов» настолько стало заметным, что о нём информировали свои руководства европейские дипломаты. В частности, австрийский посланник в Праге Марек направил главе своего МИД доклад «Положение и развитие гитлеровской системы (к концу марта 1935)». Этот доклад был подготовлен на основе данных, полученных Марекком через посредника от доктора Отто Штрассера. Со ссылкой на утверждения Геринга и Розенберга в нём отмечалось «стремление Польши при активном участии Японии, при посильном участии Германии отделить от России Украину; осуществление этой акции обусловит сотрудничество между Польшей и Венгрией против Закарпатской Украины, при благосклонной подстраховке со стороны Германии. Польша заявила, что при взаимном исполнении обязательств она согласна с возвращением Данцига и полосы сочленения с Восточной Пруссией» [16: 46; 21: 46–49].

Постепенно приближалось время подводить итоги: совместными, в том числе польско-германскими, усилиями проект Восточного пакта был похоронен; после возвращения из Варшавы генерала Харута и закупки лицензии у Польши на производство истребителя П-7 в Японии полным ходом шла реорганизация ВВС; на Дальнем Востоке участились провокации на советской границе; Берлин запасал впрок долгожданный «национальный резерв» нефти. Теперь можно было переходить к непосредственному военному взаимодействию.

Газета L'Echo de Paris воспроизвела 7 апреля 1935 г. сообщение базельской газеты National Zeitung, согласно которому 25 офицеров рейхсвера отправились в Варшаву в качестве военных инструкторов польской армии [5: 8. IV. 1935; 16: 47]. Ожидалось также прибытие в Берлин 70 японских офицеров для координации деятельности с германским командованием [6: 324; 16: 47]. Проблемы координации по вопросам военного сотрудничества начинали приобретать актуальность, так как вторжение Японии в Россию с востока предполагалось, по некоторым данным, в течение второй половины 1935 г.⁸

Одновременно Гитлер в течение февраля–апреля 1935 г. начал тонкую игру по созданию польско-германского «воздушного пакта». На свой лад интерпретировав лондонское соглашение от 1 февраля 1935 г.⁹, фюрер на обеде, проходившем 12 февраля у папского нунция Цезаря Орсениго, предложил польскому послу Липскому присоединиться к «воздушному пакту» [16: 48; 30: 234; 42: 162]. В Варшаве эту идею восприняли с интересом. 21 февраля польский посол передал Нейрату «высокую оценку» Беком «искреннего предложения канцлера рейха».

25 апреля 1935 г. проект создания польско-германского «воздушного пакта» вышел на качественно новый этап. В этот день Липский встретился с новоиспечённым командующим нацистским люфтваффе Г. Герингом в его охотничьей резиденции Шорфхейде. «Железный» Герман в свойственной ему манере сразу взял быка за рога и заявил польскому дипломату, что фюрер поручил ему осуществление *специальной* опеки над польско-германскими отношениями независимо от обычных дипломатических контактов. Заметив, что эта новость слегка ошеломила гостя, хозяин любезно пояснил, что речь вовсе не идёт о недоверии Гитлера к Нейрату, а просто чиновники германского МИДа «не слишком корректно проводят линию канцлера в отношении Польши». Затем он подчеркнул, что проводимая политика «продиктована отнюдь не тактическими соображениями, а следует из *очень глубокой* (курсив мой. – С.М.) трактовки этой проблемы. На этом направлении канцлер не допустит каких-либо вывертов». Геринг упомянул об «опасности, грозящей Польше и Германии со стороны СССР», и заметил, что в связи с ней проблемы «коридора» в польско-германских отношениях вовсе не существует. В заключение разговора собеседники согласились, что нынешний уровень проблем двусторонних отношений предполагает их обсуждение между Гитлером и Беком, а факт визита польского министра иностранных дел в Берлин следует предать широкой огласке [16: 48; 30: 234; 42: 162].

Через неделю, 3 мая, Нейрат, выслушав пояснения Липского касательно двузначной позиции Польши в Женеве, заметил, что фюрер буквально несколько часов назад вспоминал «о необходимости поддерживать дружбу с Польшей», после чего дипломаты перешли к обсуждению деталей предстоящего визита в Берлин польского министра иностранных дел. Завершив беседу, Липский почти сразу же поспешил в Шорфхейде, чтобы от имени Бека выразить Герингу удовлетворение в связи с его новым статусом опекуна над польско-германскими отношениями, а также сообщить о согласии главы польского МИДа нанести визит Гитлеру [16: 48; 30: 510–514; 42: 186].

Польские чиновники во дворце Брюля¹⁰, сердцем чужавшие тонкости замыслов своего руководства, имели возможность предвкушать – заключение польско-германского «воздушного пакта» можно было считать вопросом времени. Не сегодня так завтра Варшава окончательно договорится с Берлином, и тогда содержавшееся в сентябрьском 1933 г. докладе экс-министра иностранных дел князя Э. Сапеги утверждение о готовности «режима санации» к совместному польско-европейскому хозяйственному освоению Сибири [10: 6.09.1933; 12: 122–123] может воплотиться в жизнь. Фигура бли-

жайшего гитлеровского сподвижника, премьер-министра Пруссии и по совместительству командующего люфтваффе Геринга была столь внушительна и могуча, что вряд ли у кого-то могли возникнуть сомнения относительно успешного завершения возглавляемого им предприятия.

В этом месте в предыдущей статье в «Славяноведении», посвященной данной проблеме, следовал риторический вопрос касательно отнюдь не фантастического характера документа, опубликованного на первых страницах центральных советских газет. Однако на сегодняшний день в результате процесса рассекречивания российских архивов на свет появился документ, которому, собственно, и посвящено данное исследование, как оказалось предшествовавший публикациям и в советской прессе, и в «Бурбоннэ републикен». Речь идёт о письме французского МИДа председателю Комиссии по иностранным делам Сената Франции А. Беранже с приложением текста польско-германского договора от 25 февраля 1934 г., но в более полном виде.

Письмо от 4 апреля 1935 г., подписанное чиновником с Кэ д'Орсэ с неразборчивой подписью, стало реакцией на информацию от вышеупомянутого председателя Беранже о публикации данного договора в парижском еженедельнике «Экуте-муа». В нём содержание договора ставилось под сомнение и фактически дезавуировалось ввиду того, что часть его статей противоречила духу заявлений маршала Пилсудского, беспокоившегося о проведении независимой внешнеполитической линии Польши. В особом противоречии с ним, по мнению автора письма, находились статьи 2 и 6, устанавливавшие бы «подлинный протекторат Германии над Польшей». Пожалуй, следует ознакомиться с текстом самого письма.

«Письмо МИД Франции председателю Комиссии по иностранным делам Сената Франции А. Беранже о публикации парижским еженедельником «Экуте-муа» секретного германо-польского договора от 25 февраля 1934 г. (с приложением текста договора)

Париж

4 апреля 1935 г.

Господин председатель,

Вы любезно сообщили мне о публикации парижским еженедельником «Экуте-муа» текста так называемого секретного договора между Германией и Польшей.

Имею честь довести до Вашего сведения, что нет никакой информации, поступившей для ознакомления в мой департамент, которая позволяет придать какое-либо значение документу, воспроизведённому вышеназванной газетой.

Необходимо отметить, в частности, что содержание статей 2, 5 и 6 находится в таком полном противоречии с постоянным беспокойством маршала Пилсудского по сохранению свободы действий и решений своей страны, что представляется невозможным допустить, чтобы польское правительство подписалось под подобными статьями. В самом деле, конечно, такие положения как те, что фигурируют в статьях 2 и 6, повлекли бы подлинный протекторат Германии над Польшей.

Примите, господин председатель, уверения в моем высочайшем почтении.

[подпись неразборчива]

Приложение

Германо-польский договор от 25 февраля [1934] г.

Президент Польской республики и

Президент Германской империи

Заинтересованные, прежде всего, в укреплении мира для свободного развития их государств;

сылаясь на декларацию польского и германского правительств от 26 января 1932¹¹ г., исполненные уважения к правам каждого государства, но также верные принципу, позволяющему народам распоряжаться самими собой;

принимая во внимание события, разворачивающиеся в настоящее время в мире, и обязанность не допустить, чтобы эти события нарушили всеобщий мир и преимущественно мирное развитие их отношений;

убежденные в том, что такие угрозы могут быть устранены только в результате взаимопомощи между их государствами, полные решимости заключить договор, который будет гарантировать укрепление их взаимоотношений, назначили полномочных представителей, а именно:

президент Польской республики – посла¹² Польши в Берлине,

президент Германской империи – министра иностранных дел рейха,

которые, после обмена своими неограниченными полномочиями, представленными в правильной и надлежащей форме, составили и подписали следующие статьи:

Статья 1

Высокие договаривающиеся стороны обязуются договариваться по всем вопросам, могущим повлечь за собой для одной и для другой международные обязательства, и постоянно проводить в жизнь политику эффективного сотрудничества.

Статья 2

Польша обязуется во внешних отношениях принимать решения только в соответствии с мнением германского правительства и защищать в любом случае интересы этого правительства.

Статья 3

В случае возникновения международного события, угрожающего статус-кво, высокие договаривающиеся стороны обязуются общаться между собой, чтобы договариваться о мерах, которые они могли бы счесть полезными для принятия.

Статья 4

Высокие договаривающиеся стороны обязуются объединить СВОИ ВОЕННЫЕ, экономические и финансовые УСИЛИЯ¹³ для отражения любой неспровоцированной агрессии и поддерживать друг друга в случае, если одна из них подвергнется нападению.

Статья 5

Польское правительство обязуется обеспечить свободный проход по своей территории германским войскам в случае, если эти войска будут призваны ответить на провокацию, исходящую с Востока или Северо-Востока.

Статья 6

Правительство Германии обязуется гарантировать всеми силами и средствами, которыми оно располагает, неприкосновенность польских границ от любого агрессора.

Статья 7

Высокие договаривающиеся стороны обязуются принять меры экономического характера, могущие представлять общий и частный интерес, меры, способные усилить эффективность их совместных оборонительных мероприятий.

Статья 8

Настоящий договор будет действовать на протяжении двух лет, начиная со дня, когда произойдет обмен ратификационными документами. Он будет рассматриваться возобновлённым на такой же срок в случае, если ни одно из двух правительств не расторгнет его, предупредив за шесть месяцев до истечения этого периода. Впоследствии каждое правительство будет иметь право расторгнуть его, заявив об этом за шесть месяцев до истечения двухлетнего периода.

Составлен в двух экземплярах, один на польском языке, второй на немецком языке.

Берлин, 25 февраля 1934 г.»¹⁴ [25: 2–5].

В целом содержание статей из секретного польско-германского договора от 25 февраля 1934 г. в «Экуте-муа» совпадало с опубли-

кованным в центральной советской прессе 20 апреля 1935 г. за исключением преамбулы, где указаны президенты Польши и Германии, а также их доверенные лица – посланник Ю. Липский и министр К. фон Нейрат. Это и было творение иезуитского ума западнославянского разлива, расчётливо подписанное на следующий день после ратификации декларации от 26 января 1934 г. доверенными лицами президентов И. Мосцицкого и П. фон Гинденбурга. Учитывая высшую степень секретности данного документа, его ратификация прошла в какой-нибудь особо замысловато-замаскированной форме, либо без неё и вовсе обошлись, а имел место обмен личными письмами между польским и германским вождями, о чём упомянул 20 апреля 1934 г. в беседе с французским послом Ш. Альфаном нарком М.М. Литвинов [9: 278].

Что касается пренебрежительного отзыва неизвестного французского мидовца, отправленного председателю Беранже, в нём не было ничего удивительного, так как маршал умел «шифроваться» так, что даже многие из его соратников и видных чиновников в Варшаве ни о чём не догадывались¹⁵. В то же время из изложенной выше информации среди прочего нам стало известно о специальной опеке над польско-германскими отношениями, порученной фюрером командующему люфтваффе Герингу, и о переданном через Липского чувстве удовлетворения этим фактом со стороны министра Бека; специальной опеке над двусторонними отношениями со стороны военного человека – маршала Геринга, в отношении которой глава польского МИДа Бек выражает через посланника Липского чувство удовлетворения. Другими словами, официальное лицо № 1 Польши в Германии, которым являлся посланник Липский, опекается военным человеком, командующим люфтваффе Германом Герингом в контексте грядущего на тот момент совместного польско-германского «воздушного пакта», зародившегося с лёгкой руки Гитлера в недрах чертога папского нунция Цезаря Орсениго. Что это, как не наглядное подтверждение 2-й и 6-й статей рассматриваемого нами договора?

Кроме того, следует иметь в виду сходство декларации от 26 января и данного договора касательно их скрытого, т.е. сокровенного, если угодно, иезуитского содержания. Как известно, декларация имела основу для сокровенных совместных польско-германских намерений, предполагающих свою реализацию на Востоке, в рамках американской международно-правовой платформы, т.е. пакта Бриана – Келлога. Так и польско-германский договор от 25 февраля являлся прямым продолжением, если угодно, конкретизацией изложенной в декларации основы, но на перевернуто-скрытый – иезуитский – манер.

На первый взгляд, это договор между двумя партнёрами о тесном политическом сотрудничестве в мирное время, который автоматически превращается в военно-политический союз при форс-мажорных обстоятельствах. Однако при более пристальном изучении становится ясно, что он мог быть своеобразным графиком предстоящих совместных действий, прямо зависящих от грядущей активности третьей стороны. В соответствии с вышеприведённым текстом данный стратегический замысел должен был проводиться в три этапа. Предполагалось, что действия на первом этапе происходили бы в мирное время и заключались в тесном сотрудничестве и взаимодействии по внешнеполитическим вопросам, исключая всякую самостоятельность с польской стороны. Этот этап совпадал с 1-й и 2-й статьями договора.

Второй этап предполагал совместные действия в условиях, когда, согласно статье 3, могли произойти события, угрожавшие статус-кво, например, нападение Японии на СССР или «восстание» населения на его западных границах. В этом случае «высокие договаривающиеся стороны» снеслись бы друг с другом, чтобы договориться о мерах, которые они сочли бы полезным предпринять». Объединив свои военные и экономические силы для отражения неспровоцированного нападения (указание на это было призвано на всякий случай засвидетельствовать оборонительный характер создававшегося союза), «высокие договаривающиеся стороны» оказали бы друг другу поддержку: германским войскам разрешалось без каких-либо помех пройти по польской территории для нанесения удара по западным и северо-западным территориям СССР. Военные действия этого немирного этапа на территории Литвы и Советской Украины завершила бы статья 6 договора, в соответствии с которой Германия гарантировала всеми средствами нерушимость новых польских границ.

Затем вновь наступил бы мирный этап, соответствующий 7-й статье договора. Её можно интерпретировать как переход к мерам по перекройке карты Европы – речь могла идти о том, что Данциг отходил бы Германии, а Украина – Польше. По всей видимости, освоение новых территорий создало бы новые экономические и военно-политические условия для нацистов и их польских партнеров и потребовало усиления «эффективности их общих оборонительных средств». Данная статья, кстати, определённым образом перекликалась с 5-м и 6-м абзацами декларации от 26 января, намекая на грядущую пользу от взаимной дружбы вне территории Европы в будущем.

Тем не менее следует иметь в виду, что рассматриваемая нами публикация в «Экуте-муа», сопровождаемая комментарием парижского МИДа для председателя сенатской комиссии по иностранным делам А. Беранже от 4 апреля 1935 г., тогда лишь привлекла внимание

определённой части французских правящих кругов, не склонных придавать ей серьёзного значения. Только через две недели, когда его повторно опубликует «Бурбоннэ републикен», а через два дня – 20 апреля (в день рождения фюрера) – разместят на первых страницах центральные советские газеты «Правда» и «Известия» (а последняя была, как известно, печатным органом Верховного Совета), отношение к данному документу изменится кардинальным образом. Изменится настолько, что французские правящие круги сочтут необходимым обезопасить себя от грядущего тайно подготавливаемого на иезуитский манер возвышения Польши (а значит, ущемления великодержавного статуса Франции) путём заключения в течение мая 1935 г. советско-французского и советско-чехословацкого договоров о взаимопомощи, что означало частичную реализацию негативного пророчества официальной «Газеты польской» от 4 января 1935 г. о «тройственном франко-советско-чехословацком союзе»¹⁶. Посредством этих двух международно-правовых документов будет создана *система малой коллективной безопасности*, которая сделает невозможным соблюдение устной польско-германо-японской договорённости касательно нападения Германии и Польши на западные границы СССР после атаки Японии на советский Дальний Восток.

Что же касается русинов, то их черед быть вовлечёнными во внешнеполитические планы режима «санации» наступит позднее, когда осенью 1938 г. II Управление Главного штаба Войска Польского (так называемая двойка) во взаимодействии с венгерскими коллегами предпримут попытку посредством операции «Лом», проведённой диверсионными подразделениями, установить общую польско-венгерскую границу в Подкарпатской Руси, чтобы создать так называемый нейтральный блок – интермариум. А для этого «санационным» стратегам было необходимо обязательно завладеть Ясинской железной дорогой. Однако гитлеровский Берлин, сделавший к тому времени свою ставку на сотрудничество с Будапештом, Варшаве этого не позволит – формально польско-венгерская граница установлена будет, но без Ясинской железной дороги, и русины Подкарпатской Руси будут переданы из чехословацкой в венгерскую юрисдикцию.

Примечания

1. Германский канцлер был настолько измучен беспощадным натиском со стороны польского вождя, что иногда срывался и позволял себе в общении с непольскими дипломатами нелестные метафоры относительно Польши. В частности, советский полпред во Франции В.С. Довгалецкий в своём донесении 3 декабря 1933 г. проинформировал НКВД СССР о телефонной беседе с главой

МИД Ж. Поль-Бонкуром. Тот, внимательно перечитав запись посла в Берлине А. Франсуа-Понсе, увидел в ней одну коротенькую фразу, в которой Гитлер «в туманной и малопонятной форме упомянул о государстве-тампоне на востоке Европы». Бонкур поручил послу в Варшаве Ж. Лярошу узнать у министра Бека, не говорилось ли чего-нибудь подобного во время польско-германских переговоров. Тот ответил отрицательно. На вопрос же Ляроша, что именно мог Гитлер подразумевать под «государством-тампоном» в беседе с Франсуа-Понсе, Бек ответил: «Вероятно, Гитлер имел в виду Польшу» [8: 700].

2. Не исключено, что приводимый М. Згурняком факт третьей угрозы применения превентивной войны со стороны польского вождя, имевшей место в декабре, был вызван стремлением фюрера избежать оформления отношений ненавистной ему инициативы на дипломатическом уровне, ограничившись заявлением в агентстве Вольфа. Маршалу, у которого, как получается, была заготовлена «многосоходочка», естественно это не могло понравиться, и он, убрав на время пряник, извлёк на свет кнут.

3. В отечественной историографии данный документ было принято называть не иначе как «пакт Липский-Нейрат» или «Декларация о мирном разрешении споров и неприменении силы между Польшей и Германией».

4. Первоначальный двусторонний проект был составлен совместно с юристом Салмоном Левинсоном и поддержан сенатором Уильямом Э. Борахом. Многосторонним он стал благодаря Уильяму Ричардсу Каслу-младшему, которому удалось преодолеть французские возражения посредством переговоров с французским послом Полем Клоделем [33: 132–264; 36: 114].

5. В частности, в педалировании данной темы отметились «L'Echo de Paris» и «Le Populaire» [2: 18–19; 16: 40].

6. Речь идет о политической инициативе западноевропейских держав, обнародованной в середине марта 1933 г. и предполагавшей создание так называемого директората в составе Англии, Франции, Италии и Германии, который выступал бы в роли вершителя политических судеб Европы. Среди прочего этот проект был рассчитан на то, чтобы в рамках Версальско-Локарнской системы произвести на основе 19-й статьи Устава Лиги наций ревизию-приращение восточных границ Германии мирным путём за счёт Польши или Чехословакии и подтолкнуть тем самым Германию к агрессии на Восток [16: 40].

7. В частности, американский посол в Москве В. Буллит писал в июле 1934 г. государственному секретарю К. Хэллу, что Пилсудский отказывается участвовать в Восточном пакте, поскольку ожидает советско-японскую войну и хочет оставить для себя на Востоке свободу

действий, чтобы «воссоздать там прежнее величие Польши» [34: 504].

8. Послу Додду сроки предполагаемой агрессии назвал Буллит. Сталину же из кругов, близких к Чан Кайши, поступала информация о том, что Япония собиралась начать бомбардировки Владивостока ещё в июне-июле 1934 г. [6: 464; 16: 47; 24: 24].

9. Это соглашение, подписанное министрами иностранных дел Франции и Англии – П. Лавалем и Д. Саймоном, предусматривало расширение в рамках Локарно сотрудничества в воздушной области при условии возвращения Германии в Лигу наций. Гитлер возвращаться в Лигу не собирался и намеревался реализовать авиационное сотрудничество с Варшавой в «восточном направлении».

10. Особняк в Варшаве, расположенный на улице Вежбовая, где находилось Министерство иностранных дел Польши.

11. 1932 г. указан ошибочно, имеется в виду польско-германская декларация о необращении к силе от 26 января 1934 г.

12. Юзеф Липский на тот момент (25 февраля 1934 г.) пребывал в должности посланника.

13. В русском переводе слова «свои военные усилия» использованы строчные буквы, а во французском тексте – прописные.

14. В аннотации указано, что письмо – подлинник, а договор – копия. Оба документа на французском языке, перевод с французского языка был сделан Л.И. Кудрявцевой.

15. Так, 12 апреля 1934 г. на секретном совещании в Генеральном инспекторате ВС Пилсудский разыграл целое представление, потребовав под страхом увольнения от присутствовавших генералов Соснковского, Рыдза-Смиглого, Каспшицкого, Фабрицы, Осиньского, Гонсёровского, Конажевского, министра Бека, его зама Шембека, а также полковников – Глабиша, Варты и Венды ответа в письменном виде на вопрос: «Которое из двух государств – Россия или Германия – несёт бóльшую опасность для Польши и скорее может стать опасным?» Он освободил от необходимости дать письменный ответ только Бека [31: 18].

16. 4 января 1935 г. ТАСС сообщало из Варшавы, что московский корреспондент «Газеты польской», характеризуя внешнюю политику СССР за 1934 г., писал, что она «зашла в тупик», из которого существует два выхода: либо почётное отступление на линию пактов о ненападении, либо тройственный франко-советско-чехословацкий союз, «ценность которого весьма сомнительна» [4: 11–12]. Учитывая тот факт, что создание *системы малой коллективной безопасности* фактически предотвратило развязывание антисоветской агрессии в 1935 г., в которой была заготовлена роль и для Польши, для последней ценность её действительно носила однозначно негативный характер.

ЛИТЕРАТУРА

1. Архив внешней политики Российской Империи. Ф. 15.
2. Архив внешней политики Российской Федерации. Ф. 027. Оп. 29. Пор. 21. Пап. 309.
3. Буккер И. Парижский договор, который не смог предотвратить Вторую мировую войну // Pravda.ru. 27.08.2015. URL: https://www.pravda.ru/world/1272425-briand_kellogg/ (дата обращения: 18.05.2025).
4. Государственный архив Российской Федерации. Ф. 4459. Оп. 28/2. Д. 42.
5. Гудок.
6. Дневник посла Додда. 1933–1938. М.: Изд-во соц.-эконом. лит., 1961. 570 с.
7. Документы внешней политики СССР. Т. XI. М.: Госполитиздат, 1966. 793 с.
8. Документы внешней политики СССР. Т. XVI. М.: Госполитиздат, 1970. 920 с.
9. Документы внешней политики СССР. Т. XVII. М.: Госполитиздат, 1971. 880 с.
10. Известия.
11. История дипломатии / под ред. В.П. Потемкина. Т. III. М.; Л.: Госполитиздат, 1945. 884 с.
12. Михутина И.В. Советско-польские отношения 1931–1935. М.: Наука, 1977. 293 с.
13. Морозов С.В. К вопросу о военно-политическом сотрудничестве Польши и Германии против СССР (1933–1935) // Вестник Томского государственного университета. История. 2016. № 6 (44). С. 70–78. URL: http://journals.tsu.ru/history/&journal_page=archive&id=1485
14. Морозов С.В. К вопросу о военно-политическом сотрудничестве Польши и Японии против СССР (1931–1935) // Вестник Томского государственного университета. 2016. № 413. Декабрь. С. 138–145. URL: http://journals.tsu.ru/vestnik/&journal_page=archive&id=1500
15. Морозов С.В. К вопросу о несостоявшейся превентивной войне маршала Пилсудского против Германии в 1933 г. // Вестник Томского государственного университета. 2021. № 471. С. 160–169. doi: 10.17223/15617793/471/19
16. Морозов С.В. К вопросу о секретном польско-германском договоре 1934 г. // Славяноведение. 2005. № 5. С. 35–53.
17. Морозов С.В. К вопросу о создании в 1925 г. правового механизма «подталкивания» Германии на Восток // Вестник Томского государственного университета. 2016. № 412. Ноябрь. С. 84–89.
18. Морозов С.В. Как маршал Пилсудский и его последователи пытались восстановить «былое величие» Польши. М.: Междунар. отношения, 2023. 416 с.
19. Морозов С.В. Польско-чехословацкие отношения. 1933–1939. Что скрывалось за политикой «равноудаленности» министра Ю. Бека. М.: Изд-во МГУ им. М.В. Ломоносова, 2004. 528 с.

20. НА ИРИ РАН. 1934. Ф. Д-19, 1-а.
21. НА ИРИ РАН. Ф. 18-Ж. Д. 39.
22. Последние новости.
23. Правда.
24. Российский государственный архив социально-политической истории. Ф. 558. Оп. 11. Д. 187.
25. Российский государственный военный архив. Ф. 1701к. Оп. 1. Д. 57.
26. Сборник документов по международной политике и по международному праву. Вып. X. М., 1936.
27. Сборник секретных документов из архива бывшего Министерства иностранных дел. Типография Комиссариата по иностранным делам, Дворцовая 6. № 1–7. Декабрь 1917–Февраль 1918.
28. *Chad M. Kahl*. International Relations, International Security, and Comparative Politics: A Guide to Reference and Information Sources. Westport (Connecticut): Libraries unlimited, 2008. 440 p.
29. *Colvin I. Vansittart* in Office. An historical Survey of the Origins of the Second World War based on the papers of Sir Robert Vansittart. London: Victor Gollancz Ltd, 1965. 360 p.
30. Diariusz i teki Jana Szembeka. Opr. *J. Zarański*. Londyn: Instytut Polski i Museum im. Gen. Sikorskiego, 1964. T. I. XXIII, 590 s.
31. Dziennik Szembeka. Dokument polityki sanacyjnej przełożył i opracował *Zygmunt Kałużyński*. W.: Książka i wiedza, 1954. 112 s.
32. Dziennik Ustaw Rzeczypospolitej Polskiej. № 16. 28.II.1926.
33. *Ferrell Robert H.* Peace In Their Time The Origins Of The Kellogg Briand Pact. New Haven: Yale University Press, 1952. 316 p.
34. Foreign Relations of the United States. 1934. Vol. I. Washington: US Government Printing Office, 1951. XCVI, 1031 p.
35. Foreign Relations of the United States. 1934. Vol. II. Washington: US Government Printing Office, 1951. XCV, 1002 p.
36. *Hathaway Oona A., Shapiro Scott J.* The Internationalists: How a Radical Plan to Outlaw War Remade the World. New York: Simon & Schuster, 2017. 608 p.
37. *Ickes H.L.* The Secret Diaries of Harold L. Ickes. New York: Simon and Schuster, 1953. 738 p.
38. *Josephson H.* Outlawing War: Internationalism and the Pact of Paris // Diplomatic History. 1979. № 3 (4). P. 377–390. doi: 10.1111/j.1467-7709.1979.tb00323.x
39. *Mackinder H.J.* Democratic Ideals and Reality. Washington: National Defense University Press, 1996. 213 p.
40. *Mackinder H.J.* The Geographical Pivot of History // Geographical Journal. 1904. Vol. XXIII, № 4. P. 421–444.
41. *Teichova A.* An Economic Background to Munich. International business

and Czechoslovakia 1918–1938. London; New York: Cambridge University Press, 1974. XIX, 422 p.

42. *Wojciechowski M.* Stosunki polsko-niemieckie 1933–1938. Poznań: Instytut Zachodni, 1965. 571 s.

REFERENCES

1. The Archive of Foreign Policy of the Russian Empire. Fund 15.
2. The Archive of Foreign Policy of the Russian Empire. Fund 027. List 29. № 21. File 309.
3. Booker, I. (2015) Parizhskiy dogovor, kotoryy ne smog predotvratit' Vtoruyu mirovuyu voynu [The Paris Treaty That Could Not Prevent the Second World War]. *Pravda.ru*. 27th August. [Online] Available from: https://www.pravda.ru/world/1272425-briand_kellogg/ (Accessed: 18th May 2025).
4. The State Archive of the Russian Federation. Fund 4459. List 28/2. File 42.
5. *Gudok*. (n.d.)
6. Dodd, W. (1961) *Dnevnik posla Dodda. 1933–1938* [Ambassador Dodd's Diary. 1933–1938]. Translated from English. Moscow: Izd-vo sots.ekonom. lit.
7. *USSR. (1966) Dokumenty vneshney politiki SSSR* [Documents of the Foreign Policy of the USSR]. Vol. XI. Moscow: Gospolitizdat.
8. *USSR. (1970) Dokumenty vneshney politiki SSSR* [Documents of the Foreign Policy of the USSR]. Vol. XVI. Moscow: Gospolitizdat.
9. *USSR. (1971) Dokumenty vneshney politiki SSSR* [Documents of the Foreign Policy of the USSR]. (1971) Vol. XVII. Moscow: Gospolitizdat.
10. *Izvestiya*. (n.d.)
11. Potemkin, V.P. (ed.) (1945) *Istoriya diplomatii* [History of Diplomacy]. Vol. III. Moscow; Leningrad: Gospolitizdat.
12. Mikhutina, I.V. (1977) *Sovetsko-pol'skie otnosheniya. 1931–1935* [Soviet-Polish Relations. 1931–1935]. Moscow: Nauka.
13. Morozov, S.V. (2016a) To the question of military-political cooperation between Poland and Germany against the USSR (1933–1935). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 6(44). pp. 70–78. doi: 10.17223/19988613/44/10
14. Morozov, S.V. (2016b) On Military-Political Cooperation between Poland and Japan Against the Soviet Union (1931–1935). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 413. pp. 138–145. doi: 10.17223/15617793/413/21
15. Morozov, S.V. (2021) On the Failed Preventive War of Marshal Pilsudski Against Germany in 1933. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 471. pp. 160–169. doi: 10.17223/15617793/471/19
16. Morozov, S.V. (2005) K voprosu o sekretnom pol'sko-germskom do-

govore 1934 g. [On the the Secret Polish-German Treaty of 1934]. *Slavyanovedenie*. 5. pp. 35–53.

17. Morozov, S.V. (2016) On the creation of a legal mechanism for “pushing” Germany to the East in 1925. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 412. pp. 84–89. doi: 10.17223/15617793/412/14

18. Morozov, S.V. (2023) *Kak marshal Pilsudskiy i ego posledovateli pytalis' vosstanavlivat' “byloe velichie” Pol'shi* [How Marshal Pilsudski and His Followers Tried to Restore the “Former Greatness” of Poland]. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniya.

19. Morozov, S.V. (2004) *Pol'sko-chechoslovatskie otnosheniya. 1933–1939. Chto skryalos' za politikoy “ravnoudalennosti” ministra Yu. Beka* [Polish-Czechoslovak Relations. 1933–1939. What Was Hidden Behind the Policy of “Equidistance” of Minister J. Beck]. Moscow: MSU.

20. The Scientific Archive of the Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences (NA IRI RAN). Fund D-19, 1-a.

21. The Scientific Archive of the Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences (NA IRI RAN). Fund 18-Zh. File 39.

22. *Poslednie novosti*. (n.d.)

23. *Pravda*. (n.d.)

24. The Russian State Archive of Socio-Political History. Fund 558. List 11. File 187.

25. The Russian State Military Archive. Fund 1701k. List 1. File 57.

26. Anon. (1936) *Sbornik dokumentov po mezhdunarodnoy politike i po mezhdunarodnomu pravu* [Collected Documents on International Politics and International Law]. Vol. X. Moscow: [s.n.].

27. Anon. (1917–1918) *Sbornik sekretnykh dokumentov iz arkhiva byvshego Ministerstva inostrannykh del* [Collection of Secret Documents from the Archive of the Former Ministry of Foreign Affairs]. № 1–7. December 1917 – February 1918. St. Petersburg: Commissariat for Foreign Affairs.

28. Kahl, Ch.M. (2008) *International Relations, International Security, and Comparative Politics: A Guide to Reference and Information Sources*. Westport (Connecticut): Libraries unlimited.

29. Colvin, I. (1965) *Vansittart in Office. An Historical Survey of the Origins of the Second World War Based on the Papers of Sir Robert Vansittart*. London: Victor Gollancz Ltd.

30. Szembek, J. (1964) *Diariusz i teki Jana Szembeka*. Oprac. J. Zaráński. Vol. I. Londyn: Instytut Polski i Museum im. Gen. Sikorskiego.

31. Szembek, J. (1954) *Dziennik Szembeka. Dokument polityki sanacyjnej*. Przełożył i opracował Zygmunt Kałużyński. Warszawa: Książka i wiedza.

32. *Dziennik Ustaw Rzeczypospolitej Polskiej*. (1926). 28th February.

33. Ferrell, R.H. (1952) *Peace in Their Time: The Origins of the Kellogg-Briand Pact*. New Haven: Yale University Press.

34. USA. (1951a) *Foreign Relations of the United States. 1934*. Vol. I. Washington: US Government Printing Office.

35. USA. (1951b) *Foreign Relations of the United States. 1934*. Vol. II. Washington: US Government Printing Office.

36. Hathaway, O.A. & Shapiro, S.J. (2017) *The Internationalists: How a Radical Plan to Outlaw War Remade the World*. New York: Simon & Schuster.

37. Ickes, H.L. (1953) *The Secret Diaries of Harold L. Ickes*. New York: Simon and Schuster.

38. Josephson, H. (1979) Outlawing War: Internationalism and the Pact of Paris. *Diplomatic History*. 3(4). pp. 377–390.

39. Mackinder, H.J. (1996) *Democratic Ideals and Reality*. Washington: National Defense University Press.

40. Mackinder, H.J. (1904) The Geographical Pivot of History. *Geographical Journal*. XXIII(4). pp. 421–444.

41. Teichova, A. (1974) *An Economic Background to Munich. International Business and Czechoslovakia 1918–1938*. London; New York: Cambridge University Press.

42. Wojciechowski, M. (1965) *Stosunki polsko-niemieckie 1933–1938*. Poznań: Instytut Zachodni.

Морозов Станислав Вацлавович – доктор исторических наук, профессор кафедры международных отношений, зарубежного регионоведения и политологии Института межкультурной коммуникации и международных отношений Белгородского государственного национального исследовательского университета (Россия).

Stanislav V. Morozov – Belgorod State University (Russia).

E-mail: morozov_s@bsuedu.ru

УДК 94; 348.71

UDC

DOI: 10.17223/18572685/82/9

Обустройство католических епархий на территориях юго-запада Украины и Молдавии в годы немецкой и румынской оккупации (1941 – 1944 гг.)

Е.С. Токарева

Институт всеобщей истории РАН
Россия, 119334, Москва, Ленинский просп., 32а
E-mail: estokareva@yandex.ru

Авторское резюме:

На основе открытых в 2020 г. в Историческом архиве Второй секции Государственного секретариата Ватикана материалах понтификата Пия XII исследуется история и роль Римско-католической и Греко-католической церквей на оккупированных Румынией территориях Буковины и Транснистрии (Заднепровья). В Буковине проводилась активная политика румынизации греко-католического духовенства путём замещения прежних священников священниками-румынами и запрещения употребления украинского языка в богослужениях. Священники, направлявшиеся в Транснистрию из Румынии, были немцами и поляками, чьей задачей было окормление немецкого и польского католического населения. В богослужениях им разрешалось использовать только немецкий и польский языки. Несмотря на поддержку румынских властей они встречали большие затруднения в своей работе, чинимые немецким командованием, всячески контролировавшим эту территорию. Весьма ограниченное число этих священников и обязанность обслуживать только немецкое и польское население обусловили их весьма скромную роль в политике румынизации этой территории.

Ключевые слова: Буковина, Транснистрия (Заднепровье), Католическая церковь, Вторая мировая война, оккупация, Глазер, Яворка

The establishment of Catholic dioceses in Southwestern Ukraine and Moldova under German and Romanian occupation (1941–1944)

Evgeniya S. Tokareva

Institute of General History of the Russian Academy of Sciences
32a Leninsky Prospekt, Moscow, Russian Federation
E-mail: estokareva@yandex.ru

Abstract

The article examines the history and role of the Roman Catholic and Greek Catholic Churches in the Romanian-occupied territories of Bukovina and Transnistria (Transnistria), based on the materials of the Pontificate of Pius XII discovered in 2020 in the Historical Archive of the Second Section of the Vatican State Secretariat. In Bukovina, the Romanian authorities pursued an active policy of Romanization of the Greek Catholic clergy, replacing incumbents with Romanian priests and prohibiting the use of the Ukrainian language in worship. The priests sent to Transnistria from Romania were ethnic Germans and Poles, tasked with ministering to the German and Polish Catholic populations. They were permitted to conduct services only in German and Polish. Despite support from the Romanian authorities, these priests encountered significant difficulties in their work, largely due to the German command, which exercised comprehensive control over the territory. The extremely limited number of such priests and their restriction to serving exclusively German and Polish communities confined them to a marginal role in the broader Romanization policy of the region.

Keywords: Bukovina, Transnistria (Transnistria), Catholic Church, World War II, occupation, Glazer, Yavorka

Роль религиозного фактора в годы Второй мировой войны долгое время оставалась за пределами большинства исследований, освещавших историю этого трагического периода истории. Ситуация в значительной степени изменилась в 1990-е гг. Многие российские исследователи обратили более пристальное внимание на роль Церкви в 1939–1945 гг., при этом особую страницу представляют собой исследования, посвящённые положению церковей на оккупированных территориях. Однако при этом большая часть исследований посвящена Православной церкви [10; 11; 14–18; 21–25]. О Католической

церкви на оккупированных территориях пока существует лишь несколько работ [6; 7; 9; 12; 19; 26].

Настоящая статья посвящена истории Католической церкви на территориях, оккупированных Румынией, её месте в планах Румынии и Ватикана. Исследование основано на материалах Исторического архива Второй секции Государственного секретариата Ватикана, относящихся к понтификату Пия XII – папки 697, 703 и 711 [1–3].

После нападения Германии и её сателлитов на СССР Румыния создала на оккупированных территориях три губернаторства – «Бессарабия» (6 уездов Молдавской ССР, Измаильская область УССР); «Буковина» (некоторые районы Черновицкой области и северные районы Молдавской ССР) и «Транснистрия» (левобережные районы МССР – Приднестровье, Одесская область, южная часть Винницкой и западная часть Николаевской областей). Статус этих губернаторств был разным. Территории Бессарабии и Буковины были объявлены частью Румынии, Транснистрия же формально в административную систему Румынского государства не входила¹. В Одессе, ставшей центром области, была создана немецкая комендатура, что «открывало гитлеровцам возможность подчинить себе деятельность румынской администрации» [13: 129]. В Ландау разместилась штаб-квартира «Фольксдейче Миттельштелле»².

В этническом отношении большая часть Буковины была заселена украинцами (среди которых, возможно, было много русинов, записанных как украинцы) и молдаванами, другие национальности (немцы, румыны, евреи, поляки и русские) составляли незначительное меньшинство. В 1940–1941 гг. Северная Буковина находилась в составе СССР, в это время из области были репатриированы в Германию немецкие колонисты, проживавшие в Буковине. В июле 1941 г. Буковина была занята немецкими и румынскими войсками.

На территории Транснистрии (Заднестровья), оккупированной Румынией, в августе 1941 г. проживали главным образом украинцы (более 75 % населения), большой процент русских, немцев, поляков, евреев и румын, а также некоторое количество болгар, татар и др. (каждая из этих национальностей составляла менее 1 %).

Статус немецкого населения в Транснистрии определялся соглашением между губернатором Транснистрии Георге Александру и Хорстом Хоффмайером от 18 декабря 1941 г., согласно которому «руководство населением немецкого происхождения осуществляется в принципе “Фольксдейче Миттельштелле”» [13: 130].

В межвоенной Румынии православие было преобладающей конфессией. Конституция Румынии 1923 г. признавала Румынскую православную церковь национальной церковью страны. Второй

по значимости конфессией было католичество. В 1930 г. латинские католики составляли 6,8 % населения (около 1 млн 200 тыс. человек). Благодаря конкордату с Ватиканом³ епископ Бухарестский стал митрополитом⁴. В Румынию был направлен и нунций (в 1936–1947 гг. нунцием в Румынии был Андреа Кассуло). Армянские католики, согласно конкордату, были признаны отдельной епархией и управлялись Ординариатом для армян-католиков Румынии. Греко-католическая церковь в Румынии к началу Второй мировой войны имела 5 епархий, 1 500 священников и 1,5 млн верующих [8: 54].

На оккупированных Румынией территориях проводилась политика активной румынизации, в которой одно из важных мест отводилось церкви [18: 169; 25: 166]. Особенно это относилось к губернаторствам Буковина и Бессарабия. Главным проводником этой задачи должна была стать в первую очередь Православная церковь [17; 18; 25].

Ватикан, однако, также стремился к укреплению Католической церкви на оккупированных Румынией территориях. На территориях Буковины и Транснистрии Ватикан создал две новые канонические территории.

Возглавить епархию «Буковина», где к началу 1940-х гг. проживало примерно равное число римо- и греко-католиков, в 1941 г. был направлен иезуит восточного обряда словак Венделин Яворка, бывший ректор Руссикума. Его доклад в Конгрегацию Восточных церквей (переданный через нунция Кассуло) свидетельствует о том, что в Буковине процесс румынизации также активно вёлся и через католический клир. Раз в месяц Яворка посещал общины греко-католиков в Путиле (находящийся в 70 км к юго-западу от Черновцов), Селятине (в районе Черновцов), Садау (на севере Румынии) и Радовцы (в Южной Буковине). В остальных приходах, по его утверждению, все греко-католические священники уже были румынами, назначенными в течение 1943 г. Все службы проходили на румынском языке, т.е. не использовался ни один из родных языков населения этой территории. По доносу этих священников, которые считали присутствие Яворки нежелательным в этой местности, он был вызван в полицию, где ему объявили, что вести службу на украинском языке нельзя. Яворка сообщил в Ватикан, что, согласно слухам, в Путилу и Садау также вскоре будут назначены священники-румыны. В этом случае, как предположил Яворка, он вскоре будет полностью изолирован от украинского населения. Яворка счёл бесполезным своё нахождение в Буковине и планировал вернуться на родину, но в то же время запрашивал мнение Ватикана по этому вопросу, беспокоясь о том, что в случае восстановления советской власти его паства останется без окормления (отчёт В. Яворки от 28 сентября 1943 г.) [1: 77–78].

Латинские католики Буковины перешли в юрисдикцию Ясской епархии. Генеральный викарий Черновцов, польский иезуит Ладислав Куморович в течение 1942 г. неоднократно обращался в Ватикан с жалобами на преследование румынскими властями евреев, обращённых в католичество. Куморович, а вслед за ним нунций Кассуло просили Ватикан обратить внимание на этот вопрос и принять меры, чтобы в Румынии соблюдались условия конкордата и жизнь этих обращённых не подвергалась опасности [4: 557; 5: 82, 306].

Епархию «Транснистрия» в сентябре 1941 г. возглавил монсиньор Маркус Глазер, немец по происхождению, родившийся на Украине в немецкой колонии Ландау, к моменту своего назначения ректор семинарии в Яссах. Административно епархия была подчинена архиепархии Алба-Юлия, древнейшей епархии в Румынии, сохранившей статус прямого подчинения Ватикану. Глазер, однако, был назначен без епископских полномочий. В дополнение он получил полномочия ординариев тех территорий, которые были присоединены к Советскому Союзу в 1939–1940 гг., и юрисдикцию над территориями прежних епархий Каменецка, Житомира и Тирасполя, в предвидении того, что эти территории также будут оставлены русскими войсками [1: 12v–13r].

Эти полномочия вполне соответствовали устремлениям румынских властей. «На заседании правительства 23 января 1942 года М. Антонеску говорил о нецелесообразности в данный момент менять “юридический статус Транснистрии” или же предпринимать какие-либо шаги, которые могли бы быть интерпретированы как стремление осуществить “территориальный суверенитет” Румынии над этой областью, во-первых, потому, что сами немцы сохраняют пока статус “военной оккупации” и официально ещё не объявили о включении какой-либо части советской территории в состав рейха. Во-вторых, как заявил М. Антонеску, “пока неизвестно, что станет с Россией, очень трудно знать, как далеко простирается Транснистрия”. Иными словами, он боялся, как бы не прогадать, заранее установив границы этой области» [13: 126].

В июле 1942 г. Глазер получил также полномочия и статус апостольского визитатора, т.е. официального представителя Святого Престола в Транснистрии и некоей территории, которая потенциально могла бы стать частью епархии, с правами апостольского администратора.

В конце 1942 г. Глазер сделал своим делегатом с полномочиями генерального викария епархии немецкого священника Николауса Пигера. Пигер ранее был направлен в Бухарест епископом Оснабрюка Вильгельмом Бернингом для окормления немецкого населения Румынии. В Одессу он приехал, по-видимому, по приглашению М. Глазера.

Подробный отчёт Глазера о состоянии дел в епархии был им составлен в январе 1943 г. [1: 221–234]. Согласно отчёту, католических церквей на территории Транснистрии было 69 (38 немецких и 31 польская), 44 капеллы (34 немецких и 10 польских) и 25 ораторий (23 немецких и 2 польских). Однако работали далеко не все. Часть церквей была закрыта, потому что не было священников, часть – потому что немецкое командование заняло эти здания для своих целей. Таким образом, немецких приходов насчитывалось 26 (+ 80 филиальных приходов), польских – 30. Многие церкви пришлось ремонтировать, в какой работе активно участвовали и миряне [1: 223]. Ещё хуже дела обстояли со священными предметами, которые были украдены или уничтожены в годы советского строя. Лишь немногие удалось спасти особо ревностным прихожанам. Однако как Глазер, так и другие священники использовали переносные алтари, которые были подарены папой.

Подавляющее большинство прихожан Католической церкви этого региона составляли немцы и поляки. Всего, согласно информации, предоставленной Глазером в Ватикан в январе 1943 г., католики составляли 155 551 чел. (80 000 немцев и 75 000 поляков). При этом немцы проживали по преимуществу на юге, поляки – на севере. Соответственно, и священники были польской и немецкой национальности – шесть немцев и четыре поляка (на территории начала работать т.н. Северная миссия (польская), но постоянные священники появились в ней только с октября 1942 г. [1: 222]⁵). Однако помимо постоянно служивших священников на территории Транснистрии служили и временные. Всего Глазер упоминает от 10 до 15 священников, находившихся временно в Транснистрии, в том числе на Рождество 1942 г. приезжало пять немецких священников [1: 217], на Пасху 1943 г. – четыре священника из Тимишоары. Глазер сообщал, что миряне сотрудничают с клиром очень активно и охотно. Среди мирян он особо отмечал участие органистов, которые помимо своих прямых обязанностей также давали уроки религии там, где этому не препятствовало командование СС [1: 229]⁶. В то же время, по его наблюдениям, ни у кого из молодёжи не было заметно влечение к священству. Глазер связывал это с тем, что при советской власти дети росли без всякой дисциплины, хотя их моральный уровень не понизился [1: 224]. Не удалось создать на территории Транснистрии и подразделений организации «Католическое действие».

По мнению Глазера, миряне делали бы больше, если бы не препятствия, которые чинили войска СС. Его отношения, как и отношения других католических священников с немецким командованием и с «Фольксдейче Миттельштелле», были довольно напряжёнными (об

этом, в частности, см.: [8: 273–278]). Стремясь сохранить независимость Католической церкви, он неоднократно вступал с ними в конфликт. Различные препятствия деятельности католического клира стали предметом запроса со стороны нунция Кассуло в октябре 1942 г. Немецкое командование направило нунцию ответ, согласно которому полномочия Глазера распространялись только на католиков, разговаривающих на немецком языке. Другие католические священники могли быть допущены в Транснистрию только в случае одобрения со стороны немецкого командования, для чего командованию должен быть заранее сообщён список имён тех, кто хотел бы приехать. В течение значительного времени Глазер пытался встретиться для переговоров с Х. Хоффмайером, но тот уклонялся от встреч с ним. Глазер даже утверждал, что Хоффмайер рассматривает католических священников в Транснистрии как своих солдат, которым он может отдавать приказы [1: 199].

Уладить вопрос с «Фольксдейче Миттельштелле» в ноябре 1942 г. в Ландау был даже направлен специальный представитель Антонеску. Переговоры шли достаточно успешно, главной победой представителя румынского правительства стал отзыв в Германию одного из сотрудников «Фольксдейче Миттельштелле», особенно враждебного к католикам. Однако это не устранило всех проблем.

Говоря о препятствиях, следует упомянуть и конфликты, которые возникали между немецким командованием и Н. Пигером, который, по ряду свидетельств, оказывал регулярную помощь евреям, депортированным в Транснистрию. Пигер, как утверждалось, приехал в Транснистрию без разрешения своего священноначалия и немецких властей. Весной 1943 г. его пытались призвать в Германию в связи с начатым против него следствием. В дело по просьбе Ватикана вмешался нунций в Германии Чезаре Орсениго, и дело Пигера было передано румынскому военному суду в Одессе, который фактически замял его.

По свидетельству Глазера, приход войск стран «оси» в эту местность было первоначально воспринято населением как возвращение религиозной свободы. Казалось, что сами войска, где работали капелланы и служили мессы, были тому подтверждением. Люди стали с энтузиазмом восстанавливать церкви и ждать священников. Но СС проникала повсюду, забирала мужчин, в первую очередь учителей, затем молодых людей для Гитлерюгенда, для организаций самозащиты (Selbstschutz) и т.д. Глазер делает весьма серьёзный вывод: всё это, как и нехватка священников, представляло собой огромную опасность для церкви. Не меньшей опасностью для немцев епархии стала и «новая вера», принесённая немецкими войсками. Эта вера,

как и сами военные перипетии, Глазер считал более опасными для населения, чем власть большевиков [1: 223].

Глазер отметил все трудности, которые встречают католические священники в работе.

Это, во-первых, трудности морального характера: невежество молодёжи, плохой пример, который подают им оккупанты, некоторые преподаватели и должностные лица, разрушение традиций, театры, кино, антирелигиозные книги, как в школе, так и вне её

Во-вторых, трудности политические: власть, которая находится полностью в руках командования СС, как раньше была в руках большевиков. От этой власти зависит все: наличие еды, документов, передвижения, возможность покупать и продавать, школа, брак и т.д.

В-третьих, трудности экономического характера – обнищание населения [1: 223].

Отмечая трудности, чинимые немецким командованием, Глазер в то же время утверждал, что румынские власти не только не создавали католическим священникам трудности, но и всячески их поддерживали [1: 218].

Недостаток священников особенно ощущался в связи с отсутствием транспорта и плохими дорогами. Один священник иногда обслуживал территорию в радиусе 100 км в окружности. Глазер с иронией отмечал, что в епархии были приобретены три мотоцикла, которые могли бы оказаться очень полезными в хорошую погоду, вот только случай проверить это пока не представился [1: 224].

Один из серьёзнейших вопросов, с которыми Глазер постоянно обращался в Ватикан, был вопрос о действительности советских браков. Особенно это касалось поляков, которые считали такие браки недействительными перед лицом церкви. Следует сказать, что Глазер так и не добился конкретного ответа. Из Ватикана его просили сообщать о каждом конкретном случае, по которому и будет приниматься соответствующее решение [1: 183, 202].

Помимо католиков латинского обряда на территории Бессарабии и Транснистрии проживало значительное число греко-католиков, их было много и в румынских войсках. В марте 1942 г. оба губернаторства посетил генеральный викарий католиков византийского обряда (митрополии Блаж, Румыния) Василе Афтение [2: 4г–9в; 6: 389–317]. Его маршрут пролегал через Кишинёв, Бендеры (Тигину) и Тирасполь в Одессу. Отметив тёплый приём со стороны румынских гражданских и военных властей, Афтение сообщил, что в Бендерах и Тирасполе нет униатов среди населения, но их много среди румынских функционеров. В Одессе униатов оказалось много и в румынской армии. В Одесском районе Афтение посетил также сёла Дальник и Татарка

(Прилиманское). В своем отчёте он порекомендовал назначить трех греко-католических священников для этих территорий – в Кишинев, Тирасполь (который является важным административным центром) и Одессу. Пожелание Афтение было исполнено только относительно Одессы. В 1942 г. туда был направлен французский ассумционист Жан Николая (в монашестве Жюдикаэль)⁷. Основной паствой о. Николая должны были стать греко-католики румынской армии и администрации.

С февраля 1943 г. в связи с разгромом советскими войсками итальянской армии и наступлением Красной армии одной из главных забот Глазера и других священников стала возможность прихода этих войск в Транснистрию. Неоднократно Глазер запрашивал инструкции о том, какой линии поведения ему следует придерживаться, указывая, что особенно немецким священникам, в их числе и ему самому, будет угрожать серьёзная опасность. Однако он полагал, что эта опасность будет связана не с тем, что он является священником, а только с его национальностью. До Глазера доходили слухи об изменении религиозной политики в СССР, в частности об учреждении должностей капелланов в Польской армии, формирующейся на территории СССР. По свидетельству встречавшегося с Глазером в Одессе итальянского военного капеллана Марколини, Глазер явно находился под впечатлением от этих слухов и толковал о смягчении позиции советских властей в отношении религии [1: 183]. Глазер утверждал также, что священники-поляки после прихода советских войск окажутся в меньшей опасности, поскольку Польша является союзником Англии [1: 184].

Впрочем, для некоторых священников опасность существовала и при возвращении на родину. Это был случай монс. Пигера, которого, по утверждению нунция в Румынии и других иерархов, при возвращении в Германию ждал концентрационный лагерь или даже расстрел.

Польские же священники (особенно на севере губернаторства) были убеждены, что им угрожала не меньшая опасность со стороны украинцев, у которых, как они считали, существует сильная ненависть к польским священникам.

Учитывая возможную опасность для немецких (и, предположительно, польских) священников, было выражено пожелание о назначении в Одессу итальянского иезуита о. Пьетро Леони, капеллана в военном госпитале в Днепропетровске; тот, однако, прибыл в Одессу лишь в сентябре 1943 г.

25 июля 1943 г. Глазер по предложению нунция в Румынии Андреа Кассуло, сделанному в октябре 1942 г. на случай, если в Транснистрию вновь вступят советские войска, был тайно хиротонисан во епископа [3: 2–29]. Это, по мнению нунция, было необходимо для того, чтобы

Глазер обладал всеми нужными полномочиями, если Транснистрия будет отрезана от Румынии. В Ватикане к предложению отнеслись положительно, однако хотели предварительно удостовериться в том, что Глазер, в случае прихода советских войск, останется не месте. Церемония была проведена в настолько секретной обстановке, что о ней даже не был осведомлён префект Конгрегации Восточных церквей кардинал Э. Тиссеран [1: 12].

Главной заботой Глазера оставалась нехватка священников. В августе 1943 г. из епархии уехали четыре приезжавших на лето священника. Свой пост покинул и один из постоянных священников-немцев – А. Баумгартнер. «Фольксдейче Миттельштелле» отказало в разрешении приехать трём другим священникам, которые были согласны оставаться в Транснистрии, по крайней мере, в течение года. По мнению этой организации, католики должны были соблюдать паритет с протестантами, имевшими пять священников [1: 117–119]. К тому же, несмотря на состоявшуюся хиротонию, Глазеру не удалось рукоположить на месте ни одного священника. Переписка нунция в Румынии Кассуло с епископами Михаем Робу (Ясская епархия), Александру Чисаром (Бухарестская архиепархия), Ароном Мартоном (архиепархия Алба Юлия) и Огюстеном Паша (епархия Тимишоары) показала, что названные епископы с большим трудом, а некоторые и с нежеланием (А. Чисар) находили священников для отправки в Транснистрию [1: 116–124, 148].

В сентябре 1943 г. в Одессу, наконец, прибыл о. Леони. В декабре того же года туда вернулся и о. Николая, получив полномочия практиковать не только восточный, но и латинский обряд. Следует отметить, что между о. Леони и еп. Глазером не было полного понимания. Это было связано с тем, что, имея полномочия биритуализма, Леони был склонен все же к восточному обряду, Глазер же – к латинскому [1: 21rv–22v]. Хотя их недопонимание не успело перерасти в серьёзный конфликт, отношение Глазера к восточному обряду вызвало недовольство кардинала Э. Тиссерана [1: 12]. Вопрос, впрочем, быстро потерял актуальность в связи с приближением линии фронта.

Другие священники, остававшиеся в Транснистрии [1: 56]⁸, объявили, что в случае прихода советских войск все они покинут эту епархию, поскольку и немцы, и поляки, и румыны опасаются за свою жизнь. В этом случае, пишет Глазер, останутся только он сам, о. Леони, о. Пигер и о. Николая. Глазер надеялся уцелеть благодаря тому, что является официальным представителем Святого Престола, следовательно, пользуется дипломатической неприкосновенностью. На этот случай Глазер просил у Ватикана официальный документ, подтверждающий его статус [1: 18].

Несмотря на ожидавшийся приход советских войск, на Рождество 1943 г. в Транснистрию приехали несколько священников из Тимишары. Известно также о том, что в это время в Транснистрии служили и местные священники. Например, в Ландау в 1941–1943 г. служил священник Валентин Грейнер⁹.

Но в начале 1944 г., когда приход советских войск был уже очевиден и неминуем, опасения польских и особенно немецких священников усилились. Сомнения относительно необходимости оставаться в епархии и после прихода русских Глазер откровенно высказывал в своих письмах, где сообщал, что все священники готовы к жертвам, но в данной ситуации их жертвы окажутся совершенно бессмысленными. Предвиделась и эвакуация немецкого населения из Транснистрии; в этом случае, писал Глазер, немецким священникам просто будет уже нечего делать. Глазер пообещал, что и он, и о. Пигер останутся до самого последнего момента, но затем в Одессе должны были остаться только о. Леони, итальянец и о. Николая, француз, для которых риск был гораздо меньшим [1: 17r–19v]. Впрочем, по мнению Глазера, о. Николая лишится всей своей паствы после ухода румынских войск. Оба упомянутых им священника, в свою очередь, сообщили в Ватикан, что если Глазер захочет остаться, то это не только будет бесполезной жертвой, но и скомпрометирует миссию в целом, поскольку во главе её будет немец.

В конце февраля Глазер сообщил, что в существующей обстановке есть и положительные моменты: в Транснистрию стали стекаться беженцы из более восточных районов Украины. Вместе с беженцами прибывали и католические священники, их оказалось не меньше 15 (главным образом санитары из отступавших войск), что очень обрадовало Глазера. Поразило его полное невежество молодёжи, а также некоторые внушённые им идеи и манера поведения. Например, при входе в церковь молодёжь произносила «Хайль Гитлер» в полной убеждённости, что именно так здороваются католики [1: 28rv].

В марте началась эвакуация немецкого населения из южной части Транснистрии. Всего было эвакуировано 140 тыс. немцев, из которых 70 тыс. – католики [1: 57]. Сам Глазер покинул Одессу 24 марта вместе с эвакуирующимся населением. Последним 30 марта уехал о. Пигер, который оказался вместе с паствой в Галатах, откуда из-за отсутствия средств им некоторое время не удавалось выехать.

Последние письма Глазера полны горечи, попыток оправдаться в том, что он уехал, несмотря на осознание им того, что его епископское посвящение состоялось главным образом, имея в виду его служение после прихода русских. Глазер выразил полную готовность вернуться в качестве апостольского визитатора епархий Тирасполя, Житомира

и Каменецка, если Ватикан добьётся от Англии и США заступничества перед советскими властями и получит для него при их посредничестве разрешения на въезд [1: 52r, 59rv]. При этом Глазер желал бы также, чтобы вместе с ним вернулись в Одессу четверо священников-поляков¹⁰, в это время находящихся в Черновцах, уже занятых советскими войсками.

***

В политике румынизации оккупированных Румынией территорий Католическая церковь занимала достаточно скромное место. При этом ситуация в созданных в 1941 г. Ватиканом епархиях («Буковина» и «Транснистрия») не была одинаковой. В Буковине проходило довольно активное замещение местного греко-католического духовенства румынским, так что к осени 1943 г. оставалось лишь четыре прихода, окормлявшихся местным клиром, в богослужениях насаждался румынский язык. В то же время в Транснистрию (Заднепровье) из Румынии была направлена католическая миссия, которая состояла из священников-немцев и поляков, задачей которых было окормление немецкого и польского населения. Соответственно, богослужения совершались на немецком и польском языках. В конце 1942 г. в Транснистрию был направлен и священник восточного обряда, основной паствой которого должны были стать румынские военные и гражданские власти – греко-католики. Однако и этот священник был не румыном, а французом.

Целью Ватикана было окормление католиков на тех территориях, которые к началу Великой Отечественной войны остались практически без католических священников. Ватикан стремился не к временному, а к постоянному присутствию там католического клира. Эти цели стали особенно очевидны при хиротонии летом 1943 г. Марка Глазера, апостольского администратора Транснистрии. Хиротония состоялась в то время, когда основные победы Красной армии (под Сталинградом и на Курской дуге) определили коренной перелом в войне. Ватикан был озабочен тем, чтобы на территории, на которой будет потенциально восстановлена советская власть, оставались священники и хотя бы один епископ с полномочиями рукоположения священников. Эта цель достигнута не была. Марк Глазер покинул Транснистрию вместе с эвакуирующимся немецким населением.

Помимо прочего, несмотря на благожелательное отношение румынских властей, католические священники в Транснистрии встретились с разного рода препятствиями, чинимыми немецким командованием, не допуская увеличения численности католического клира

на этой территории и затруднявшим деятельность уже приехавших священников. Была и другая причина весьма ограниченной численности католического духовенства. Епископы румынских епархий с трудом и большим нежеланием направляли своих священников в Транснистрию. После эвакуации немецкого населения и прихода советских войск немецкие священники, оставшись без паствы, покинули Транснистрию. Польские священники также уехали из этих мест, но оказались на территории, которую почти сразу же освободили советские войска. Следует отметить также, что католические священники пытались оказать некоторую помощь евреям, проживавшим в обеих епархиях. В Буковине это касалось в первую очередь евреев, принявших католичество, в Транснистрии – депортированных из Румынии. Но успехи в этой области были весьма незначительными [20].

Примечания

1. В соответствии с «Соглашением об обеспечении безопасности, администрации и экономической эксплуатации территории между Днестром и Бугом (Транснистрия) и Бугом и Днепром (область Буг – Днепр)», подписанным 30 августа 1941 г. в Бендерах между представителями немецкого и румынского командования, Румыния получила лишь немецкий мандат на осуществление временной «администрации и экономической эксплуатации» территории между Днестром и Бугом.

2. «Фольксдойче Миттельштелле» («Volksdeutsche Mittelstelle») – одно из центральных ведомств нацистской Германии, занимавшееся организацией нацистской пропаганды среди этнических немцев, живущих за пределами Германии, и переселением их в Третий рейх. 15 июня 1941 г. получило в системе СС статус главного управления. Руководитель – оберфюрер СС Хорст Хоффмайер.

3. Был подписан в 1927 г. и ратифицирован румынской стороной в 1929 г. и папской буллой *Solemni conventione* 5 июня 1930 г.

4. С 1924 г. архиепископом Бухарестской римско-католической архиепархии был Александру Теодор Чисар (1880–1954).

5. Согласно отчёту Глазера, до конца 1942 г. в Транснистрии было всего три немецких священника; с начала 1943 г. постоянно служили следующие священники:

Marcu Glaser, апостольский визитатор, немец.

Nicolao Pieger, генеральный викарий, немец.

Eduardo Doujak, директор Северной миссии, поляк, возглавлял два прихода на севере – Мура и Царьгород.

Giuseppe Chachuła, секретарь, поляк, секретарь Миссии с резиденцией в Одессе.

- Ioan Kollmer, немец, с резиденцией в Раштадте.
Giacomo Pless, немец, с резиденцией в Ландау, обслуживал дистрикты Очаков и Березовка.
Franc Krajewski, поляк.
Leopold Zeielinski, поляк.
Giovanni Tuchscherer, немец, с резиденцией в Зельце.
Alberto Baumgartner, немец, с резиденцией в Мариаентале.
6. Согласно Глазеру, имелось 25 немецких органистов и 15 польских.
7. Ж. Николая приезжал в Одессу в декабре 1942 г. и в июле 1943 г. Затем служил вместе с П. Леони с декабря 1943 г.
8. В начале 1944 г. в Транснистрии служили пять священников-немцев (помимо Глазера и Пигера) – Pless, Oster, Kollmer, Fischer и Nestmann.
9. Умер в 1943 г., похоронен рядом с церковью в Ландау.
10. G. Chachula, L. Zielinski, S.L. Kucharek, F. Krajewski.

ЛИТЕРАТУРА

1. Archivio storico della II sezione della Segreteria di Stato (già Congregazione per gli Affari Ecclesiastici Straordinari), Rapporti con gli Stati (далее – AA.EE.SS.). Periodo V. Pontificato Pio XII. Russia. Parte I (1939–1948). Pos. 697. Territorio affidato in amministrazione a Mons. Marco Glaser. 1941–1956.
2. AA.EE.SS. Periodo V. Pontificato Pio XII. Russia. Parte I (1939–1948). Pos. 703. Transnistria / cattolici bizantini. 1942.
3. AA.EE.SS. Periodo V. Pontificato Pio XII. Russia. Parte I (1939–1948). Pos. 711. Marco Glaser, nomina a Vescovo. 1943–1944.
4. Actes et Documents du Saint Siègre relatifs à la Seconde Guerre Mondiale. Vol. 8. Città del Vaticano, 1974. 806 p.
5. Actes et Documents du Saint Siègre relatifs à la Seconde Guerre Mondiale. Vol. 9. Città del Vaticano, 1975. 688 p.
6. *Andrieș-Tabac S.* Documente referitoare la acțiunea bisericii române unite cu Roma în Basarabia și Transnistria în anul 1942 // *Analecta catholica*. Vol. II, 2006. Chișinău: Episcopia romano-catolică de Chișinău, 2006. P. 289–317.
7. *Беглов А.Л., Токарева Е.С.* Что думали в Ватикане о религиозном возрождении на оккупированной территории СССР в 1942 г. // *Вестник ПСТГУ*. Сер. II: История. История Русской Православной Церкви. 2024. Вып. 120. С. 163–179. doi: 10.15382/sturII2024120.163-179
8. *Биткова Т.Г.* Церковь в Румынии // *Религия и церковь в Центрально-Восточной Европе в начале XXI в. М.*, 2006. С. 42–72.
9. *Бургард Л.А.* Вторая мировая война и немцы-католики в СССР (к вопросу о последствиях) // *Гражданская идентичность и внутренний мир российских*

немцев в годы Великой Отечественной войны и в исторической памяти потомков: материалы XIII Междунар. науч. конф., Москва, 21–23 октября 2010 г. М.: МСНК-пресс, 2011. С. 255–280.

10. *Васильева О.Ю.* Особенности религиозной жизни на временно оккупированной территории // Церковь в истории России. М., 2000. С. 226–247.

11. История Псковской православной миссии в документах: в 2 ч. Ч. 1: Документы личного архива митрополита Сергия (Воскресенского); Ч. 2: Документы судебно-следственных дел духовенства и служащих / науч. рук. игум. Дамаскин (Орловский); сост.: иеромонах Платон (Рожков), С.Н. Романова, Л.И. Соколова, З.Н. Столярова. Козельск: Оптиная пустынь, 2017.

12. *Колупаев В.Е.* Католические священники Буковины и Транснистрии в период Второй мировой войны // *Analecta catholica*. Vol. VII–VIII, 2011–2012. Chişinău: Episcopia romano-catolică de Chişinău, 2013. P. 271–294.

13. *Левит И.Э.* Вступление Румынии в войну против Советского Союза // Крестовый поход на Россию. М.: Яуза, 2005. С. 99–138.

14. *Михайлуца Н.И.* Деятельность Румынской православной миссии в губернаторстве «Транснистрия» (осень 1941 – весна 1944 годов) // Забытый агрессор. Румынская оккупация Молдавии и Транснистрии: сб. ст. М., 2010. С. 90–111.

15. *Обозный К.* «Новый курс» религиозной политики Сталина и церковная ситуация на оккупированных территориях Ленинградской области (1943–1944 годы) // Государство, религия, Церковь в России и за рубежом. 2017. Т. 35, № 3. С. 360–387. doi: 10.22394/2073-7203-2017-35-3-360-387

16. *Обозный К.П.* Планы и перспективы объединения православных церквей на оккупированных территориях СССР и центральной Европы под эгидой экзарха Сергия (Воскресенского) в 1941–1944 гг. // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Сер. 2: История. История Русской Православной Церкви. 2019. № 88. С. 58–77. doi: 10.15382/sturil201988.58-77

17. *Содоль В.А.* Румынская оккупация Молдавской ССР 1941–1944 гг.: Бухарестский патриархат и политика румынизации (по материалам Национального архива Республики Молдова) // Русин. 2024. № 78. С. 200–214. doi: 10.17223/18572685/78/9

18. *Стратилат Н.В.* Восточная церковная политика Румынии и положение Православной церкви в Молдавии во время Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. // Христианское чтение. 2013. № 1. С. 167–193.

19. *Токарева Е.С.* Итальянские католические капелланы на Восточном фронте в годы Второй мировой войны // Новая и Новейшая история. 2022. Вып. 5. С. 153–172. doi: 10.31857/S013038640020036-7

20. *Трашка О.* Оккупация Одессы румынской армией и уничтожение еврейского населения: октябрь 1941 – март 1942 года // Журнал российских и восточноевропейских исторических исследований. 2010. № 2–3. С. 86–123.

21. Шкаровский М.В. Нацистская Германия и Православная Церковь (Нацистская политика по отношению к Православной церкви и религиозное возрождение на оккупированной территории СССР). М.: Изд-во Крутицкого подворья, 2002. 524 с.

22. Шкаровский М.В. Политика Третьего рейха по отношению к Русской Православной Церкви в свете архивных материалов 1935–1945 годов: сб. док. М.: Грааль; Общество любителей церковной истории, 2003. 368 с.

23. Шкаровский М. Румынская православная церковь и Холокост на оккупированной территории СССР // Война, холокост и историческая память: материалы XX междунар. ежегод. конф. по иудаике. Т. IV. М.: Центр научных работников и преподавателей иудаики в вузах «Сэфер», 2013. С. 47–58.

24. Шорников П.М. Православная церковь «Заднепровья» в годы румынской оккупации. 1941–1944 годы // Покровские чтения: сб. науч. докл. Кн. 8. Тирасполь, 2006. С. 62–67.

25. Шорников П.М. Церковная агрессия Румынии. 1941–1944 гг. // Восточная политика Румынии в прошлом и настоящем (конец XIX – начало XXI вв.): сб. ст. М.: РИСИ, 2011. С. 162–187.

26. Ярмусик Э.С. Католический костёл в Беларуси в годы Второй мировой войны (1939–1945). Гродно: ГрГУ, 2002. 239 с.

REFERENCES

1. Archivio storico della II sezione della Segreteria di Stato (già Congregazione per gli Affari Ecclesiastici Straordinari), Rapporti con gli Stati (AA.EE.SS). *Periodo V. Pontificato Pio XII. Russia. Parte I (1939–1948)*. Pos. 697. Territorio affidato in amministrazione a Mons. Marco Glaser. 1941–1956.

2. Archivio storico della II sezione della Segreteria di Stato (già Congregazione per gli Affari Ecclesiastici Straordinari), Rapporti con gli Stati (AA.EE.SS). *Periodo V. Pontificato Pio XII. Russia. Parte I (1939–1948)*. Pos. 703. Transnistria / cattolici bizantini. 1942.

3. Archivio storico della II sezione della Segreteria di Stato (già Congregazione per gli Affari Ecclesiastici Straordinari), Rapporti con gli Stati (AA.EE.SS). *Periodo V. Pontificato Pio XII. Russia. Parte I (1939–1948)*. Pos. 711. Marco Glaser, nomina a Vescovo. 1943–1944.

4. Vatican City. (1974) *Actes et Documents du Saint Siège relatifs à la Seconde Guerre*. Vol. 8.

5. Vatican City. (1975) *Actes et Documents du Saint Siège relatifs à la Seconde Guerre Mondiale*. Vol. 9.

6. Andrieș-Tabac, S. (2006) Documente referitoare la acțiunea bisericii române unite cu Roma în Basarabia și Transnistria în anul 1942. In: *Analecta catholica*. Vol. II. Chișinău: Episcopia romano-catolică de Chișinău. pp. 289–317.

7. Beglov, A.L. & Tokareva, E.S. (2024) Chto dumali v Vatikane o religioznom vozrozhdenii na okkupirovannoy territorii SSSR v 1942 g. [What the Vatican Thought about the Religious Revival in the Occupied Territory of the USSR in 1942]. *Vestnik PSTGU. Ser. II: Istoriya. Istoriya Russkoi Pravoslavnoi Tserkvi*. 120. pp. 163–179. doi: 10.15382/sturII2024120.163-179

8. Bitkova, T.G. (2006) Tserkov' v Rumynii [The Church in Romania]. In: *Religiya i tserkov' v Tsentral'no-Vostochnoy Evrope v nachale XXI v.* [Religion and Church in Central-Eastern Europe at the Beginning of the 21st Century]. Moscow: RAS. pp. 42–72.

9. Burgard, L.A. (2011) Vtoraya mirovaya voyna i nemtsy-katoliki v SSSR (k voprosu o posledstviyakh) [The Second World War and Catholic Germans in the USSR (On the Question of Consequences)]. *Grazhdanskaya identichnost' i vnutrenniy mir rossiyskikh nemtsev v gody Velikoy Otechestvennoy voyny i v istoricheskoy pamyati potomkov* [Civic Identity and the Inner World of Russian Germans during the Great Patriotic War and in the Historical Memory of Descendants]. Proc. of the 13th International Conference. Moscow, October 21–23, 2010. Moscow: MSNK-press. pp. 255–280.

10. Vasilieva, O.Yu. (2000) Osobennosti religioznoy zhizni na vremennno okkupirovannoy territorii [Religious Life in the Temporarily Occupied Territory]. In: Belyakova, E.V. (ed.) *Tserkov' v istorii Rossii* [Church in the History of Russia]. Vol. 4. Moscow: RAS. pp. 226–247.

11. Hegumen Damaskin (Orlovskiy), Hieromonk Platon (Rozhkov), Romanova, S.N., Sokolova, L.I. & Stolyarova, Z.N. (2017) *Istoriya Pskovskoy pravoslavnoy missii v dokumentakh: v 2 ch.* [The History of the Pskov Orthodox Mission in Documents: In 2 Parts]. Kozelsk: Optina Pustyn'.

12. Kolupaev, V.E. (2013) Katolicheskie svyashchenniki Bukoviny i Transnistrii v period Vtoroy mirovoy voyny [Catholic Priests of Bukovina and Transnistria during the Second World War]. In: *Analecta catholica*. Vol. VII–VIII. Chişinău: Episcopia romano-catolică de Chişinău. pp. 271–294.

13. Levit, I.E. (2005) Vstuplenie Rumynii v voynu protiv Sovetskogo Soyuza [Romania's Entry into the War against the Soviet Union]. In: *Krestovyy pokhod na Rossiyu* [Crusade against Russia]. Moscow: Yauza. pp. 99–138.

14. Mikhaylutsa, N.I. (2010) “Deyatel'nost' Rumynskoy pravoslavnoy missii v gubernatorstve ‘Transnistriya’ (osen' 1941 – vesna 1944 godov)” [Activities of the Romanian Orthodox Mission in the Governorship of “Transnistria” (Autumn 1941 – Spring 1944)]. In: *Zabytyy agressor. Rumynskaya okkupatsiya Moldavii i Transnistrii* [A Forgotten Aggressor. The Romanian Occupation of Moldavia and Transnistria: Collection of Articles]. Moscow: [s.n.]. pp. 90–111.

15. Obozny, K. (2017) “Novyy kurs” religioznoy politiki Stalina i tserkovnaya situatsiya na okkupirovannykh territoriyakh Leningradskoy oblasti (1943–1944 gody) [Stalin's “New Course” in Religious Policy and the Church Situation in the Occupied Territories of Leningrad Oblast (1943–1944)]. *Gosudarstvo*,

religiya, Tserkov' v Rossii i za rubezhom. 35(3). pp. 360–387. doi: 10.22394/2073-7203-2017-35-3-360-387

16. Obozny, K.P. (2019) Plany i perspektivy ob"edineniya pravoslavnykh tserkvei na okkupirovannykh territoriyakh SSSR i tsentral'noy Evropy pod egi-doy ekzarkha Sergiya (Voskresenskogo) v 1941–1944 gg. [Plans and Prospects for the Unification of Orthodox Churches in the Occupied Territories of the USSR and Central Europe under the Aegis of Exarch Sergiy (Voskresenskiy) in 1941–1944]. *Vestnik Pravoslavnogo Svyato-Tikhonovskogo gumanitarnogo universiteta. Ser. 2: Istoriya. Istoriya Russkoy Pravoslavnoy Tserkvi*. 88. pp. 58–77. doi: 10.15382/sturII201988.58-77

17. SodoI, V.A. (2024) The Romanian occupation of the Moldavian SSR (1941–1944): The Bucharest Patriarchate and the policy of Romanianization (based on materials from the National Archives of the Republic of Moldova). *Rusin*. 78. pp. 200–214. doi: 10.17223/18572685/78/9

18. Stratilat, N.V. (2013) Vostochnaya tserkovnaya politika Rumynii i polozhenie Pravoslavnoy tserkvi v Moldavii vo vremya Velikoy Otechestvennoy voyny 1941–1945 gg. [The Eastern Church Policy of Romania and the Situation of the Orthodox Church in Moldavia during the Great Patriotic War of 1941–1945]. *Khristianskoe chtenie*. 1. pp. 167–193.

19. Tokareva, E.S. (2022) Ital'yanskіe katolicheskie kapellany na Vostochnom fronte v gody Vtoroy mirovoy voyny [Italian Catholic Chaplains on the Eastern Front during the Second World War]. *Novaya i Noveyshaya istoriya*. 5. pp. 153–172. doi: 10.31857/S013038640020036-7

20. Trashka, O. (2010) Okkupatsiya Odessy rumynskoy armiey i unichtozhenie evreyskogo naseleniya: oktyabr' 1941 – mart 1942 goda [The occupation of Odessa by the Romanian Army and the extermination of the Jewish population: October 1941 – March 1942]. *Zhurnal rossiyskikh i vostochnoevropeyskikh istoricheskikh issledovaniy*. 2–3. pp. 86–123.

21. Shkarovskiy, M.V. (2002) *Natsistskaya Germaniya i Pravoslavnaya Tserkov' (Natsistskaya politika po otnosheniyu k Pravoslavnoy tserkvi i religioznoe vozrozhdenie na okkupirovannoy territorii SSSR)* [Nazi Germany and the Orthodox Church (Nazi Policy towards the Orthodox Church and the Religious Revival in the Occupied Territory of the USSR)]. Moscow: Krutitskoe podvor'e.

22. Shkarovskiy, M.V. (ed.) (2003) *Politika Tret'ego reykhа po otnosheniyu k Russkoy Pravoslavnoy Tserkvi v svete arkhivnykh materialov 1935–1945 godov* [The Policy of the Third Reich towards the Russian Orthodox Church in Light of Archival Materials 1935–1945: Collection of Documents]. Moscow: Graal'; Obshchestvo lyubiteley tserkovnoy istorii.

23. Shkarovskiy, M. (2013) Rumynskaya pravoslavnaya tserkov' i Kholokost na okkupirovannoy territorii SSSR [The Romanian Orthodox Church and the Holocaust in the Occupied Territory of the USSR]. *Voyna, kholokost i istoricheskaya*

ратуат' [War, Holocaust and Historical Memory]. Proc. of the 20th International Annual Conference on Jewish Studies. Vol. IV. Moscow: Sefer. pp. 47–58.

24. Shornikov, P.M. (2006) Pravoslavnaya tserkov' "Zadnestrov'ya" v gody rumynskoy okkupatsii. 1941–1944 gody [The Orthodox Church of "Transnistria" during the Years of Romanian Occupation. 1941–1944]. In: *Pokrovskie chteniya* [The Pokrovsky Readings]. Vol. 8. Tiraspol: [s.n.]. pp. 62–67.

25. Shornikov, P.M. (2011) Tserkovnaya agressiya Rumynii. 1941–1944 gg. [The Ecclesiastical Aggression of Romania. 1941–1944]. In: *Vostochnaya politika Rumynii v proshlom i nastoyashchem (konets XIX – nachalo XXI vv.)* [Romania's Eastern Policy in the Past and Present (Late 19th – Early 21st Centuries)]. Moscow: RISI. pp. 162–187.

26. Yarmusik, E.S. (2002) *Katolicheskiy kostel v Belarusi v gody Vtoroy mirovoy voyny (1939–1945)* [The Catholic Church in Belarus during the Second World War (1939–1945)]. Grodno: GrSU.

Токарева Евгения Сергеевна – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института всеобщей истории РАН (Россия).

Evgeniya S. Tokareva – Institut vseobshhej istorii RAN (Russia).

E-mail: estokareva@yandex.ru

УДК 930.(43)»375/1914»+94(438)(09)

UDC

DOI: 10.17223/18572685/82/10

Славянские историографии Средневековья и Нового времени в исследованиях А.Ф. Грабского

Д.В. Карнаухов^{1, 2}, В.А. Спесивцева³

^{1, 3} Новосибирский государственный педагогический университет
Россия, 630126, г. Новосибирск, ул. Вилюйская, 28

² Новосибирский государственный технический университет
Россия, 630073, г. Новосибирск, проспект Карла Маркса, 20

^{1, 2} E-mail: dvkarn@mail.ru

³ E-mail: wierra@yandex.ru

Авторское резюме

Рассматривается один из важных аспектов научного наследия выдающегося польского историка второй половины XX в. Анджея Феликса Грабского – изучение им историографической традиции различных славянских стран с момента их зарождения до начала XIX столетия, в числе которых наибольшее внимание было уделено исторической мысли Польши, Руси/России и Чехии, а также балканских славянских стран. Представлен краткий биографический очерк в контексте эволюции научных подходов к изучению истории историографии на протяжении научной карьеры А.Ф. Грабского. Особое внимание уделяется представленной в работах историка концептуализации категории исторической мифологемы как методологического инструмента для изучения интеллектуальной истории в целом и истории исторической мысли в частности. А.Ф. Грабский был ярким представителем данного научного направления, сумев соединить в своих трудах теоретические и прикладные аспекты историографии как важного элемента исторического мировоззрения на примере, прежде всего, польских исторических концепций, в чём заключается его огромный вклад в теорию исторического познания, малоизвестный за пределами его страны.

Ключевые слова: историография, славянские историографии, Средневековье, эпоха Возрождения, эпоха Просвещения, Польша, Русь, Россия, Анджей Феликс Грабский

Slavic historiographies of the Middle Ages and the Modern Era in the studies of Andrzej Feliks Grabski

Dmitriy V. Karnaukhov^{1, 2}, Vera A. Spesivtceva³

^{1,3} Novosibirsk State Pedagogical University
28 Vilyuyskaya street, Novosibirsk, 630126 Russia

² Novosibirsk State Technical University
20 K. Marksa prospekt, Novosibirsk, 630073 Russia

^{1,2} E-mail: dvkarn@mail.ru

³ E-mail: wierra@yandex.ru

Abstract

This article examines a significant aspect of the scholarly legacy of Andrzej Feliks Grabski, a distinguished Polish historian of the second half of the 20th century. Specifically, it explores his research on the historiographic traditions of various Slavic countries from their origins to the early 19th century, with particular attention to the historical thought of Poland, Rus'/Russia, Bohemia, and the Balkan Slavic nations. The study includes a brief biographical sketch contextualized within the evolution of Grabski's methodological approaches to the history of historiography throughout his academic career. The authors place particular emphasis on the historian's conceptualization of the category of historical mythologeme as a methodological tool for studying intellectual history in general and the history of historical thought in particular. Grabski emerged as a prominent representative of this scholarly field, successfully integrating theoretical and applied aspects of historiography as an essential component of historical worldview, primarily through the lens of Polish historical concepts. This constitutes his substantial contribution to the theory of historical knowledge—a contribution that remains little known beyond his homeland.

Keywords: historiography, Slavic historiographies, Middle Ages, Renaissance, Enlightenment, Poland, Rus', Russia, Andrzej Felix Grabski

Историческое знание и как основа культурного самосознания, и как сфера научной рефлексии немислимо без обобщения и осмысления опыта его развития в различных пространственных и временных рамках. Попытки такого обобщения, особенно в сравнительном аспекте, можно отнести к наиболее ценным исследовательским практикам. Данное утверждение касается осмысления не только опыта

исторической мысли в целом, но и её региональных спецификаций. К такому может быть отнесено обобщение опыта развития славянских историографий, объединённых сходством культурных императивов.

Попыток проведения таких сравнительных исследований было немного. Самые ранние из них были предприняты приверженцами идей славянского единства на пике их популярности в XIX в. Ярким представителем этого направления был И.И. Первольф, выпускник Карлова университета в чешской Праге и ординарный профессор российского Варшавского императорского университета [7]. Попытки обобщения опыта развития славянских историографий в сравнительном аспекте предпринимались в цикле коллективных трудов советского периода [4, 5], а также в работах Л.А. Зашкильняка [3] и Г.П. Мельникова [6], посвящённых отдельным славянским странам. На рубеже XX и XXI вв. ряд аналогичных попыток сравнительного исследования был предпринят также в Польше, в частности, широкую известность получила коллективная монография «История Центрально-Восточной Европы», в которую был включен солидный историографический раздел [11], а также ряд обобщающих работ польского историка Грабского, наследию которого посвящена наша статья.

Анджей Феликс Грабский (пол. Andrzej Feliks Grabski) родился в 1934 г. в семье, имевшей большие заслуги перед польским государством. Его дедом был видный польский экономист Владислав Грабский, дважды занимавший пост премьер-министра во Второй Польской республике, а отец стал известным научным деятелем в «народной» Польше. После окончания историко-философского факультета университета Лодзи Анджей Феликс связал свою научную жизнь с этим городом и стал одним из основателей лодзинской исторической школы. Он специализировался на изучении истории Польши Средних веков и истории исторической мысли, был автором более ста научных работ, которые приобрели широкую известность также за пределами его страны. Вклад Грабского в сравнительное изучение исторической мысли был огромен и отразился в работах, написанных в последние годы жизни и опубликованных уже после смерти ученого, в начале XXI в. К таким трудам относились «Очерк истории польской историографии» [10] и монография «История историографии» [9].

В многочисленных рецензиях на труды А.Ф. Грабского, научных некрологах и мемориальных сборниках польские коллеги профессора высоко оценили его вклад в изучение сферы исторического познания, результатом которого стало, по выражению российского исследователя Л.Е. Горизонтова, создание «компендиума по истории мировой исторической мысли, в котором он видел свой *opus magnum*, венец многолетней исследовательской деятельности» [1: 125].

Е. Доманьска характеризует этого учёного как «демистификатора идеологических ядов» и одновременно подчёркивает его вклад в изучение культурного контекста становления историографии, а также роль в её развитии мифологем, позволившего свести воедино тезисы концепций других польских историков историографии – Я. Поморского, В. Кули, В. Вжозека и Е. Топольского [8: 110]. Одним из ключевых императивов научной работы Грабского Е. Доманьска называет демонстрацию достижений польской исторической мысли на фоне западноевропейской историографии [8: 112–113].

Ученик Грабского и его коллега по лодзиньской исторической школе Р. Стобецкий выделял в качестве особенности подхода своего учителя отказ от отношения к истории историографии как к циклу последовательно сменяющих друг друга парадигм познания прошлого – которому была противопоставлена концепция «замещения» историографических моделей и соперничества между ними в рамках разных эпох различных парадигм [12: 242–243]. Таким образом, указывалось на гибкость и многофакторность анализа историографического материала Грабским и его отказ от жёстких линейных подходов.

В свою очередь А. Вержбицкий, оценивая научные достижения коллеги, сделал акцент на его стремлении доказать и обосновать важность «автономии» истории историографии в системе исторических наук, подчеркнув убеждённость Грабского в её партнёрской роли в отношении философии истории, а также праве представляющих её учёных приходить к самостоятельным выводам о «правдивости или ложности» представлений о прошлом вне зависимости от навязываемых господствующей культурной или идеологической средой ценностных императивов [13: 7].

Приведённые нами оценки современников позволяют судить о Грабском как о новаторе в сфере изучения истории наук в целом и истории исторического знания в частности. При этом, к большому сожалению, работы этого автора, за исключением одной из его ранних статей [2], не переводились на русский язык и не были удостоены обстоятельных обзоров и изучения со стороны постсоветских научных школ. Попыткой восполнения этого пробела в аспекте сравнительного изучения развития славянских историографий является наше исследование.

В монографии «История историографии» процессы зарождения историографических традиций славянских стран Грабский характеризует в главе, посвящённой эпохе Средневековья. При этом в разных разделах уделено внимание традициям Чехии и Польши, отнесённых польским автором к «периферийным странам латинской общности» и объединённых понятиями «центральноевропейское историописание»

(dziejopisarstwo środkowoeuropejskie), и «историописание русское», отнесённое к «христианскому историописанию Востока», поставленному в один ряд с византийской, армянской и сирийской историографиями. Таким образом, автор противопоставляет друг другу западную (латинскую) и восточнохристианскую историографические традиции славян, тем самым акцентируя различия между ними и связывая их развитие с влиянием разных центров интеллектуальной культуры христианского мира – Рима и Константинополя.

Польский автор выделяет в двух «центральноевропейских» славянских историографиях Средних веков общие и особенные черты.

Общими чертами названы тесная связь раннего историописания славянских стран региона с западноевропейским историописанием, обусловленность его зарождения их присоединением к «христианской семье народов», а также династический характер историографического нарратива и тесная взаимосвязанность национальной и всеобщей истории.

Специфика, по мнению Грабского, выражалась в существенном влиянии на развитие чешского средневекового историописания кириллической традиции, проявившемся в создании первых сочинений, содержавших в том числе сведения исторического характера. Наиболее ярким примером были агиографические памятники, среди которых выделялась старославянская легенда о св. Вацлаве [9: 102]. В той или иной форме традиция создания исторических сочинений на национальном языке проявляла себя неоднократно. Особое его внимание привлекла в этой связи хроника Далимила начала XIV в., сыгравшая существенную роль в развитии чешского национального исторического сознания» [9: 104]. Вместе с тем в целом влияние латинской традиции в Чехии было определяющим, на латыни в средневековой Чехии создавались все важнейшие исторические сочинения.

В качестве самого яркого эпизода в истории чешского средневекового историописания Грабский выделяет инициативы короля Карла, избранного императором Священной Римской империи в 1355 г. В заслугу этому монарху Грабский ставит «развертывание амбициозной программы использования историографии» с целью укрепления своей власти в Чехии и одновременно международной позиции в Европе, указывая на особую роль исторического нарратива как идеологического инструмента. Эта связь проиллюстрирована на примере «жизнеописания» *Vita Caroli imperatoris*, в котором польский учёный усматривает не только черты, характерные для средневекового стиля, но и замечает «эхо раннеренессансного итальянского индивидуализма» [9: 104], признавая тем самым новаторский характер творчества историков, привлечённых к этой работе, и подход

самого Карла, выступившего в роли соавтора их произведения, что было совершенно нетипично для историографической традиции современной ему эпохи. Ещё одной значимой «историографической инициативой» этого монарха Грабский называет создание по его заказу на пике влияния Чехии как центра Священной Римской империи, хроники Пшибика Пулкавы, в которой не только было связано воедино правление чешских монархов «от Вацлава до Карла», но и содержались элементы национальной мании величия, проявившейся в изложении истории Чехии и чехов «от Вавилонской башни» [9: 10].

В отличие от чешской традиции, польское средневековое историописание, по оценке Грабского, развивалась исключительно в рамках латинской языковой среды усилиями католического духовенства, которое способствовало распространению после начала христианизации издавна практиковавшегося на Западе обычая записи информации о важных событиях на полях пасхальных таблиц [9: 21]. Старейшие польские исторические произведения (используется польский термин *roczniki*) в этой связи «были продолжением западных, главным образом франко-германских образчиков» [9: 107].

Появление первых зрелых и сохранившихся до наших дней польских исторических произведений отнесено к началу XII в. При этом Грабский показывает их жанровую эволюцию: от изложения «деяний» (лат. *gestae*) польских монархов к «хроникам», для которых было характерно подчинение исторического нарратива хронологическому подходу в изложении [10: 22]. В этой связи первым таким произведением, отразившим не только династическую историю, но также историю государства и страны, признаётся произведение краковского епископа Винцентия Кадлубека *Chronica Polonorum*, созданное на рубеже XII и XIII вв. Для характеристики его особенностей здесь приводятся оценки авторитетных исследователей (Б. Кюрбис): среди главных отличительных черт сочинения Кадлубека выделена морализация и рационализации в оценках, подчеркнута сочетание исторического повествования, философских размышлений с причудливым стилем изложения, что даёт основание поставить это сочинение в один ряд с лучшими литературными памятниками эпохи [9: 108]. Также отмечается, что уникальность хроники Кадлубека состояла в её общенациональном характере, так как созданные в последующие столетия произведения по большей части отражали прошлое отдельных регионов Польши, вплоть до периода консолидации страны под властью Ягеллонской династии.

Кульминацией и самым ярким эпизодом в истории историографии средневековой Польши Грабский, полностью соглашаясь с оценками своих предшественников, признаёт исторический труд Яна Длугоша,

созданный во второй половине XV в. и охарактеризованный в качестве «одного из лучших европейских исторических описаний позднего Средневековья» [9: 110]. Исследователь делает акцент на прикладных аспектах сочинения Длугоша, оценивает его роль в категориях «школы политики» для государственных мужей, в интересах управления ими государством, что сочеталось с просветительским опытом историка, занимавшегося воспитанием наследников польских монархов. Взгляд автора хроники Грабский признает «сугубо средневековым» из-за тенденциозности, провиденциалистского подхода и ориентации на интересы католической церкви, в структуры которой Длугош был тесно интегрирован [10: 26]. Так же как и в оценках наследия Кадлубека, Грабский цитирует труды коллег, в частности ссылается на мнение Я. Домбровского [9: 112], назвавшего важнейшей чертой хроники патриотический настрой Длугоша, проявившийся в активной эмоциональной позиции относительно успехов Польши, неприятию «чуждой» полякам династии Ягеллонов, болезненном восприятии территориальных потерь и т. д.

Еще одной важной традицией, которая характеризуется в главе, посвящённой эпохе Средневековья в монографии «История историографии», названо русское историописание. Этот раздел нам особенно интересен из-за специфики польской интеллектуальной культуры, важной чертой которой является избыточный полоноцентризм и предвзятость. Тем не менее Грабский, как и в характеристике чешской традиции, стремится сохранить приверженность объективному подходу.

Польский автор отмечает отличие «в различных аспектах» историописания, которое сформировалось на восточных рубежах Европы, от западноевропейской традиции, увязывая само его возникновение не только с принятием христианства, но и с происхождением связанного с ним «обряда», под которым подразумевается конфессиональная специфика. Тесная связь с Византией, по мнению Грабского, обусловила разрыв русской историографической традиции с Западом. Указывается также на роль двух факторов её развития на Руси – «государства и Церкви», с некоторым влиянием «устной традиции» исторического эпоса (былин). Особенностью, имевшей для Руси принципиальное значение, как подчёркивает автор, было развитие русской историографии «с самого начала на национальном языке» [9: 127].

Грабский также отмечает содержательную специфику русского историописания, в частности, делает акцент на характерных для него представлениях одновременно как об универсальной историографии, так и отечественной истории. Первые формировались на основе и

по образцу византийских хронографов: эта традиция признаётся польским исследователем чрезвычайно устойчивой, им указывается на востребованность самых ранних памятников даже в XVII и XVIII вв. Вторые, по свидетельству Грабского, излагались в летописях в хронологическом порядке, что сближало их с западноевропейскими хрониками и «рочниками». Упоминается также об иных формах исторических сочинений, характерных для Руси, таких как «повести» и агиографические жизнеописания (биографии).

Представляет интерес замечание Грабского о допусках в содержании «историографических текстов», которые сводились либо к дополнениям их свидетельствами о происходивших событиях, либо к изменению содержания в связи с изменяющимися политическими потребностями, что приводило к трансформации «идейного звучания» (*wymowa ideowa*) и формированию собраний летописей, определявшихся Грабским как «объединение в единое целое различных переработанных памятников, названных по месту их создания и хранения, которыми чаще всего были монастыри». Польский исследователь перечисляет ключевые историографические сочинения Руси и отдаёт должное их исследователям, среди которых отмечен вклад А.А. Шахматова.

Особый интерес представляют выводы Грабского, отражающие взгляд на историописание Руси этого польского автора как представителя иной интеллектуальной культуры. Во-первых, русская традиция, подобно историографии других стран, характеризуется в качестве инструмента легитимизации власти и «поставщика» оправданий для новых политических притязаний. Именно этим обстоятельством объясняется «извержение летописного творчества» [9: 128]. Во-вторых, признаётся существенная роль историописания для сохранения культурного единства средневековой Руси в условиях удельной раздробленности, а также поддержки «общерусского политического самосознания» [9: 129]. В-третьих, Грабский связывает, в том числе с историографией, успех воплощения в жизнь идеи объединения русских земель «под эгидой Москвы» и последующего формирования «великорусского национально-государственного сознания».

Общий вывод польского автора в целом комплиментарен для русской историографии, он видит немало сходств в её развитии с западнохристианскими традициями, но именно использование для создания исторических произведений национального языка считает ключевой предпосылкой для становления русской истории не только как истории государственной, но прежде всего как «истории национальной» [9: 130].

Сравнительному анализу традиций исторической мысли славянских стран автор «Истории историографии» также уделяет внимание в главе «Ренессансный перелом в историографии». Эти традиции характеризуются в рамках раздела, посвящённого странам Центральной, Юго-Восточной и Восточной Европы. При этом отдельно рассматриваются польская, чешская, а также «русская и российская» (ruska i rosyjska) историографии.

Характеризуя региональные тенденции, Грабский датирует второй половиной XV в. «присоединение к инициированному в Италии движению гуманистического переустройства историографии» венгерской и польской исторической мысли, объясняя их первенство близкими контактами с итальянскими центрами гуманистической культуры, а также указывает на более позднее восприятие таких идей чешской традицией. Также общей чертой «центральноевропейских» славянских историографий, проявившейся в эпоху Возрождения, автор называет «избирательное» использование гуманистических инспираций для создания своей собственной «государственно-национальной» концепции истории [9: 240].

Достижениям польской ренессансной исторической мысли здесь уделено больше внимания, чем традициям других славянских стран из-за выраженных индивидуальных черт, отличавших польскую историографию от историографий других стран. Среди таковых выделена ориентация на создание истории своего государства-народа, причём именно эпоха Возрождения признаётся им важнейшим периодом в исполнении этой миссии. Грабский пишет: «Уже в конце XV в. среди польской интеллектуальной и политической элиты возник интерес к созданию нового, отвечающего нуждам государства и в то же время стандартам нового гуманистического историописания, целостного представления истории Польши. Великодержавная позиция польско-литовского государства сформировала потребность в принципиальной переоценке прежних взглядов на происхождение и историческую роль Польши и поляков, так как благодаря этому они могли обосновать её новое положение среди европейских государств. Возникла также потребность создания такой её исторической генеалогии, которая не только доказывала бы древность поляков и их государства, не уступая в этом иным европейским государствам-народом, но также подчёркивала бы её изначальную независимость и самостоятельность в отношении других, великодержавность, существовавшую в древнейшие времена» [9: 243].

Свои тезисы Грабский подтверждает яркими примерами, упоминая древние легенды о Лехе и польских победах над Александром Великим или Цезарем. Целью такого подхода, по мысли учёного,

было «продление» польской истории до эпох, с которыми связывалось происхождение других европейских государств-народов, «укоренение» польско-литовской державы в «новой ренессансной картине истоков народов мира». Кульминацией процесса интеграции польской истории в европейские древности признаётся «сарматская теория» происхождения Польши и поляков, которая определяется Грабским как «историческая идеология» польского государства в XVI в. [10: 43], «спроецировавшая на древнейшую историю человечества современные великодержавные политические устремления и одновременно заложившая фундамент, на котором буйно расцветёт новая польская историческая мифология» [9: 243].

С нашей точки зрения, блестящий анализ Грабского, раскрывающий сущность ключевого для становления фундаментальных основ исторического сознания и интеллектуальной культуры его страны этапа в развитии её историографии, предопределившего их развитие в дальнейшем вплоть до наших дней, раскрывает огромную научную ценность использованной при этом исследовательской методологии, позволяющей связать воедино политическое и культурное значение исторического знания, понять природу его идеологических и мифотворческих функций.

Конкретизируя описанный механизм «политизации» ренессансных историографических нарративов на примере деятельности отдельных польских историков, Грабский выделяет особую роль фундаментальных обзоров «истории поляков» (именно такая формулировка преобладала в титулах наиболее значимых трудов), отдавая первенство в информировании просвещённой публики всей Европы уроженцам Польши – Матвею Меховскому и Мартину Кромеру, написавшим свои произведения на изящной ренессансной латыни. Также отмечается важная роль историков-иностранцев, связавших свою судьбу с Польшей, среди которых выделены эльзасец Йодок Людвиг Дец и итальянец Александр Гваньини.

Ещё одной важной особенностью ренессансного этапа в развитии польской историографии для Грабского является акцент на регионализации, вызванный огромными размерами и этнокультурным многообразием польско-литовского государства. В этой связи исследователь особо выделяет сочинения, посвящённые восточным провинциям страны – Литве и Руси, признавая за польскими авторами неоспоримое первенство и даже эксклюзивность в освещении их прошлого и настоящего [9: 249].

Отмечена также и противоположная тенденция, а именно крайне низкий интерес польских ренессансных авторов к созданию трудов по всеобщей истории, такие попытки характеризуются Грабским в

качестве частных инициатив. Отдавая дань уважения единственному историку, решившемуся на такой шаг – Марчину Бельскому, польский учёный, тем не менее, критикует его за компилятивность и некритичность, выделяя в качестве достоинств создание этого произведения в гуманистическом духе и на польском языке, благодаря чему, по заключению Грабского, труд Бельского оказал влияние на исторические представления других народов, прежде всего на русскую и российскую историографию [10: 40], для которой польский язык был гораздо ближе и понятнее, чем латынь.

Сравнивая опыт развития историографических традиций Польши и Чехии в эпоху Возрождения, Грабский отмечает существенную задержку в наступлении ренессансного перелома и его слабую выраженность в развитии чешской интеллектуальной культуры. Данная особенность объясняется острым идейным противостоянием между гуситами и католиками, «стерилизовавшим» развитие национальной историографической традиции, и лишившим её ярких самобытных проявлений [9: 254]. Как результат, интерес к гуманистическим идеям, по мнению польского исследователя, здесь нашёл выражение в переводах иноязычных (преимущественно немецких) исторических произведений на чешский язык, тогда как национальная история, по заключению Грабского, излагалась в традиционном провиденциалистском духе и была ориентирована преимущественно на изложение фактов в свете идейных тенденций, характерных для того или иного лагеря.

В качестве примеров таких сочинений польский учёный упоминает хроники гуситов Богуслава Билейовского и Мартина Кутена, а также католика Вацлава Гаека, общими чертами которых, при различии в идейной направленности, называет их некритичность и тенденциозность, способствовавшие консервации характерной для Средних веков национальной исторической мифологии, тогда как принадлежность к ренессансной традиции в этих сочинениях, по мнению Грабского, проявлялась разве что в риторике [9: 255].

Анализируя особенности «историографии русской, а впоследствии московской» на рубеже Средних веков и Нового времени, Грабский не выявляет какого-либо ренессансного перелома, объясняя эту особенность тем, что данная традиция, как и прежде, развивалась независимо от перемен, затрагивавших историческую мысль стран Западной и Центральной Европы, поскольку не была ориентирована на восприятие её достижений.

Польский историк воспроизводит стереотипное мнение об избыточной чувствительности русского православия ко всем идеям, исходящим «от латинников», объясняя этим обстоятельством также

и то, что гуманистические идеи «не получили доступа в Россию и не были привиты местной литературной традиции» [9: 258]. Единственным исключением Грабский считает творчество А.М. Курбского, чьи «ренессансные инспирации» связывает с его эмиграцией в Литву и Польшу. Именно влиянием польской историографии объясняется разрыв Курбского с «доныне актуальной» для российской традиции практикой трактовки истории как инструмента в руках власти, служащего легитимизации её политики. Оценивая *Историю о великом князе Московском*, написанную в связи с выдвиганием Ивана IV в качестве кандидата на королевский трон Речи Посполитой, Грабский пишет:

«**Новаторство** (здесь и далее в цитате выделено Грабским. – Д.К., В.С.) произведения Курбского основывалось не только на том, что оно было **первым** в российской историографии описанием истории правления одного правителя, а именно Ивана IV, но также и в том, что его автор, заботясь о **достоверности** излагаемых свидетельств, информировал читателей об их происхождении. Так же как и историки-гуманисты, он занимался поиском психологических мотивов описываемых событий» [9: 263].

Грабский особо подчёркивает важность политических аспектов подхода Курбского, сводившихся к неприятию «доктрины самодержавия» и обоснованию с помощью исторических аргументов прав аристократии (боярства), что было созвучно с политической программой польско-литовских магнатов, выступавших в качестве заказчиков многих исторических произведений описываемой эпохи. В этой связи польский учёный в качестве альтернативы «московско-российскому» историописанию рассматривает формирование в тесной взаимосвязи с польской традицией «независимой» историографии на русских землях, входивших в состав польско-литовского государства, характеризуя её как преемницу литовско-русской ветви русского летописания, расширившей горизонт своих интересов под влиянием «ренессансной моды». Тем самым Грабский констатирует размежевание русской средневековой историографии на «польско-литовскую» и «московско-российскую» традиции, противопоставляя их друг другу в аспектах как идейно-политической, так и культурной ориентации. Эти акценты отражают характерную для Грабского ангажированность, продиктованную спецификой современной ему эпохи геополитической трансформации, сегментации и переориентации интеллектуальной культуры постсоциалистического восточноевропейского пространства, процесса, в котором историографические инспирации играли важную роль.

В этой связи, в отличие от «литовско-русской» ветви, традиции «московско-российской» Грабский даёт преимущественно нейтраль-

но-негативные оценочные характеристики. В частности, акцентируется роль историографии для легитимизации власти Великих князей Московских и «местных митрополитов», а также обоснования «претензий Москвы на владение всей Русью». Также польский учёный делает акцент на уничтожении или редактировании «невыгодных» для Москвы и не отвечающих продвигаемой ею картине истории, документов, доставлявшихся из сопротивлявшихся её доминированию политических центров. Тем самым Грабский подводит читателя к выводу о подчинении «московско-российского» историописания политическим интересам, что нашло выражение в постепенном формировании здесь «официальной историографии» [9: 258–259].

Первым и самым важным памятником, отразившим данную парадигму, Грабский считает *Московский свод* второй половины XV в., в котором, по его оценке, «историографический материал был организован вокруг двух ключевых для амбиций российского государства исторических идей» – самодержавия и приверженности «истинному христианству» [9: 260]. Анализу идеологического содержания «московско-российского» историописания польский автор уделяет особое внимание, посвящая ему обстоятельный обзор, и по итогам приходит к выводу о роли историографии как ключевого элемента «идеологического инструментария политической системы самодержавия» в зарождающейся России, определив в качестве кульминации этого процесса создание *Книги Степенной царского родословия* [9: 262].

Эпоха Возрождения для Грабского символизировала переход от средневекового «мифологического» историописания к «научной» историографии Нового времени, зародившейся в эпоху Просвещения и получившей мощный импульс для развития в XIX в.

В этой связи польский учёный в последующих разделах «Истории историографии» сопоставляет тенденции в развитии историографий славянских стран Центральной и Восточной Европы в этот важный период, делая акцент на позднем усвоении новых научных подходов, характерных для эпохи Просвещения, а также на их применении преимущественно к презентациям национальной истории. Помимо наиболее близкой и понятной Грабскому традиции исторических представлений своей страны рассматриваются достижения исторических школ Чехии и Словакии, «новая историография» в Юго-Восточной Европе, в том числе историческая мысль югославянских народов – хорватов, сербов и болгар, а также Российской империи. Коротко остановимся на их оценках, сделанных Грабским.

Общим для упомянутых выше историографий славянских стран в XVIII в., за исключением российской историографии, было развитие в условиях борьбы либо за сохранение национальной государст-

венности, либо за национальное возрождение в условиях её потери, либо за освобождение от иноземного гнёта. В этой связи, по мысли Грабского, историография становилась одним из ключевых элементов национальной культуры и самосознания, но проявлялась эта её роль в разных странах по-разному.

Для исторической мысли Польши было характерно следование в фарватере европейской историографии эпохи Просвещения, применение к историографическим практикам новых критических методов познания. Как результат, одной из главных инициатив по реконструкции исторического материала Грабский считает пересмотр «сарматских» представлений, сопряженный с демифологизацией, который был вызван острой потребностью отказа от представлений о вечной и совершенной социальной и политической структуре Речи Посполитой, характерных для «сарматизма».

Переломным событием, повлиявшим на переформатирование польской историографии эпохи Просвещения, стал первый раздел Польши. По мысли историка, он явился точкой отсчёта для польских интеллектуальных кругов, импульсом для осознания невозможности опоры на великодержавные «сарматские» мифологические построения, и необходимости ориентации на такие исторические категории, которые были бы адекватно восприняты в просвещённой Европе. Именно в этом контексте Грабский рассматривает вклад в развитие польской историографии Адама Нарушевича, чья деятельность привела к радикальному переосмыслению вопроса этногенеза поляков, их идентичности в европейской семье народов, чему способствовало акцентирование их обособленности «от Востока» [9: 397, 404]. Таким образом, историография эпохи Просвещения в Польше не только поставила под сомнение мифологические элементы представлений о прошлом прежних эпох, но и сделала историю частью политической практики, востребованной как обществом, так и властью в период кризиса польской государственности.

Развитие историографии Чехии и Словакии в эпоху Просвещения Грабским также рассматривалось в контексте политических условий развития этих славянских стран, а именно как часть процесса их национального Возрождения, обусловленного зависимым положением в составе Австрийской империи. В этой связи восприятию идей Просвещения чешским историописанием, по мнению Грабского, способствовала национальная ориентация чешской научной среды, отвергавшей официальные имперские постулаты. Польский учёный характеризует 40–60-е гг. XVIII в. как время серьёзной работы в русле критических исследований по чешской истории. В этот период основными вопросами становятся приход славян в Чехию, установ-

ление христианства и происхождение богемской знати. Всё это, по мнению Грабского, подчёркивало устремление чехов к политической самостоятельности. В качестве примера польский учёный указывает на изыскания Геласия Добнера, занимавшегося проблематикой происхождения славян, распространения славянского религиозного обряда и кириллицы [9: 423–424]; показывает, что память о великом прошлом чехов и славян замещала национальную травму, вызванную потерей независимости.

Словацкое Просвещение, которое в отличие от Чехии развивалось в условиях религиозной терпимости, обусловленной императорским патентом, характеризуется в контексте становления политической нации. Словацкая нация представлялась как равноправный партнёр европейских народов, обосновывая, тем самым, своё право на независимое национальное существование [9: 427]. Как отмечает польский автор, важным элементом словацкого Просвещения стало продвижение теории о формировании, в том числе и на словацких землях, Великоморавской державы, являвшейся, по убеждению словацких историков, родиной и колыбелью всех славянских народов. Грабский считает, что эти идеи, хотя не имели ничего общего с характерным для эпохи Просвещения критическим подходом к изучению прошлого, очень благожелательно воспринимались словацкой общественностью.

В сходных условиях давления на национальное самосознание со стороны властей различных империй развивались историографии балканских южнославянских народов – хорватов, зависимых от Австрии, а также болгар и сербов, борющихся за освобождение от власти османской Турции. Грабский отмечает, что в хорватской историографии возникает представление о Хорватии-Иллирии как исконной прародине южного славянства (по аналогии с осмыслением в словацкой традиции роли Великой Моравии), идеологическим профилем которого становится демонстрация былого величия хорватов и необходимости его возрождения. Эти идеи будут использованы как идеологические лозунги национально-освободительного движения XIX в. [9: 440].

Грабский пишет также об особом пути развития «православной» историографии Сербии, особенность которой заключалась в фокусировке на религиозном содержании. По его мнению, сербская историография начала развиваться в русле просветительских идей только во второй половине XVIII в. и именно тогда в ней широко применялись именно рационалистические принципы исторического познания [9: 440–441]. Специфика болгарской историографии рассматривается Грабским в большей степени с позиции подавления

национальных традиций османами. Так же как и в случае Сербии, он обращает внимание на преимущественно религиозное содержание исторических произведений и сосредоточение на исторических изысканиях духовных лиц.

В отличие от всех описанных выше славянских стран, Грабский отмечает полностью противоположные тенденции в развитии историографии эпохи Просвещения, характерные для Российской империи. В частности, историк отмечает выход исторической мысли страны из изоляции в результате реформ Петра I, сближение с западноевропейскими историографическими традициями, символом которого было участие в развитии российского историописания немецких учёных, взбудораживших общественность страны выдвижением норманской теории «генезиса России», которая вызвала бурную дискуссию в местных интеллектуальных кругах. Также Грабский отмечает постепенную секуляризацию российской историографии, характерным проявлением которой для него была деятельность государственного служащего Василия Татищева, автора первого «светского» труда по истории России, в котором её интерпретация имела характер «однозначно монархической» [9: 415].

Ещё одной принципиально важной особенностью российской историографии Грабский называет «патриотизм», затмивший характерный для европейской исторической мысли критицизм, в связи с чем польский учёный характеризует данное явление как «просвещенческую мутацию», полагая самым ярким её проявлением исторические взгляды Ломоносова, а также историков второй половины XVIII в., усилия которых были направлены на «апологию имперской политики» [9: 420], а исторические труды создавались в интересах и по прямому поручению российских монархов. Последствиями такой мутации Грабский считает характерное для российской традиции игнорирование свойственного для европейского Просвещения постулата рассмотрения всей истории с «универсалистской перспективы», а также отсутствие условий для формирования здесь «новой гражданской историографии» [9: 422].

Причина непохожести историографии России на историческую мысль других славянских стран заключалась, по мнению Грабского, в том, что лишь эта страна не только сохранила независимость, но и последовательно наращивала влияние в масштабах Европы, превратив историческую аргументацию в политический инструмент, в ущерб предназначению историографии как сферы критического научного познания.

Обзором славянских историографий эпохи Просвещения завершается сравнительное исследование Анджея Феликса Грабского в

рамках интересующей нас проблематики. Разделов о славянских странах мы не находим в последующих главах «Истории историографии», посвящённых XIX столетию, что не может быть истолковано как упущение из-за незавершённости этого труда, вызванной смертью историка в 2000 г. Из славянских историографических традиций материал по XIX в. был представлен лишь в «Очерках истории польской историографии», опубликованных в последний год жизни учёного.

Таким образом, в сравнительном аспекте Грабский провёл своё исследование славянских историографий на примере трёх эпох – Средних веков, Ренессанса и Просвещения. Именно по этим фрагментам мы можем подвести итог проделанной нами работы.

Важно отметить последовательность применения авторского методологического подхода и огромную эрудицию Грабского, который, несмотря на отдельные проявления субъективности, предопределённые «европоцентризмом» польской интеллектуальной культуры, тем не менее не выходит за рамки сугубо научного анализа. Исследователем была проведена масштабная работа по объективному сравнению различных историографических традиций. Исторические представления, характерные для разных славянских стран различных эпох, в его трудах изучены в трёх качествах: как ключевой элемент национального самосознания, как инструмент продвижения политических государственных интересов и как фактор формирования научных концепций, способствующий лучшему пониманию истории и в научных, и образовательно-воспитательных целях. Данный подход к изучению славянских историографий представляется продуктивным и создаёт перспективу для продолжения сравнительных исследований, позволяющих понять и объяснить важность сходств и различий, проявившихся на историческом пути развития славянских народов, а также роль мифологических и научных элементов в их историческом мировоззрении.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Горизонтов Л.Е.* Памяти Анджея Феликса Грабского (1934–2000) // Славяноведение. 2001. № 4. С. 124–126.
2. *Грабский А.Ф.* По поводу польско-византийских отношений // Византийский временник. 1956. Т. XIV. С. 302–307.
3. *Зашкильняк Л.А.* Формирование и развитие исторической науки в Польше. Львов: ЛГУ, 1986. 81 с.
4. Историография истории южных и западных славян. М.: Моск. ун-т, 1987. 260 с.

5. Источники и историография славянского средневековья: сб. ст. и материалов. М.: Наука, 1967. 288 с.
6. Мельников Г.П. Чешская общественно-историческая мысль Средневековья и раннего Нового времени. М.: Индрик, 2022. 532 с.
7. Первольф И.И. Славяне, их взаимные отношения и связи. Т. 2: Славянская идея в литературе до XVIII в. Варшава: Тип. К. Ковалевского, 1888. 240 с.
8. Domańska E. Historia – Historiografia – Ideologia (Refleksje nad zarysem Historii historiografii polskiej Andrzeja F. Grabskiego) // *Historyka. Studia Metodologiczne*. Т. XXX. 2001. S. 109–115.
9. Grabski A.F. Dzieje historiografii. Poznań: Wydawnictwo Poznańskie, 2006. 866 s.
10. Grabski A.F. Zarys historii historiografii polskiej. Poznań: Wydawnictwo Poznańskie, 2000. 227 s.
11. Historia Europy Środkowo-Wschodniej. Т. 2 / red. Jerzy Kłoczowski; aut. t. Natalia Aleksion [i in.]; Instytut Europy Środkowo-Wschodniej. Lublin: Instytut Europy Środkowo-Wschodniej, 2000. 353 s.
12. Stobiecki R. Andrzeja Feliksa Grabskiego droga do historii historiografii // *Przegląd Nauk Historycznych*. 2002. Т. 1, v. 1. S. 235–243.
13. Wierzbicki A. Andrzej Feliks Grabski (1934–2000) jako historyk historiografii // *Historyka. Studia Metodologiczne*. Т. XXXI. 2001. S. 3–14.

REFERENCES

1. Gorizontov, L.E. (2001) Pamyati Andzheya Feliksa Grabskogo (1934–2000) [In Memory of Andrzej Feliks Grabski (1934–2000)]. *Slavyanovedenie*. 4. pp. 124–126.
2. Grabski, A.F. (1956) Po povodu pol'sko-vizantiyskikh otnosheniy [On the Subject of Polish-Byzantine Relations]. *Vizantiyskiy vremennik*. 14. pp. 302–307.
3. Zashkilnyak, L.A. (1986) *Formirovanie i razvitie istoricheskoy nauki v Pol'she* [Formation and Development of Historical Science in Poland]. Lvov: LSU.
4. Sozin, I.V. (ed.) (1987) *Istoriografiya istorii yuzhnykh i zapadnykh slavyan* [Historiography of the History of the Southern and Western Slavs]. Moscow: MSU.
5. Nikitin, S.A. (ed.) (1967) *Istochniki i istoriografiya slavyanskogo srednevekov'ya* [Sources and Historiography of the Slavic Middle Ages]. Moscow: Nauka.
6. Melnikov, G.P. (2022) *Cheshskaya obshchestvenno-istoricheskaya mysl' Srednevekov'ya i rannego Novogo vremeni* [Czech Social-Historical Thought of the Middle Ages and Early Modern Era]. Moscow: Indrik.
7. Pervolf, I.I. (1888) *Slavyane, ikh vzaimnye otnosheniya i svyazi* [The Slavs, Their Mutual Relations and Connections]. Vol. 2. Warsaw: Tipografiya K. Kovalevskogo.
8. Domańska, E. (n.d.) Historia - Historiografia - Ideologia (Refleksje nad

zarysem Historii historiografii polskiej Andrzeja F. Grabskiego). *Historyka. Studia Metodologiczne*. 30. pp. 109–115.

9. Grabski, A.F. (2006) *Dzieje historiografii*. Poznań: Wydawnictwo Poznańskie.

10. Grabski, A.F. (2000) *Zarys historii historiografii polskiej* [Outline of the History of Polish Historiography]. Poznań: Wydawnictwo Poznańskie.

11. Kłoczowski, J. (ed.) (2000) *Historia Europy Środkowo-Wschodniej*. Vol. 2. Lublin: Instytut Europy Środkowo-Wschodniej.

12. Stobiecki, R. (2002) Andrzej Feliks Grabskiego droga do historii historiografii. *Przegląd Nauk Historycznych*. 1(1). pp. 235–243.

13. Wierzbicki, A. (2001) Andrzej Feliks Grabski (1934–2000) jako historyk historiografii. *Historyka. Studia Metodologiczne*. 31. pp. 3–14.

Карнаухов Дмитрий Владимирович – доктор исторических наук, профессор кафедры отечественной и всеобщей истории Новосибирского государственного педагогического университета (Новосибирск, Россия); профессор кафедры международных отношений и регионоведения Новосибирского государственного технического университета (Новосибирск, Россия).

Dmitriy V. Karnaukhov – Novosibirsk State Pedagogical University, Novosibirsk State Technical University (Russia).

E-mail: dvkarn@mail.ru

Спесивцева Вера Александровна – кандидат исторических наук, доцент кафедры отечественной и всеобщей истории Новосибирского государственного педагогического университета (Россия).

Vera A. Spesivtceva – Novosibirsk State Pedagogical University (Russia).

E-mail: wiera@yandex.ru

УДК 351.852:09+323.328

UDC

DOI: 10.17223/18572685/82/11

Месяцесловы из фондов Научной библиотеки Томского государственного университета: структура и атрибуция*

Е.В. Комлева^{1, 2}

¹ Институт истории Сибирского отделения РАН
Россия, 630090, г. Новосибирск, ул. Николаева, 8

² Российская национальная библиотека
Россия, 191069, г. Санкт-Петербург, ул. Садовая, 18

^{1, 2} E-mail: feodal@history.nsc.ru

Авторское резюме

Представлена характеристика корпуса неатрибутированных печатных месяцесловов из фондов Отдела рукописей и книжных памятников Научной библиотеки Томского государственного университета – 39 книг, изданных Российской академией наук за период с 1818 по 1869 г. Анализ внешнего вида, структуры и наполнения этих изданий свидетельствует о постоянном поиске их составителями наиболее подходящего формата, который мог бы привлечь самые широкие слои читающей публики. Эта тенденция, существовавшая и в XVIII в., становится особенно заметной с начала 1830-х гг., усиливаясь к 1860-м гг. – времени утраты Академией наук привилегии на издание календарей. При сохранении основных справочных рубрик в выпуски разных лет могли добавляться сначала отдельные статьи на разные темы, затем целый блок материалов в виде приложений: научно-популярные тексты, географические карты, рекламы купеческих заведений, учебных учреждений и печатной продукции. Приводятся данные о присутствующих в 10 месяцесловах маргиналиях, благодаря которым удалось точно установить прежних владельцев двух из них – ими оказались сын бийского купца А.И. Носкова и ростовские купцы Плешановы. Выявленные экземпляры не только свидетельствуют об уровне грамотности и интересах купцов, но и о вовлеченности регионального купечества в общеимпер-

* Статья подготовлена в рамках работы по проекту РНФ № 25-78-20015 «Личные архивы, книжные и рукописные коллекции Российской национальной библиотеки и Научной библиотеки Томского государственного университета: корпуса записей, реконструкция собраний и архивов».

ское культурное пространство, в частности о распространении в купеческой среде автобиографической традиции. В целом обнаруженные записи на полях печатных календарей указывают на прикладной характер этих изданий, использовавшихся представителями разных слоев населения и как дневники, и как помянники, и как справочники об административно-управленческом аппарате, и как источники научно-образовательной информации.

Ключевые слова: книжная культура, месяцесловы, купечество, автобиографическая традиция, фамильные летописцы, помянники, бийские купцы Носковы, ростовские купцы Плешановы, Научная библиотека Томского государственного университета

Calendar books from the collections of the Research Library of Tomsk State University: Structure and attribution*

Evgeniya V. Komleva^{1, 2}

¹ Institute of History of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences
Russia, 630090, Novosibirsk, Nikolaeva str., 8

² Russian National Library
Russia, 191069, St. Petersburg, Sadovaya str., 18

^{1, 2} E-mail: feodal@history.nsc.ru

Abstract

The article presents a description of the corpus of unattributed printed calendar books from the collections of the Department of Manuscripts and Book Rarities of the Research Library of Tomsk State University – 39 books published by the Russian Academy of Sciences between 1818 and 1869. An analysis of the appearance, structure, and content of these publications indicates a continuous search by their creators for the most suitable format that would appeal to the broadest possible audience. This trend, already present in the 18th century, becomes particularly noticeable from the early 1830s and intensifies toward the 1860s—the time when the Academy of Sciences lost its privilege to publish calendar books. While maintaining the main reference

---

* The article was prepared as part of the work on the Russian Science Foundation (RSF) Project No. 25-78-20015 “Personal Archives, Book and Manuscript Collections of the Russian National Library and the Research Library of Tomsk State University: Record Cases, Reconstruction of Collections and Archives”.

sections, individual articles on various topics were added to the issues of different years, followed by entire blocks of materials in the form of appendices: popular science texts, geographical maps, advertisements for merchant establishments, educational institutions, and printed matter. The data on the marginalia found in 10 calendar books allowed to identify the previous owners of two of them: the son of the Biysk merchant A.I. Noskov and the Rostov merchants Pleshanovs. The identified copies not only testify to the level of literacy and interests of the merchants but also to the involvement of the regional merchantry in the broader imperial cultural space—in particular, to the spread of the autobiographical tradition among the merchant milieu. Overall, the discovered marginal notes in printed calendar books indicate the applied nature of these publications, which were used by representatives of various social groups as diaries, commemorative books (*pomyanniki*), reference works on the administrative-managerial apparatus, and sources of scientific and educational information.

Keywords: book culture, calendar books, merchants, autobiographical tradition, family chroniclers, memorial books, the Noskov merchants from Biysk, the Pleshanov merchants from Rostov, the Research Library of Tomsk State University

Гражданские и церковные календари, или месяцесловы, начавшие издаваться в России с начала XVIII в. и рассчитанные на широкий круг читателей, – любопытнейший, но пока остающийся не в полной мере востребованным исторический источник, содержащий разнообразные сведения о событиях как в стране, так и за рубежом, о народонаселении, деятельности ряда благотворительных обществ, астрономических и погодных явлениях и многом другом. В публикациях последних двух-трех десятков лет кратко представлена эволюция этого феномена русской книжной культуры, отмечен комплексный характер месяцесловов как справочных изданий широкого профиля, их высокий информационный потенциал и популярность среди населения [3; 6; 7; 11; 12; 18; 34–36; 39; 40; 42–45], обращено внимание даже на их способность «формировать массовое историческое сознание» [2: 153]. И все же не будет преувеличением утверждать, что лишь совсем недавно благодаря инициативной группе сотрудников Российской национальной библиотеки выявление и изучение месяцесловов приобрело наиболее последовательный, системный характер. При этом в центре внимания находятся комплексы печатных календарей с маргиналиями [38], ведь помимо прочего ценность месяцесловов заключается еще и в том, что они стимулировали развитие автобиографической традиции, в частности семейного летописания, среди разных социальных категорий Российской империи в позднее Новое время. Печатавшиеся в виде небольших книжек месяцесловы

обязательно включали чистые страницы для фиксации читателем персональной информации.

В Научной библиотеке Томского государственного университета находится одна из богатейших на территории нашей страны коллекций месяцесловов конца XVIII – XIX в., издававшихся Российской академией наук вплоть до 1869 г. Часть из них (6 книг) входит в состав собрания князей Голицыных; их характеристика представлена в статье И.А. Поплавской [39]. Мы остановимся на корпусе неатрибутированных месяцесловов из фонда Отдела рукописей и книжных памятников НБ ТГУ, ранее не попадавшем в поле зрения исследователей и насчитывающем 39 единиц хранения – все в хорошей сохранности. Самый ранний выпуск датируется 1818 г., самый поздний – 1869 г. К 1820-м гг. относится 3, к 1830-м гг. – 8, к 1840-м гг. – 8 (включая дуплет), к 1850-м гг. – 9 (в т. ч. дуплет), к 1860-м гг. – 10 (в т. ч. дуплет) экземпляров. Из них 7 книг – месяцесловы с общим штатом Российской империи, выходившие в двух отдельных частях (за 1818, 1820, 1836, 1839 и 1841 гг.). Столь подробная подборка печатных академических месяцесловов за период в 50 лет позволяет детально проанализировать изменение структуры и содержания этих изданий, выявить присущие им особенности.

Кроме того, был обнаружен редкий пример регионального варианта месяцеслова из пока не каталогизированной библиотеки купца Андрея Андреевича Белоголового, согласно его завещанию пополнившей книжное собрание первого сибирского университета в конце XIX в. [49: 26]. Это издание вышло в свет в Иркутске в 1876 г. в типолитографии купца Н.Н. Сеницына и было ориентировано на жителей Восточной Сибири, в первую очередь – Иркутской губернии [19]. К региональным вариациям месяцесловов относятся также хранящиеся в основном фонде НБ ТГУ «Сибирский календарь на 1877 год» [41] и «Восточно-Сибирский календарь на 1885 год» [9]. Все они появились уже после утраты Академией наук монопольного права на издание календарей.

Дуплеты печатавшихся в виде небольших книжек академических месяцесловов иллюстрируют стремление издателей охватить как можно больший круг читающей публики с разным достатком, в соответствии с которым можно было приобрести как дешевые издания, так и более дорогие. Различные по ценовым категориям (за 70 коп. и за 1 руб. сер.) экземпляры месяцеслова за 1859 г. отличались качеством переплёта (один в мягкой обложке, другой в твердой), цветом обреза (один синий, другой позолоченный), наличием в дорогом варианте специальных полупрозрачных листов, защищающих страницы с иллюстрациями [31].

Анализ структуры месяцесловов, представленной в них информации – сама по себе весьма интересная, заслуживающая отдельного кропотливого исследования задача. Это, в частности, продемонстрировала И.А. Поплавская на примере месяцесловов конца 1780-х – начала 1800-х гг., отметив, что издания разных лет при сохранении основного ядра могли сильно отличаться наличием дополнительных сведений по истории, географии и другим предметам, что выводило их за рамки простых справочников [39: 129]. Сопоставление месяцесловов за разные годы показывает, что с течением времени наблюдались как рост объема и разнообразия предлагавшейся вниманию читателей информации, так и упорядочение структуры изданий. Упростилось и само название: если в 1829 г. это еще «Месяцослов на лето от Рождества Христова 1829, которое есть простое, содержащее в себе 365 дней, сочиненный на знатнейшие места Российской империи», то с начала 1830-х гг. вплоть до 1869 г. – «Месяцослов на... год» (с 1861 г. буква о заменена на е – месяцеслов). Аналогичная тенденция была присуща и месяцесловам с общим штатом: в 1818 г. – «Месяцеслов с росписью чиновных особ, или общий штат Российской империи на лето от Рождества Христова 1818», в 1836 г. – «Месяцеслов и общий штат Российской империи на 1836».

Желание разнообразить и расширить предлагавшуюся вниманию публики информацию приводило к тому, что месяцесловы за разные годы могли различаться по набору рубрик и числу страниц. Впрочем, независимо от объема, все они содержали обязательную справочную информацию, присутствовавшую в каждом выпуске. С 1830-х гг. месяцесловы стали дополняться статистическими таблицами, в наглядной форме отражающими некоторые экономические и демографические показатели Российской империи, некоторые разделы были упорядочены («Краткое родословное показание ныне здравствующих и владеющих высокими государей и княжеских фамилий», «Хронологическое показание достопримечательнейших политических событий», «Хронологическое показание достопримечательнейших естественных событий») или добавлены («Некрология достопримечательнейших особ»). Эти рубрики занимали несколько страниц и кратко знакомили читателей, в том числе с важнейшими событиями года: так, в месяцеслове на 1832 г. сказано, что в июле 1830 г. английский король Вильгельм VI отсрочил заседание парламента, а Северная Америка пострадала от жестокого урагана и наводнения [28: 193]. Подобные перечисления не только позволяют узнать о происшествиях в тот или иной год в разных частях планеты, но и свидетельствуют о подходе составителей к подбору и подаче информации, которую они считали важной для российской читатель-

ской аудитории. Это же можно отнести и к ежегодным «исчислениям важнейших Высочайших указов».

Некоторые материалы публиковались лишь однажды: в месяцеслове на 1840 г. присутствует «Алфавитный список отличнейших русских и живших в России художников» [27: 169–186], на 1842 г. – «Хронологический обзор важнейших путешествий, совершенных в России или российскими путешественниками в XVIII и XIX столетиях» [29: 187–217], на 1859 г. – статья академика Н.Г. Устрялова «Рассказ Штелина о письме Петра Великого к Сенату с берегов Прута» [31: 370–375]. Еще одним примером того, насколько разносторонни и интересны с различных точек зрения представленные в месяцесловах сведения, может служить таблица, иллюстрирующая демографическое движение в России в 1845 г. Из нее, в частности, видны: годовой прирост населения (родилось ок. 2630 тыс. чел., умерло ок. 1875 тыс. чел.), высокий показатель смертности среди детей от 0 до 5 лет (ок. 434 тыс. – в 10–20 раз выше по сравнению с остальными возрастными когортами), возраст долгожителей (125–130 лет) [30: 97].

Совершенствование структуры академических месяцесловов привело к тому, что последний из них, изданный в 1869 г., включал 11 основных разделов: 1) сведения церковные и астрономические; 2) сведения исторические и хронологические; 3) о пространстве и населении России; 4) географические таблицы; 5) о климате России; 6) таблицы из области физики; 7) о финансах и торговле России; 8) почтовые сведения; 9) статистические сведения о телеграфах; 10) статистические сведения о железных дорогах; 11) сведения метрологические. Помимо данных рубрик в издание входит некролог за 1867–1868 гг. с перечислением скончавшихся в этот период видных общественных деятелей с кратким изложением их биографий, а также приложение «Устав Общества попечения о раненых и больных воинах» [26]. При этом в предисловии давалось пояснение, что содержание месяцеслова изменилось с 1868 г. (месяцеслов на 1868 г. включал 7 разделов и одно объявление [25]) в связи с необходимостью конкурировать с частными изданиями. Редакция поставила задачу «обогащать календарь статистическими, административными, финансовыми и коммерческими сведениями, преимущественно относительно России, и помещать в нем такие статьи и данные, которые, принадлежа к области наук, вместе с тем имели бы интерес и для более обширного круга читателей». Поскольку материал каждого года нередко продолжал опубликованный ранее, читателям рекомендовалось «сохранять свои старые календари, в особенности с 1868 года, с которого начинается как бы новый период в существовании академического календаря» [26: 1]. При внимательном ознакомлении с содержанием

месяцесловов можно, впрочем, заметить, что его обновление и поиск оптимальной структуры начались не с 1868 г., а гораздо раньше. Уже с начала 1850-х гг. месяцесловы насчитывают 7 крупных разделов, название и наполнение которых могли варьироваться.

Важная часть месяцесловов – разнообразные приложения, до начала 1860-х гг. хотя и печатавшиеся в конце выпуска, но при упоминании в оглавлении входившие в состав других тематических блоков (например, обзор событий за границей, некролог входили в «Сведения исторические»). В качестве приложений могли также печататься обстоятельные статьи членов Академии наук на самые разные темы, информация о деятельности благотворительных организаций, различные иллюстрации, карты, таблицы. В 1866 г. вниманию читателей предлагались статьи К.М. Бэра «Нечто о рыбах и рыбных ловлях» [24: 343–374], А.К. Наука «Несколько замечаний о педагогическом значении древних языков» [24: 375–394], в 1865 г. – П.П. Заблоцкого «Наставление, как помогать во внезапных несчастных случаях, угрожающих жизни» [23: Приложения 3–22], в 1863 г. – «О действиях высочайше учрежденного общества восстановления православного христианства на Кавказе» [22: Приложение 2. 1–30], «Отчет о русских сооружениях, воздвигаемых в Иерусалиме для улучшения быта православных поклонников» [22: Приложение 2. 34–66]. Неоднократное обращение к некоторым сюжетам свидетельствует об их актуальности для общественного дискурса середины XIX в. Такой интерес, в частности, представляли вопросы педагогики. В месяцеслове на 1861 г. помещена статья академика Ф.И. Видеманна «Об относительном достоинстве различных предметов гимназического курса в отношении развития учащихся» [21: 375–394], в 1866 г. – вышеупомянутая статья А.К. Наука о преподавании древних языков. Приложения, кстати, могли повлиять на стоимость издания. Так, месяцеслов на 1848 г. стоил 65 коп. сер. «вместо обыкновенной цены 60 к. на сей только год по особенной ценности приложения» – карты железных дорог Германии на 1847 г. [30].

С 1830-х гг. в ряде месяцесловов присутствует реклама купеческих контор и магазинов, частных образовательных заведений, печатных изданий (особенно музыкальных, пользовавшихся, вероятно, особой популярностью – таких, как «Музыкальный свет» или «Нувеллист»), зверинца. Так, например, в месяцеслове на 1853 г. размещены объявления о 12 периодических изданиях и одной книге. Еще одно новшество, приходящееся на вторую половину 1830-х гг., – появление в начале каждого месяцеслова изображений членов императорского семейства или посвященных им памятников. Эти изображения представляли для ряда читателей особую ценность – известны случаи,

когда их вырезали и хранили среди семейных бумаг [17], а также примеры, когда дети обучались рисованию, копируя напечатанные в месяцесловах изображения [15].

Из 39 рассматриваемых академических месяцесловов 10 имеют маргиналии: от единичных карандашных пометок и подчеркиваний до чернильных развернутых записей. В ряде случаев сделанные записи позволяют установить их прежних владельцев. Так, месяцеслов на 1840 г., содержащий пометы на французском языке, скорее всего, входил в библиотеку князей Голицыных [27]. Видимо, кому-то из купцов принадлежал месяцеслов на 1829 г. с перечислением на последнем форзаце имен, фамилий и чисел – предположительно сумм займа или, наоборот, долга: «Семена Телепшинского 269 // Алексея Ильина 249 // Василья Гарьчакова 274 // Леонтий Григорьев» [33]. В одном месяцеслове присутствуют пометки о состоянии здоровья его владельца (в апреле 1852 г. «началось лечение», «визит и новое лекарство» [32: 14(1)]), в другом – о предпринятом путешествии, а также о приезде в Москву императора (в августе «7го возвратились из Ярославля», в сентябре «20 чи[сла] изволил прибыть Его Императорское Величество Государь Император в Москву» [28: 40(1), 44(1)]. Все эти примеры указывают на использование печатных календарей в качестве личных дневников.

Совершенно иной характер носят карандашные пометы в месяцеслове за 1869 г. – это комментарии, иногда пространные, к текстам некоторых статей. Среди них, например, такие: рядом с «Росписью городов и других замечательных мест Российской империи» – «Курляндия! За что ты удостоилась внесения всех своих деревнишек, а русские громадные селения не удостоены помещения... О Российская Академия Наук! И какое знание Российской географии, административного значения городов и проч.!!!» [26: 101]; рядом с таблицей с указанием высоты над уровнем моря «некоторых городов, деревень и зданий» – «О Российская Академия Наук, ты даже и Петербурга не поместила в этот список. Хотя бы из трудов своего собрата Абиха выбрала обитаемые пункты на Кавказе, и очень мало дано на высоте 8400 футов» [26: 147]. Внимание их автора к вопросам географии и геологии, его знакомство с новейшими публикациями по соответствующей тематике (в частности с работами академика Г.В. Абиха, исследовавшего Кавказ в 1840–1850-х гг. [1]) указывают на род его деятельности, связанный, скорее всего, с преподаванием. Возможно, это был один из первых профессоров Императорского Томского университета. Хотя, как показывают сохранившиеся эго-тексты некоторых купцов, последние тоже отслеживали печатные труды о полезных ископаемых [16].

Настоящим открытием стали два экземпляра месяцесловов, принадлежавших представителям купечества – бийскому купеческому сыну Носкову [20], а также ростовским и самарским купцам Плешановым [29]. Месяцеслов Носкова относится к 1858 г. и содержит лишь три пометы: владельческую запись, сделанную в 1859 г. заметку о кончине отца владельца и написанное карандашом неловкой рукой (очевидно, детской) слово «конец» на последнем форзаце. В научно-справочной литературе приводятся сведения, что бийский купец 2-й гильдии Антон Иванович Носков умер в 1863 г., в 1859 г. получил свидетельство на «производство золотого и рудного промысла», в 1861 г. сгорел его дом, а сам он объявлен несостоятельным должником [13]. Из обнаруженной в месяцеслове записи видно, что скончался он четырьмя годами ранее, соответственно, все последующие факты относятся, скорее всего, уже к сыну покойного. Запись сделана спустя год после выхода в свет месяцеслова на пустом листе рядом с календарем на январь, хотя и относится к другому месяцу: «1859 года 16 ч. августа в 8^{мь} часов утра скончался мой родитель, от роду ему было 59 ½ годов бийской второй гильдии купец Антон Иванов Носков» [20: 7(1)]. Возможно, месяцеслов просто оказался под рукой в трагический момент и был использован как записная книжка. Пометка на переднем форзаце «Из книг Носкова» указывает на наличие в семействе Носковых библиотеки – явления нередкого в купеческой среде Сибири (см., например: [14]), но все же каждый новый факт углубляет существующие представления о культурном уровне и круге интересов купцов.

Месяцеслов Плешановых – типичный пример использования печатных календарей для составления фамильных летописцев. До сих пор был известен лишь один фамильный летописец, возникший в купеческой среде Сибири и принадлежавший известным иркутским купцам Басниным [17]. И хотя Плешановы не только не были сибиряками, но, по всей видимости, даже никогда не бывали ни в одном из сибирских городов [5], данная находка дополняет антологию купеческих эго-текстов и свидетельствует о равнодушии купцов к автобиографическому жанру. Даже беглый взгляд на обложку месяцеслова Плешановых позволяет заключить, что к нему обращались на протяжении длительного времени – на книге видны подтёки, следы вздутия. И действительно, в издании, датирующемся 1842 г., уже с января начинаются записи, оставленные его первым, но не единственным владельцем. Записи сделаны несколькими почерками и относятся не только к 1842 г., но и к 1843, 1844, 1845, 1847, 1848, 1849, 1852, 1853, 1877 и 1890 гг. Все они посвящены исключительно фиксации рождения, крещения, дней ангела, кончины и похорон членов семейства Плешановых и

их близких знакомых. Например: «1853 года марта 17го чис[ла] в 11 часов дня родилась Ольга Ивановна Плешанова, восприемник Алексей Михайлыч, восприемница Елизавета Ивановна Плешанова. Принимал Михаила Савич Зайцев от купели» [29: 12(1)]. Некоторые события воспроизведены по памяти: «27 [июля] родилась Елизавета Ив[ановна] Плешанова в 1839 году и чрез 3 месяца скончалась, тезоименитство ея было 5е сентября» [29: 20(1об.)]. Есть отметки о происшествиях 1841, 1840, 1835, 1834 и даже 1802 г., однако ни одна из них не выходит за рамки вышеуказанной тематики.

Ряд других выявленных на сегодняшний день купеческих фамильных летописцев гораздо богаче по содержанию: в них включены сведения не только о памятных для конкретной семьи датах, но о событиях в городе и стране, погодных явлениях и пр. (см., например: [37]). В отличие от них месяцеслов Плешановых – это прежде всего частный помянник: перечисление умерших и здравствующих членов семейства в соответствии с православной традицией. Известны помянники в виде самодельных, а затем печатавшихся большими тиражами и продававшихся при монастырях книжечек [8; 46]. Несмотря на фрагментарность приведенных сведений, выявленный источник позволяет реконструировать состав семьи Плешановых, их родственные и деловые связи, на которых многое держалось в купеческом мире. Само перечисление дат рождения и смерти родственников в течение нескольких десятилетий, чтобы не забыть вовремя помянуть близкого человека как во время домашнего молитвенного правила, так и на церковной службе, говорит и о включённости владельцев месяцеслова в церковную жизнь, и о важности для них внутрисемейных отношений, а также свидетельствует о прикладной функции печатных месяцесловов, в данном случае выступавших в роли помянников и своего рода семейных скреп.

Плешановы интересны еще и тем, что этот месяцеслов не единственный созданный ими автобиографический текст – в фондах Томского краеведческого музея находится дневник одного из Плешановых (на него обратила внимание В.А. Есипова в рамках большого проекта по обследованию книжных фондов Томского областного краеведческого музея [10]), а в Томском художественном музее – целый ряд портретов членов этого купеческого семейства [4; 47; 48].

Таким образом, обращение к корпусу неатрибутированных печатных месяцесловов из фондов Отдела рукописей и книжных памятников Научной библиотеки Томского государственного университета позволило проследить эволюцию этого вида изданий на протяжении 1820–1860-х гг. С одной стороны, ядро месяцесловов составлял точно определенный и не менявшийся десятилетиями набор тем, с

другой – их составители стремились привлечь как можно бóльшую аудиторию, постоянно расширяя месяцесловы за счет варьирующихся приложений, включая научно-популярные статьи и рекламу, так что каждый читатель мог найти интересный для себя материал. Записи на полях, а также региональные варианты месяцесловов подчеркивают востребованность печатных календарей среди широких слоёв населения Российской империи – дворян, духовенства, купцов, городской интеллигенции. Кто-то просто помечал нужные разделы, кто-то оставлял комментарии к содержанию статей, кто-то использовал месяцесловы в качестве личных дневников и фамильных летописцев. Атрибуция двух месяцесловов с маргиналиями как принадлежавших купцам свидетельствует об уровне культурного развития и интересах их владельцев, а также о распространении автобиографической традиции в среде российского купечества.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Абих [Г.В.]* О строении и геологии Дагестана // Горный журнал. 1862. Кн. IV (апрель). С. 86–136.
2. *Абрамкин О.С.* Отражение отечественной истории в исторических календарях Российской империи // Вестник СПбГУ. Сер. 2. 2012. Вып. 1. С. 149–154.
3. *Алексеев В.В.* Мир русских календарей. М.: Академкнига, 2002. 240 с.
4. *Афанасьева К.А., Воронина А.С.* Портретный академизм в русском изобразительном искусстве XIX в. (на примере портрета Е.И. Плешановой кисти П.Ф. Плешанова в Томском областном художественном музее) // Наука и образование: материалы XXV Всерос. с междунар. участием науч.-практ. конф. студентов, аспирантов и молодых ученых. Томск: Изд-во ТГПУ, 2023. С. 359–362.
5. *Баранова Е.П.* Купеческая династия Плешановых в социокультурном пространстве российской провинции // Модернизация культуры: диалоги о прошлом и настоящем в науке, искусстве, образовании: материалы IX Междунар. науч.-практ. конф. Самара: СГИК, 2023. С. 37–40.
6. *Боленко К.Г.* Коллекция месяцесловов в составе библиотеки Дмитриевых // Рукописи. Редкие издания. Архивы. Из фондов Отдела редких книг и рукописей Научной библиотеки МГУ. М.: Индрик, 2004. С. 341–374.
7. *Вишнякова Ю.И.* «Незаменимый справочник»: русские календари-месяцесловы XVIII века в Музее книги Российской государственной библиотеки // Обсерватория культуры. 2023. Т. 20, № 6. С. 644–65.
8. *Воробьева С.В., Пугин А.В.* Заонежские помянники XVII–XIX вв. как источники по истории крестьянских семей // Кижский вестник: сб. ст. Петрозаводск, 2007. Вып. 11. С. 127–147.

9. Восточно-Сибирский календарь на 1885 год. Иркутск: Типо-лит. Н.Н. Сеницына, 1884. [2], IV, [2], 92, IV, [2], 76, [2], 114, 6, [3], V, [1], 8 с.
10. *Есипова В.А.* Обследование книжных фондов Томского областного краеведческого музея и его филиалов // Академическая археография в России XVIII–XXI веков (Тихомировские чтения 2016 года: К 60-летию Археографической комиссии РАН): сб. ст. М., 2017. С. 158–166.
11. *Зыков О.П., Рябова Т.В.* Первые отечественные светские календари и их связь с журналистикой // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия: Филология и искусствоведение. 2013. № 4 (128). С. 183–188.
12. *Иванова Н.П.* История изучения месяцесловов и их значение в исследованиях по древнерусской хронологии (XVII – начало XX в.) // Известия Алтайского государственного университета. Серия: История, политология. 2010. № 4/1 (68/1). С. 108–114.
13. *Кириллов В.В.* Носков Антон Иванович // Энциклопедический словарь по истории купечества и коммерции Сибири: в 2 т. Новосибирск: Гео, 2013. Т. 2. С. 105.
14. *Коллекции и книги из личных библиотек иркутского купечества XVIII – начала XX века: каталог / Иркут. гос. ун-т, Науч. библиотека им. В.Г. Распутина; сост.: И.П. Белоус, С.В. Назорная, А.А. Суханова; отв. ред. Р.В. Подгайченко. Иркутск: Изд-во ИГУ, 2020. 175 с. (Книжные коллекции Научной библиотеки ИГУ).*
15. *Комарова Т.С.* «Стоит уважения и похвалы художника»: рисунки красноярских купеческих детей (середина XIX века) // Исторический курьер. 2021. № 1 (15). С. 182–207. URL: <http://istkurier.ru/data/2021/ISTKURIER-2021-1-16.pdf> (дата обращения: 29.10.2025).
16. *Комлева Е.В.* Северный Кавказ второй половины XIX в. глазами русского купца: из путевых заметок Михаила Константиновича Сидорова // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология. 2023. Т. 22, № 8: История. С. 81–91. doi: 10.25205/1818-7919-2023-22-8-81-91
17. *Комлева Е.В.* Семейный летописец иркутских купцов Басниных: структура, стилевые особенности, тематика // Гуманитарные науки в Сибири. 2025. Т. 32, № 3. С. 32–40. doi: 10.15372/HSS20250304
18. *Корнилова И.В.* Месяцеслов как исторический источник // Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований. 2012. № 4. С. 71–72.
19. Месяцеслов календарь на 1877 год (простой, состоящий из 365 дней): с приложением рисунков фасада вновь строящегося в Иркутске кафедрального собора, монастырей: Иркутского Вознесенского (мужеск.), Знаменского (женск.) и Посольского (мужеск.) на Байкале. Иркутск: Изд. Типографии Н.Н. Сеницына, 1876. 150 с.
20. Месяцеслов на 1858 год. СПб.: в Тип. Императорской Академии наук, [1857]. 382, XIV р.

21. Месяцеслов на 1861 год. СПб.: Тип. Императорской Академии наук, [1860]. 120, IV, 4 с.
22. Месяцеслов на 1863 год. СПб.: Тип. Императорской Академии наук, [1862].
23. Месяцеслов на 1865 год. СПб.: Тип. Императорской Академии наук, [1864].
24. Месяцеслов на 1866 год. СПб.: Тип. Императорской Академии наук, [1865].
25. Месяцеслов на 1868 (високосный) год. СПб.: Тип. Императорской Академии наук, [1867]. 304 с.
26. Месяцеслов на 1869 год. СПб.: Тип. Императорской Академии наук, [1868]. 342 с.
27. Месяцеслов на (високосный) 1840 год. СПб.: при Императорской Академии наук, [1839]. 218, II, 3 с.
28. Месяцеслов на 1832 год. СПб.: при Императорской Академии наук, [1831]. 270 с.
29. Месяцеслов на 1842 год. СПб.: при Императорской Академии наук, [1841]. 336, II с.
30. Месяцеслов на 1848 високосный год. СПб.: при Императорской Академии наук, [1847].
31. Месяцеслов на 1859 год. СПб.: Тип. Имп. Академии наук, [1858].
32. Месяцеслов на високосный 1852 год. СПб.: в тип. Императорской Академии наук.
33. Месяцеслов на лето от Рождества Христова 1829, которое есть простое, содержащее в себе 365 дней, сочиненный на знатнейшие места Российской империи. СПб.: При Императорской Академии наук, [1828].
34. *Морозова С.В.* Календари и месяцесловы Петербургской академии наук как просветительский проект // История Петербурга. 2009. № 1 (47). С. 44–53.
35. *Нечаев С.Ю.* Газета «Санкт-Петербургские ведомости», академический «месяцеслов» и протоколы заседаний академии наук как материалы для изучения природных опасностей XVIII века в России и мире // Наука и техника: Вопросы истории и теории: материалы XLIII междунар. науч. конф. СПб.: СПбФ ИИЕТ РАН; Скифия-принт, 2022. С. 69–70.
36. *Панова Т.С.* Месяцесловы из библиотеки Никодима, епископа Енисейского и Красноярского как образец дневниковых записей XIX века // Румянцевские чтения – 2019: материалы Междунар. науч.-практ. конф.: в 3 ч. М.: Пашков дом, 2019. Ч. 2. С. 257–263.
37. *Поляков И.А., Смирнова М.А.* «Записки разных годов» московского купца Петра Пороховщикова: фамильный летописец в историческом сборнике второй половины XVIII в. // Два века русской классики. 2021. Т. 3, № 1. С. 6–23. doi: 1022455/2686-2021-3-1-6-23

38. Поляков И.А., Смирнова М.А. Корпус личных записей на печатных календарях XVIII – третьей четверти XIX в.: к постановке проблемы // Гуманитарные науки в Сибири. 2024. Т. 31, № 3. С. 35–42. doi: 10.15372/HSS20240305

39. Поплавская И.А. Собрание месяцесловов в родовой библиотеке князей Голицыных в Научной библиотеке ТГУ // Гуманитарный научный вестник. 2021. № 5. С. 117–124. doi: 10.5281/zenodo.4911380

40. Самарин А.Ю. Первые российские месяцесловы // Историк. 2018. № 1. С. 14–17.

41. Сибирский календарь на 1877 год / сост. А.Л. Лучшев. Казань: в Губ. Типографии, 1896. 104 с.

42. Скрыдлов А.Ю. Академическая привилегия на издание календарей и месяцесловов и деятельность календарной комиссии академии наук // Пивоваров Е.Г., Синельникова Е.Ф., Скрыдлов А.Ю., Соболев В.С., Феклова Т.Ю., Юсупова Т.И. «Науки производить и совершить»: Из истории Российской Академии наук. СПб.: СПбФ ИИЕТ РАН, 2019. С. 62–78.

43. Скрыдлов А.Ю. Из истории издательской деятельности Санкт-Петербургской Академии наук: к 290-летию выхода первого академического календаря // Петербургская библиотечная школа. 2018. № 2 (62). С. 3–9.

44. Скрыдлов А.Ю. Из истории календарной привилегии Академии наук: издание календарей и месяцесловов в XVIII – первой половине XIX в. // Институт истории естествознания и техники им. С.И. Вавилова. Годичная науч. конф., посвящ. 85-летию ИИЕТ РАН (2017). М.: Янус-К, 2017. С. 714–717.

45. Смагина Г.И. Штрихи к истории академических календарей или месяцесловов (по страницам дневника Я. Штелина) // Наука и техника: Вопросы истории и теории: материалы XLII междунар. годичной науч. конф. Санкт-Петербургского отд-я Рос. нац. комитета по истории и философии науки и техники Рос. академии наук. Серия: Наука и техника: Вопросы истории и теории. СПб.: [Б.и.], 2021. С. 72–73.

46. Терешкина Д.Б. Помянники в фондах Отдела письменных источников Новгородского музея // Новгородский исторический сборник. 2017. № 17 (27). С. 228–244.

47. Тюрина И.П. Портреты П.Ф. Плешанова в коллекции Томского художественного музея // Вестник Томского государственного педагогического университета. 1999. Вып. 6 (15). Серия: Гуманитарные науки. Томск, 1999. С. 76–80.

48. Тюрина И.П., Гончаренко Е.Б. Иконография и генеалогия купцов Плешановых и дворян Листовских (на основе собрания портретов из коллекции Томского областного художественного музея) // Река времени: сб. ст. / отв. ред. М.И. Роднов. Уфа: [Б.и.], 2015. С. 78–91.

49. Филимонов М.Р. Книжная сокровищница Сибири. К 100-летию со дня открытия Научной библиотеки Томского университета. 2-е изд., доп.

Томск, 1988. С. 26. URL: <https://vital.lib.tsu.ru/vital/access/services/Download/vtls:000028894/SOURCE1?view=true> (дата обращения: 27.10.2025).

REFERENCES

1. Abikh, G.V. (1862) O stroenii i geologii Dagestana [On the Structure and Geology of Dagestan]. *Gornyy zhurnal*. IV. pp. 86–136.
2. Abramkin, O.S. (2012) Otrazhenie otechestvennoy istorii v istoricheskikh kalendar'yakh Rossiyskoy imperii [Reflection of Russian History in the Historical Calendars of the Russian Empire]. *Vestnik SPBGU. Seriya 2*. 1. pp. 149–154.
3. Alekseev, V.V. (2002) *Mir russkikh kalendarey* [The World of Russian Calendars]. Moscow: Akademkniga.
4. Afanasieva, K.A. & Voronina, A.S. (2023) Portretnyy akademizm v russkom izobrazitel'nom iskusstve XIX v. (na primere portreta E.I. Pleshanovoy kisti P.F. Pleshanova v Tomskom oblastnom khudozhestvennom muzee) [Portrait Academism in Russian Fine Art of the 19th Century (on the Example of the Portrait of E.I. Pleshanova by P.F. Pleshanov in the Tomsk Regional Art Museum)]. *Nauka i obrazovanie* [Science and Education]. Proc. of the 25th All-Russian Conference of Students, Postgraduates and Young Researchers with International Participation. Tomsk: TSPU. pp. 359–362.
5. Barinova, E.P. (2023) Kupecheskaya dinastiya Pleshanovykh v sotsiokul'turnom prostranstve rossiyskoy provintsii [The Pleshanovs' Merchant Dynasty in the Sociocultural Space of the Russian Province]. *Modernizatsiya kul'tury: dialogi o proshlom i nastoyashchem v nauke, iskusstve, obrazovanii* [Modernization of Culture: Dialogues about the Past and Present in Science, Art, Education]. Proc. of the 9th International Conference. Samara: SGIK. pp. 37–40.
6. Bolenko, K.G. (2004) Kolleksiya mesyatseslovov v sostave biblioteki Dmitrievykh [The Collection of Calendars in the Dmitriev Library]. In: *Rukopisi. Redkie izdaniya. Arkhivy. Iz fondov Otdela redkikh knig i rukopisey Nauchnoy biblioteki MGU* [Manuscripts. Rare Editions. Archives. From the Collections of the Department of Rare Books and Manuscripts of the Scientific Library of Moscow State University]. Moscow: Indrik. pp. 341–374.
7. Vishnyakova, Yu.I. (2023) “Nezamениmyy spravochnik”: russkie kalendari-mesyatseslovy XVIII veka v Muzee knigi Rossiyskoy gosudarstvennot biblioteki [“An Irreplaceable Handbook”: Russian Calendars-Monthbooks of the 18th Century in the Museum of the Book of the Russian State Library]. *Observatoriya kul'tury*. 20(6). pp. 644–65.
8. Vorobieva, S.V. & Pigin, A.V. (2007) Zaonezhskie pomyanniki XVII–XIX vv. kak istochniki po istorii krest'yanskikh semey [Zaonezhnye Pomyanniki of the 17th–19th Centuries as Sources on the History of Peasant Families]. *Kizhskiy vestnik*. 11. pp. 127–147.

9. Anon. (1884) *Vostochno-Sibirskiy kalendar' na 1885 god* [The East Siberian Calendar for 1885]. Irkutsk: N.N. Sinitsyn.
10. Esipova, V.A. (2017) *Obsledovanie knizhnykh fondov Tomskogo oblastnogo kraevedcheskogo muzeya i ego filialov* [Survey of the Book Collections of the Tomsk Regional Local Lore Museum and Its Branches]. In: *Akademicheskaya arkheografiya v Rossii XVIII–XXI vekov (Tikhomirovskie chteniya 2016 goda: K 60-letiyu Arkheograficheskoy komissii RAN)* [Academic Archeography in Russia in the 18th–21st Centuries (Tikhomirov Readings 2016: On the 60th Anniversary of the Archaeographic Commission of the Russian Academy of Sciences): Collection of Articles]. Moscow: [s.n.]. pp. 158–166.
11. Zykov, O.P. & Ryabova, T.V. (2013) *Pervye otechestvennye svetskie kalendari i ikh svyaz' s zhurnalistikoy* [The First Russian Secular Calendars and Their Connection with Journalism]. *Vestnik Adygeyskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser.: filologiya i iskusstvovedenie*. 4(128). pp. 183–188.
12. Ivanova, N.P. (2010) *Istoriya izucheniya mesyatseslovov i ikh znachenie v issledovaniyakh po drevnerusskoy khronologii (XVII – nachalo XX v.)* [History of the Study of Menologia and Their Significance in Research on Old Russian Chronology (17th – Early 20th Century)]. *Izvestiya Altayskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser.: Istoriya, politologiya*. 4/1(68/1). pp. 108–114.
13. Kirillov, V.V. (2013). *Noskov Anton Ivanovich*. In: Rezun, D.Ya. (ed.) *Entsiklopedicheskiy slovar' po istorii kupechestva i kommersii Sibiri: v 2 t.* [Encyclopedic Dictionary on the History of Merchants and Commerce of Siberia: In 2 Vols]. Vol. 2. Novosibirsk: Geo. p. 105.
14. Podgaychenko, R.V. (ed.) (2020) *Kolleksii i knigi iz lichnykh bibliotek irkutskogo kupechestva XVIII – nachala XX veka: katalog* [Collections and Books from the Personal Libraries of the Irkutsk Merchants of the 18th – Early 20th Century: Catalog]. Irkutsk: ISU.
15. Komarova, T.S. (2021) “*Stoit uvazheniya i pokhvaly khudozhnika*”: *risunki krasnoyarskikh kupecheskikh detey (seredina XIX veka)* [Deserving of the Artist's Respect and Praise: Drawings by Krasnoyarsk Merchant Children (Mid-19th Century)]. *Istoricheskiy kur'er*. 1(15). pp. 182–207. [Online] Available from: <http://istkurier.ru/data/2021/ISTKURIER-2021-1-16.pdf> (Accessed: 29th October 2025).
16. Komleva, E.V. (2023) *Severnyy Kavkaz vtoroy poloviny XIX v. glazami russkogo kuptsa: iz putevykh zametok Mikhaila Konstantinovicha Sidorova* [The North Caucasus in the Second Half of the 19th Century through the Eyes of a Russian Merchant: From the Travel Notes of Mikhail Konstantinovich Sidorov]. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya, filologiya*. 22(8). pp. 81–91. doi: 10.25205/1818-7919-2023-22-8-81-91
17. Komleva, E.V. (2025) *Semeynyy letopisets irkutskikh kuptsov Basninykh: struktura, stilevye osobennosti, tematika* [The Family Chronicle of the Basnin

Merchants of Irkutsk: Structure, Stylistic Features, and Themes]. *Gumanitarnye nauki v Sibiri*. 32(3). pp. 32–40. doi: 10.15372/HSS20250304

18. Kornilova, I.V. (2012) *Mesyatseslov kak istoricheskiy istochnik* [The calendar as a historical source]. *Mezhdunarodnyy zhurnal prikladnykh i fundamental'nykh issledovaniy*. 4. pp. 71–72.

19. Anon. (1876) *Mesyatseslov kalendar' na 1877 god (prostoy, sostoyashchiy iz 365 dney): s prilozheniem risunkov fasada vnov' stroyashchegosya v Irkutskoy kafedral'nogo sobora, monastyrey: Irkutskogo Voznesenskogo (muzhesk.), Znamenskogo (zhensk.) i Posol'skogo (muzhesk.) na Baykale* [Menologium Calendar for 1877 (Common, Consisting of 365 Days): With Appendix of Drawings of the Facade of the Newly Constructed Cathedral in Irkutsk, Monasteries: Irkutsk Ascension (Men's), Znamensky (Women's) and Posolsky (Men's) on Lake Baikal]. Irkutsk: N.N. Sinitsyn.

20. Anon. (1857) *Mesyatseslov na 1858 god* [The Monthly Calendar for 1858]. St. Petersburg: Imperial Academy of Sciences.

21. Anon. (1860) *Mesyatseslov na 1861 god* [The Monthly Calendar for 1861]. St. Petersburg: Imperial Academy of Sciences.

22. Anon. (1862) *Mesyatseslov na 1863 god* [The Monthly Calendar for 1863]. St. Petersburg: Imperial Academy of Sciences.

23. Anon. (1864) *Mesyatseslov na 1865 god* [The Monthly Calendar for 1865]. St. Petersburg: Imperial Academy of Sciences.

24. Anon. (1865) *Mesyatseslov na 1866 god* [The Monthly Calendar for 1866]. St. Petersburg: Imperial Academy of Sciences.

25. Anon. (1867) *Mesyatseslov na 1868 (visokosnyy) god* [The Monthly Calendar for 1868 (Leap Year)]. St. Petersburg: Imperial Academy of Sciences.

26. Anon. (1868) *Mesyatseslov na 1869 god* [The Monthly Calendar for 1869]. St. Petersburg: Imperial Academy of Sciences.

27. Anon. (1839) *Mesyatseslov na 1840 (visokosnyy) god* [The Monthly Calendar for 1840 (Leap Year)]. St. Petersburg: Imperial Academy of Sciences.

28. Anon. (1831) *Mesyatseslov na 1832 god* [The Monthly Calendar for 1832]. St. Petersburg: Imperial Academy of Sciences.

29. Anon. (1841) *Mesyatsoslov na 1842 god* [The Monthly Calendar for 1842]. St. Petersburg: Imperial Academy of Sciences.

30. Anon. (1847) *Mesyatsoslov na 1848 visokosnyy god* [The Monthly Calendar for the Leap Year of 1848]. St. Petersburg: Imperial Academy of Sciences.

31. Anon. (1858) *Mesyatsoslov na 1859 god* [The Monthly Calendar for 1859]. St. Petersburg: Imperial Academy of Sciences.

32. Anon. (1851) *Mesyatsoslov na visokosnyy 1852 god* [The Monthly Calendar for the Leap Year of 1852]. St. Petersburg: Imperial Academy of Sciences.

33. Anon. (1827) *Mesyatsoslov na leto ot Rozhdestva Khristova 1829, kotoroe est' prostoe, soderzhashchee v sebe 365 dney, sochinennyy na znatneyshie mesta Rossiyskoy imperii* [Menologium for the Year from the Nativity of Christ 1829,

Which Is Common, Containing 365 Days, Compiled for the Most Notable Places of the Russian Empire]. St. Petersburg: Imperial Academy of Sciences.

34. Morozova, S.V. (2009) Kalendari i mesyatseslovy Peterburgskoy akademii nauk kak prosvetitel'skiy proekt [Calendars and Menologia of the St. Petersburg Academy of Sciences as an Educational Project]. *Istoriya Peterburga*. 1(47). pp. 44–53.

35. Nechaev, S.Yu. (2022) Gazeta “Sankt-Peterburgskie vedomosti”, akademicheskii ‘mesyatseslov’ i protokoly zasedaniy akademii nauk kak materialy dlya izucheniya prirodnykh opasnostey XVIII veka v Rossii i mire [The Newspaper “Sankt-Peterburgskie Vedomosti”, the Academic “Menologium”, and the Minutes of the Academy of Sciences Meetings as Materials for Studying Natural Hazards of the 18th Century in Russia and the World]. In: *Nauka i tekhnika: Voprosy istorii i teorii* [Science and Technology: Questions of History and Theory]. St. Petersburg: RAS; Skifiya-print. pp. 69–70.

36. Panova, T.S. (2019) Mesyatseslovy iz biblioteki Nikodima, episkopa Eniseyskogo i Krasnoyarskogo kak obrazets dnevnikovyykh zapisey XIX veka [Calendars from the Library of Nikodim, Bishop of Yeniseysk and Krasnoyarsk, as an Example of Diaries from the 19th Century]. *Rumyantsevskie chteniya – 2019* [The Rumyantsev Readings – 2019]. Proc. of the International Conference. Vol. 2. Moscow: Pashkov dom. pp. 257–263.

37. Polyakov, I.A. & Smirnova, M.A. (2021) “Zapiski raznykh godov” moskovskogo kuptsa Petra Porokhovshchikova: semeynyy letopisets v istoricheskom sbornike vtoroy poloviny XVIII v. [“Notes from Different Years” by the Moscow Merchant Petr Porokhovshchikov: A Family Chronieler in a Historical Collection of the Second Half of the 18th Century]. *Dva veka russkoy klassiki*. 3(1). pp. 6–23. doi: 1022455/2686-2021-3-1-6-23

38. Polyakov, I.A. & Smirnova M.A. (2024) Korpus lichnykh zapisey na pechatnykh kalendaryakh XVIII – tret'ey chetverti XIX v.: k postanovke problemy [The Corpus of Personal Notes on Printed Calendars of the 18th – Third Quarter of the 19th Century: Towards the Problem Statement]. *Gumanitarnye nauki v Sibiri*. 31(3). pp. 35–42. doi: 10.15372/HSS20240305

39. Poptavskaya, I.A. (2021) Sobranie mesyatseslovov v rodovoy biblioteke knyazey Golitsynykh v Nauchnoy biblioteke TGU [A Collection of Menologia in the Ancestral Library of the Princes Golitsyn in the Research Library of Tomsk State University]. *Gumanitarnyy nauchnyy vestnik*. 5. pp. 117–124. doi: 10.5281/zenodo.4911380

40. Samarin, A.Yu. (2018) Pervye rossiyskie mesyatseslovy [The First Russian Calendars]. *Istoriik*. 1. pp. 14–17.

41. Luchshev, A.L. (ed.) (1896) *Sibirskiy kalendar' na 1877 god* [The Siberian Calendar for 1877]. Kazan: v Gub. tipografii.

42. Skrydlov, A.Yu. (2019) Akademicheskaya privilegiya na izdanie kalendarey i mesyatseslovov i deyatel'nost' kalendarnoy komissii akademii nauk [The

Academic Privilege for Publishing Calendars and Menologia and the Activity of the Calendar Commission of the Academy of Sciences]. In: Pivovarov, E.G., Sinelnikova, E.F., Skrydlov, A.Yu., Sobolev, V.S., Feklova, T.Yu. & Yusupova, T.I. *"Nauki proizvodit' i svershit'": Iz istorii Rossiyskoy Akademii nauk* ["To Produce and Accomplish Sciences": From the History of the Russian Academy of Sciences]. St. Petersburg: RAS. pp. 62–78.

43. Skrydlov, A.Yu. (2018) Iz istorii izdatel'skoy deyatel'nosti Sankt-Peterburgskoy Akademii nauk: k 290-letiyu vykhoda pervogo akademicheskogo kalendarya [From the History of Publishing Activities at the St. Petersburg Academy of Sciences: On the 290th Anniversary of the Publication of the First Academic Calendar]. *Peterburgskaya bibliotchnaya shkola*. 2(62). pp. 3–9.

44. Skrydlov, A.Yu. (2017) Iz istorii kalendarnoy privilegii Akademii nauk: izdanie kalendarey i mesyatseslovov v XVIII – pervoy polovine XIX v. [From the History of the Calendar Privilege of the Academy of Sciences: Publication of Calendars and Almanacs in the 18th and First Half of the 19th Century]. In: *Institut istorii estestvoznaniya i tekhniki im. S.I. Vavilova* [S.I. Vavilov Institute for the History of Science and Technology]. Annual Conference. Moscow: Yanus-K. pp. 714–717.

45. Smagina, G.I. (2021) Shtrikhi k istorii akademicheskikh kalendarey ili mesyatseslovov (po stranitsam dnevnika Ya. Shtelina) [Touches to the History of Academic Calendars or Menologia (From the Pages of the Diary of J. Stählin)]. In: *Nauka i tekhnika: Voprosy istorii i teorii* []. *Materialy XLII Mezhdunarodnoy godichnoy nauchnoy konferentsii Sankt-Peterburgskogo otdeleniya Rossiyskogo natsional'nogo komiteta po istorii i filosofii nauki i tekhniki Rossiyskoy akademii nauk. Ser.: Nauka i tekhnika: Voprosy istorii i teorii* [Science and Technology: Questions of History and Theory]. Proc. of the XLII International Annual Conference of the St. Petersburg Branch of the Russian National Committee on the History and Philosophy of Science and Technology of the Russian Academy of Sciences. Series: Science and Technology: Questions of History and Theory. St. Petersburg: [s.n.]. pp. 72–73.

46. Tereshkina, D.B. (2017) *Pomyanniki v fondakh Otdela pis'mennykh istochnikov Novgorodskogo muzeya* [Pomyanniki in the Collections of the Department of Written Sources of the Novgorod Museum]. *Novgorodskiy istoricheskiy sbornik*. 17(27). pp. 228–244.

47. Tyurina, I.P. (1999). Portrety P.F. Pleshanova v kollektzii Tomskogo khudozhestvennogo muzeya [Portraits by P.F. Pleshanov in the Collection of the Tomsk Art Museum]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. Ser.: Gumanitarnye nauki*. 6(15). pp. 76–80.

48. Tyurina, I.P. & Goncharenko, E.B. (2015) Ikonografiya i genealogiya kuptsov Pleshanovykh i dvoryan Listovskikh (na osnove sobraniya portretov iz kollektzii Tomskogo oblastnogo khudozhestvennogo muzeya) [Iconography and Genealogy of the Merchants Pleshanov and the Nobles Listovsky (Based

on the Portrait Collection of the Tomsk Regional Art Museum)]. In: *Reka vremeni* [River of Time]. Ufa: [s.n.], pp. 78–91.

49. Filimonov, M.R. (1988) *Knizhnaya sokrovishchnitsa Sibiri. K 100-letiyu so dnya otkrytiya Nauchnoy biblioteki Tomskogo universiteta* [The Book Treasures of Siberia. On the 100th anniversary of the opening of the Research Library of Tomsk University]. 2nd ed. Tomsk: [s.n.], p. 26.

Комлева Евгения Владиславовна – доктор исторических наук, старший научный сотрудник Института истории Сибирского отделения Российской академии наук; научный сотрудник Российской национальной библиотеки (Россия).

Evgeniya V. Komleva – Institute of History SB RAS (Russia).

E-mail: feodal@history.nsc.ru

УДК 811.16

UDC

DOI: 10.17223/18572685/82/12

Св. браца Кирилл и Методий – перши славянски учителе

М. Фейса

Универзитет у Новим Садзе

Др Зорана Динђича 1, 21102, Нови Сад, Србија

E-mail: fejsam@gmail.com

Абстракт

Браца Свети Кирил и Свети Методий составели славянске писмо и преложели на нього перши литурѓијни књижки. Свети Кирил перши составел глаголицу за заходних Славянох, а познејше ученіки Светих братох Климент и Наум составели славянске писмо, хторе ше нешка наволоуе кирилица. Зоз прекладаньом литурѓијних књижкох, як и Святого писма, на народни язык Славянох коло Солуна, Свети Кирил и Свети Методий поставели фундаменти славянскеј писменосци и култури. Принесли восточне, византијске християнство Славяном. Поспишело им ше звладац непријателски розположених латинских священікох хтори подзвигли троязичну ерес, твердзаци же библијни еврейски, гречески и латински єдини литурѓијни язики. Старославянски язык бул литературни язык векшини Славянох, скоро панславянски литературни язык (при заходних Славянох нешкајшей Ческеј и Словацкеј од 9. по 11. век, при јужних Славянох од 9. по 18. век, при восточних Славянох од 10. по 18. век). Браца мисионере Кирил и Методий не лем же прекладали литурѓијни и библијни књижки на язык Славянох коло Солуна, але го през християнизацију Велькеј Моравскеј уведли и до славянскеј држави хтора забрала восточну часц нешкајшей Ческеј (Морава) и заходну часц нешкајшей Словацкеј. На основи того, настава становиско же Свети Кирили Методий унищели поганство и запровадзели християнство при карпатских Русинох єден век пред уредову християнизацију славянскогo народу Руси у рики Дніпер у Києву 988. року, т. є. концом 9. века, а не концом 10. века. Кирилицу хасную и Русини/Руснаци у Войводини/Србији и Горватскеј, а служби на старославянским языку або церковнославянским языку ше и нешка отримую, ведно зоз сучасним руским языком (ИСО-код: RSK/РСК), у грекокатоліцких церквох у Войводини/Србији и Горватскеј. Церковнославянски язык ше и нешка хаснує, у редукованеј форми и у розличних верзијох, у грекокатоліцкеј и православнеј церкви Русинох/Руснацох/Лемкох.

Ключни слова: св. Кирил, св. Методий, христианство, Велька Моравска, Славяне, старославянски язык, церковнославянски язык, праславянски язык, руски язык, Русини, Руснаци, Лемки

Святые Кирилл и Мефодий – первые славянские учителя

М. Фейса

Университет города Нови-Сад
Сербия, 21102, г. Нови-Сад, ул. Др. Зорана Диндича, 1
E-mail: fejsam@gmail.com

Авторское резюме

Святые братья Кирилл и Мефодий составили славянскую письменность и перевели на неё первые литургические книги. Святым Кириллом сначала была составлена глаголица для западных славян, а позже ученики святых братьев Климент и Наум составили славянскую письменность, которая сегодня называется кириллицей. Переводя литургические книги, а также Священное Писание на разговорные языки славян, живущих вокруг Салоников, святые Кирилл и Мефодий заложили основы славянской грамотности и культуры. Они принесли славянам восточное, византийское христианство. Им удалось преодолеть враждебность латинских священнослужителей, которые распространяли трёхязычную ересь, утверждая, что библейский иврит, греческий и латинский языки являются единственными литургическими языками. Древнеславянский язык был литературным языком большинства славян, практически общеславянским литературным языком (среди западных славян современной Богемии и Словакии – с IX по XI в., среди южных славян – с IX по XVIII в., среди восточных славян – с X по XVIII в.). Братья-миссионеры Кирилл и Мефодий не только переводили литургические и библейские книги на язык славян Салоник, но и в процессе христианизации Великой Моравии ввели его в славянское государство, занимавшее восточную часть современной Богемии (Моравии) и западную часть современной Словакии. Исходя из этого, возникает мысль, что святые Кирилл и Мефодий уничтожили язычество и принесли христианство карпатским русинам за столетие до официальной христианизации Руси в 988 г., т. е. в конце IX в., а не в конце X в. Кириллица также используется русинами Воеводины (Сербии) и Хорватии, и богослужения на старославянском или церковнославянском языке до сих пор проводятся с использованием современного русинского (код ISO: RSK) в греко-католических церквях в Воеводине и Хорватии. Церковнославянский язык до сих пор

используется в сокращённой форме и в различных вариантах в греко-католических и православных церквях русинов/руснаков/лемков.

Ключевые слова: св. Кирилл, св. Мефодий, христианство, Великая Моравия, славяне, древнеславянский язык, церковнославянский язык, протославянский язык, русинский язык, русины, руснаки, лемки

St. Brothers Cyril and Methodius – the first Slavic teachers

Mihajlo Fejsa

University of Novi Sad

1 Dr Zorana Dindica, Novi Sad, 21102, Republic of Serbia

E-mail: fejsam@gmail.com

Abstract

Saints Cyril and Methodius created the Slavic script and translated the first liturgical books into it. St. Cyril first devised the Glagolitic script for the Western Slavs, and later the disciples of the holy brothers, Saints Clement and Naum, developed the script that is today known as Cyrillic. By translating liturgical books and the Holy Scriptures into the vernacular of the Slavs from the Thessaloniki region, Saints Cyril and Methodius laid the foundations of Slavic literacy and culture. They brought Eastern, Byzantine Christianity to the Slavs and successfully countered the hostile Latin clerics who espoused the trilingual heresy, claiming that only Biblical Hebrew, Greek, and Latin were permissible liturgical languages. Old Church Slavonic served as the literary language for most Slavs, functioning as a common Slavic literary language—among the Western Slavs in present-day Bohemia and Slovakia from the 9th to the 11th century, among the Southern Slavs from the 9th to the 18th century, and among the Eastern Slavs from the 10th to the 18th century. The missionary brothers not only translated liturgical and biblical books into the Slavic dialect of Thessaloniki but also, during the Christianization of Great Moravia, introduced this language into the Slavic state that encompassed the eastern part of present-day Bohemia (Moravia) and the western part of present-day Slovakia. On this basis, it is argued that Saints Cyril and Methodius eradicated paganism and introduced Christianity to the Carpatho-Rusins a century before the official Christianization of the Slavic people of Rus' in Kiev in 988—that is, in the late 9th century rather than the late 10th century. The Cyrillic script is also used by the Rusins in in Vojvodina (Serbia) and Croatia, and services in Old Church Slavonic or Church Slavonic are still held today, alongside contemporary Ruthenian (ISO code:

RSK), in Greek Catholic churches in Vojvodina (Serbia) and Croatia. Church Slavonic, in reduced forms and various recensions, continues to be used in the Greek Catholic and Orthodox Churches of the Rusins (Rusnaks/Lemkos).

Keywords: St. Cyril, St. Methodius, Christianity, Great Moravia, Slavs, Old Slavonic language, Old Church language, Proto-Slavic language, Rusin language, Rusins/Rusnaks/Lemkos

Увод

Кирил и Методий, познати и як Святи браца и як Славянски апо-столи, пред 12 виками ширели писменосц и християнство. Браца народзени у Солуну, у другим по важносци городу Византийского царства. Святи Кирил, народзени 827. або 828. року, а святи Методий народзени медзи 815. и 820. роком. Кирил и Методий були Греки. Солун у тот час – у другей и трецей децениї 9. вику – бул македонски и окружени зоз славянским жительство, хторе ше ту приселело пред даскелїма виками. Родичи Кирила и Методия били граждане Солуна, углядного роду. Їх оцец Лев бул високи византийски воєни заповиднїк, а њх мац Мария була славянского походзєня. Кирил и Методий у дзєцинстве научели бешеду локалногo жительство. Кирил, по кнїжки *Житиє Кирилово*, бул наймладши од седем братох и њого кресцено мєно було Константин. Методийово кресцено мєно було Михайло, а мєно Методий достал кед ше замонашел на гори Улдаг (хтору наволовали мизийски Олимп) у сиверозаходней Турскей.

Старши брат Методий бул перше високи державни службєнїк, управитель «славянского князовства» (обласци хтора була населєна зоз Славянами у долїни Струми), алє ше познєйше поцагнул до манастиру у Малєй Азиї. Року 856. Методий напушел своєо положєнє архонта и постал монах односно игумен [21: 9]. Неодлуга по тим за нїм до манастиру пришол и њого брат Кирил. Ту розпочали дїялносц на писме хторе у литератури познате як глаголиця.

Младши брат Кирил ещи у Солуну указовал талант за науку та го царица Теодора привєдла до Царгороду, дзе вєдно зоз будуцим царом Михайлом студирал при найлєпших профєсорох и науковцох того часу. По законченю студийох перше бул поставени за гартофилакса (библиотекара и архивара) Царгородскей патрияршиї, алє є неодлуга – после поцагованя до манастиру – поволани же би на Велькей школи у Царгороду преподавал филозофию. Прето и достал назвиско Филозоф [21: 9–10].

Мисії Св. Кирила і Св. Методія

Пред винїмно значну *моравску* мисию Кирил участвовав и у двох значних мисийох – у *арабскей* и у *хазарскей*. Пре одличне хасноване арабского и єврейского языка, 851. року, Кирил постал член византийского посланства, хторе послате ґу арабскому калифови у Самари у Малей Азії. Вон у сущности послати ґу Сараценом одн. Аґаряном (по Аґари, мацери Исмаиловей) [7: 8], хтори на християнох навальовали не лем зоз оружийом, але и зоз пирком, видрижнююци ше християнскей вири. У тей мисії дваццетиророчни Кирил водзел успишни вирски дискусії зоз арабскима вершинскима теолоґами (мугамеданцями) и злепшал одношеня медзи Абасидским калифатом и Византию. У тей мисії бул зоз ученїком Георгийом.

У другей значней мисії Кирил бул зоз братом Методийом. Слово о мисії при турско-татарских Хазарох (владика Дионизий Няради их наволоує Казаре, Любомир Белей – Хозаре, Янко Калай – Козаре) медзи Чарним и Каспийским морйом. Мисия була унапрямена на зоперанє велького ширеня юдаїзма. Затримала ше у Херсону дзе Кирил виучел самарийски диялект и писмо. Стретнул ше и з єдним Самаряном чийо кнїжки читал и толковал. Видзаци же тоти хтори до Христа веря швидко примаю святого Духа и милосц, Самарянин и його син ше покресцели. У Херсону Кирил нашол и Евангелию и Псалтир хтори були зоз «рускимa буквами» написани. Тоти «роусьскы письмены» науковци толковали и як русийски, и як украински, и як восточнославянски [1: 210], але их векшина толкує як ґотски, створени на бази греческого, понеже на території Крима у 5. вику еґзистовала кримска християнска епархия а ґотски населєня на тим простору существовали и по 18. вик [1: 211]. По *Житию Кириловим* Кирил нашол и чловека хтори бешедовал ґотски, розлучел гласи того языка и не одлуга почал читац и бешедовац ґотски («руски»). Понеже хасновал и єврейски и арабски, та и самарянски и ґотски, можеме повесц же Кирил мал талант за языки, праве як и Христово апостоли. Кед на драги браца пришли до єдного християнского варошу а Хазаре обколешели тот варош, Кирил пошол ґу хазарскому войвоводови и зоз евангелску науку го змирел. Войвода обецал же ше покресци, охабел варош и нікому вецей не робел зло [7: 13–14].

Гоч Белей не придава релевантне значенє прикметніку «роусьскы», цо и розумліве бо вон як україниста, у складу зоз Курасовим планом зоз 1996. року, преправял и назву Руси (раз на «Рус-Україна», раз на «Україна-Рус», а у 9. вику новей ери не существовал ані меновнік «Україна» ані прикметнік «українски»), Серґей Суляк податку же Константин Филозоф / св. Кирил преучовал руски/ґотски

букви 860. року у Херсону придава вельку увагу у своєї историйней хронології Русиных [31: 57]. Маюци у оглядзе и историйни податки хтори визначає Гавриїл Костельник, медзи хторима и податок же ещи у 1. вику пред нову еру Гаї Юлий Цезар спомина територію Русиных (Provincia Ruthenorum) и же у 6. вику новей ери Одоакер себе наволоує кральом Русиных (Rex Ruthenorum), а места зявйованя тиж географски барз оддалени од територіі дакедишней Руси, першей держави восточних Славянох, необхідне ше здогадац теорійох о походзеню кореня *рус*- одн. о походзеню назви *Рус*. Пол Р. Маґочи спатра существуци толкованя о походзеню кореня *-рус* и зводзи их на три [13: 7]. По першим толкованю (такв. норманским < Норман < англ. North man, сиверни человек), хторе настало на основи *Повести времених лет*, Рус то єден зоз варяґских народох, а Варяґи то сиверно-германски народи на балтийским побережю, чийо дружини були переважно або виключно составени зоз Скандинавцох. Александер Д. Дуличенко ше надовязує зоз податками же длуґи час Финци за етноним *Шведян* хасновали назву *Ruotsalainen*, а за *Шведска* назву *Ruotsi* (подобни назви исную и у естонским язикау: *rootslane*, *Rootsi*). По тей теорії Рус основали предки Шведянох Варяґи. Першобутне значенє того кореня «веслаче (моряки)» [4: 7; 5: 74]. По другим толкованю *Рус* або *Рос* було жридлове славянске племе хторе по IV вик було населене южно од Києва, чийо мено познейше прияли скандинавски завойоваче. Слово о такв. антинорманскей теорії. По трецим толкованю назва *Рус* пришла зоз Скандинавії на територію Восточних Славянох, алє ше не приводзи до вязи зоз Варяґами, алє зоз Рутенами (Ruteni) або Рутами (Ruti), жителями вароша Рузи (Ruzzi, Rodez) на югу нешкайшей Французкей, хтори плячкали у вецей державох та и по побережйох сиверних морйох; жительох вароша Рузи творели припадніки рижних народох [13: 7; 39: 38]. На треце толкованє ше надовязує и Гавриїл Костельник, тримаюци же *Русин*-ами (*Ruthen*-ами) наволоване єдно племе у Гаїлії (у нешкайшей Французкей) хторе ещи у 1. вику п. н. е. спомина Цезар кед бешедує о провинції Русиных (Provincia Ruthenorum) а у вязи з нїм и запис на каменю Rex Ruthenorum зоз 6. вику по хторим Одоакер краль Русиных. Єдна часц того галского племена, предпоставя Костельник, могла присц даґдзе у периодзе од 4. по 6. вик на територію Восточних Славянох одкадз походзи и назва Гаїлиція, односно Гаїличина [11: 129–130]. Горазд Тимкович указує на контакти славянских и германских племенох, хтори обачліви и у значним числу топонимох на тлу нешкайшей Велькей Британії, Ирскей и Шкотскей зоз кореньом *rus-/ros-/rous*-* (напр. рика *Ross and Cromatry*, острово *Ross of Mull*, населєня *Rush*, *Roscrea*, *Rossccommon*,

New Ross, населення і заліви *Ross-Carberry*, *Rosslare bay*, залів *Rosses bay*, побережжя *Rosskeeragh* ітд.). Сумираючи результати найновших вилеодованьох, Тимкович заклучує же Славяне не походза зоз єдного але зоз трох праславянских племенох, хтори история позна як: Скити (племе *Maŋor*), Келти (племе *Гомер*) и Моско-Ибери (племе *Мосок-Тубал*) [36: 116; 43: 197]. Бачко-сримска вариянта русинского языка, т.е. руски язык хтори ше у Бачки, Сриму и Славонії пише на кирилки (чия назва походзи од св. Кирила) у тих ше вилеодованьох трима за модификацию языка Праславянох-Келтох [43: 180–181]. Александер Д. Дуличенко [4: 7; 5: 74–75] корень *-рус/-рос* повязує зоз «водовим» значеньом, т.е. спочатку вон значел реалиї, предмети у вязи зоз воду – рики и їх притоки, часци рикох ітд. Павел Й. Шафарик походзи од значеня праславянского меновніка **rusa* у значеню «рика», одкадз напр. походзи и русийски меновнік *русло* у значеню «корито рики». На Руси єст множество рикох и притокох зоз кореньом *-рус/-рос*: напр. *Рось* – притока у Новгородской жеми, *русалка*, *русальница* (поганске швето), *Рус* – митске существо, Дніпрово божество и др. Понеже *руса* «рика» була звичайне место насельованя у давних часох, отадз походзи и вкупне значенє *Руси* (*Русы* або *Руссы*) «жителє рикох». Дуличенко придава значну увагу и становиску Олеґа Н. Трубачова, хтори толкує же корень хтори нас интересує иранского и индийского походзеня *-ruk/-raux*, цо значи «шветли, били». Трубачов трима же «шветли народ» жил у степох Причарноморя (исте). Юлиан Колесар визначує вислови «руса глава», «руси власи», «руса дзивка», «русави» и подобни а наводзи и арабски термини хтори хасновани за власи Славянох – «руды», «червени», «руси» и «бияви» [9: 61–62]. Существує и ґотска теория хтора визначує незвичайни уплїв ґотскей култури на славянску културу, окреме на руску културу до Рюрикового часу. Вона назву *Рус* виводзи зоз епохи ґотско-славянских одношеньох и меновнікох *Hrodhigutos* «Славно-ґоти» и *Hrodhgotaland* «Славноґодия» а назва *Рос* ше виводзи зоз *Hrodh* «глава». Ґоразд Тимкович наводзи и податок же иранске *ros* значи «глава, поглавар», як и же ше *rus* у Малей Азії, у праотечеству Славянох, дакеди вигваряло /*raʃ*/ як напр. у анґлийскей назви за *Русия* – *Russia* /*raʃə*/ [36: 11]. Чи кримски християнизовани ґоти, познати у царгородских кругох, ношели руске мено, остава неясне, гоч «роусьскы письмены» би и на тото могли указовац. Ґоразд Тимкович трима же святи Кирил бул директно инспировани зоз руским оґамским писмом, зоз хторим ше стретнул на своєй другей мисиї у Херсону [36: 34]. ВладимиРус де юкста Горнад визначує же ше у часох св. Штефана, коло 1000. року, т.е. у покирилометодийским чаше, зоз назву *Русини* (*Ruthen*-и)

означовало славянське жительство арпадовської Угорської. Зов нього ще неолдуга видзеля нови славянські народи, напр. Серби (Руска держава) и Словаци (Заходні часци «*marchia Ruizorum*») [3: 40].

Под час хазарської мисії Кирил и Методий, пише владика Дионизий Няради [22: 8], нашли и моци святого Климента, римського папи зов 1. вику, хтори коло 100. року бул при Херсону у вигнанстве пре святу виру и там прецерпел мученіцку шмерц. Святи браца вжали тоти моци зов собу и зов німа прешли скоро шицки тедишні славянські держави и на концу их однесли до Риму. Тераз ше находза у церкви св. Климента. Тота мисія тирвала по 860. рок. По законченю мисії святи браца ше врацели до Царгороду, а отамадз пошли на други завод до монастира [22: 8].

Два роки после мисії при Хазарох браца Кирил и Методий були ангажовани за нову мисію. З тей нагоди були послани гу Славяном. Треца мисія приведла по зявенє старославянського язика, хторе у непосредней вязи зов Велькоморавским князовством. Любомир Белей [1: 196] трима же ше Велькоморавске князовство пресцерало на території нешкайшей югозаходней Словацкей, нешкайшей юговосточней Ческей (Моравія) и сиверозаходней Мадярскей. Владимир де юкста Горнад пише же ше воно не пресцерало лем у Велькей Морави але же доходзело и до сиверних часцох сушедней Болгарскей імперії [3: 29].

Велькоморавске князовство ше стредком 50-их рокох 9. вику под князом Растиславом почало витарговац зов орбити церковно-культурного уплїву імперії Франкох. Княз Растислав перше, 859. року, модлел папу римського Миколая же би до Моравскей послал єпископа хтори будзе наказовац на розумлївим, славянским язикау (а не на латинским язикау), але папа Миколай не мал розуменя за вимогу князя Растислава та княз Растислав исту вимогу, 861. або 862. року, послал и константинопольскому патрїярхови Фотїюви и византийскому імператорови Михайлови III [1: 196–197]. На подручю велькей Растиславовой держави християнство ширели франкски священіки зов реґенсбургської и пасавскей бискупії. Понеже Растислав видзел їх вше векши уплїв и знал же политичну самостойнось не годно у тот час ані задумац без власного священства, як висшого так и нїзшого, вон у Византії видзел подпорку процив немецкого цара Лудвика, спод чисї ше власци з чужку борбу лєдво витаргал. Растиславова думка була же самостойна Моравска церква з домашнім священством и власним литургійним язикау постане брана каждому цудзому уплїву [1: 197–200; 7: 17–18; 21: 8–11; 22: 9–10].

Византія мала розуменя за Растиславову вимогу, але цар Михайло III до Моравскей не упуцел «єпископа», як вимагане, але одлучел

послац єдну вирско-културну мисию окремого типу и окремой методи роботи, на чийо чоло поставени браца Кирил Филозоф и игумен Методий, учени и углядни людзе, уж искусни у роботах тей файти. По *Житию Методийовим* було то зоз словами: «Чуєш, Филозофе, тоти слова? Други того зробиц нє може, окрем тебе. Прето, ниа, велї дари и вежні брата свойого игумена Методия, та идз! Бо ви обидвоме зоз Солуна, а Солунци шицки чисто бешедує по славянски». Браца Кирил и Методий ше за тоту роботу озбиљно порихтали. Понеже составели нове славянске писмо (глаголицу), на язык Славянох зоз околїска Солуна преложели найнужнейши церковни кнїжки. На тот способ створели славянски литературни язык и поставели фундаменти славянскей литератури.

Року 863. браца рушели на драгу и 864. року стигли ґу князови Рагиславови, хтори их госцолубиво приял. Успих їх мисии, вельочислени ученїки и симпатии народа виволали реакциу латинского клеру. Главни аргумент процивних славянскей литургии була такв. троязична теория по хторей существує лєм три святи язики на хторих мож окончовац вирски обряди. Тоти язики єврейски, гречески и латински. Славянски язык нє бул медзи тима трома язиками. После 40 мешацох перебуваня и дїялносци у Моравскей, славянски мисионере рушели на драгу до Риму найскорей же би, з єдного боку, їх ученїки були пошвечени за священїкох, и, з другого боку, же би видїйствовали нєдвосмыслову согласносц на хаснованє славянского языка у церковним обряду. По *Житию Кириловим* на тей драги пришли до Панонии. У Житию пише: «Кирила и Методия приял Коцель, княз панонски, и барз полюбел славянске писмо, и виучел го и дал коло 50 ученїкох же би го тиж научели». Ту находзиме и основи за становиско же Славяне хтори жили у Панонии достали християнство коло 100 роки скорей од руского народа на Руси, 988. року, у Києве. На тей основи формована напр. и Византийска католицка семинария святих Кирила и Методия у Питсбурґу у Зєдинених Америцких Державох, хтора означовала 1100 рочницу покресцованя Русинох/Руснацох, а хтора и по нешка означує приманє християнства у 9. вику (а нє у 10. вику). По Другу шветову войну векшина семинаристок за Грекокатолицку русинску/руску церкву у Зєдинених Америцких Державох була обучована у такв. Старим краю Руснацох, одн. на Горниці – у семинарийох Прешова (у нешкайшей Словацкей) або Ужороду (у нешкайшей України).

У церкви пресвятей Богородици при Вифлеємских яшелькох у Риму папа Адриан II поблагословел славянски богослужбни кнїжки, а Св. Кирил и Методий одслужели Службу Божу на чесц Мацери Божей на славянским язикау. Дня 19. децембра 868. року св. Кирил и Методий пошвечени за владикох, а їх ученїки за священїкох и дияконох [22:

13]. Як владикове, Кирил и Методий, окончили першу Службу Божу у церкви св. Петра, а потим и у церквох св. Павла, св. Андрея и св. Петронили [22: 13]. Папа и офіційно допушел же би ше, попри на єврейским, греческим и латинским язикау, Служба Божа кончала и на славянским язикау, хтори нешка познати и як церковнославянски одн. старославянски язык. Тот ше язык, у даскеліх редакційох, хаснує и нешка. Можеме го чуц и на литургійох Йоана Златоустого.

Дня 14. фебруара 869. року упокоєл ше Кирил. Методий ше не вращел такой до Моравскей. Од папи достал Посланіцу Растиславоу, Святополкови и Коцельови же би наказовал на славянским язикау.

Року 870. Методий поставени за панонско-моравского архиепископа. Тото менованє наишло на вельке одуперанє немецких бискупох (салцбургського и пасавского), хтори тоти території тримали за свойо подручє. Накадзи Методий пришол до Панонії, латински священіки го нападли як єретика а, кед сцигол до Моравскей (дзе Растислава у медзичаше зруцела його родзина, нїтрански княз Святополк), локални бискупи Методия поволали на свой синод, осудзели го и руцели до цемніци у Баварскей, дзе остал два и пол рока. Аж 873. року, по налогу папи Йоана VIII, Методий пущени зоз цемніци. Враца ше до Моравскей, алє ситуація значно пременєна. Славянска литургія забранєна. Понеже Методий, заш лєм, предлужел зоз свою діялносцу и славянске ше богослуженє ширело по Моравскей, процив нього подзвигнута обтужніца у Риму, та 879. року мушел знова пойсц до Риму же би ше оправдал. Папа Йоан VIII, намагаючи ше не очкодовац римски позиції у Моравскей, потвердзел славянске богослуженє зоз булу Вредносц твоя (*Industriae tuae*) зоз 880. року. Була, иншак, явни декрет, хтора мено достала по були, оловним печачу хтори ше додавал на концу же би ше потвердзела його автентичносц.

У *Житию Методийовим* читаєме и же ше Методий зоз ученіками дал до прекладаня цалого *Святого писма*. Пред тим були преложени Псалтир и Евангелия зоз Апостолом, як и избрани церковни служби, хтори преложел ведно зоз Кирилом. Методий ше упокоєл 5. априла 885. року.

По *Житию Методийовим* Методий за наслідніка избрал Ѓоразда, алє за славянске богослуженє и славянску писменосц настали чежки дні. Папа Стефан V не потвердзел Ѓоразда за Методийового наслідніка, алє на место моравско-панонского архиепископа меновал бискупа Вихинґа. Папа Стефан V, ґу тому, аж и забранєл славянске богослуженє. Ученіки св. Кирила и св. Методия заверани до цемніцох, мучени и виганяни зоз жеми. Вельке и праведне діло солунских братох просвитительох Кирила и Методия, медзитим, не могла зніщиц брутална физична сила. Велі ученіки, познати и непознати, пренєсли и

далей розвили ідею і практику славянської писмености у других крайох і жемох славянського швета. Найвекши центр старославянської писмености настал у Македонії, на побережйох Охридського озера, дзе діловали Климент і Наум. Отамадз ше старославянски т.є. церковно-славянски язык ширел по цалей Македонії, окреме кед пановал цар Симеон (893–927). У Восточней Болгарській приходзи і до одступаня од кирило-методийської графічної традиції (такволаней глаголіци). Ту найвироятнійше глаголіца і заменєна зоз кирилицу/кирилку [21: 14]. Кирилка (письмо наволане по св. Кирилови) преширела ше на сивер – на Рус і на заход – до Сербії. Славянське богослужєнє дошло і по Словєнию і Горватску, а і по Чєску і Польску [21: 14]. На кирилки пишу і Рускинї і Руснаци у Войводини/Сербії і Горватській. Цо ше дотика старославянського одн. церковнославянського языка, вон ше ещи вше, редуковано і у рижних редакційох, хаснує у церковним обрядю у Грекокатоліцкєй і Православнєй церкви Русинох/Руснацох/Лемкох.

Історийнє путованє і просвищованє Святих братох инспирує людзох і у нешкайших часох. Визначуєме з тей нагоди два події з початку 21. вику, єдну медзинародну і єдну домашню. Організація Зєдинєних наційох за образованє, науку і культуру (УНЕСКО) 2013. року прєгласєла рок славянських просвітительох Кирила і Методія. Борис Холошній обезпечєл фалаток моццох Святих братох а його брат Михаїл, парох дюрдьовськи хвильково рихта одвитуєцє змесєнє у Грекокатоліцкєй церкви у Дюрдьовє.

Значєнє діла святих братох

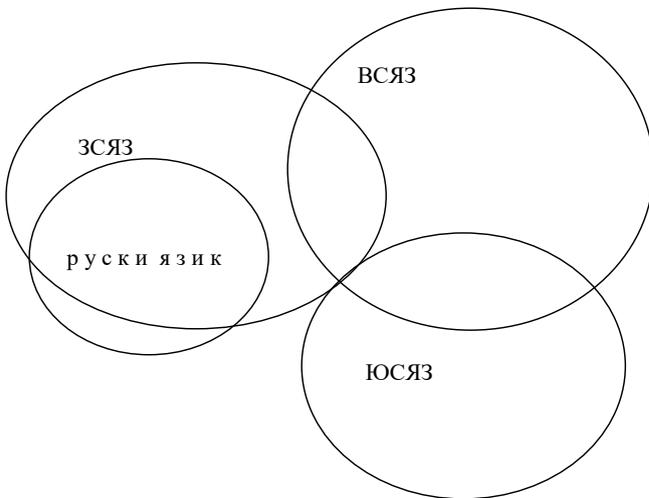
Браца св. Кирил і св. Методий творитєлє старославянського языка. Стандардизована старославянська азбука ма 42 букви, хтори ше волаю з окремними мєнами: аз (а), буки (б), вєди (в), глагол (г), добро (д), єст (є), живєтє (ж), земля (з), иже (и), і (и), й (й), како (к), люди (л), мислєтє (м), наш (н), он (о), покой (п), рци (р), слово (с), твердо (т), ук (у), у (оу), фєрт (ф), хєр (х), от (о), ци (ц), черв (ч), ша (ш), ща (щ), грубє єр (ь), цєнкє єр (ь), єри (ь), ят (ь), ю, трєцє о (Ѡ), вєлькє я (Ѧ), малє я (Ѧ), кси (Ѧ), пси (Ѧ), тита (Ѧ) і ижица (Ѧ) [19: 303]. Святи браца составєли славянськє письмо і на ньго прєложєли перши богослужєбни кніжки з цильом же би Славянє порозумєли і прилапєли слово Божє на своїм языкю. Св. Кирил перше за заходних Славянох саставєл глаголіцу а познєйше школярє святих братох Климент і Наум саставєли славянськє письмо хторє ше по св. Кирилови нєшка вола кирилица/кирилка.

Понєжє святи браца прєложєли богослужєбни кніжки, як і Святє письмо, на тєдишнї бєшєдни язык Славянох коло Солуна, можємє повєсцє же вони поставєли основи славянськєй писмености і культури, учишлюєци ту писменосцє і культуру Русох, Болгарох, Сєрбох, Горватох,

Словенцох, Словакох, Чехох и Полякох. Шицки вони ведно як Славяне прияли восточне, византийске християнство од св. Кирила и св. Методия. Зоз тим же уведли богослужене на старославянским одн. церковнославянским языку поспишло им ше превладац потедишне такв. триязичие по хторим ше у церковним обряду могло хасновац лем єврейски, гречески и латински язык.

Нешка ше старославянски одн. церковнославянски язык ещи вше хаснує у церковним обряду у Грекокатолицкей церкви, и то у редукованим обсягу. Цо ше дотика филологох хтори на шлідох коминтерновского неприємованя Руснацох як Руснацох и їх языка як языка, вони кирило-методийску традицию зневажаю. Українски академик Юлиан Тамаш напр. на конференції організованей з нагоди 250-рочніці приселеня Руснацох до Бачки, на англійским языку зоз хторим ані не панує, а на основах кратковидеј язичней пракси и оштрого административного способу на хторих уведзени українски язык, цо шицко запровадзене у цеку найвекшей коминтерновскеј репресії стредком 20. вику, пише: «Глібоко сом прешвечени же неможліве створиц русински национални литературни язык на основи (штучних) мета-язикох а ещи меней то можліве у дачией роботней хижи, або лем з дачию чисту намиру. Кед би то було можліве, славяно-сербски, и илирски языки (старобалкански языки) або карпаторусински языки би нешка були ещи живи и бешедни языки. Але, ми знаме же вони мертви языки веліх литературних памятникох» [33: 335]. Три децениї познейше видземе же карпаторусински языки живи, стандардизовани и бешедни (окрем у матичней жеми Ю. Тамаша), а старославянски одн. церковнославянски ше чува у даскеліх редакційох у даскеліх славянских жемох. Хасную го нешка и Русини/Руснаци/Лемки у грекокатолицких и православних церквох. Тамашов колега Янко Рамач, хтори докторовал у Україні, у *Исторії Руснацох* пише: «У историографії було намаганя доказац же у чаше кед славянски апостоли Кирил и Методий дійствовали у Велькоморавским князовстве вони або їх ученіки ширели християнство и медзи Русинами на Закарпат'ю. По нешка ище ніхто не наведол виродостойни податки о тим, а на тей території або медзи Русинами на Закарпат'ю нет шліди писаней литератури на глаголіци, писму на хторим славянски браца ширели християнство у Велькоморавским князовстве» [28: 22]. Зоз 9. вику наисце не существую публиковани науково монографії на тему ширеня християнства у Карпатским ареалу и заключеня у вязи зоз діялносцу святых братох ше у значней мири базую праве на їх житийох, але факти же 870. року Методий бул поставени за панонско-моравского архиепископа [21: 12] и же Велькоморавска держава (насампредз под власцу Растислава од 846. по 869. и Святополка од 870. по 894) у

остатней децениї 9. вику уключовала до себе територію нешкайшей восточней Ческей, заходней Словацкей, южней Польскей (Шлезію и Малопольску), часц Немецкей (Лужицу) и заходну Мадярску (Панонію), односно же на сиверовостоку Велька Моравска досяговала аж и по Краков та и недалек од Перемишля при рики Сан, т.є. по територію на сиверних схилох Карпатох на хторей перебували Били Горвати [17: 59] не за занедзбованє. Походзенє Карпатских Русинох иншак досц зложене; трима ше же за їх предкох мож уважовац: 1. праславянски народи, хтори пришли до котліни Дунаю зоз Гунами и Аварами; 2. Билих Горватах; 3. Русинох зоз Галичини и Подоля и 4. русинизованих Влахох зоз юговостоку [15: 17; 16: 37]. Рижнородноц походзеня мож обачиц и у руским язiku та напр. на основи стандартних критериюмох одредзovania припадносци гу восточней, заходней и южней групи славянских язикох [2: 19–21] Михайло Фейса заклучує же руски язык ма вецей заєднічки характеристики зоз язиками заходнославянскей язичней заєдніци (ЗСЯЗ) од заєднічких характеристикох зоз язиками восточнославянскей язичней заєдніци (ВСЯЗ), насампредз зоз восточними бешедями словацкого язика, а ма и даскельо характеристики зоз язиками южнославянскей язичней заєдніци (ЮСЯЗ), цо представел и графично [40: 233; 41; 42]:

Медзи заходнославянскима язичнима зявєнями видзелюю ше шлїдуюци. Праславянска група **tort* у южнославянских язикох, у чеським, словацким и руским прешла до *трат* (напр. **borda* > *брада*; **korva* > *крава*) у периодзе формованя трох найвиразнейших сла-

вянских ґрупох [27: 512]. Праславянска консонантска ґрупа *dl ше зачувала лем у заходнославянских языкох и у руским языку (напр. *kridlo > *кридло*; *vidla > *видлу*) [27: 523]. Консонанти *d и *t опрез вокалох преднього шора змеґчани до *dz* и *ц* (напр. *roditi > *подзиц*; *kotiti > *коциц*) [27: 518]. Чежко мож вериц же би восточнославянски идиом Русинох, без огляду у яким чишлє тедишні Русини пришли зоз території нешкайшей заходней України – чи у першей половки 14. вику (кед 1340. року Поляци завжали Галичину), чи у другей половки 14. вику (кед литовски княз Витолд рушел з войском на князя Федора Корятовича и кед вон 1394. року сцекол до Угорскей ґу кральови Сигмундови, хтори му дал титулу «княз подольски пан мукачовски, управитель мукачовского замка») [12: 15]. Лабош, иншак, зоз резерву бере податок же княз Корятович у тим чаше преселєл 40.000 особи, прето же княз бул у зарабеніцтве и постал политични емиґрант та у таким положеню чежко могол одвесц и организовано преселіц таке вельке число людзох [12: 16]. Скорей будзе же славянски идиом на основи хторого настал сучасни руски язик бул заходнейше, як писал Гавриїл Г.Надь, «у народних бешедох населеньох коло рички Ондави» [20: 84]. Юлиан Рамач, пишуци о розликох медзи бешедами дзепоедних ґрупох приселенцох зоз Горніци стредком 18. вику (напр. *бешедовац* и *гуториц*, *такой* и архаичне *гнет*), предпоставя же походза зоз розличних крайох Горніци и же руски язик свою терашню форму достал уж у 15–16. вику [26: 168–169]. Михайло Фейса вигледовал вариянти медзи такв. коцурску и керестурску бешеду и утвердзел же за Дюру Биндаса и Гавриїла Надя Ондава оправдано значни карпатски пункт, а такв. коцуризми найдзени на території заходно од Ондави, медзи Ондаву и Попрадом [38: 159]. Вячеслав Чарский конструовал ориґинални контактологийни метод преучованя идиома неопредзеного походзєня у дотику зоз зроднима языками и диялектама истей ґрупи и у своєй моноґрафії *Руски язик Сербиї и Горватскей: линґвоґенетични аспект* [44; 47; 54] заключел же руски язик лем зоз даєдну з восточнословацких бешедох Шариша и Земплина, а вшеліак и зоз бешедами околїска Требишова, повязую шлїдуюци характеристики: рефлєкси праславянского *ъ, законченє ґенитива шицких меновнікох *-ох*, законченя *-о* и *-у* у дативу и локативу меновнікох хлопского и стреднього рода, законченє *-м* формох першей особи єднини презента, законченє *-о* у номинативу множини присвойних прикметнікох. Вкупно 8 характеристики повязую руски язик лем зоз восточнословацкими бешедами околїска Требишова (напр. рефлєкси праславянских вокалох *o > *о* и *e > *е, і, а, о, и*, пременка *s* > *ѕ* и *z* > *ž* та инфинитиви на *-чиц* итд.). Источасно 2 характеристики указую лем на шаришски бешеди Прешова (форми помощного дієслова

буц и формованє дїєсловного прикметніка роботного). Чарський ово заклученя потвердзела и Тамара Хома [52: 106–108].

Владимир Шанта преноши становиска Матуша Кучери (хтори винєс у монографії *Основи Велькоморавскей исторії*) и Ондreja Галаґи (хтори винєс у монографії *Славянске заберанє Потися и восточнословацки грекокатолики*) и пише о заєдніцких предкох Руснацох и Виходнярох, о предугорских потиских Славянох, хтори ше у историографії наволоу Абудрити/Бодричи/Praecedenti. Тоти авторе не тримаю же Потисє було ненаселєне. Напроцив. Тримаю же Земплин и Шариш у 9. вику були населєни и же у нїх було покресцованя по 882. рок, т.є. сто дваецц роки пред покресцованьом Руси у Києвє 988. року. У другей половки 9. вику варяґски княз Олеґ лєм завжал Києв [56: 46–47]. Станислав Конєчни тиж трима же у 9. вику горнє Потисє було населєне зоз славянским жительством, хторе ше там населєло под час велькей селїдби народох [10: 14]. Кирил и Методий, виroyатно, по законченє войны медзи Вельку Мораву и Франками, т.є. по конєц 864. року, мушєли ше затримац на Потисю кєд преходзєли през Потисє. Зоз того часу найвиroyатнєйше походзи и слово *гей*, хторе нашло места у прекладу Евангєлиї; слово *гей* спада переважно до виходнярского идиому, односно до бєшєди Потися [34: 55; 37: 55; 56: 61]. Земплинско-шаришски идиом не принєшєни зоз Нїтри, анї зоз Галичини, Лємковини, Буковини або Подоля, алє є автохтони у Земплину и Шаришу [56: 42–43]. Українска историоґрафия неґира автохтоносц карпатских Славянох, та и потомкох нєшкайших Руснацох у Сєрбиї и Горватскей [53: 39–45]. Спрам тєй «теорії» Русини ше у Карпатох, карпатским предгорю и Потискей ровнїни зявєли як госци (лат. *hospites*) т.є. як колонисти у 14. вику у чашє такв. Влахскей колонизації. Тєй теорії процивсловя факти зоз архєолоґії, писани жридла византийского и заходноевропского походзєня и, на основи нїх, историйна наука, а, на концу концох, и здрави людски розум. Аж и цалком абсурдне тото при мадярских историчарох, чийо ше предки у Карпатскей котліни зявюю як номади аж концом 9. и початком 10. вика [25: 20]. Присуство Славянох, та и карпатских Русинох, не могол заныац анї перши мадярски хронїчар Аноним. Вождєвє мадярских племенох мушєли покориц територию населєну зоз подунайским и панонским Славянами. У *Гєсти гунґарорум* спомина ше и побида вожда Мадярох Арпада над славянским князом Лаборцом [25: 20–24]. Же ужгородски княз Лаборец не представля лєґєнду, алє реалну особу зоз исторії Русинох, тєрдзи и Юрий Панько, хтори компиловал уметніцки твори о нїм и обезпечєл увид до збуваньох у тих часох на концу першого милєнїюма [10: 15; 23: 5–6]. Иван Поп у *Енциклопєдиї русинскей исторії и култури* вчасну славянску историю

восточней Европи, уключуюци до ней и Горне Потисє, дзелі на два периоди: вчасни славянски период (од другой половки 5. вику по 7. вик) и старославянски период (8. и 9. вик). Населєня Славянох були ґруповани коло рикох Тур, Тиса, Латорица и Уж, або розширени як окремини єдинки коло рикох Лаборец, Ондава, Топля, Олшава и Торица. Славяне сновали и утвердзєня як напр. Солотвино, Мала Копаня, Вари, Земплин, Мукачово, Ужгород и Шаришске Соколовце [14: 463].

Генерално патраци, складаме ше зоз заключеньом Митра Пешикана, хтори, спатраючи вокализм руского языка, заключел же руска язична система предствая єдну срозмирно конзервативну систему у хторей ше добре чува континуитет вокалох у одношеню на наслідство зоз праславянского часу [24: 27].

Отец Димитрий Сидор у своєй *Граматики русинского языка* наводзи податок же подкарпатски Русини чуваю церковнославянски язык у своєй закарпатскей варианти русинского языка, хтора и прето подобна зоз старославянским языком Кирила и Методия у розпону од 70 % по 80 % [29: 2]. Єден зоз Сидорових прикладох и «Отче наш» [29: 49], хтори у церковнославянским глаши: «Отче наш, Иже єси на небєсѣх! Да святитєся имя Твоє, да прїидет Царствїє Твоє: да будет воля Твоя, яко на небеси и на земли. Хлѣб наш насущный даждь нам днесь, и остави нам долги наша, якоже и мы оставляем должником нашим, и не введи нас во искушенїє, но избави нас от лукаваго». На закарпатскей варианти русинского языка, зоз Сидоровим уношеньом ята (ѣ) до графїї, глаши: «Отче наш, Котрый Ись на небєсѣх! Най святитєся имня Твоє, най прїиде Царствїє Твоє: най буде воля Твоя, як на небесї (так) и на земли. Хлѣб наш насущный дай нам днесь, и одпусти нам довгы нашї, як же и мы одпущаєме довжником нашим, и не введи нас во искушенїє, но избав нас од лукаваго». По Димитрийови Сидорови часц праРусинох / Билих Горватох ше спод Карпатох преселєла и до околїска Солуна у 7. вику под час императора Ираклия IV [29: 2]. На тото становиско ше надовязує и Ґоразд Тимкович хтори трима же Русини под Карпатами бешедовали зоз истим языком зоз хторим бешедовали и Славяне з околїска Солуна [34: 55; 37: 55]. Юлиан Тамаш тиж, по анализованю язичних фактох зоз исторїї руского языка Юлиана Рамача, концом 1980-их рокох, виводзи заключене же «руски язык и виходнярска бешєда (нароком не гваримє восточнословацки диялект, бо вон то вецей политично як лингвистично) найстарши живи вираз стану славянскей язичней заєднїци скорей диференциї на восточно, заходно и южнославянску заєднїцу и скорей националних славянских язичних диференцияцийох» [32: 352–356].

Же би ше похопели културни и религийни медзинародни вязи у 9. вику, треба мац у оглядзе факти же Кирил и Методий були християне

восточного обряду, же ше християнство ширело зоз православней Византиї (гоч ше у тот час дзелїдба на православну и католицку сферу лєм нагадовала) и же ше процес християнизациї у Болгарскей праве закончовал у чаше кед починала мисия Кирила и Методия. Гоч ше Борис I, болгарски кан, колїмбал медзи Востоком и Заходом, заш лєм, опредзелел ше за Восток, за царгородску юрисдикцию. Сам Борис I ше у сущносци покресцел 859. року, а познейше покресцел и свой народ [8: 75]. Византийски мисионере, медзитим, не мали визию святих братохла та у церковних богослуженьохла, хасновали гречески язык, хтори бул звичайним Болгаром нерозумлїви, праве як и латински. Гречески зоз славянским заменели аж Методийово ученїки, по тим як сцекли зоз Моравскей. Под час панованя цара Симеона Велького (од 893. по 927. рок) створена и перша самостойна церква при Славянохла – самостойна Болгарска патрияршия, хтору Царгородска патрияршия припознала 927. року. Юлиан Колесар [8: 13] визначуе же зоз приманьом християнства при Руснацохла на Горнїци и Пригорнїци, у Панонїи, одпочало и нашо вчасне писменство и висши уровень общей култури. Одпочало зоз преписованьом кнїжохла, упознаваньом других културохла, зоз будованьом храмохла, церквохла и манастирохла, зоз путованьом и преношеньом искуствохла, зоз иконописаньом, украшованьом кнїжохла итд. Колесар твердзи же «култура цекла од Руснацохла на Рус, на страну Кийова, а нье обратно, як цо ньешка твердза и фалшиво описую дзєяки `учени` зоз Галициї и України! И сам Кий – основатель Києва, зос свою фамелию походзел бул зос Пригорнїци-Панонїи... То лєм припоменка, указац зос даскельїма словами на традицию писаного слова и читаного слова у нас. Прето, же би ше нье думало же наш швет спознал букву – по Першей шветовой войны! Льебо по Другей шветовой войны!» [8: 13–15]. У *Житию св. Кирила и Методия*, хторе написал Дионизий Няради, автор визначуе же слово Боже на мацеринским языку слухали и нашо прадїдове з єдного и другого боку Карпатохла [22: 20]. Станислав Конєчни наводзи податок же и по конец 10. вика, по хвильку кед на власц пришол Болеслав Храбри, у Кракове бул єден епископ византийского обряду [10: 17]. Володимир Фенич наводзи податки же зоз архиепископом Методийом очольована Велькоморавска церква мала два диоцези, 50 церкви и коло 200 священїкохла и же 900. року шедзиска епархийохла могли буц у Нїтри, Спишскей Капитули, Макачове, Оломоуцу, Кракове и Перемишлю [49: 222–223].

Горазд Тимкович указуе и на податок зоз Жития Методийово по хторим ше Методий стретнул зоз єдним войводом, хтори по походзеню зоз подкарпатскей обласци од рики Уг, хторого упознал и покресцел ещи пред 863. роком, на драги до Велькей Моравскей

[37: 193–194]. И велі други историчаре тримаю же браца Кирил и Методий на драги зоз Византиї, идуци зоз свою мисию до Моравскей, принесли християнство и до Карпатскей Руси. Прихильни су и гу заключованю же византийски браца основали и владичество у утвердзеню Мукачово, або же то зробели їх ученіки [16: 33]. Тоти историчаре тримаю и же ше Карпатски Русини позбули поганства сто роки пред другима Славянами (нешкайшима Билорусами, Українцями и Русами), хтори ше не обрацели у векшим чистле на християнску виру аж по час официйного покресценя Руси 988. року [исте]. И у исторії Адама Франтишека Колара напр. автор трима же медзи жительство коло Дуная були и Карпатски Русини, хтори християнство прияли непосредно од св. Кирила и св. Методия и же Мукачовска епархия еґзистовала уж у 9. вику [17: 137]. Василь Мельник тиж заключує же християнство мушело предрец на Закарпат'є барз вчас бо иншак не мож поаяшніц факт же, такой после приманя християнства на Руси, княз Володимир поволовал зоз Закарпат'я проповиднікох и учительох славянскей писменосци [18: 387]. Ю. Думнич и М. Шарґа наводза податок же активну улогу у покресцованю поганских Славянох Руси у 10. вику мали и крестителе зоз Ужгородского краю, як напр. монах Мойсей Угрин [6: 3].

Активна конфесийна политика Кирила, а окреме Методия, од хвильки кед Методий постал моравски и панонски епископ, була у складзе зоз зєдинююцу политику велькоморавского князя Святополка, хтори присоединел до своєї держави значну часц Панонії и преширел свою власц на славянски жеми по Лабу, Одру и Карпати. Дзепоедни вигледоваче твердза же Методийово школяре доходзели аж по Попрад, Топлю, Лаборец, Уж, Латорицу и Тису [18: 387, спрам В. Л. Микитаса]. О тим зачувани и памятки у усней народней традиції. Отокар Гостински напр. пише же у земплинских Сотакох еґзистує народне преданє у хторим ше бешедує о їх походзеню од стародавних Славянох, хторих покресцели ещи Кирил и Методий, и же тоти Сотакы потомки гевтих прапредкох над хторима пановал Салан, спрам народних леґендох Моравски [18: 387]. И угорски літописец Аноним у поглавю о приходу мадярских племенох през горски, карпатски цесніни и забераню території познейшей Угорскей пише о Славянох и Болгарох, над хторима пановал княз Салан. Його дідо, Кеан, вельки княз Болгарскей, населел ту, на граніци, Русох и Полякох, тих Славянох и Болгарох. Славяне приповедали як Кеан, княз Болгарскей, прадідо князя Салана, понеже вишол зоз Болгарскей, залапел тоту жем, и Славяне зоз болгарскей жеми були приведзени на руску граніцу. М.М. Лелекач писал же ше Саланово князовство пресцерало аж по централну часц терашней Мадярскей [18: 388].

Василь Сочка-Боржавин тиж пише же славянски предки наших Руснакох (як их вон наволує), хтори пред приходом Мадярох жили у верхней доліни Тиси, дзе ше тераз находза Севлюш, Королево над Тису, Хуст и Буштино, прияли християнство уж у 863. року. То значи же кореньови славянски народ Подкарпатскей Руси почал шириц Христову виру 125 роки скорей од предкох терашнього українского народа, хтори покресцени 988. року [30: 79–80]. Сочка-Боржавин преноши и становиска карпатолога Алексея Петрова Санкт-Петербурґского универзитета и будапештского слависти Яноша Мелиха же назви топонимох, углавним назви рикох, указую же Мадяре при забераню териториї у карпатским подгорю, од Срима по восточни Карпати, наишли на язык хтори бул найблізши заходноболгарскому и восточносербскому диялекту. То значи же Мадяре южно од Карпатох не нашли восточних Славянох, але южних [30: 80].

Святи славни и всехвални ровнопостолни учителе славянски Кирил и Методий, прекрасни украс Церкви Христовей и найпочитованши святителе медзи славянскима народами прето же охабели благословени шлїд хтори не мож висцерац, з єдного боку, у писменосци и, з другого боку, у глібокей вирносци Церкви Христовей и любви хтору шведочели. Под час своєї мисії Святи браца мали велї спокуси, хтори зоз виру превозиходзели. Єдну з найвекших спокусох представляло прешлїдзованє од прихильнікох троязичней теорії по хторей существує лем три язики на хторих мож окончовац святи богослуженя – єврейски, гречески и латински.

За солунскима братами шицким славянским народом остала и славянска литурґия и традиция шпиваня, славеня Бога на власним языку. Византийски обряд, до хторого спада и наш, подроумює повязованє богослужебного текста зоз шпиваньом [50: 131]. По Тимковичови святи Кирил и святи Методий зоз Византиї принесли и ширели литурґию святого Йоана Златоустого [35: 125–126; 37: 125–126]. Руснаци мукачовске-карпаторуске простопиніє принесли и до Бачки стредком 18. века [51: 10].

Зоз упокоєньом Святих братох, мож повесц, їх благородне діло и мисия не закончени прето же їх вирни ученіки и нашлїдніки предлужели роботу на полю прекладаня и ширеня слова Божого. Медзи німа и Климент, Наум, Ангеларий, Сава и Горазд.

Место заключеня преношима слова Дионизия Нярадия зоз хторима владика жадал визначиц же святи Кирил и святи Методий, первоучителе и первопросвитителе славянски, запалели шветло християнскей вири и просвити шицким Славяном. Владика Дионизий Няради пише: «З востока шветло!», гутори стара присловка. На востоку нам виходзи кажди дзень златно-жарне слунко. На востоку нам зашвицело и

‘Боже Слунко’, Христос Бог наш. З востока пришли до нас славянски апостоли – св. Кирил и Методий, же би запалели шветло християнскей вири и просвити шицким Славяном» [22: 3].

ЛИТЕРАТУРА

1. *Белей Л.* Slovin`ský љзыкъ: народження та життя мертвої мови. У: М. Milankov, J. Tamaš ured. Međunarodna konferencija Uticaj porodice na formiranje kreativne ličnosti. Novi Sad: Filozofski fakultet, 2015. 187–308 с.

2. *Бошкович Р.* Основи упоредне граматике словенских језика: фонетика и морфологија. Никшић: Универзитетска ријеч, 1990. 110 с.

3. *VladimiRus H.* Dejiny gréckokatolíkov Podkarpatska (9.–18. storočie). Košice: OSBM, 2004. 956 с.

4. *Дуличенко А.Д.* Книжка о руским језику: увод до рускей филологије у документох и коментарох. Нови Сад: НВУ Руске слово, Дружтво за руски језик, литературу и культуру, 2002. 242 с.

5. *Дуличенко А.Д.* Одкадз рус-, Руснак/Русин и руски (језик)? У: М. Фейса ред. Русини / Руснаци / Ruthenians (1745–2005) I, Нови Сад: ИК Прометеј, Филозофски факултет – Одсек за русинистику, КПД ДОК. 2006. 74–77 с.

6. *Думнич Ј., Шапа М.* По стопах мисионерів слов`янскогo свiту: роздуми русина над великою датою – 1020 років хрещення Киїської Русі // Подкарпатський Русин. 2008. № 25 (38). С. 3.

7. *Kalaj J.* Život i rad sv. braće Ćirila i Metoda. Zagreb: Tiskara narodne prosvjete, 1931. 32 с.

8. *Кольесаров Ю.Д.* Азбука панонскорускогo језика. Монтреал: Руски језик, 1977. 102 с.

9. *Колесар Ю.* Истoрия рускогo мена. Нови Сад: Руске слово, 1996. 248 с.

10. *Конечни С.* Капітолы з істoриї Русинів на Словенську в контексті розвоја карпатских Русинів од најстарших часів. Пряшiв: Русин, Народны новинкы, 2009. 192 с.

11. *Костельник Г.* Прoза. Нови Сад: Руске слово, 1975. 375 с.

12. *Лабош Ф.* Истoрия Русинох Бачкей, Сриму и Славоніі (1745–1918). Вуковар: Союз Русинох и Украинцох Горватскей, 1979. 301 с.

13. *Magocsi P.R.* Our People: Carpatho-Rusyns and Their Descendants in North America. Toronto: Multicultural History Society of Ontario, 1994. 160 с.

14. *Magocsi P.R., Pop I.* Encyclopedia of Rusyn History and Culture. Toronto; Buffalo; London: University of Toronto Press, 2005. 520 с.

15. *Магочій П.Р.* Наша отцюзнина: Истoрия карпатских Русинѳв. Ужгород: Видательство В. Падыка, 2005. 52 с.

16. *Магочи П.Р.* Народ нѳодакдз: илустрована истoрия Карпатских Русинох. Ужгород – Нови Сад: Видавательство Валерия Падыка, НВУ Руске слово, 2009. 120 с.

17. *Magocsi P.R.* Chrbtom k Horam: Dejiny Karpatskej Rusi a Karpatskych Rusinov. Prešov: Vydavateľ'stvo Universum, 2016. 595 с.

18. *Мельник В.М.* Славянизация карпатского базена у I тысячрочю н. е. и племенска припадносц давнославянских жителейох Закарпаття (1) // Шветлосц. 1990. № XXVIII/3. С. 369–390.

19. *Миз Р.* Церковни литургийно-литургични лексикон. Нови Сад: Руске слово, Грекокатоліцка парохия св. Петра и Павла, 2011. 315 с.

20. *Надь Г.Г.* Прилоги до историї руского языка. Нови Сад: Руске слово, 1988. 189 с.

21. *Николић С.* Старословенски језик I: правопис, гласови, облици. Београд: Научна књига, 1981. 252 с.

22. *Няради Д.* Житіє св. Кирила и Меѳодія. Нови Сад: Рус. Нар. Просв. Дружтво, 1927. 32 с.

23. *Панько Ю.* Князь Лаборець в художній літературі. Пряшів: Русиньска оброда на Словенску, 2008. 136 с.

24. *Пешикан М.* Основни структурални характеристики рускей системи // Творчосц. 1980. № 6. С. 9–33.

25. *Поп И.* Мала история Русинох. Руски Керестур: Руска матка, 2021. 289 с.

26. *Рамач Ю.* О нашем языке. У: Християнски календар Дзвони за 1995. Нови Сад: Дзвони, 1994. 70–74 с.

27. *Рамач Ю.* Граматика руского языка. Београд: Завод за уџбенике и наставна средства, 2002. 616 с.

28. *Рамач Я.* История Руснацох од Киевскей Руси по Горніцу, Бачку и Срим. Нови Сад: Руске слово, Завод за культуру войвођянских Руснацох, 2023. 192 с.

29. *Сидор Д.* Граматика русиньского языка из Евангелієм од Матфея для русинов Украјины, центральної Европы и Америки / Grammar of Rusyn Language For the Rusyns of Ukraine, Central Europe and America. Ужгород: Межинародный Карпатський Інститут, Кирило-Мефодієвська Академія Славянського Просвіщення, Закарпатське подкарпато-русиньське Общество имени Кирила и Мефодія, Сойм Подкарпаських русинѳв, 2005. 310 с.

30. *Сочка-Боржавин В.* Честуйме и любим наш родний язык. У: Я. Кишюгас и др. ред. Зборник роботох зоз III конгреса Русинох/Руснацох/Лемкох. Руски Керестур: Руска матка, 1997. 79–84 с.

31. *Суляк С.* Кратка хронологія историї Русинох. У: М. Фейса ред. Русини/Руснаци/Ruthenians (1745–2005) II. Нови Сад: Филозофски факултет–Одсек за русинистику, ИК Прометеј, КПД ДОК. 2009. 56–63 с.

32. *Тамаш Ю.* Володимир М. Гнатюк и идентитет Руснацох Угорскей и Югославиї. У: Володимир Гнатюк, Етнографични материяли з Угорскей Руси: Розправи и статі о Руснацох Бачкей, Сриму и Славониї V. Нови Сад: Руске слово, 1988. 297–358 с.

33. *Тамаш Ю.* Улога Русинох у европскей цивилизациї. У: Н. Стојанац и др. ред. Rusnaci/Rusini 1745–1995. Нови Сад: Завод за уџбенике и наставна

средства, Филозофски факултет – Катедра за русински језик и књижевност, 1996. 331–346 с.

34. *Timkovič G.A.* Sv. Cyril (+869) bol katánskím episkopom // Krásnobrodský zborník. 1996. № 1–2, I. С. 53–90.

35. *Timkovič Gorazd A.* Sv. Cyril a Metod priniesli a šírili na Vel'kej Morave byzantskú liturgiu sv. Jána Zlatoústeho // Krásnobrodský zborník. 1996. № 1–2, I. С. 91–135.

36. *Timkovič Gorazd A.* Cyrilika je staršia ako glagolika // Krásnobrodský zborník. 1998. № 1–2, III. С. 5–208.

37. *Timkovič G.A.* Cyril a Metod boli gréckokatolíkmí. Prešov: Monastyr sv. Bazila Vel'kého, 2003. 136 с.

38. *Фейса М.* Карпатскоц коцуризмох. У: Я. Кишюгас и др. ред. Зборнік роботох зоз III конгреса Русинох/Руснацох/Лемкох. Руски Керестур: Руска матка, 1997. 155–168.

39. *Фейса М.* Руски як индоевропски јазик. У: Руски календар. Нови Сад: НВУ Руске слово, 2000. 37–43 с.

40. *Фейса М.* Характеристики руского јазика. У: М. Фейса гл. ред. Русини/Руснаци/ Ruthenians (1745–2005) I. Нови Сад: Филозофски факултет – Одсек за русинистику, ИК Прометеј, КПД ДОК. 2006а. 225–234 с.

41. *Фейса М.* Основни характеристики руского јазика у поровнаню зоз другима славянским јазиками. У: А. Кюннап, В. Лефельдт, С. Н. Кузнецов ред. Славянские литературные микроязыки и языковые контакты, Сборник в честь ординарного професора Александра Дмитриевича Дуличенко. Тарту: Тартуский университет, Кафедра славянской филологии и Шведская Королевская Академия литературы, истории и древностей, 2006б. 90–100 с.

42. *Фейса М.* Основни характеристики руского јазика у поровнаню зоз другима славянским јазиками // Studia Ruthenica. 2006в. № 11. С. 169–179.

43. *Фейса М.* У сатем сфери. У: М. Фейса ред. Русини/Руснаци/Ruthenians (1745–2005) II. Нови Сад: Филозофски факултет – Одсек за русинистику, ИК Прометеј, КПД ДОК, 2009. 196–202 с.

44. *Фейса М.* Генетична база руского јазика. 11. Конгрес Русинох/Руснацох/Лемкох, 16–18. мая 2011, у Пилишсенткересту (Мадярска) // Шветлосц. 2011. № 2. С. 406–411.

45. *Фейса М.* Церковнославянски елементи и їх адаптация у руским јазуку. У: Величина малих језичких, књижевних, културних и историјских традиција. Конференција поводом 30-годишњице Одсека за русинистику и 4. Конгреса русинског језика одржаног 20–21. априла 2012, Андревље. Нови Сад: Одсек за русинистику Филозофског факултета Универзитета у Новом Саду, 2012. 319–330 с.

46. *Фейса М.* Заступеносц церковнославянских елементох у духовней сфери рускеј народносци. Acta Slavica Estonica III / Slavica Tartuensia X. Tartu: University of Tartu Press, 2013. 167–179 с.

47. *Фейса М.* Основа руского языка – контактологийни приступ. У: I. Živančević Sekeruš ured. Deveti međunarodni interdisciplinarni simpozijum Susret kultura. Novi Sad: Filozofski fakultet, 2019. 389–405 с.

48. *Фейса М., Янкович А.* Перши конфесионални школи на руским языку у Бачкей. Нови Сад: Филозофски факултет – Одсек за русинистику, Матица русинска, 2024. 76 с.

49. *Фенич В.* З ласки Божої... Формування етноконфесійної ідентичності русинів-грекокатоликів ужгородської унійної традиції усупереч «сильним світу цього». У: А. Плїшкова и др. ред. 20 років високошкольської русиністики на Словакії. Пряшів: Пряшівска універзіта в Пряшові – Центр языків і культур народностных меншын – Інштїтут русиньского языка и культуры, 2018. 218–237 с.

50. *Холошняй Й.* Церковне шпиванє. У: Фейса М. гл. ред. Русини/Руснаци/Ruthenians (1745–2005) I. Нови Сад: Филозофски факултет – Одсек за русинистику, ИК Прометей, КПД ДОК, 2006. 130–135 с.

51. *Холошняй М.* Зборнїк богослужебних писньох карпаторуского розшпиву. Руске слово: Русска одлога, 1996. 104 с.

52. *Хома Т.* Руски язык медзи карпатскимя славянскимя языками и диялектами. Нови Сад – Руски Керестур: Видавateľна хижа Прометей, Оддзелене за русинистику – Филозофски факултет, Руска матка, 2024. 116 с.

53. *Хорњак М.* Бачко-сремски Русини. У: М. Фейса ред. Русини/Руснаци/Ruthenians (1745–2005) I. Нови Сад: ИК Прометей, Филозофски факултет – Одсек за русинистику, КПД ДОК, 2006. 3–73 с.

54. *Чарский В.В.* Русинский язык Сербии и Хорватии в свете языковых: лингвогенетический аспект. Щёлково: Онтопринт, 2011. 210 с.

55. *Шанта В.* Моравске кральовство. Руске слово. 3. октобер 1997. С. 10.

56. *Шанта В.* Ениѓма Русини – Руснаци – Рутени. Нови Сад: Фельтон, 2002. 190 с.

REFERENCES

1. Belej, L. (2015) Slovin`skъ љзыкъ: narodženja ta žitja mertvoji movi. In: Milankov, M. & Tamaš J. (eds) *Međunarodna konferencija Uticaj porodice na formiranje kreativne ličnosti*. Novi Sad: Filozofski fakultet. pp. 187–308.

2. Bošković, R. (1990) *Osnovi uporedne gramatike slovenskih jezika: fonetika i morfologija*. Nikšić: Univerzitetska riječ.

3. VladimiRus de juxta Hornad. (2004) *Dejiny gréckokatolíkov Podkarpatska (9.–18. storočie)*. Košice: OSBM.

4. Duličenko, A.D. (2002) *Knjižka o ruskim jaziku: uvod do ruskej filologiji u dokumentoh i komentarah*. Novi Sad: NVU Ruske slovo, Društvo za ruski jazik, literaturu i kulturu.

5. Duličenko, A.D. (2006). Odkadz rus-, Rusnak/Rusin i ruski (jazik)? In: Fejsa,

M. (ed.) *Rusini / Rusnaci / Ruthenians (1745–2005)*. Vol. 1. Novi Sad: IK Prometej, Filozofski fakultet – Odsek za rusinistiku, KPD DOK. pp. 74–77.

6. Dumnič, Ju, M. & Šarga, M. (2008) Po stopah misioneriv slov`janskoho svitu: rozdumi rusina nad velikoju datoju – 1020 rokiv hreščennja Kijivs`koji Rusi. *Podkarpats`kij Rusin*. 25(38). p. 3.

7. Kalaj, J. (1931) *Život i rad sv. braće Ćirila i Metoda*. Zagreb: Tiskara narodne prosvjete.

8. Kolyesarov, Yu.D. (1977) *Azbuka panonskoruskoho yazyka* [Alphabet of the Pannonian Rusyn Language]. Montreal: Rusky yazyk.

9. Koljesar, J. (1996) *Istorija ruskoho mena*. Novi Sad: Ruske slovo.

10. Konječni, S. (2009) *Kapitoly z istoriji Rusiniv na Sloven`sku v kontekstj razvoja karpatskyh Rusiniv od najstaršyh časiv*. Prjašiv: Rusin, Narodny novinky.

11. Kostelnik, H. (1975) *Proza*. Novi Sad: Ruske slovo.

12. Laboš, F. (1979) *Istorija Rusinoh Bačkej, Srimu i Slavoniji (1745–1918)*. Vukovar: Sojuz Rusinoh i Ukrajincih Horvatskej.

13. Magocsi, P.R. (1994) *Our People: Carpatho-Rusyns and Their Descendants in North America*. Toronto: Multicultural History Society of Ontario.

14. Magocsi, P.R. & Pop, I. (2005) *Encyclopedia of Rusyn History and Culture*. Toronto, Buffalo, London: University of Toronto Press.

15. Magočij, P.R. (2005). *Naša otcjuznina: Istorija karpats`kyh Rusinyv*. Užgorod: Vidatel`stvo V. Padjaka.

16. Magoči, P.R. (2009) *Narod njiodkadz: ilustrovana istorija Karpatskih Rusinoh*. Užgorod – Novi Sad: Vidavatel`stvo Valerija Padjaka, NVU Ruske slovo.

17. Magocsi, P.R. (2016). *Chrbtom k Horam: Dejiny Karpatskej Rusi a karpatskych Rusinov*. Prešov: Vydavatel`stvo Universum.

18. Melnik, V.M. (1990) Slavjanizacija karpatskoho bazena u I tisjačročju n. e. i plemenska pripadnosc davnoslavjanskih žitel`oh Zakarpattja (1). *Švetlosc*. XXVIII/3. pp. 369–390.

19. Miz, R. (2011) *Cerkovni liturgijno-liturgični leksikon*. Novi Sad: Ruske slovo, Hrekokatoljicka parohija sv. Petra i Pavla.

20. Nad, H.H. (1988) *Prilohi do istoriji ruskoho jazika*. Novi Sad: Ruske slovo.

21. Nikolić, S. (1981) *Staroslovenski jezik I: pravopis, glasovi, oblici*. Beograd: Naučna knjiga.

22. Njaradi, D. (1927) *Žitije sv. Kirila i Meođodija*. Novi Sad: Rus. Nar. Prosv. Društvo.

23. Panko, Ju. (2008) *Knjaz` Laborec` v hudožnij literaturi*. Prjašiv: Rusin`ska obroda na Slovensku.

24. Pešikan, M. (1980) Osnovni strukturalni karakteristiki ruskej sistemi. *Tvorčosc*. 6. pp. 9–33.

25. Pop, I. (2021) *Mala istorija Rusinoh*. Ruski Kerestur: Ruska matka.

26. Ramač, Ju. (1994) O našim jaziku. In: *Hristijanski kalendar Dzvoni za 1995*. Novi Sad: Dzvoni.

27. Ramač, Ju. (2002) *Gramatika ruskoĥo jazika*. Beograd: Zavod za udŹbenike i nastavna sredstva.
28. Ramač, Ja. (2023) *Istorija Rusnacoh od Kijevskeĥ Rusi po Hornjicu, Bačku i Srim*. Novi Sad: Ruske slovo, Zavod za kulturu vojvodjanskih Rusnacoh.
29. Sidor, D. (2005) *Hramatyka rusyns`koho zazyka iz Yevanhelijem od Matfeya dlya rusynov Ukrayiny, tsentral`noyi Yevropy i Ameryky* [Grammar of Rusyn Language For the Rusyns of Ukraine, Central Europe and America]. UŹgorod: MeŹnarodnyj Karpats`kyj Institut, Kirilo-Mefodijevs`ka Akademija Slavjajans`koho ProsviŹčeniya, Zakarpats`koje podkarpato-rusins`koje ObŹčestvo imeni Kirila i Mefodija, Sojm Podkarpas`kyh rusinov.
30. Sočka-BorŹavin, V. (1997) Čestujme i ljubim naŹ rodnij jazik. In: KiŹjuhas, Ja. Et al. (eds) *Zbornik robotoh zoz III kongresa Rusinoh/Rusnacoh/Lemkoh*. Ruski Kerestur: Ruska matka. pp. 79–84.
31. Sulyak, S. (2009). Kratka hronologija istoriji Rusinoh. In: Fejsa, M. (ed.) *Rusini/Rusnaci/Ruthenians (1745–2005)*. Vol. II. Novi Sad: Filozofski fakultet – Odsek za rusinistiku, IK Prometej, KPD DOK. pp. 56–63.
32. TamaŹ, Ju. (1988) Volodimir M. Hnatjuk i identitet Rusnacoh Uhorskeĥ i Juĥoslaviji. In: Hnatjuk, V. (ed.) *Etnografični materijali z Uhorskeĥ Rusi: Rozpravi i statji o Rusnacoh Bačkeĥ, Srimu i Slavoniji*. Novi Sad: Ruske slovo. pp. 297–358.
33. TamaŹ, Ju. (1996) Uloha Rusinoh u evropskeĥ civilizaciji. In: Stojanac, N. et al. (eds) *Rusnaci/Rusini 1745–1995*. Novi Sad: Zavod za udŹbenike i nastavna sredstva, Filozofski fakultet – Katedra za rusinski jezik i knjiŹevnost. pp. 331–346.
34. Timkovič, G.A. (1996a) Sv. Cyril (+869) bol katánskim episkopom. *Krásnobrodský zborník*. 1–2(I). Prešov: OSBM. pp. 53–90.
35. Timkovič, G.A. (1996b) Sv. Cyril a Metod priniesli a Źirili na Vel`keĥ Morave byzantskú liturgiu sv. Jána Zlatoústeho. *Krásnobrodský zborník*. 1-2(I). Prešov: OSBM. pp. 91–135.
36. Timkovič, G.A. (1998) Cyrilika je starŹia ako glagolika. *Krásnobrodský zborník*. 1–2(III). Prešov: OSBM, 5–208.
37. Timkovič, G.A. (2003) *Cyrl a Metod boli gréckokatolími*. Prešov: Monastyr sv. Bazila Vel`kéĥo.
38. Fejsa, M. (1997) Karpatskosc kocurizmoh. In: KiŹjuhas, Ja. Et al. (eds) *Zbornjik robotoh zoz III kongresa Rusinoh/Rusnacoh/Lemkoh*. Ruski Kerestur: Ruska matka. pp. 155–168.
39. Fejsa, M. (2000) Ruski jak indoevropski jazyk. In: *Ruski kalendar*. Novi Sad: NVU Ruske slovo. pp. 37–43.
40. Fejsa, M. (2006a) Charakteristiki ruskoĥo jazika. In: Fejsa, M. (ed.) *Rusini/Rusnaci/Ruthenians (1745–2005)*. Vol. I. Novi Sad: Filozofski fakultet – Odsek za rusinistiku, IK Prometej, KPD DOK. pp. 225–234.
41. Fejsa, M. (2006b) Osnovni charakteristiki ruskoĥo jazika u porovnanju zoz druhima slavjanskima jazykami. In: Kjunnap, A., Lefeldt, V. & Kuznetsov, S.N.

(eds) *Slavyanskie literaturnye mikroyazyki i yazykovye kontakty, Sbornik v chest' ordinarnogo profesora Aleksandra Dmitrievicha Dulichenko* [Slavic Literary Microlanguages and Language Contacts, Collection in Honor of Ordinary Professor Alexander Dmitrievich Dulichenko]. Tartu: University of Tartu Department of Slavic Philology and Royal Swedish Academy of Letters, History and Antiquities. pp. 90–100.

42. Fejsa, M. (2006c). Osnovni karakteristiki ruskoho jazika u porovnanju zoz druhima slavjanskima jazikami. *Studia Ruthenica*. 11. pp. 169–179.

43. Fejsa, M. (2009) U satem sferi. In: Fejsa, M. (ed.) *Rusini/Rusnaci/Ruthenians (1745–2005)*. Vol. II. Novi Sad: Filozofski fakultet – Odsek za rusinistiku, IK Prometej, KPD DOK. pp. 196–202.

44. Fejsa, M. (2011) Genetična baza ruskoho jazika. 11. Kongres Rusinoh/Rusnacoh/Lemkoh, 16-18. maja 2011, u Pilišsentkerestu (Madjarska). *Švetlosc*. 2. pp. 406–411.

45. Fejsa, M. (2012) Cerkovnoslavjanski elementi i jih adaptacija u ruskim jaziku. In: *Veličina malih jezičkih, književnih, kulturnih i istorijskih tradicija*. Konferencija povodom 30-godišnjice Odseka za rusinistiku i 4. Kongresa rusinskog jezika održanog 20-21. aprila 2012, Andrevlje. Novi Sad: Odsek za rusinistiku Filozofskog fakulteta Univerziteta u Novom Sadu. pp. 319–330.

46. Fejsa, M. (2013) Zastupenosc cerkovnoslavjanskih elementoh u duhovnej sferi ruskej narodnosci. In: *Acta Slavica Estonica III / Slavica Tartuensia*. X. Tartu: University of Tartu Press. pp. 167–179.

47. Fejsa, M. (2019) Osnova ruskoho jazika – kontaktologijni pristup. In: Živančević Sekeruš, I. (ed.) *Deveti međunarodni interdisciplinarni simpozijum Susret kultura*. Novi Sad: Filozofski fakultet. pp. 389–405.

48. Fejsa, M. & Jankovič, A. (2024) *Perši konfesionalni školi na ruskim jaziku u Bačkej*. Novi Sad: Filozofski fakultet – Odsek za rusinistiku, Matica rusinska.

49. Fenič, V. (2018) Z laski Božoji ... Formuvannja etnokonfesijnoji identičnosti rusiniv-grekokatolikiv užgorods`koji unijnioji tradiciji usupereč "sil`nim svitu c`ogo." In: Pliškova, A. et al. (eds) *20 rokov vysokoškolskoj rusinistiki na Slovakiji*. Prjašiv: Prjašivska univerzita v Prjašovi – Center jazykiv i kultur narodnostnyh menšyn – Inštitut rusin`skogo jazyka i kultury. pp. 218–237.

50. Hološnjaj, J. (2006) Cerkovne špivanje. In: Fejsa, M. (ed.) *Rusini/Rusnaci/Ruthenians (1745–2005)*. Vol. I. Novi Sad: Filozofski fakultet – Odsek za rusinistiku, IK Prometej, KPD DOK. pp. 130–135.

51. Hološnjaj, M. (1996) *Zbornjik bohoslužebnih pispn`oh karpatoruskoho rozšpivu*. Ruske slovo: Russka odloga.

52. Homa, T. (2024) *Ruski jazik medzi karpatskima slavjanskima jazikami i dijalektami*. Novi Sad – Ruski Kerestur: Vidavatel`na hiža Prometej, Oddzelenje za rusinistiku – Filozofski fakultet, Ruska matka.

53. Hornjak, M. (2006) Bačko-sremski Rusini. In: Fejsa, M. (ed.) *Rusini/Rusnaci/*

Ruthenians (1745–2005). Vol. I. Novi Sad: IK Prometej, Filozofski fakultet – Odsek za rusinistiku, KPD DOK. pp. 23–73.

54. Čarskij, V.V. (2011) *Rusinskij jazyk Serbii i Horvatii v svete jazykovyh: lingvogenetičeskij aspekt*. Ščelkovo: Ontoprint.

55. Šanta, V. (2002) Moravske kral'ovstvo. *Ruske slovo*. 3rd October. p. 10.

56. Šanta, V. (2002) *Enigma Rusini – Rusnaci – Ruteni*. Novi Sad: Fel'ton.

Фейса Михайло – доктор лингвистики, професор катедри руского языка и литературы филозофскогo факултета Универзитета у Новим Садзе (Сербия).

Фейса Михайло – доктор лингвистических наук, професор кафедры русинского языка и литературы философскогo факультета Университета города Нови-Сад (Сербия).

Mihajlo Fejsa – University of Novi Sad (Serbia).

E-mail: fejsam@gmail.com

УДК 811.163.1+811.161.1

UDC

DOI: 10.17223/18572685/82/13

Синонимы в церковнославянском тексте (на материале списков Стишного Пролога XV–XVII вв.)

О.Г. Щеглова

Новосибирский государственный университет

Россия, 630090, г. Новосибирск, ул. Пирогова, 1

E-mail: scheglova@post.nsu.ru

Авторское резюме

Представлены результаты исследования синонимов в древнерусских чтениях Стишного Пролога, выявленных в ходе его лингвотекстологического анализа. Памяти русского происхождения святым Борису и Глебу, Антонию и Феодосию Печерским, Леонтию Ростовскому и другим представлены в списках разных редакций. В исследованиях, проведённых на материале различных памятников письменности, авторы в большинстве случаев выявляют синонимы и описывают их значения. Явление синонимии достаточно хорошо изучено в современном русском языке. По отношению к языку Древней и средневековой Руси (роль которого, по нашему мнению, выполнял церковнославянский язык) у исследователей нет единодушного мнения о характере синонимических отношений как универсальном явлении языка. Нами отмечено, что синонимические замены встречаются практически среди всех частей речи, в том числе среди служебных слов. В ходе комплексного анализа лексических различий, являющихся, по нашему мнению, синонимами, мы сравнивали значения взимозаменяющихся лексем, анализировали контекстное окружение, выявляли стилистические особенности, устанавливали причины замены и типы семантических отношений между ними. Появление разнокорневых синонимов в повторяющихся текстах связано в первую очередь с их сознательным редактированием. Переписчик стремился к более точной передаче смысла, старался придать контексту большую эмоциональность, выразительность. Наличие синонимов в церковнославянском языке XV–XVII вв. демонстрирует значительные возможности языка для передачи одного и того же содержания, что, в свою очередь, свидетельствует о богатстве словарного фонда церковнославянского языка средневекового периода, а также от-

ражает процесс формирования синонимических отношений в церковнославянской основе, получившей своё продолжение в русском литературном языке.

Ключевые слова: Стишной Пролог, церковнославянский язык, русский язык, лексические замены, синонимы

Synonyms in the Church Slavonic text (based on the manuscripts of the Stishnoy Prologue of the 15th – 17th centuries)

Olga G. Scheglova

Novosibirsk State University,
1 Pirogova Street, Novosibirsk, 630090, Russia
E-mail: scheglova@post.nsu.ru

Abstract

The article discusses the findings of a study on synonyms in the Old Russian readings of the *Stishnoy Prologue*, revealed during its linguistic and textual analysis. The study is based on manuscripts of various editions containing hagiographies of Russian saints, such as Boris and Gleb, Anthony and Theodosius of the Caves, and Leontius of Rostov. While the phenomenon of synonymy is well-researched in modern Russian, its historical aspects remain less explored. Diachronic studies of various written monuments typically identify synonyms and describe their meanings; however, regarding the language of Old and Medieval Rus'— a role we argue was fulfilled by Church Slavonic — scholars lack a consensus on the nature of synonymous relations as a universal linguistic phenomenon. Our analysis indicates that synonymous substitutions occur across almost all parts of speech, including function words. Through a comprehensive analysis of lexical variations, which we interpret as synonyms, we compared the meanings of interchangeable lexemes, analyzed their contextual usage, identified stylistic features, and determined the reasons for their substitution and the types of semantic relations between them. The emergence of root synonyms in repeated texts is primarily associated with conscious editing. Scribes sought to convey meaning more accurately and to enhance the emotionality and expressiveness of the context. The presence of synonyms in Church Slavonic during the 15th–17th centuries demonstrates the language's significant capacity for expressing the same content in varied ways. This attests to the lexical richness of medieval Church Slavonic and reflects the process of forming synonymous relations within its framework—a process that continued to evolve in the Russian literary language.

Keywords: Stishnoy Prologue, Church Slavonic, Russian language, lexical substitutions, synonyms

Введение

Для истории формирования словарного состава русского литературного языка большое значение имеет изучение памятников церковнославянской письменности. Значительную их часть составляет богослужебная литература, дошедшая до нас (так, Л.П. Жуковской было исследовано более 500 списков Евангелия [3]), т. к. определённый набор таких книг был необходим для богослужения в каждой церкви. Стишной Пролог первоначально был переведён для использования в богослужении в храме, но впоследствии стал использоваться как четий сборник в обиходе монастырей.

С помощью лингвотекстологического метода мы исследовали 40 списков Стишного Пролога весенне-летней половины года. Лингвотекстологический метод исследования памятников письменности, сохранившихся в большом количестве списков, позволяет не только восстановить историю бытования этих списков в Древней Руси, но и проследить динамические изменения в тексте и языке памятника. Для выявления языковых разночтений мы в первую очередь обратились к оригинальным древнерусским сочинениям, находящимся в составе Стишного Пролога. Как известно, несмотря на трепетное отношение к традиции переписывания богослужебных книг, переписчики тем не менее допускали при копировании не только ошибки и опiski, но и сознательно редактировали текст.

К динамическим изменениям в языке памятника мы относим наличие разночтений на разных языковых уровнях. Выявление разночтений происходило путём пословного сопоставления всех древнерусских чтений исследуемых списков. Количество лексических разночтений составило 380 пар. К числу лексических разночтений мы относим лексемы, заменяющие друг друга в соотносящихся местах текста. Как отмечала Н.Г. Михайловская, замена одних лексем другими есть «проявление лексико-семантической вариантности, объективно существующей в русском языке древнего периода» [4: 4]. Материал Стишного Пролога также свидетельствует о том, что вариантность изначально присуща церковнославянскому языку и является внутренней сущностью церковнославянского текста, т. е. предстаёт одной из характерных черт церковнославянских памятников письменности. Ранее мы провели классификацию лексических разночтений по степени расхождения содержания в параллельных фразах и пришли к выводу о необходимости различать в церков-

нославянских текстах явление вариантности и явление синонимии. Среди 380 пар лексических различий мы выделили содержательные лексические различия, лексические варианты и синонимические замены [10: 206–211].

В данной статье представлен результат анализа тех синонимических замен, которые, по нашему мнению, являются лексическими синонимами. По отношению к современному русскому языку критерии синонимичности лексем выделены достаточно чётко [7: 9–14], чего нельзя сказать о древнерусском и средневековом периодах истории языка. Проблема определения синонима как такового в церковнославянском тексте остаётся по-прежнему актуальной (см.: [2: 10–12]). У историков языка нет единого мнения о характере синонимических отношений как универсальном явлении церковнославянского языка. По мнению Л.Г. Панина, к понятию «церковнославянский язык» нельзя применять те же критерии, что и к русскому языку, потому что церковнославянский язык – это язык текстов, поскольку он представлен только в письменной форме и развивался по другим принципам, нежели русский язык [5: 60]. В связи с этим исследователь считает, что по отношению к церковнославянскому языку наиболее адекватен термин *разночтения*, термин *синоним* лучше не употреблять, так как синонимия предполагает некую иерархию, которой не может быть в памятниках письменности. «Термин *вариант* предполагает или видоизменение чего-то изначально более существенного, или совидоизменение исходного. <...> за этим понятием мыслится известная иерархия (чаще стилистическая, но в любом случае языковая, привязанная к определенному страту языка). <...> Остается термин *разночтение*, который по умолчанию отсылает к тому же тексту, но воспроизведенному «другой рукой», существующему в другой редакции и представляющему другой перевод (что в традиции древнерусских памятников явление достаточно обычное) или редактуру» (курсив в цитате соответствует тексту статьи Л. Панина. – *О.Щ.*) [5: 64–65]. Мы согласны с Л. Паниным в том, что основой церковнославянского языка является текст и что для его понимания необходимо изучение конкретных памятников письменности. Тем не менее наши исследования Стишного Пролога привели нас к мысли о том, что термин *разночтения* можно считать гиперонимом. И среди разночтений можно выделить вариантные и синонимические замены. Мы считаем, что синонимические замены в церковнославянском тексте могут быть трех типов: лексические синонимы (преставитиса – оумрети, сътворити – содѣлати), контекстуальные синонимы (пожити – потружатиса, хотѣнїе – изволити) и функциональные синонимы (божїй – сватый). Под лексическими синонимами в церковнославянском тексте мы по-

нимаем разнокорневые слова одной части речи, «значения которых содержат тождественные элементы <...>слова, противопоставленные лишь по таким семантическим признакам, которые в определённых контекстах становятся несущественными» [9: 196].

Отмечу, что предлагаемая нами далее классификация синонимов несколько отличается от значения этих терминов в современном русском языке [1: 405–406; 7: 9–14] именно потому, что текстовый характер церковнославянского языка предполагает сосуществование в языке старого и нового, основанное на традиции, а не правильного и неправильного, как в современном русском языке, основанном на понятии нормы. Об этом пишет и Л. Панин: «...главным отличием церковнославянского языка является наличие традиции в качестве основного стабилизатора его бытования в противоположность норме, которая в основном сохраняет и обеспечивает единство языка в новое время» [5: 60]. В ходе контекстуального и лексико-семантического анализа синонимичных лексем в параллельных местах текста мы пришли к следующей их классификации:

1) абсолютные синонимы – слова, в совпадающем лексическом значении которых отсутствуют какие-либо различия; 2) частичные (семантические) синонимы – слова, различающиеся оттенками смысловых значений; 3) стилистические синонимы – слова с совпадающими значениями, но имеющие стилистические различия; 4) дистрибутивные синонимы – слова, с близкими значениями, различающиеся сочетаемостью с другими словами.

Результаты исследования

Из 380 пар лексических различий к лексическим синонимам нами была отнесена 61 пара лексем, что составляет 16 % от общего количества. В общем числе синонимов наиболее многочисленную группу составляют глаголы (24 пары). Выявлены также синонимы среди служебных частей речи (это предлоги, союзы, частицы). Количество синонимических пар среди частей речи представлено в таблице.

Главной задачей при исследовании лексической синонимии является установление семантической общности анализируемых слов. В данной работе при установлении тождества слов мы, во-первых, опирались на ближайшее окружение этих слов, т. е. контекст, а во-вторых, старались максимально учесть семантическую структуру древнерусских слов, основываясь на «Материалах для словаря древнерусского языка» И.И. Срезневского [8] и Словаре русского языка XI–XVII вв. [6].

Распределение синонимов по частям речи

Части речи	Количество	Процентное соотношение
Глагол	24	39,35
Существительное	17	27,86
Прилагательное	8	13,11
Наречие	6	9,84
Служебные части речи	6	9,84
Всего	61	100

При выделении синонимов, при сравнении значений анализируемых слов мы старались выявить признаки, которые позволяют назвать ту или иную лексему синонимом, определить причины замены.

Анализ синонимических отношений взаимозаменяющихся лексем

Далее рассмотрим более подробно синонимические пары разных частей речи, распределив их в соответствии с предлагаемой нами классификацией.

Абсолютные синонимы:

– *Богъ – Господь: предасть доушу в роуцѣ богу* (СНА-3935) – *господеви* (Фол-374, ОЛДП F.212) – 3/1.5. Эти слова были синонимами в древнерусском языке и часто употреблялись в сочетании *Господь Богъ*;

– *врагъ – дѣволъ: врагъ же боле поштриваше съвѣтники своя* (СНА-3935) – *дѣволъ ж ѕлнѣе поштриваше послушники своя* (Тит-239) – 3/2.5. Слово *врагъ* ‘враг; дьявол’ и однозначная лексема *дѣволъ* совпадают в значении ‘дьявол’;

– *епископъ – святитель: епископъ оукрѣпляше соущаа с нимь* (СНА-3935) – *святитель оукрѣпляше прозвитеры своя* (Тит-239) – 23/1.5. Значение ‘епископ’ является неосновным для многозначного слова *святитель*. В этом тексте речь идёт о епископе Леонтии Ростовском, для которого более характерно именование *святитель*, так как он был прославлен в лике святых. Святителями называют святых, которые служили епископами, внесли большой вклад в развитие Церкви и угодили Богу своею праведною жизнью;

– *кузнецъ – ковачь: шед к коузнецю* (СНА-3935) – *к ковачю* (СНА-1271) – 3/1.5. Абсолютные синонимы в значении ‘кузнец’, но второе слово южнославянского происхождения;

– *порты – риза: шт портъ аки рѣка течаше* (СНА-3935) – *шт ризы же его течаше* (Тит-239) – 9/2.5. Многозначные слова: *пъртъ*, употреблённое во мн. ч., и *риза* совпадают в значении ‘одежда’;

– *страна – земля: в роустьей странѣ* (СНА-3935, СНА-1282) в *роустьи земли* (Трц-715; Фол-374, ОЛДП F.212) – 7.5. Многочисленные слова *страна* и *земля* тождественны по семантике в значении ‘страна, государство’;

– *черница – инокини: и сама оумолена имь пострижеся въ черници* (СНА-3935) – *и сама бысть инокини* (Тит-239) – 3/1.5. Синонимы в значении ‘монахиня’;

– *черноризець – инокъ: многы черноризци* (СНА-3935, СНА-1282) – *мнѣзи иноки* (Трц-715) – 7.5; *и явися нѣкоему святомуу чьрноризцу* (СНА-3935) – *иноку* (СНА-1281) – 9/1.5. То же *чьрноризцица* (*монахиня, чьрница*). Для того и другого слова единственным значением является ‘монах, чьрньць’;

– *чьрньць – инокъ: яко чернци поют* (СНА-3935) – *яко иноци поють* (Тит-239) – 3/2.5. Слова *инокъ* и *чьрньць* являются абсолютными синонимами, так как их единственное значение ‘монах’. Таким образом, в церковнославянском языке выстраивается синонимический ряд абсолютных синонимов: *чьрньць – чьрноризцьць – инокъ – монахъ*;

– *божіи – господьнь: въ церковь божію* (Трц-715, СНА-1281) – *въ церковь господню* (СНА-1282) – 3/1.5. Притяжательные прилагательные от синонимов *Богъ, Господь* также являются синонимами;

– *иноческий – мнишеский: иноческии вбраз* (СНА-1282) – *мнишескии образ* (СНА-1294) – 3/1.5;

– *чьрнечьский – иноческий: чьрнечьски чинь* (СНА-3935) – *чьрнеческии* (СНА-1282) – *иноческии чинь* (Трц-715) – 7.5;

– *чьрноризецький – чьрнечьский – иноческий: наоучивь его чьрноризецькому образу и житію* (СНА-3935) – *чьрнеческому образу* (Тит-1217, Фол-374, ОЛДП F.212; СНА-1282) – *чьрноризичьскому* (Тит-239) – *всему иноческому житию* (Трц-715) – 7.5;

Из вышеприведенных прилагательных выстраивается следующий синонимический ряд абсолютных синонимов в значении ‘монашеский’, образованных от соответствующих синонимов-существительных: *иноческии – мнишескии – чьрнечьскии – чьрноризецькии*.

– *маслопустныи – сыропустныи – масляньи: въ маслопустныи вечерь* (Трц-715) – *въ сыропустныи же вечерь* (СНА-1282) – *въ масленую неделю вечерь* (СНА-1281) – 3/1.5. Все эти определения употреблялись при назывании последнего воскресенья (*недели* – по-церковнославянски) перед Великим Постом, в которое допускались в пищу сыр и масло. В словаре Срезневского их значения толкуются одно через другое;

– *единою – нѣкогда: придохомь единою хотяще разбити* (СНА-3935) – *нѣкогда придохомь хотяще разграбити* (Тит-239) – 3/2.5. Наречия *нѣкогда* и *единою* совпадают в значении ‘однажды’;

– *тоу – тамо: и видѣвъ монастыри соущая тоу* (Трц-715) – *ма-настыря соущаа тамо* (СНА-3935, СНА-1282) – 7.5. Данные наречия совпадают в значении ‘там’, ‘на том месте’;

– *влѣзти – вѣнити: влѣзоша въ клѣтъ со свѣщами мнози* (СНА-3935) – *мнози съ свещами внидоша в клѣтъ* (Тит-239) – 9/2.5. Глаголы совпадают в значении ‘войти’;

– *влѣзти – вѣйти: како еси влѣзьль въ клѣтъ* (СНА-3935) – *како вшелъ еси въ клѣтъ* (СНА-1282; Тит-239) – 9/2.5. Общее значение этих однозначных глаголов ‘войти’;

– *възвати – созвати – събрати: и възва братію и рече* (Трц-715) – *созва* (СНА-1282) – *събра* (СНА-1281) – 3/1.5. *Созвати* и *събрати* являются абсолютными синонимами в значении ‘созвать, собрать’. К этому синонимическому ряду присоединяется *възвати* ‘позвать, воскликнуть’, получая в данном контексте то же значение. Основой для замены послужило наличие общей семы ‘звать’;

– *изити – излазити: и раслаблен оумомъ виноу сътвори какоу любо изидяше из церкви* (СНА-3935) – *излазяше* (Тит-239) – 26.5. Синонимичные глаголы *изити* ‘выйти’ и *излазити* ‘выходить’ имеют в данном контексте грамматическое различие завершенности/незавершенности действия;

– *претерпѣвати – прияти – подъяти: многы напасти претерпѣваа въ бѣсовѣ* (Трц-715) – *въ бѣсовѣ приаль* (СНА-1282) – *подъ въ бѣсовѣ* (СНА-1281) – 3/1.5. Общее значение этих глаголов – ‘переносить, терпеть’. Различаются они объёмом значений: *прияти* и *подъяти* имеют значительно более широкий круг значений. Отметим также, что глагол *претерпѣвати* – имперфективный, а два других совершенного вида. Их взаимная замена в параллельных контекстах свидетельствует также, по нашему мнению, о развивающихся видовых отношениях;

– *прослыти – прослуги – прославити: антоніи же прослы в роустьѣ странѣ* (СНА-3935) – *прослоу* (СНА-1282) – *прославень быс в роустѣ земли* (Трц-715) – 7.5. Фонематические варианты *прослыти* – *прослуги* совпадают с глаголом *прославити* в значении ‘прославиться; стать известным’, но различаются в грамматическом плане: активная и пассивная конструкции;

– *съступити – сънити: яко доиде монастыря блаженаго и съступи церкви* (СНА-3935) – *сниде* (Тит-239) – 3/2.5. Общая сема этих глаголов ‘спуститься, сойти вниз’;

– *шибити – поразити: шибѣ и ангель* (Трц-715) – *порази его ангель* (С-704.812) – 23/2.5. Многозначные глаголы, совпадающие в значениях ‘ударить’, ‘поразить’. На наш взгляд, здесь присутствуют и тонкие стилистические оттенки;

– *за – ради: за оумноженіе грѣховъ наших* (СНА-3935) – *грѣх ради*

наших (СНА-1281) – 9/1.5. Оба предлога передают причинные отношения ‘из-за’;

– *зане* – *имъже*: *зане преже бывшии тоу епископи феудоръ и ларіонъ избъгоша* (СНА-3935, СНА-1282) – *имже преже...* (Трц-7-15) – 23/1.5. Синонимичные союзы в значении ‘потому что, так как’;

– *имъже* – *понеже* – *бо* – *имже*: *имже мене постриже* (Трц-715) – *понеже мене постриже игоумень святыа горы* (СНА-3935, СНА-1282) – *мене бо постриже...* (Тит-239) – 7.5; *имже бо старіи омрачившеса невѣръствіемъ* (СНА-3935) – *понеже старіи омрачившеса невѣріемъ* (Тит-239; Трц-715) – *имже...* (СНА-1282) – 23/1.5. Общее значение этих союзов – значение причины: ‘потому что, так как’. Таким образом, мы наблюдаем синонимический ряд союзов со значением ‘потому что, так как’: *зане* – *имъже* – *понеже* – *бо*;

– *коли* – *егда*: *но коли прихожаше сонъ* (Трц-715) – *но егда* (СНА-1282) – *но колико* (СНА-1281) – 3/1.5. Однозначная лексема *егда* заменила многозначное слово *коли*, видимо, чтобы устранить многозначность союза, устанавливающего и условные, и временные отношения между частями предложения, тогда как союз *егда* является только временным ‘когда’. Написание *колико* является, вероятно, опиской;

– *около* – *окръсть*: *свѣтяще иколо его* (СНА-3935) – *свѣтяще окрестъ его* (Тит-239) – 9/2.5. Синонимичные предлоги в значении ‘около, вокруг’, употреблявшиеся с род. падежом;

– *точію* – *токмо*: *да не точію соущи в бароу веселятся* (СНА-3935) – *да не токмо...* (СНА-1281) – 9/1.5. Усилительные частицы в значении ‘только’.

Частичные синонимы:

– *праздъникъ* – *память*: *на потребу празднику* (СНА-3935) – *на потребу памяти святаго* (Тит-239) – 9/2.5. *Праздъник* – ‘торжество, празднование; праздничное угощение, праздник; веселье; церковное празднование воспоминания о священном событии’. Слово *память* также многозначное. Одно из значений ‘день памяти святых, воспоминание церковное’, а также ‘церковная служба в память святых’. Слова *память* и *праздникъ* совпадают, по нашему мнению, в значении ‘день памяти святых, воспоминание церковное’;

– *риза* – *одежда*: *облечеса во священныа ризы* (СНА-3935) – *въ священнаа одежда* (Тит-239) – 23/1.5. Слово *одежда* однозначное, но в сочетании с прилагательным *священнаа* оно приобретает значение ‘священническое облачение’. Для слова *риза* значение ‘одежда’ также является главным, но употреблённое во мн. числе, слово *риза* также приобретает значение ‘священническое облачение’, наличие при этом прилагательного-определения *священный* избыточно, по нашему мнению;

– *глаголь* – *глась*: *быс глаголь ит него оуже выклеплют* (СнА-3935) – *быс глась...* (УЦ-147) – 3/1.5. Так как лексема *глась* употреблена только в одном списке, то скорее всего ее появление было результатом описки писца, поскольку оба эти слова писались под титулом. И.И. Срезневским существительное *глаголь* толкуется как ‘слово; зов’ (Т.1, Ч.1, 516), а *глась* – как ‘слово, речь; церковный напев, глас’. Следовательно, эти слова могли заменять друг друга в одинаковых контекстах в значении ‘слово’ или даже ‘произнесённое слово’. По мнению Н.Г. Михайловской, «представляется возможным толковать *глаголь* как ‘произнесённое слово’, а *глась* – как ‘голос, произносящий слово (слова)’. Семантическое различие здесь настолько тонкое, что позволяет установить синонимическую связь между данными вариантами» [4: 6];

– *грамотикья* – *грамота* – *писание*: *извыче всю грамотикью* (Трц-715) – *грамоту* (СнА-1282) – *всако писаніе* (СнА-1281) – 3/1.5. Слова *грамота* и *писаніе* совпадают в значении ‘грамота, письмо’. Слово *грамотикья* имеет процессуальное значение ‘обучение грамоте’, но если в данном контексте лексема заменяет слова *грамота* и *писаніе*, то и его значение можно определить как ‘грамота’. Иначе словосочетание *извыче всю грамотикью* получается избыточным: «выучил все обучение грамоте». Появление варианта *писаніе*, как более точно передающего текст, вполне оправданно, так как ранее говорилось, что Феодосия отдали на изучение божественных книг;

– *повеленіе* – *смотреніе*: *тако водимъ божіимъ повеленіемъ приде къ антонію* (Трц-715, СнА-1281) – *божіимъ смотреніемъ прииде...* (СнА-1282) – 3/1.5. Общая сема ‘божья воля’ является основой синонимической замены, причиной которой было, вероятно, желание заменить слово с конкретной семантикой *повеленіе* словом *смотреніе* с более отвлечённым значением ‘предначертание, промысл’;

– *чудьныи* – *дивьныи*: *воистиноу чюдень богъ* (СнА-3935) – *воистинноу дивень богъ* (СнА-1282) – 9/2.5. Многозначное слово *дивьный* в первом значении ‘удивительный’. У лексемы *чудьный* ‘достойный удивления’ мы также можем выделить сему ‘удивительный’, что и послужило основанием для замены;

– *вмалѣ* – *мало* – *вкратцѣ*: *едино вмалѣ скажемъ* (СнА-3935, Трц-715) – *едино мало скажемъ* (СнА-1282) – *вкратцѣ исповѣмъ* (Тит-239) – 23/1.5. Лексемы *вмалѣ* и *вкратцѣ* не представлены в словаре Срезневского, но контекст позволяет предположить, что здесь они употреблены в значении ‘немного, мало’. Это значение характерно для наречия *мало*. *Вмалѣ* является словообразовательным вариантом слова *мало*;

– *впять* – *еще* – *паки*: *иди опять в роусь* (СнА-3935), *впять в землю свою* (Трц-715). – *иди и еще в роусь* (Тит-1217) – *иди паки в роусь* (Фол-374, ОЛДП F.212, Тит-239; СнА-1282) – 7.5. Значения наречия *впять*

‘обратно, назад’; ‘опять, вновь’ входят в круг значений семантически более емкого слова *пакы*. В семантике наречия *еще* ‘еще’ также подразумевается повторяемость действия;

– *вълѣзти* – *вънити* – *състи*: *в три корабли вълѣзше* (СНА-3935) – *внидоша* (УЦ-147) – *съдше* (СНА-1281) – 9/1.5. Синонимичность первых двух слов уже отмечалась нами ранее. Слово *състи* не имело значения ‘войти’, но в данном контексте сема ‘движение внутрь’ передаётся предлогом *въ*, таким образом, по нашему мнению, слово приобретает синонимичное значение ‘войти’ с дополнительным оттенком ‘войти и сесть внутри корабля’;

– *дѣлати* – *труждатися*: *иже своима рукама делаа* (СНА-3935) – *иже своима рукама труждаа ся* (Тит-239) – 10.5. Слова *дѣлати* ‘работать; изготовлять’ и *труждатися* ‘работать, трудиться’ являются синонимами в основном значении, но в целом глагол *дѣлати* обозначает более конкретные действия, те, которые предполагают работу руками, глагол *труждатися* имеет в периферийных значениях более отвлечённый характер;

– *заступати* – *избавляти*: *на рати вт смерти застоупати* (СНА-3935) – *въ воиньствѣ вт смерти избавляти* (СНА-1281) – 9/1.5. Глагол *заступати* имеет значения ‘защищать; заслонять’ [5: Т. 1, ч. 2, 949]. Лексема *избавляти* приводится Срезневским без толкования [5: Т. 1, ч. 2, 1031]. На наш взгляд, то, что в этом контексте она заменяет слово *заступати*, свидетельствует о приобретении ею нового значения ‘защищать’;

– *разумѣти* – *чюти* – *ощутити*: *соущи же в церкви не разоумѣша и не чюша бывшаго* (СНА-3935) – *соущи же въ церкви никакж щощутиша бывшаго* (Тит-239) – 3/2.5. Глаголы *разумѣти* ‘понять; заметить’ и *чюти* ‘чувствовать, ощущать; слышать; сознавать’ были заменены писцом-редактором Тит-239 одним глаголом *ощутити*, который совмещает оба этих значения ‘почувствовать, ощутить; узнать, понять’. Общность семантики этих глаголов послужила основой для варьирования;

– *уединитися* – *безмълвствовати*: *якоже и преже бых обыкль оуединився* (СНА-3935, СНА-1282) – *бѣх обыкль безмольствовати* (Трц-715) – 7.5. Оба эти слова употреблены в данном контексте в значении ‘жить в уединении’, но в семантике последнего есть ещё уточняющая сема ‘в тишине, в безмолвии’. Таким образом, при употреблении слова *безмълвствовати* смысл контекста дополняется: «Антоний Печерский, не только уединился, но и совершал подвиг безмолвия». Глагол *уединитися* имеет более отвлечённое значение ‘уединиться; удалиться в одиночество’;

– *ужаститися* – *убоятися*: *и тако оужасшеса трепетни втидоша* (СНА-3935) – *оубоявшеса* (Тит-239) – 3/2.5. У Срезневского глагол

оужастити ‘ужаснуть, испугать’ дан только в невозвратной форме, можно предположить, что возвратный глагол имеет те же значения ‘ужаснуться, испугаться’. В таком случае с глаголом *убоятися* ‘убояться, устраситься’, по нашему мнению, их связывает общая сема ‘испугаться’;

– *умолити* – *умилити*: *и сама оумолена имь постриже ся* (СнА-3935) – *и сама оумилена имь пострижеса* (СнА-1613, УЦ-147) – 3/1.5. Синонимы в значении ‘умилостивить’. Это основное значение для глагола *умилити* и второе значение глагола *умолити*. Причина варьирования – близость графико-фонетическая и смысловая, но первоначальное чтение, по нашему мнению, все-таки в СнА-3935, т.к. Феодосий сначала упросил (умолил) мать уйти в монастырь, но при этом (как указывает глагол *умилити*, употреблённый в других списках) она смягчилась сердцем ‘умилостивилась’;

– *умилитися* – *умолитися*: *но божією благодатію оумильшис* (СнА-3935) – *оумольшися* (С-703.811) – *оумилившися* (Тит-239) – 3/1.5. Возвратные глаголы сохраняют, по нашему мнению, синонимичность невозвратных, рассмотренных ранее. Срезневским не отмечается возвратная форма для глагола *умолити*, и, возможно, появление этого варианта было опиской, но причиной её послужила синонимичность невозвратных глаголов;

– *уститися* – *хотѣти*: *и оустяхуся соуряне взяти мощи* (СнА-3935) – *оустяхоуся* (Фол-374) – *и хотяху сирстіе людіе взяти мощи* (СнА-1281) – 9/1.5. В словаре Срезневского отмечается лишь глагол *оустити* в значении ‘побуждать’. Видимо, у возвратного глагола *оуститися* имелись и другие значения, близкие к значению ‘хотеть’, так как далее в тексте в таком же по смыслу предложении во всех списках употреблён глагол *хотѣти*: *тако ж и ѿт константина града хотяху по них ити*.

Стилистические синонимы:

– *море* – *пучина*: *среди моря* (СнА-3935) – *среди пучины* (Тит-239) – 9/2.5. Слово *море* ‘море, озеро’ имеет только два значения, одно из них переносное. Лексема *пучина* многозначная (лексема), но значение ‘море’ является главным. Более эмоционально насыщенное слово заменило нейтральное;

– *умъртвіе* – *прѣставленіе*: *по оумертвіи же его много лѣт мину* (СнА-3935) – *по прѣставленіи бо того* (СнА-1281) – 9/1.5. Существительное *прѣставленіе* имело более сложную семантическую структуру, чем слово *умъртвіе*. Данные варианты синонимичны в значении ‘смерть, кончина’. Замена могла быть вызвана стремлением к большей торжественности стиля, так как, по замечанию Н.Г. Михайловской, «в древнерусском языке слово *прѣставленіе* почти всегда использова-

лось по отношению к “положительному” персонажу – духовным лицам, князьям, известным своей христианской деятельностью (в данном случае речь идёт о Николае Мирликийском – О.Щ.). Слово *умьрѣвѣ* употреблялось почти без учёта нравственных качеств человека, о котором шла речь» [1975, с. 12];

– *монастырь* – *обитель*: *видѣ свѣтъ пречюдень над манастыремь* (СНА-3935) – *видѣ свѣтъ пречюдень над святою тою обителью* (Тит-239) – 3/2.5. Однозначное заимствованное слово *монастырь* было заменено многозначным русским словом *обитель*, одно из значений которого ‘монастырь’, для придания тексту большей возвышенности;

– *пронырливый* – *лукавый*: *богъ вась чада съблюдет от пронырливаго безъ бѣды* (Трц-715) – *проныриваго* (СНА-1281) – *лукаваго врага* (СНА-1282). Однозначное слово *пронырливый* (фонематический вариант *проныривый*) полностью соответствует одному из значений слова *лукавый* ‘дурной, злой, коварный’. Употребляясь субстантивированно, эти прилагательные обозначали ‘дьявола’. Словосочетание *лукавый враг* можно даже считать избыточным, употреблённым в стилистических целях, так лексема *враг* в одном из своих значений также обозначает дьявола. Появление такого варианта связано с эмоциональным усилением высказывания;

– *боле* – *сѣлнѣ*: *врагъ же боле поустриваше съвѣтники своа* (СНА-3935) – *дѣволь же сѣлнѣ поустриваше послушныкы* (Тит-239) – 3/2.5. Нейтральное слово *боле* ‘больше’ заменено более выразительным *сѣлнѣ* ‘сильнее’. Указывает на более высокую степень проявления признака;

– *речи* – *глаголати*: *и сіе рекъ им рече* (Трц-715) – *и се рекъ глагола* (СНА-3935, СНА-1282) – 7.5. Синонимичны в значении ‘говорить’. Употребление слова *глаголати* устраняет тавтологию;

– *дати* – *даровати*: *и дастъ емоу слышати и глаголати* (СНА-3935) – *дарова ему слышати и глаголати* (Тит-239) – 9/1.5. И.И. Срезневский приводит латинские соответствия глаголу *дать* – *dare*, глаголу *даровать* – *donare*. Мы считаем, что в качестве основы для замены можно выделить общую сему ‘дать’, но глагол *даровати* в данном случае эмоционально более окрашен;

– *прѣставитися* – *умьрѣти*: *и итцю его прѣставившюся* (Трц-715, СНА-1282) – *оумершу* (СНА-1281) – 3/1.5. Выше мы рассмотрели синонимическую пару однокоренных существительных. По-видимому, глагол *прѣставитися*, имевший более широкий круг значений, в том числе и переносных, был заменён глаголом *оумьрети*, совпадающим с ним именно в этом значении по стилистическим причинам. Так же, как и слово *прѣставленіе*, он употреблялся по отношению к лицам более высокого положения. Отец Феодосия Печерского не занимал

высокого социального положения, поэтому по отношению к нему переписчик употребил слово *оумершу*;

– *прѣцати* – *плищевати* – *прѣтити*: *обретши и прѣцаше что тако створи оставивъ мя сиру* (Трц-715) – *обретши и плищеваше многа глаголющи почто тако сотвори* (СнА-1282) – *обретши претяше ему что тако сътвори остави мя сиру* (СнА-1281) – 3/1.5. *Прѣцати* и *прѣтити* составляют, на наш взгляд, видовую пару в значении ‘угрожать’, глагол *плищевати* в данном контексте, вероятно, употреблён со стилистическими целями: показать менее суровой мать Феодосия Печерского, она не угрожает ему, а много на него ‘кричит’, возможно, выкрикивает и угрозы;

– *сказати* – *исповѣдати*: *едино в малѣ скажемъ* (СнА-3935) – *вкратцѣ исповѣмъ* (Тит-239) – 23/1.5. Наличие общей семы ‘рассказать’ стало основанием для замены, причиной которой было, по нашему мнению, стремление к большей торжественности изложения;

– *свьршити* – *коньчати*: *кончании же церкви бывши* (СнА-3935) – *свьршенѣ же церкви бывши* (Фол-374, ОЛДП F.212, Тит-239) – 2.5. Оба глагола: *коньчати* ‘доводить до конца; совершить’ [5: Т. 1, Ч. 2, 1275] и *свьршити* ‘совершить, окончить; довершить, достроить’ [5: Т. 3, Ч. 1, 673] имеют общую сему ‘совершить, закончить’. Использование глагола *свьршити* конкретизирует смысл контекста: ‘строительство церкви было завершено’;

– *сдьяти* – *сътворити* – *содѣлати*: *чюдеса преславна съдѣявъ* (СнА-3935; Трц-715) – *сътворивъ* (Тит-239) – *содѣлавъ* (СнА-1282; С-704.812) – 23/1.5. Основное значение всех трех многозначных глаголов ‘сделать’. Употребление слова *сътворити* больше соответствует высокому стилю церковнославянских памятников и чаще встречается в словосочетании *творить (сотворить) чюдеса*.

Дистрибутивные синонимы:

– *рать* – *воинство*: *на рати ит смерти застоупати* (СнА-3935) – *въ воинствѣ ит смерти избавляти* (СнА-1281) – 9/1.5. В данном контексте мы можем определить общее значение этих слов как ‘война, битва’. Различаются эти слова объёмом значений: *рать* – слово многозначное, *воинство* – однозначное ‘воинская служба’. Полагаю, что эти слова можно считать дистрибутивными синонимами, так как только в этом сочетании они совпадают в значении ‘война, битва’.

Заключение

По нашему мнению, наличие в оригинальных древнерусских текстах Стишного Пролога значительного количества синонимов отражает не только процесс формирования синонимии в русском языке периода

XV–XVII вв., но и говорит о развитости синонимической системы русского литературного языка периода Московской Руси, что было обусловлено взаимодействием церковнославянского и русского языков.

В ходе проведения комплексного анализа синонимических пар лексем мы выделили 30 пар абсолютных синонимов, 17 – частичных синонимов, 13 – стилистических синонимов и одну пару дистрибутивных синонимов: *рать – воинство*.

Мы выявили наличие в текстах Стишного Пролога лексем, не отмеченных в словаре И.И. Срезневского: *вмалѣ, вкратцѣ, ужаститися*. Нами отмечено 4 лексемы, у которых в процессе контекстного анализа мы выделили новые лексические значения или семы, которые позволили поставить их в синонимический ряд с другими словами: *грамота – писание – грамотикья, уститися – хотѣти, заступати – избавляти, рать – воинство*.

Основную массу синонимов составляют случаи, имеющие своей основой семантическое тождество, которое может быть полным, или абсолютным, и частичным. Слова с тождественными значениями образуют синонимические ряды: *грамота – грамотикья – писание, чернец – инокъ – черноризецъ*. При наличии семантического тождества слова могут различаться стилистически. В наличии стилистических синонимов отражается стремление к большей эмоциональности повествования (*монастырь – обитель, море – пучина*), стремление к большей книжности, торжественности контекста (*епископъ – святи-тель, дати – даровати, сказати – исповѣдати*), к приданию контексту большей семантической точности (*уединитися – безмълвствовати, повѣленіе – смотреніе*). В употреблении синонимов выражается также тенденция к семантическому выравниванию контекста, что проявлялось в замене многозначных слов однозначными (*врагъ – діаволь*), устранении тавтологии (*речи – глаголати, лукавый – пронырливый*).

Исследование синонимии, наблюдающейся в тексте списков Стишного Пролога, позволяет выявить системные отношения в лексике церковнославянского языка, парадигматические отношения между лексемами, что в дальнейшем позволит реконструировать картину развития языка Стишного Пролога на фоне истории церковнославянского языка, выявить закономерности развития лексической системы русского языка.

Списки Стишного Пролога, тексты которых приводятся в статье с указанием на шифры рукописей

С-704/812 – СП, март–август, 1631 г., русский, 714 л., 1^о: ОР РНБ, Собрание Соловецкого монастыря. № 704/812.

Трц-715 – СП, март–май, 1429 г., русский, 366 л., 1⁰: ОР РГБ. Собрание Троице-Сергиевой лавры. Ф. 304/1. № 715.

ОЛДП F.212 – СП, март–май, XVI в., русский, 446 л., 1⁰: ОР РНБ. Собрание Общества Любителей Древней Письменности (ОЛДП). Ф. 536. F. 212.

С-703/811 – СП, март–август, XVI в., русский, 489 л., 1⁰: Собрание Соловецкого монастыря. № 703/811.

СНА-1271 – СП, 6 марта – 27 мая, XV–XVI вв., русский, 310 л., 1⁰: РГИА, СПб. Собрание Синода. Ф. 834. Оп. 2, 1271.

СНА-1613 – СП, май–август, нач. XVI в., русский, 341 л., 1⁰: РГИА, СПб. Собрание Синода. Ф. 834. Оп. 4, 1613.

СНА-3935 – СП, март–май, XV в., русский, 348 л., 1⁰: РГИА, СПб. Собрание Синода. Ф. 834. Оп. 3, 3935.

Тит-239 – СП, март–май, XVI в., русский, 430 л., 1⁰: ОР РНБ. Собрание Титова. № 239.

13. Тит-1217 – СП, март–май, XVI в., русский, 394 л., 1⁰: ОР РНБ. Собрание Титова. № 1217.

УЦ-147 – СП, 12 марта – август, русский, кон. XVI в., 528 л., 1⁰: ИРЛИ. Собрание Усть-Цилемское. № 147.

Фол-374 – СП, март–май, XVI в., русский, 548 л., 1⁰: ОР РНБ. Собрание Основное. F. I.374.

СНА-1281 – СП, март–май, XVI в., русский, 278 л., 1⁰: РГИА, СПб. Собрание Синода. Ф. 834. Оп. 2, 1281.

СНА-1297 – СП, май–август, нач. XVII в., русский, 360 л., 1⁰: РГИА, СПб. Собрание Синода. Ф. 834. Оп. 2, 1297.

СНА-1282 – СП, март–май, кон. XVI в., русский, 254 л., 1⁰: РГИА, СПб. Собрание Синода. Ф. 834. Оп. 2, 1282.

СНА-1294 – СП, февраль–май, XVII в. (1669?), русский, 334 л., 1⁰: РГИА, СПб. Собрание Синода. Ф. 834. Оп. 2, 1294.

Анализируемые в работе древнерусские чтения

Перенесение мощей мчч. Бориса и Глеба (2 мая). В зависимости от редакции начало: «По убиении святуую мученику Христову Бориса и Глеба. Бог прославляя и даст има чудотворные дары...» или «Совокупившеся благовернии князи Володимер, Олег, Давыд...» (обозначение в тексте – 2.5).

Успение Феодосия Печерского (3 мая). В зависимости от редакции начало: «Феодосий преподобный отец наш бе от града Василева, от благоверну родителю рожся...» или «Во святых отец наш Феодосий бе от града Василева. Беста бо родителя его в вере христианстей живуще...» (обозначение в тексте – 3/1.5).

Слово от жития Феодосия Печерского (3 мая). Начало: «Святому отцу нашему Феодосию, живущу с братиею вкупе...» (обозначение в тексте – 3/2.5).

Слово об Антонии Печерском (7 мая). Начало: «Князю Ярославу, сыну Володимерю, княжачю в Киеве...» (обозначение в тексте – 7.5).

Перенесение мощей Николая Чудотворца (9 мая). Начало: «Понеже за умножение грехов наших попускаю Богу на страны христианския зело многия казни...» (обозначение в тексте – 9/1.5).

Слово от чудес Николая Чудотворца (9 мая). Начало: «Добро есть нам божие писание к вам проповедати...» (обозначение в тексте – 9/2.5).

Слово о черноризце, исходящем из монастыря (10 мая). Начало: «В земли Рустей, в граде Киеве есть зовомое Берестовое...» (обозначение в тексте – 10.5).

Освящение церкви св. Богородицы в Киеве (12 мая). Начало: «Освящение церкви святяя Богородица, юже созда благоверный князь Василии, зовомый Володимер...» (обозначение в тексте – 12.5).

Обретение мощей Леонтия Ростовского (23 мая). Начало: «Сей бе блаженный Леонтий Константина града рожа и воспитание...» (обозначение в тексте – 23/1.5).

Слово о внесении телесе св. Леонтия в новую церковь и о муже, исцелевшем у гроба его (23 мая). Начало: «Егда создаша церковь камену в Ростове на месте погоревшия церкви...» (обозначение в тексте – 23/2.5).

Слово, како дьявол изводит от пения человека (26 мая). Начало: «Бяше старец, прозорлив духом, в Печерском монастыри именем Матфей...» (обозначение в тексте – 26.5).

ЛИТЕРАТУРА

1. *Ахманова О.С.* Словарь лингвистических терминов [Текст]: [Около 7000 терминов]. М.: Сов. энциклопедия, 1966. 607 с.

2. *Безматерных Е.И.* Лексические разночтения в памятниках русского Средневековья как отражение процесса формирования синонимических отношений в русском языке: на материале разновременных списков «Повести временных лет» и «Жития Сергия Радонежского»: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Ижевск, 2010. 25 с.

3. *Жуковская Л.П.* Текстология и язык древнейших славянских памятников. М.: Наука, 1976. 368 с.

4. *Михайловская Н.Г.* Синонимия как выражение лексико-семантической вариантности: (по древнерусским спискам Хроники Георгия Амартола) // Древнерусский язык. Лексикология и словообразование. М., 1975. С. 3–24.

5. Панин Л.Г. Церковнославянский язык как текст // *Scriptorium slavicum*. 2024. № 1. С. 59–73. doi.: 10.20913/script-2024-1-05
6. Словарь древнерусского языка (XI–XIV вв.): в 10 т. / гл. ред. Р.И. Аванесов. М.: Русский язык, 1988 – наст. время.
7. Словарь синонимов русского языка: в 2 т. Т. 1: А–Н / под ред. А.П. Евгеньевой. М.: Астрель, АСТ, 2003. 680 с.
8. Срезневский И.И. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным источникам: в 3 т. М., 1989. Т. 1. 1420 с.; Т. 2. 1802 с.; Т. 3. 1684 с. (Фотомеханическое переиздание тт. 1893–1912 гг.).
9. Шмелев Д.Н. Проблемы семантического анализа лексики (на материале русского языка). М., 1973. 280 с.
10. Щеглова О.Г. Динамические процессы в языке Стишного Пролога // Русский язык: функционирование и развитие (к 85-летию со дня рождения засл. деят. науки Рос. Фед. проф. Виталия Михайловича Маркина): материалы Междунар. науч. конф. (Казань, 18–21 апреля 2012 г.) / под общ. ред. Л.Р. Абдулхаковой, Д.Р. Колосова. Казань: Казан. ун-т, 2012. Т. 1. С. 206–211.

REFERENCES

1. Akhmanova, O.S. (1966) *Slovar' lingvisticheskikh terminov* [Dictionary of Linguistic Terms]. Moscow: Sovetskaya entsiklopediya.
2. Bezmaternykh, E.I. (2010) *Leksicheskie raznochteniya v pamyatnikakh russkogo Srednevekov'ya kak otrazhenie protsessa formirovaniya sinonimicheskikh otnosheniy v russkom yazyke: na materiale raznovremennykh spiskov "Povesti vremennykh let" i "Zhitiya Sergiya Radonezhskogo"* [Lexical Variations in Medieval Russian Texts as a Reflection of the Formation of Synonymic Relations in the Russian Language: Based on Different Period Copies of the "Tale of Bygone Years" and the "Life of Sergius of Radonezh"]. Abstract of Philology Cand. Diss. Izhevsk.
3. Zhukovskaya, L.P. (1976) *Tekstologiya i yazyk drevneyshikh slavyanskikh pamyatnikov* [Textology and Language of the Oldest Slavic Manuscripts]. Moscow: Nauka.
4. Mikhaylovskaya, N.G. (1975) *Sinonimiya kak vyrazhenie leksiko-semanticeskoy variantnosti: (po drevnerusskim spiskam Khroniki Georgiya Amartola)* [Synonymy as an Expression of Lexical-Semantic Variation: (Based on Old Russian Copies of the Chronicle of George Hamartolos)]. In: Borkovskiy, V.I. (ed.) *Drevnerusskiy yazyk. Leksikologiya i slovoobrazovanie* [The Old Russian Language. Lexicology and Word Formation]. Moscow: Nauka. pp. 3–24.
5. Panin, L.G. (2024) Tserkovnoslavyanskiy yazyk kak tekst [Church Slavonic as a Text]. *Scriptorium slavicum*. 1. pp. 59–73. doi: 10.20913/script-2024-1-05
6. Avanesov, R.I. (ed.) (1988 –) *Slovar' drevnerusskogo yazyka (XI–XIV vv.)*

[Dictionary of the Old Russian Language (11th–14th Centuries)]. Moscow: Russkiy yazyk.

7. Evgenieva, A.P. (ed.) (2003) *Slovar' sinonimov russkogo yazyka: v 2 t.* [Dictionary of Russian Synonyms: in 2 vols]. Moscow: Astrel', AST.

8. Sreznevskiy, I.I. (1989) *Materialy dlya slovarya drevnerusskogo yazyka po pis'mennym istochnikam: v 3 t.* [Materials for a Dictionary of the Old Russian Language Based on Written Sources]. Moscow: [s.n.].

9. Shmelev, D.N. (1973) *Problemy semanticheskogo analiza leksiki (na materiale russkogo yazyka)* [Problems of Semantic Analysis of Vocabulary (Based on the Russian Language)]. Moscow: [s.n.].

10. Shcheglova, O.G. (2012) Dinamicheskie protsessy v yazyke Stishnogo Prologa [Dynamic Processes in the Language of the Stishnoy Prologue]. In: Abdulkhanova, L.R. & Kolosov, D.R. (eds) *Russkiy yazyk: funktsionirovanie i razvitie (k 85-letiyu so dnya rozhdeniya zasl. deyat. nauki Ros. Fed. prof. Vitaliya Mikhaylovicha Markina)* [The Russian Language: Functioning and Development (To the 85th Anniversary of the Honored Scientist of the Russian Federation, Prof. Vitaly Mikhailovich Markin)]. Vol. 1. Kazan: Kazan State University. pp. 206–211.

Щеглова Ольга Георгиевна – кандидат филологических наук, доцент, заведующая кафедрой источниковедения литературы и древних языков Новосибирского государственного университета (Россия).

Olga G. Shcheglova – Novosibirsk State University (Russia).

E-mail: scheglova@post.nsu.ru

УДК 39,811.161

UDC

DOI: 10.17223/18572685/82/14

Володимир Гнатюк – дослідник традиційної культури як соціальної “прабатьківщини” націоналізму

М.В. Кирчанів

Воронезький державний університет,
Росія, 394000, Воронеж, Університетська пл. 1
E-mail: maksym_kyrchanoff@hotmail.com

Авторське резюме

Мета статті – аналіз досліджень Володимира Гнатюка, присвячених традиційній русинській культурі початку ХХ століття у контекстах історії ідей та інтелектуальної історії. Автор аналізує сприйняття традиційної культури в українському академічному дискурсі першої чверті 20 століття. Новизна дослідження полягає у аналізі спадщини В. Гнатюка у контекстах вивчення традиційних аграрних селянських товариств як соціальної прабатьківщини націоналізму. У статті проаналізовано 1) загальні погляди В. Гнатюка на русинів та русинську культуру; 2) основні напрями та прояви традиційної селянської культури русинів у текстах В. Гнатюка; 3) прояви традиційності та релігійності у культурі, описаній В. Гнатюком як етнографом; 4) соціальні чинники, які впливали на розвиток народної культури русинського селянства у сприйнятті У. Гнатюка; 5) незначний рівень соціальних змін, що фіксував В. Гнатюк, як чинник стабільного та консервативного розвитку традиційної культури русинського селянства. У статті також показано роль Володимира Гнатюка в інтеграції русинів до українських контекстів, що дозволило українським інтелектуалам уявити русинів як етнічну підгрупу українців. Результати дослідження дозволяють припустити, що дослідження Володимира Гнатюка не лише описували традиції та побут русинського селянства, а й стали унікальним історичним джерелом, яке фіксувало традиційну народну культуру як культуру мовчазної більшості, відображаючи умови, що передують появі сучасної (модерної) національної ідентичності.

Ключові слова: Русини, селянство, етнографія, Володимир Гнатюк, традиційні спільноти, селянська культура, модернізація

Владимир Гнатюк – исследователь традиционной культуры как социальной «прародины» национализма

М.В. Кирчанов

Воронежский государственный университет,
Россия, 394000, Воронеж, Университетская пл., 1
E-mail: maksym_kyrchanoff@hotmail.com

Авторское резюме

Цель статьи – анализ исследований Владимира Гнатюка, посвящённых традиционной русинской культуре начала XX в. в контекстах истории идей и интеллектуальной истории. Автор анализирует восприятие традиционной культуры в украинском академическом дискурсе первой четверти XX в. Новизна исследования состоит в анализе наследия В. Гнатюка в контекстах изучения традиционных аграрных крестьянских обществ как социальной прародины национализма. В статье проанализированы: 1) общие взгляды В. Гнатюка на русинов и их культуру; 2) основные направления и проявления традиционной крестьянской культуры русинов в текстах В. Гнатюка; 3) проявления традиционности и религиозности в культуре, описанной этнографом; 4) социальные факторы, которые влияли на развитие народной культуры русинского крестьянства в восприятии В. Гнатюка; 5) незначительный уровень социальных изменений, который фиксировал В. Гнатюк как фактор стабильно консервативного развития традиционной культуры русинского крестьянства. Также показана роль В. Гнатюка в интеграции русинов в украинские контексты, что позволило украинским интеллектуалам вообразить русинов как этническую группу украинцев. Результаты исследования позволяют предположить, что исследования В. Гнатюка не только описывали традиции и быт русинского крестьянства, но и стали уникальным историческим источником, который фиксировал традиционную народную культуру как культуру молчаливого большинства, отражая условия, предшествующие появлению современной идентичности.

Ключевые слова: русины, крестьянство, этнография, Владимир Гнатюк, традиционные сообщества, крестьянская культура, модернизация

Volodymyr Hnatiuk-a researcher of traditional culture as a social “ancestral homeland” of nationalism

Maksym W. Kyrchanoff

Voronezh State University,
Russia, 394000, Voronezh, Universitetskaya sq. 1
E-mail: maksym_kyrchanoff@hotmail.com

Abstract

The study examines Volodymyr Hnatiuk's research on traditional Rusin culture in the early twentieth century through the lenses of the history of ideas and intellectual history. It analyzes the reception of traditional culture within Ukrainian academic discourse during the first quarter of the twentieth century. The novelty lies in the analysis of Hnatiuk's scholarly legacy within the framework of traditional agrarian peasant societies as the social ancestral homeland of nationalism. The article investigates: (1) Hnatiuk's general views on Rusins and their culture; (2) the principal themes and expressions of traditional Rusin peasant culture in his ethnographic writings; (3) manifestations of traditionalism and religiosity in the culture he documented; (4) the social factors he identified as shaping the folk culture of the Rusin peasantry; and (5) the minimal degree of social change he recorded, which he interpreted as contributing to the stable, conservative development of traditional Rusin peasant culture. The article further demonstrates Hnatiuk's role in integrating Rusins into broader Ukrainian cultural and intellectual frameworks, thereby enabling Ukrainian intellectuals to conceive of Rusins as an ethnographic component of the Ukrainian people. The findings suggest that Hnatiuk's ethnographic work not only documented the traditions and daily life of the Rusin peasantry but also constitutes a unique historical source—one that preserves traditional folk culture as the culture of the silent majority and illuminates the conditions that preceded the emergence of modern national identity.

Key words: Rusins, peasantry, ethnography, Volodymyr Hnatiuk, traditional communities, peasant culture, modernization

Введення

На початку ХХ століття Європу охопили процеси політичної модернізації, найважливішим результатом якої став націоналізм. Модернізаційні процеси протікали вкрай нерівномірно. Ряд регіонів модернізувався і змінювався повільніше, ніж інші, більш успішні,

території. Серед аутсайдерів економічної та політичної модернізації виявились периферійні регіони Центральної та Східної Європи, населені слов'янськими групами без яскраво вираженої та чітко сформульованої національної ідентичності.

Такою маргінальною групою, яка повільніше за інших вступала на шлях політичної модернізації та трансформації в сучасну націю, були русини. До початку ХХ ст. академічним вивченням русинів займалися українська, російська, словацька, чеська, румунська та угорська гуманітарні науки, які перетворили русинів на об'єкт етнографічних та мовних досліджень. Відмінною особливістю подібного підходу було те, що русини сприймалися в різних національних системах координат, а мовна та культурна специфіка, властива русинам, нерідко ігнорувалась або сприймалася як етнографічна особливість тієї чи іншої групи, яка претендувала на те, щоб русини були її етнографічною підгрупою.

На початку ХХ століття та впродовж 1920–1930-х років вивченням русинів, як спільноти, чий розвиток відрізнявся і характеризувався домінуванням і переважанням традиційної культури, а етнічність представляла унікальний приклад збереження архаїчних образів у духовній культурі, займалося кілька великих європейських істориків [26], включаючи Філарета Колесу [18], Осипа Роздольського [24], Юліяна Тарновича [25] та Пьотра Богатирьова [2; 5]. Серед них особливу роль грав український етнограф Володимир Гнатюк, якому належить низка фундаментальних досліджень, сфокусованих на етнічних та культурних особливостях русинського населення. Важливість академічної спадщини В. Гнатюка полягає в тому, що йому вдалося зафіксувати традиційну і народну культуру русинського населення напередодні процесів динамічної модернізації, які фактично із запізненням призвели до трансформації русинів з традиційної групи з неповними соціальними структурами в сучасну націю.

У центрі авторської уваги у статті будуть питання сприйняття русинів та русинської культури у спадщині Володимира Гнатюка. Метою автора є вивчення спадщини В. Гнатюка через призму фіксації пізньої традиційної та архаїчної русинської аграрної селянської культури. Завданнями статті є 1) вивчення сприйняття традиційної культури русинів в текстах В. Гнатюка; 2) виявлення особливостей, що приписувалися В. Гнатюком, як носієм високої культури освічених класів останньої чверті 19 – початку 20 ст., культурним традиціям русинів як етнічного та культурного об'єкта, вивченням якого він займався; 3) виявлення системних характеристик русинської культури в її традиційній формі, які приписувалися їй в текстах В. Гнатюка. Таким чином, аналізуючи внесок В. Гнатюка у вивчення русинів та його

культури вчений може бути визначений як один із основоположників сучасних русинських академічних студій, і навіть інтелектуал, який зробив значний внесок у процесі винайдення і уявлення русинів як окремої групи, чим пізніше скористалися представники русинського національного руху.

Методологія та історіографія

Методологічно стаття ґрунтується на принципах та досягненнях сучасної міждисциплінарної історіографії. Спадщина В. Гнатюка у контекстах вивчення русинів та русинської культури аналізуються через призму історії ідей, археології ідей, інтелектуальної історії, нової культурної та соціальної історії. Вивчаючи русинів, В. Гнатюк задовольняв запит українського суспільства на володіння власним етнографічним гуманітарним знанням. Спадщину В. Гнатюка ми можемо аналізувати через призму соціальної та культурної історії, оскільки його роботи зафіксували архаїчні аграрні відносини та традиції, які пізніше втратили своє значення, ставши жертвами процесів модернізації. Модернізація призвела до асиміляції традиційних форм, їх маргіналізації та підміни більш модерновими та сучасними аналогами.

У цьому контексті роботи В. Гнатюка насамперед становлять інтерес у контекстах культурної та соціальної археології, оскільки фіксують колективні уявлення про одну з пізніших чи навіть останніх традиційних спільнот Європи, що існувала на території її внутрішньої східної периферії. Аналізуючи спадщину В. Гнатюка, ми можемо інтерпретувати його роботи як інтелектуальну форму винайдення традицій та уявлення спільнот. Сам того, не усвідомлюючи В. Гнатюк, зробив значний внесок у становлення русинської ідентичності, оскільки забезпечив останню необхідним етнографічним та мовним матеріалом, що дозволило пізнішим активістам русинського руху інтерпретувати групу, до якої вони належали, як уявлену політичну спільноту.

Вивчаючи академічну спадщину В. Гнатюка, сфокусовану на проблемах русинської історії та культури, ми можемо інтерпретувати останню через призму нової соціальної історії оскільки В. Гнатюк фіксував унікальні соціальні інституції та відносини, які фактично завершували своє існування на периферійних територіях Східної Європи, оскільки не могли ефективно та успішно протистояти ні соціальним, ні культурним новаціям, ні новим модерним ідентичностям та національним проектам тих груп, які модернізувалися та відносно динамічно трансформувалися у політичні нації. У цій ситуації В. Гнатюк фіксував загальні форми селянських архаїчних інституцій та відносин, а також ті ідентичності, які формувалися у їх межах. В історіографії

націоналізму такі відносини та інститути вивчаються [29], але в дещо іншій, не в східно-європейській внутрішній периферійній, географії [30]. Вивчення істориками проблем соціальної історії селянства та сприйняття селян як основи формування та подальшого розвитку націоналізму [33] універсалізувало підходи до аналізу домодерних груп та спільнот [37], що дозволяє інтегрувати результати таких досліджень у русинські контексти. Спадщина В. Гнатюка може сприйматися у контекстах міждисциплінарної історіографії як важливий епізод в інтелектуальній культурній та соціальній історії внутрішніх європейських периферій.

Проблемам ролі В. Гнатюка у вивченні русинів через призму їхнього сприйняття як периферійної спільноти з традиційною аграрною ідентичністю присвячено кілька досліджень, але історіографія залишається незначною, оскільки етнографічні аспекти академічної спадщини вченого вивчені краще. Для деяких українських істориків характерний міждисциплінарний підхід та спроби вивчення ролі В. Гнатюка через деконструкцію його внеску, що локалізує умовно «русинські» тексти вченого в дискурсі інтелектуальної історії та історії ідей [22], хоч і для таких досліджень характерна деяка модернізація минулого та спроби інтегрувати русинів як об'єкт вивчення в канон мультикультуралізму [23].

Дослідження про В. Гнатюка як дослідника традиційної русинської культури напередодні модернізації характеризується одностороннім характером дослідницького підходу або зовсім ігнорують проблему, підміняючи її не академічним, але ідеологічним нарративом, що, наприклад, відноситься до статей російського історика М. Дронова [17], в історіографічному огляді якого Ентоні Сміт і російський історик А. Міллер є сусідами, хоча їх сприйняття націоналізму методологічно різні. М. Дронов використовує редуccionізм, зводячи проблеми домодерної ідентичності виключно до ролі християнства як системного чинника, ігноруючи роль інших архаїчних інститутів та відносин, які фактично були маркерами самосвідомості.

Необґрунтованим є припущення і про те, що русини могли мати кілька ідентичностей. Якщо для русинів була характерна регіональна та конфесійна ідентичності, то припущення про те, що вони як представники традиційного суспільства мали й етнічну ідентичність, є явною модернізацією історії, тому що в історіографії домінує думка про те, що національна та етнічна ідентичності – сучасні конструкти, які не могли історично і соціально виникнути у традиційному суспільстві. Таким чином, співіснування різних думок щодо сприйняття русинів в академічному дискурсі В. Гнатюка свідчить про те, що тема себе не тільки не вичерпала, а й потребує подальшого міждисциплінарного вивчення.

Володимир Гнатюк як дослідник соціальної та культурної етнографії русинів

Як етнограф В. Гнатюк вивчав, фіксував, систематизував та каталогізував серед русинів ті форми культури, які можуть бути визначені як традиційні. Географія наукової діяльності Володимира Гнатюка була відносно великою. Вчений проводив свої дослідження у різних периферійних регіонах Імперії Габсбургів, розпочавши з Бучацького повіту Королівства Галичини та Володимерії – одного з адміністративних районів Австро-Угорщини. У наступні роки активність дослідника розгорталася на території аграрних та сільських внутрішніх периферій Косівського, Бучацького, Монастирського, Старосамбірського, Стрийського, Надвірнянського повітів, а також на Берегівщині й Пряшівщині. У другій половині 1890-х та протягом першої половини 1900-х Володимир Гнатюк проводить польові етнографічні дослідження на Закарпатті. Таким чином, основними територіями, де В. Гнатюк вивчав місцеве населення, яке мало слов'янську традиційну ідентичність, були історичні та культурні регіони Угорської Русі та Королівства Галичини та Володимерії.

Вивчаючи русинське населення через призму його соціальних переваг, зафіксованих у фольклорі як архаїчної та традиційної культурної форми, В. Гнатюк проектував на об'єкт своїх академічних студій стереотипи, які існували в академічному співтоваристві, подібно до того, як до нього та в його час професійні чиновники-бюрократи також фіксували факти, пов'язані з народними масами, але робили це з іншими цілями. Отже, описові стратегії В. Гнатюка ґрунтувалися на універсальній дихотомії, описаній у сучасній історіографії. Якщо історики виділяють співіснування соціальних культур, представлених «голоси селян» та «тексти бюрократів» [35], то В. Гнатюк фактично діяв у близькій системі координат, але з іншим розподілом ролей, виступаючи щодо селян не як чиновник, а як професійний етнограф, який фіксував і описував ті архаїчні культурні форми, які на той час зберігалися і функціонували серед русинського населення.

Професійні етнографи початку 20 століття, по-перше, не дуже відрізнялися від наступних поколінь істориків націоналізму, які визначали домодерні та переважно соціально селянські та економічно аграрні групи як умовні прабатьківщини націоналізму, відому як Рурітанія [32], і, по-друге, могли щодо таких угруповань вважати, що «пригнічені класи доіндустріального суспільства вважалися здатними або на пасивне засвоєння культурних субпродуктів, що виробляються панівними класами, або на несміливу і половинчасту культурну самостійність, або на таке ставлення до культури, яке

фактично виводить їх за її межі» [6: 39]. Володимир Гнатюк у своїх дослідженнях фіксував не просто форми народної культури селян, а й елементи соціальної археології традиційної культури, яка на той час вже була приречена на поступову ерозію та відмирання [27], оскільки не могла ефективно протистояти модернізації, хоча від останньої русинів рятувала периферійність їхньої території та її фрагментація, які суттєво уповільнювали процеси їх трансформації з аграрного та селянського суспільства до якісно та змістовно іншого типу соціальної організації. Аналізуючи культурні форми життя русинів, етнографи початку ХХ ст. знаходили серед них пасивне освоєння культурного продукту, який їм пропонувався переважно духовенством, та спроби культурної самостійності на рівні автономного від нових віянь існування традицій, що передбачало й відокремлене існування русинів від інших культурних норм (високих та низьких конкурентних культур, які перебували в процесі націоналізації та модернізації), яких вони елементарно не потребували.

Хоча сучасна для В. Гнатюка русинська культура була переважно традиційною, архаїчною та селянською, тобто народною, він вважав, що в період Високого та Пізнього Середньовіччя та Ранняго нового часу русини були носіями іншої культурної традиції [13], заснованої, як і всі інші культури тієї історичної епохи, на одночасному співіснуванні та паралельному співрозвитку «високої» та «низької» культур. Ступінь фіксації цих двох моделей культури в письмових джерелах різні, але, ймовірно, правий К. Гінзбург, наголошуючи, що «бідність свідчень про пригнічені класи минулого – перша перешкода, з якою зустрічаються дослідники» [6: 31].

Русини до початку ХХ століття належали до периферійних спільнот з переважанням традиційної культури. Русини були близькі до таких спільнот, де «етнічні групи не збігалися з контрастними економічними системами та чіткими та стійкими політичними групами» [28]. У результаті русини, які проживали на території кількох імперій, виявилися групою в перехідній зоні, де етнічні кордони були виражені слабо, а стратифікація мала локальний характер традиційної аграрної економіки. Проблема для русинів полягала в тому, що вони були змушені перебувати в такій культурній та хронологічній зоні довше ніж інші соціально подібні спільноти, які на той час встигли культурно та політично мутувати у нації [38], хоча стартові умови такого транзиту були не менш архаїчними та традиційними ніж у русинів.

Якщо та культура, яка фіксувалася на початку 20 століття, була традиційною, відображаючи різні форми народного життя [14], то щодо тієї культури, яка їй історично та хронологічно передувала, учений вважав, що вона була радикально іншою. Аналізуючи традиційність,

дослідником якої став В. Гнатюк, наголосимо, що він фіксував аграрний селянський тип традиційності, який радикально відрізнявся від інших домодерних культур [1], простором побутування яких були міські простори. В. Гнатюк наголосив, що змістовно русинська культура, її форми та інституційні традиції відтворення, які він та його колеги фіксували на початку 20 ст., була переважно традиційною та селянською, але їй передували інші культурні форми.

На початку 19 ст. русини, на думку У. Гнатюка зберігали свою літературну традицію, представлену переважно духовними текстами народною мовою. Зміну культурних парадигм та відмирання «високої» культури В. Гнатюк інтерпретував у контекстах політичних та соціальних змін, які призвели не лише до появи нового покоління активістів, прихильників «язичія», а й фактично сприяли маргіналізації тих мовних форм та норм, які використовувалися в попередні десятиліття, що стимулювало зміну їхньої культурної локалізації у напрямі «низької», тобто традиційної та аграрної культури. Ці трансформації В. Гнатюк пояснював як політикою мадяризації, так і соціальними трансформаціями у регіональному суспільстві.

На думку В. Гнатюка, відсоток русинів, які могли здобути освіту, були змушені навчатися в урбанізованих регіонах Угорщини [7], звідки, здобувши освіту, вони поверталися в русинські села, що змушувало їх контактувати з носіями народної культури. Подібна форма комунікації не була унікальним і винятковим явищем, характерним лише для русинів. Аналогічні тенденції мали європейський характер [31], що вело до націоналізації традиційних домодерних аграрних культур та їх трансформації у сучасні соціально гетерогенні та національні. Історична динаміка нової історії сприяла маргіналізації русинських територій, які виявились розділеними між кількома державами, що призвело до маргіналізації високої культури русинів у конкуренції з польською та угорською, а також (меншою мірою) зі словацькою культурою. Російський історик та культуролог І.В. Кондаков визначає такий тип культури, яка історично втратила свій статус, перетворившись на об'єкт маргіналізації та витіснення на соціальні периферії, як «забуту» чи «зняту» культуру [19].

У такій ситуації народна культура русинів, як і інші селянські культурні форми ранньомодерної да модерної доби [34], актуалізувала власну стабільність, яка фактично виключала «зміни функцій етнографічних явищ у галузі матеріальної та духовної культури» [4: 203], що консервувало соціальні відносини та інституції на рівні аграрної периферії. Тенденції консервації культури, у рамках якої «народні обряди та звичаї цілком життєві» [3: 93], посилювалися одночасним співіснуванням кількох умовних центрів тяжіння носіїв русинської

народної культури, оскільки процеси трансформації русин із селян в націю протікали вкрай уповільнено проти аналогічними процесами сусідніх товариств. «Висока» писемна традиція у народній культурі русинського населення, яку описував В. Гнатюк була не тільки маргіналізованою, а й підміненою іншими образами, заснованими на легітимації та виправданні стихійного народного та селянського насильства [11] проти носіїв високої культури, що стимулювало позитивну міфологізацію та ідеалізацію фактично девіантної поведінки, носіями та виразниками якої були опришки [8; 9], які стали героями народної традиції, заснованої на неприйнятті та запереченні держави та її інститутів як штучних та чужих традиційним формам ідентичності, заснованим на народній культурі.

Доступ до народної культури утруднений, оскільки «сфера її побутування – усна традиція, яка дуже рідко, у якихось виняткових випадках привертала до себе увагу та фіксувалася сучасниками» [21: 5]. Володимир Гнатюк був серед тих інтелектуалів, які таку культурну модель і намагалися зафіксувати, публікуючи тексти, що виникли в народній культурі [12], оскільки саме вони фіксували різні соціальні стратегії та форми поведінки, характерні для опришків. Опришки були носіями народної культури, хоча не вони визначали основні вектори і траєкторії її функціонування. Вони були однією з груп, яка історично склалася в рамках культурної моделі «безмовної більшості» [16].

Така культура відрізнялася стійкою стабільністю, що дозволила їй існувати не лише протягом Середніх віків, а й зберегтися до початку ХХ ст., оскільки периферійні регіони, де вона домінувала, виявилися виключеними з індустріалізації і, як результат, націоналістичної модернізації. У цьому контексті В. Гнатюк фіксував серед русинів не просто і не лише традиційну аграрну культуру селян, а й культуру соціально активного типу, здатну реагувати як на внутрішні, так і на зовнішні виклики, хоча діапазон таких реакцій був не дуже широкий, обмежуючись насильством.

Народна культура, яку описував В. Гнатюк, вирізнялася переважно релігійним характером. Деякими етнографами, сучасниками В. Гнатюка, наголошувалося, що народна культура змінюється одночасно із соціальними трансформаціями [2. С. 76], але динаміка розвитку русинських спільнот, навпаки, відрізнялася консервативною стабільністю, характерними рисами якої були відсутність як змін [40: 30–32], а й самого соціально санкціонованого запиту ними із боку культурно консервативної більшості. В. Гнатюком на початку ХХ ст. фіксувалося існування серед русинського населення народних легенд [10], які мали біблійне походження. Така культура була оригінальною і винятковою для русинів, оскільки суспільства середньовіччя і нового часу мали ідентичності, які «не можуть бути зведені до книжкового

знання тому що вони визначалися культурною традицією, що мала витоки» [6: 45], віддалені від книги як соціального інституту і книжкової культури як атрибута модернізації.

Наративи релігійного та біблійного походження в русинській традиційній культурі співіснували з тими, що актуалізували та візуалізували глибші верстви народної культури, де християнська релігійність була тлом для дії принципово інших героїв, включаючи єдинорогів, велетнів, карликів та чортів [10]. Народна демонологія була серед центральних елементів традиційної культури [14], яка фактично виступала як широкий символічний простір, до рамок якого інтегрувалися інші аспекти русинської ідентичності, генетично пов'язані з місцевими формами ідентичності або християнськими віруваннями, асимільованими русинськими селянами.

Через два десятиліття після польових досліджень В. Гнатюка, його російсько-чеський колега П. Богатирьов фіксував аналогічну ситуацію, наголошуючи, що «християнські обряди не завжди витісняють народні. Нерідко навпаки, християнські обряди підтримують народні своїм авторитетом» [5: 110]. В. Гнатюк та його колеги фіксували домінування народної культури, яка ґрунтувалася на приматі традиції та її відтворенні як самими носіями такої культури, так і характерними для неї соціальними інституціями. У цьому контексті примітний не просто традиціоналізм та вражаюча стійкість такої моделі розвитку, а й те, що саме ця культура стане соціальною прабатьківщиною націоналізму, який у русинському мовному просторі виникне зі значним запізненням у порівнянні з сусідніми спільнотами.

Ці інші групи на той час здобули умовно свої «народні» культури чи «культури народних мас», які стали «сприйнятими, асимільованими та переробленими масами культурами» [35: 9–10], які пізніше стали основами ідентичностей модерних націй. Русинська народна культура була принципово іншою, оскільки на початку ХХ століття впливом з боку носіїв інших соціальних культур для русинських селян був мінімальним. Таким чином, традиційна русинська ідентичність як самосвідомість інших аграрних співтовариств могла використовувати «народні переклади літературних зразків у різних редакціях тексту, відображаючи відповідні верстви народу та різні рівні культури» [20: 22], які фіксувалися не лише В. Гнатюком на початку ХХ ст., але й продовжували існувати до інтеграції русинських територій до складу Української РСР, де їхня модернізація й стала можливою.

Тому традиційна народна культура русинів, яка була основою їхньої ідентичності, включала елементи різного культурного походження, яким приписувалося різне значення, тому що соціальні ролі варіювалися і залежали від культурного контексту. Цикл соціального та

культурного існування такого суспільства відрізнявся консервативною стабільністю, яка зберігалася і впродовж 1920–1930-х рр., коли, за спостереженнями П.Г. Богатирьова, «при будь-яких нововведеннях селянин часто заявляє, що він боїться першим прийняти щось нове. Кожен боїться першим проявити ініціативу, чекає, щоб хтось інший став застрільником і щоб цензура колективу схвалила цей вчинок» [3. С. 93].

Русинський селянин був скований традиціями, успадкованими від предків, які фактично стали формою соціальної цензури та обмежували новації. Тому аграрний і господарський цикл русинської спільноти був інтегрований до широких контекстів соціального та економічного життя русинів, окремі прояви якого легітимізувалися текстами біблійного походження: останні санкціонували сам лад побуту русинського населення. Тому, не лише особливості соціальної сфери, а й природні та географічні якості земель, населених русинами, інтерпретувалися ними до релігійно-центричної системі координат. Формально біблійні сюжети були фактично асимільовані у рамках традиційної культури, яка стимулювала унікальні форми народної релігійності. Такі легенди були інтегровані у соціальні та економічні норми русинського суспільства, відображаючи стереотипи, які існували серед русинів щодо ґендерних та соціальних ролей.

Вивчаючи культуру та етнографію русинів, а також сучасний для початку ХХ століття стан русинського фольклору та традиційної культури, Володимир Гнатюк, таким чином, фактично сприяв інтеграції русинських трендів до українського національного проекту. Український національний рух у той період перебував у стані підйому та активізації, що стало одним із наслідків посилення української культури, яка вступила до стадії модерну [15]. Модерн став потужним стимулом, який сприяв націоналізації та українізації традиційних форм етнічної культури, що було характерним не лише для української ситуації, а й для розвитку національних рухів міноритарних груп Східної та Центральної Європи [36]. Володимир Гнатюк підтримував активні зв'язки із представниками національної інтелігенції, з діячами української літератури, яка на той час була однією з основних форм розвитку українського національного руху.

Співпрацюючи і ведучи активне листування з діячами української культури кінця ХІХ і початку ХХ століття, включаючи Михайла Коцюбинського, Івана Франка, Бориса Гринченка, Богдана Лепкого, Антона Крушельницького, Івана Нечуя-Левицького та інших українських письменників, Володимир Гнатюк сприяв, ділячись з ними результатами своїх наукових досліджень, проникненню фольклору в українську літературу як єдину легітимну і можливу на той момент форму активного українського руху в Росії. Володимир Гнатюк, таким

чином, не лише брав активну участь у популяризації українських етнографічних досліджень, що сприяло поступовій інтеграції народної традиційної культури у контексти національного руху, а й став активним учасником того процесу, який в історіографії 1980-х років буде визначено як “винайдення традицій” [39]. Активно вивчаючи та досліджуючи традиційну культуру русинів – народні пісні, казки та легенди – Володимир Гнатюк фактично перетворював фольклорну компоненту української ідентичності на одну з винайдених традицій, які пропонували учасники українського національного проекту.

У такій ситуації українізація носіїв форм слов'янської мови Східної та Центральної Європи, які на той час не були піддані стандартизації та кодифікації, але вже встигли стати об'єктом уваги українських вчених та інтелектуалів, стала неминучою тому, що Володимир Гнатюк та його колеги фактично підтримували український національний рух, конструювали у художньому і в академічному дискурсі, наділяючи українців як уявлену спільноту необхідними атрибутами та характеристиками, які ставили їх не лише в один ряд з іншими націями регіону, а й передбачали наявність як високої, так і низької, народної та традиційної, культури, вивченням, створенням, кодифікацією та просуванням якої й займався Володимир Гнатюк. Цей процес, серед учасників якого виявився і Володимир Гнатюк, не був оригінальним й виключно українським феноменом модернізації – аналогічні тенденції, пов'язані з націоналізацією селянського населення та трансформацією традиційних, архаїчних, селянських, аграрних та периферійних спільнот у модернові нації стали фактично повсюдним процесом у соціальній історії Європи до початку ХХ століття.

Висновки

Аналізуючи русинські проблеми, В.Гнатюк керувався методами етнографії та історії, характерними для останньої чверті ХІХ – початку ХХ ст. У цьому контексті він прагнув максимально детально та докладно описати і зафіксувати окремі елементи народної русинської культури, що дозволило йому, але більшою мірою його ідеологічним та інтелектуальним спадкоємцям, створити цілісну картину етнічної історії русинів та русинської етнографії. Фактично завдяки діяльності В. Гнатюка русини отримали перші академічні описи свого життя в українській етнографічній традиції.

Спроби опису русинів з української точки зору, виконані В. Гнатюком, призвели у наступні десятиліття до інтеграції останніх до українських історіографічних контекстів, що дозволило українським інтелектуалам уявити русинів як етнічну групу українців. Спадщина В. Гнатюка, сфокусована на вивченні русинів, безперечно є частиною

україноцентричного бачення русинів як етнічної групи, але не самостійної нації. Водночас значення внеску В. Гнатюка не обмежується лише інтеграцією русинів у ширші українські контексти. Автор вважає, що основна заслуга В. Гнатюка, невідомо ні їм, ні його сучасниками, ні значною частиною наступних поколінь істориків, полягає у спробі зафіксувати архаїчні традиційні культурні інституції та відносини на рівні аграрної селянської внутрішньої східноєвропейської периферії, що В. Гнатюка фактично й було виконано, але В. Гнатюк ігнорується як дослідник традиційної пізньої архаїчної народної культури, яка була зафіксована ним. Спадщина В. Гнатюка належить переважно не історії етнографії чи історії української діалектології – роботи В. Гнатюка ми можемо розглядати у ширшій перспективі як спроби зафіксувати традиційне архаїчне аграрне суспільство. Тексти В. Гнатюка цінні тим, що фіксують традиційну народну культуру, яка протягом нового часу вкрай рідко потрапляла на сторінки писемних джерел.

Спадщина В. Гнатюка потребує ревізії та змістовно нової, іншої інтерпретації його текстів, тобто радикального перегляду, оскільки нове бачення В. Гнатюка як дослідника пізньої традиційної архаїчної культури дозволить суттєво розширити можливі вектори та траєкторії вивчення територій Східної Європи, населених русинами в останній чверті 19 – на початку ХХ ст., інтегрувавши подібні дослідження у контексти нової соціальної та культуральної історії.

ЛІТЕРАТУРА

1. *Бахтин М.М.* Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса. М.: Худож. лит., 1965. 548 с.

2. *Богатырев П.Г.* Задачи этнографа в Подкарпатской Руси // Богатырев П.Г. Функционально-структуральное изучение фольклора / сост., ком., вступ. ст. С.П. Сорокиной. М.: ИМЛИ РАН, 2006. С. 108–117.

3. *Богатырев П.Г.* Некоторые замечания о взаимовлиянии между высоким и низким искусством // Функционально-структуральное изучение фольклора / сост., ком., вступ. ст. С.П. Сорокиной. М.: ИМЛИ РАН, 2006. С. 201–206.

4. *Богатырев П.Г.* Этнографические поездки в Подкарпатскую Русь. Опыт синтетического исследования // Функционально-структуральное изучение фольклора / сост., ком., вступ. ст. С.П. Сорокиной. М.: ИМЛИ РАН, 2006. С. 74–79.

5. *Богатырев П.Г.* Этнологическая география и синхронический метод // Функционально-структуральное изучение фольклора / сост., ком., вступ. ст. С.П. Сорокиной. М.: ИМЛИ РАН, 2006. С. 93.

6. *Гинзбург К.* Сыр и черви. Картина мира одного мельника, жившего в

- XVI веке / пер. с ит. М.Л. Андреева, М.Н. Архангельской. М.: РОССПЭН, 2000. 272 с.
7. *Гнатюк В.* В справі літературної мови підкарпатських русинів // Вибранні статті про народнотворчість. На 110-річчя народження 1871–1981. Нью Йорк: НТШ, 1981. С. 241–247.
8. *Гнатюк В.* Галицько-руські народні легенди. Т. 1. Львів: НТШ, 1902. 215 с.
9. *Гнатюк В.* Галицько-руські народні легенди. Т. 2. Львів: НТШ, 1902. 287 с.
10. *Гнатюк В.* Деякі оповідання про опришків // Гнатюк В. Вибранні статті про народну творчість. На 110-річчя народження 1871–1981. Нью Йорк: НТШ, 1981. С. 249–260.
11. *Гнатюк В.* Знадоби до галицько-руської демонології. Львів: НТШ, 1904. 272 с.
12. *Гнатюк В.* Коломийки // Етнографічний збірник. 1905. Т. 17. С. 3–43.
13. *Гнатюк В.* Словацький опришок Яношик у народній поезії // Записки НТШ. 1899. Т. 31–32. С. 1–50.
14. *Гнатюк В.* Угроруські духовні вірші // Записки НТШ. 1902. Т. 46, кн. 2. С. 1–11.
15. *Грицак Я.* Нарис історії України. Формування модерної нації XIX–XX століття. Київ: Yakaboo Publishing, 2019. 656 с.
16. *Гуревич А.Я.* Средневековый мир: культура безмолвствующего большинства. М.: Искусство, 1990. 396 с.
17. *Дронов М.* К вопросу о донациональной этнической идентичности русинов Словакии (XIX – начало XX вв.) // Исторический формат. 2015. № 2 (2). С. 125–139.
18. *Колесса Ф.* Українська усна словесність. Львів: Наклад фонду «Учітеся, брати мої», 1938. 645 с.
19. *Кондаков И.В.* Массовая культура: опыт теории относительности // Обсерватория культуры. 2017. Т. 14, № 5. С. 516–523. doi: 10.25281/2072-3156-2017-14-5-516-523
20. Крестьянское искусство Севера. Об искусствоведческой экспедиции на русский Север. Л.: Academia, 1926. 25 с.
21. *Кудрявцев О.Ф.* Карло Гинзбург и его книга «Сыр и черви. Картина мира одного мельника, жившего в XVI веке» // Гинзбург К. Сыр и черви. Картина мира одного мельника, жившего в XVI веке / пер. с итал. М.Л. Андреева, М.Н. Архангельской. М.: РОССПЭН, 2000. С. 5–28.
22. *Лановик З.Б., Лановик М.Б.* Осмислення мультикультуралізму східноєвропейського простору у фольклорно-етнографічних працях Володимира Гнатюка про угорських русинів // Русин. 2022. № 67. С. 342–360.
23. *Лановик З.Б., Лановик М.Б., Ковалець Л.М.* Угорські русини в дослідженнях Володимира Гнатюка: археологія пам'яті // Русин. 2020. № 59. С. 176–196.
24. *Роздольський О.* Галицько-руські народні новели. Львів: НТШ ім. Т. Шевченка, 1900. 166 с.

25. *Тарнович Ю.* Лемківщина: матеріальна культура. Краків: Українське Видавництво, 1941. 168 с.
26. *Українці-русини: етнолінгвістичні та етнокультурні процеси в історичному розвитку / гол. ред. Г. Скрипник.* Київ: НАН України – МАУ – ІМФЕ ім. М.Т. Рильського, 2013. 750 с.
27. *Blum J.* The end of the old order in rural Europe. Princeton, NJ: Princeton University Press, 1978. 505 p.
28. *Chaturvedi V.* Peasant Pasts: History and Memory in Western India. Berkeley: University of California Press, 2007. 329 p.
29. *Eidheim H.* When Ethnic identity is a social stigma // *Ethnic groups and boundaries. The social organization of culture difference / ed. F. Bart.* Bergen: Universitetsforl, 1969. P. 39–57.
30. *Gebre-Medhin J.* Peasants and Nationalism in Eritrea: A Critique of Ethiopian Studies. N.Y.: Red Sea Press, 1989. 220 p.
31. *Gellner E.* Nations and Nationalism. Cambridge: Cambridge University Press, 1983. 208 p.
32. *Lehning J.R.* Peasant and French: Cultural Contact in Rural France during the Nineteenth Century. Cambridge: Cambridge University Press, 1995. 254 p.
33. *Mallon F.E.* Peasant and Nation: The Making of Postcolonial Mexico and Peru. Berkeley: University of California Press, 2023. 498 p.
34. *Mandrou R.* De la culture populaire aux XVII et XVIII siècle: de la Bibliothèque bleue de Troyes. Paris: Stock, 1964. 222 p.
35. *Rogers E., Svenning L.* Modernization among peasants: the impact of communication. N.Y.: Holt, Rinehart and Winston, 1969. 429 p.
36. *Rychlik J.* Národ jako product sociální komunikace? Příspěvek ke komparaci českého a běloruského “modelu” // *Cesty k národnímu obrození: běloruský a český model. Sborník příspěvků z konference konané 4. – 6.7.2006 v Praze.* Praha: UK FHS, 2006. S. 29–40.
37. *Sabean D.* Peasant Voices and Bureaucratic Texts: Narrative Structure in Early Modern German Protocols // *Little Tools of Knowledge. Historical Essays on Academic and Bureaucratic Practices / ed. P. Becker, W. Clark.* Ann Arbor: The University of Michigan Press, 2001. P. 67–93.
38. *Shigeru Sato,* War, Nationalism and Peasants: Java Under the Japanese Occupation, 1942-45. L.; N.Y.: Routledge, 2015. 300 p.
39. *The Invention of Tradition / eds. E. Hobsbawm, T. Ranger.* Cambridge: Cambridge University Press, 1983. 324 p.
40. *Weber E.* Peasants into Frenchmen: the modernization of rural France, 1870–1914. Stanford: Stanford University Press, 1976. 615 p.

References

1. Bakhtin, M.M. (1965) *Tvorchestvo Fransua Rable i narodnaya kul'tura*

- srednevekov'ya i Renessans* [The Work of François Rabelais and the Folk Culture of the Middle Ages and Renaissance]. Moscow: Khudozhestvennaya literatura.
2. Bogatyrev, P.G. (2006a) *Funktsional'no-struktural'noe izuchenie fol'klora* [Functional-Structural Study of Folklore]. Moscow: A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences. pp. 108–117.
  3. Bogatyrev, P.G. (2006b) *Funktsional'no-struktural'noe izuchenie fol'klora* [Functional-Structural Study of Folklore]. Moscow: A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences. pp. 201–206.
  4. Bogatyrev, P.G. (2006c) *Funktsional'no-struktural'noe izuchenie fol'klora* [Functional-Structural Study of Folklore]. Moscow: A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences. pp. 74–79.
  5. Bogatyrev, P.G. (2006d) *Funktsional'no-struktural'noe izuchenie fol'klora* [Functional-Structural Study of Folklore]. Moscow: A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences. p. 93.
  6. Ginzburg, C. (2000) *Syr i chervi. Kartina mira odnogo mel'nika, zhivshego v XVI veke* [The Cheese and the Worms: The Cosmos of a Sixteenth-Century Miller]. Translated by M.L. Andreev & M.N. Arkhangel'skaya. Moscow: ROSSPEN.
  7. Hnatiuk, V. (1981a) *Vybrani statti pro narodnu tvorchist'. Na 110-richchya narodzhennya 1871–1981*. New York: NTSh. pp. 241–247.
  8. Hnatiuk, V. (1902a) *Halyt's'ko-rus'ki narodni lehendy*. Vol. 1. Lviv: NTSh.
  9. Hnatiuk, V. (1902b) *Halyt's'ko-rus'ki narodni lehendy*. Vol. 2. Lviv: NTSh.
  10. Hnatiuk, V. (1981b) *Vybrani statti pro narodnu tvorchist'. Na 110-richchya narodzhennya 1871–1981*. New York: NTSh. pp. 249–260.
  11. Hnatiuk, V. (1904) *Znadoby do halyt's'ko-rus'koyi demonol'ogiyi* [Materials for Galician-Rusyn Demonology]. Lviv: NTSh.
  12. Hnatiuk, V. (1905) Kolomyky [Kolomyikas]. *Etnohrafichnyy zbirnyk*. 17. pp. 3–43.
  13. Hnatiuk, V. (1899) Slovats'kyy opryshok Yanoshyk u narodniy poeziyi [The Slovak Oprishok Janosik in Folk Poetry]. *Zapysky NTSh*. 31–32. pp. 1–50.
  14. Hnatiuk, V. (1902) Uhrorus'ki dukhovni virshi [Hungarian-Rusyn Spiritual Verses]. *Zapysky NTSh*. 46(2). pp. 1–11.
  15. Hrytsak, Ya. (2019) *Narys istoriyi Ukrainy. Formuvannya modernoyi natsiyi XIX–XX stolittya* [An Outline of the History of Ukraine. The Formation of the Modern Nation in the 19th–20th Centuries]. Kiev: Yakaboo Publishing.
  16. Gurevich, A.Ya. (1990) *Srednevekovyy mir: kul'tura bezmolvstvuyushchego bol'shinstva* [The Medieval World: The Culture of the Silent Majority]. Moscow: Iskusstvo.
  17. Dronov, M. (2015) K voprosu o donatsional'noy etnicheskoy identichnosti rusinov Slovakii (XIX – nachalo XX vv.) [On the Question of the Pre-National Ethnic Identity of the Rusins of Slovakia (19th – Early 20th Centuries)]. *Is-toricheskyy format*. 2(2). pp. 125–139.

18. Kolessa, F. (1938) *Ukrayins'ka usna slovesnist'*. Lviv: Naklad fondu "Uchite-sya, braty moi".
19. Kondakov, I.V. (2017) Massovaya kul'tura: opyt teorii otnositel'nosti [Mass Culture: An Experiment in the Theory of Relativity]. *Observatoriya kul'tury*. 14(5). pp. 516–523. doi: 10.25281/2072-3156-2017-14-5-516-523
20. Anon. (1926) *Krest'yanskoe iskusstvo Severa. Ob iskusstvedcheskoy ekspeditsii na russkiy Sever* [Peasant Art of the North. On the Art History Expedition to the Russian North]. Leningrad: Academia.
21. Kudryavtsev, O.F. (2000) Karlo Ginzburg i ego kniga "Syr i chervi. Kartina mira odnogo mel'nika, zhivshego v XVI veke" [Carlo Ginzburg and His Book "The Cheese and the Worms: The Cosmos of a Sixteenth-Century Miller"]. In: Ginzburg, C. *Syr i chervi. Kartina mira odnogo mel'nika, zhivshego v XVI veke* [The Cheese and the Worms: The Cosmos of a Sixteenth-Century Miller]. Translated by M.L. Andreev & M.N. Arkhangelskaya. Moscow: ROSSPEN. pp. 5–28.
22. Lanovyk, Z.B. & Lanovyk, M.B. (2022) Understanding the multiculturalism of Eastern Europe in the folklore and ethnographic works of Volodymyr Hnatiuk about the Ugrian Rusins. *Rusin*. 67. pp. 342–360. doi: 10.17223/18572685/67/19
23. Lanovyk, Z.B., Lanovyk, M.B. & Kovalets, L.M. (2020) Ugrian Rusins in the works of Volodymyr Hnatiuk: The archeology of memory. *Rusyn*. 59. pp. 176–196. doi: 10.17223/18572685/59/10
24. Rozdolskyy, O. (1900) *Halyt's'ko-rus'ki narodni novely*. Lviv: NTSh.
25. Tarnovych, Yu. (1941) *Lemkivshchyna: material'na kul'tura* [Lemko Region: Material Culture]. Kraków: Ukrayins'ke Vydavnytstvo.
26. Skrypnyk, H. (ed.) (2013) *Ukrayintsi-rusyny: etnolinhvistychni ta etnokul'turni protsesy v istorychnomu rozvytku*. Kiev: National Academy of Sciences of Ukraine – International Association of Ukrainians – M.T. Rylsky Institute of Art Studies, Folkloristics and Ethnology.
27. Blum, J. (1978) *The End of the Old Order in Rural Europe*. Princeton, NJ: Princeton University Press.
28. Chaturvedi, V. (2007) *Peasant Pasts: History and Memory in Western India*. Berkeley: University of California Press.
29. Eideim, H. (1969) When Ethnic Identity is a Social Stigma. In: Barth, F. (ed.) *Ethnic Groups and Boundaries: The Social Organization of Culture Difference*. Bergen: Universitetsforlaget. pp. 39–57.
30. Gebre-Medhin, J. (1989) *Peasants and Nationalism in Eritrea: A Critique of Ethiopian Studies*. New York: Red Sea Press.
31. Gellner, E. (1983) *Nations and Nationalism*. Cambridge: Cambridge University Press.
32. Lehnig, J.R. (1995) *Peasant and French: Cultural Contact in Rural France during the Nineteenth Century*. Cambridge: Cambridge University Press.
33. Mallon, F.E. (2023) *Peasant and Nation: The Making of Postcolonial Mexico and Peru*. Berkeley: University of California Press.

34. Mandrou, R. (1964) *De la culture populaire aux XVIIe et XVIIIe siècle: de la Bibliothèque bleue de Troyes*. Paris: Stock.

35. Rogers, E. & Svenning, L. (1969) *Modernization among Peasants: The Impact of Communication*. New York: Holt, Rinehart and Winston.

36. Rychlik, J. (2006) Národ jako produkt sociální komunikace? Příspěvek ke komparaci českého a běloruského 'modelu' [Nation as a Product of Social Communication? A Contribution to the Comparison of the Czech and Belarussian "Model"]. In: *Cesty k národnímu obrození: běloruský a český model. Sborník příspěvků z konference konané 4.–6.7.2006 v Praze*. Prague: UK FHS. pp. 29–40.

37. Sabeau, D. (2001) Peasant Voices and Bureaucratic Texts: Narrative Structure in Early Modern German Protocols. In: Becker, P. & Clark, W. (eds) *Little Tools of Knowledge: Historical Essays on Academic and Bureaucratic Practices*. Ann Arbor: The University of Michigan Press. pp. 67–93.

38. Sato, S. (2015) *War, Nationalism and Peasants: Java Under the Japanese Occupation, 1942–1945*. London; New York: Routledge.

39. Hobsbawm, E. & Ranger, T. (eds) (1983) *The Invention of Tradition*. Cambridge: Cambridge University Press.

40. Weber, E. (1976) *Peasants into Frenchmen: The Modernization of Rural France, 1870–1914*. Stanford: Stanford University Press.

Кирчанів Максим Валерійович – доктор історичних наук, доцент, Воронежський державний університет (Росія).

Кирчанов Максим Валерьевич – доктор исторических наук, доцент, Воронежский государственный университет (Россия).

Maksym W. Kyrchanoff – Voronezh State University (Russia).

E-mail: maksym_kyrchanoff@hotmail.com

УДК 94(437)(329)“1919-1939”

UDC

DOI: 10.17223/18572685/82/15

Антропологические исследования русинов в период Чехословацкой Республики и их научное наследие

П. Лозовиук¹, К.В. Шевченко²

¹ Западночешский университет в Пльзене
Чехия, 30614, Пльзень, ул. Седлачкова, 15
E-mail: lozoviuk@ff.zcu.cz

² Филиал Российского государственного социального университета в г. Минске
Беларусь, 220107, Минск, ул. Народная, 21
E-mail: shevchenkok@hotmail.com

Авторское резюме

После образования Чехословацкой Республики, параллельно с государственно-правовым включением бывшей Угорской Руси в её состав, с начала 1920-х гг. здесь начались интенсивные исследования в области социальных наук, которые продолжались на протяжении всего периода существования так называемой Первой Республики (1918–1938 гг.). Их целью являлось выявление преобладающих исторических, экономических, социальных и культурных условий, в значительной мере отличавшихся от западных частей государства. В то время как чешские этнографы занимались регистрацией и изучением традиционной (народной) культуры местных популяций, прежде всего карпатских русинов, антропологи сосредоточивались на исследовании карпаторусского населения с точки зрения его физических характеристик. В отличие от работ чешских этнографов, посвящённых жителям Подкарпатской Руси и их культуре, являющихся относительно известными, исследования в области физической антропологии до недавнего времени не привлекали должного внимания. Представлен вклад Войтеха Сука, одного из наиболее значимых чешских физических антропологов XX в., в научную рефлексию славянских популяций бывшей Подкарпатской Руси, а также полемика с некоторыми недавними интерпретациями антропологических исследований, проводившихся в самой восточной части межвоенной Чехословакии.

Ключевые слова: Подкарпатская Русь, биологическая антропология, русины, Войтех Сук

Anthropological research on the Rusins during the Czechoslovak Republic period and their scholarly legacy

Petr Lozoviuk¹, Kirill V. Shevchenko²

¹ University of West Bohemia

15 Sedlackova Street, Plzen, 30614, Czech Republic

E-mail: lozoviuk@ff.zcu.cz

² Branch of Russian State Social University in Minsk

21 Narodnaya Street, Minsk, 220107, Belarus

E-mail: shevchenkok@hotmail.com

Abstract

Following the establishment of the Czechoslovak Republic, intensive social science research was launched in the early 1920s in the newly integrated territory of former Subcarpathian Rus' (Uherská Rus) and continued throughout the so-called First Republic (1918–1938). This research aimed to identify the predominant historical, economic, social, and cultural conditions in the region, that significantly diverged from those in the western parts of the state. While Czech ethnographers focused primarily on documenting and studying the traditional (folk) culture of the local populations—particularly the Rusins—physical anthropologists concentrated on investigating the biological characteristics of the Carpatho-Rusin population. While the works of Czech ethnographers focusing on the inhabitants of Subcarpathian Rus and their culture are relatively well-known, research conducted in the field of physical anthropology was not until recently. The primary objective of this study is to present the contribution of Vojtěch Suk, a pre-eminent Czech physical anthropologist of the 20th century, to the scholarly understanding of the Slavic populations of former Subcarpathian Rus'. A second aim is to critically reassess certain recent interpretations of the anthropological surveys carried out in the easternmost territory of interwar Czechoslovakia.

Keywords: Subcarpathian Rus, biological anthropology, Rusins, Vojtěch Suk

Введение: чешский научный интерес к русинам

На Парижской мирной конференции после завершения Первой мировой войны державы-победительницы постановили, что для будущего обустройства Центрально-Восточной Европы наиболее релевантным является присоединение территории бывшей Угорской

Руси к вновь образованной Чехословацкой Республике (ЧСР). Наряду с государственно-правовой интеграцией этой самой восточной части молодого государства – уже под наименованием Подкарпатская Русь – в начале 1920-х гг. было положено начало интенсивному социально-научному исследованию, которое впоследствии проводилось на протяжении всего периода существования так называемой Первой Республики (1918–1938 гг.). Его задачей являлась идентификация преобладающих исторических, экономических, социальных и культурных реалий, которые в значительной мере отличались от соответствующих условий в западных частях государства.

Этнографические и антропологические изыскания в Подкарпатской Руси вылились в ряд доныне актуальных научных трудов и монографий¹ [1]. Они имели ярко выраженный междисциплинарный характер и нередко включали международный аспект, например, при изучении проблематики расселения или феномена высокогорного пастушества (отгонного животноводства). Этнографические/этнологические исследования первоначально ориентировались на изучение традиционной культуры, обычаев и обрядов различных этнических групп, проживающих в Подкарпатской Руси; таковыми являлись этнографические группы русинов, а также евреи, карпатские немцы, в меньшей степени венгры или румыны. Финансовую поддержку и исследовательскую базу для этой деятельности предоставлял, к примеру, «Совет по исследованию Словакии и Подкарпатской Руси», действовавший в рамках пражского Славянского института. Важную роль также играла «Славянская комиссия по исследованию пастушества в Карпатах и на Балканах», учреждённая на основании решений I Съезда славянских географов и этнографов в Праге в 1924 г. (ср. например: [27]). В то время как этнографы во главе с Любором Нидерле, Карелом Хотеком, Яном Гусеком, Амалией Кожминовой и Петром Богатыревым занимались регистрацией и изучением традиционной (народной) культуры местных популяций, прежде всего русинов, чешские антропологи фокусировались на изучении карпатурского населения с точки зрения его физических характеристик.

Труды чешских этнографов, посвященные жителям Подкарпатской Руси и их культуре, являются относительно известными, однако в отношении изысканий в области физической антропологии это до недавнего времени не соответствовало действительности. Лишь в последние годы внимание было обращено на эти работы, причем как самими чехами, так и на международном уровне. К сожалению, это внимание – как будет аргументировано далее – нередко проявляется в сильной дезинтерпретации. Целью данной статьи является представление вклада Войтеха Сука, одного из наиболее

выдающихся чешских физических антропологов XX в., в научную рефлексию славянских популяций бывшей Подкарпатской Руси. Второй замысел представленного текста заключается в полемике с модными в настоящее время (дез)интерпретациями антропологических исследований, проводившихся в самой восточной части межвоенной Чехословакии.

Войтех Сук и физическая антропология в чешских землях

Основателем академической отрасли физической антропологии в чешских землях стал врач и антрополог Индржих Матигка – друг и последователь выдающегося слависта, археолога, этнолога и антрополога Любора Нидерле². Матигка защитил диссертацию в чешском Карло-Фердинандовом университете в 1897 г., в 1908 г. был назначен экстраординарным профессором антропологии и демографии на философском факультете того же учреждения, а в сентябре 1918 г. удостоился звания ординарного профессора [4: 287]. В ходе своей деятельности в академической среде он совместно с коллективом сотрудников способствовал основанию важных антропологических учреждений – Института по исследованию развития ребенка и Педологического института столицы Праги (1910). В 1920 г. Матигка заложил основы Антропологического института на вновь учрежденном естественнонаучном факультете Карлова университета, а в 1923 г. основал и до самой своей смерти редактировал специализированный журнал *Anthropologie*³. На протяжении своей профессиональной деятельности он стал автором множества значимых монографий и воспитал ряд учеников, среди которых выделялись антропологи и врачи Йиржи Малы и Войтех Сук.

Хотя антропологическим изучением карпаторусской популяции различной этнической принадлежности занимался также Йиржи Малы (ср. например: [15]), обширными изысканиями в Подкарпатской Руси в межвоенный период прославился прежде всего второй из упомянутых антропологов. Войтех Сук изучал естественные науки и медицину в университетах Праги, Цюриха и Болоньи, где недолгое время также работал ассистентом. В 1919 г. он стал доцентом по антропологии и этнологии на пражском естественнонаучном факультете. Четыре года спустя (1923 г.) он был призван в качестве экстраординарного профессора (физической) антропологии и этнологии на Естественнонаучный факультет Университета Масарика в Брно. Там же в том же году он основал Антропологический институт, а в 1929 г. был назначен ординарным профессором, при этом в 1932–1933 гг. также занимал должность декана [3: 212].

После закрытия чешских высших учебных заведений в 1939 г. Сук был вынужден работать врачом в провинциальном восточно-чешском городе Двур-Кралове. После войны он сам признавал, что в течение этого периода «подвергался преследованиям гестапо» [14: 27; 13]. По окончании Второй мировой войны он вернулся в Брненский университет, где и скончался в 1967 г. Он ушел из жизни в качестве заслуженного профессора антропологии и этнологии Университета в Брно, соучредителя и почетного члена бывшей Чехословацкой антропологической компании, члена бывшей Королевской чешской ученой компании в Праге и бывшей Моравско-Силезской академии естественных наук в Брно. Из учёных сообществ, членом которых он являлся, можно ещё упомянуть Società Romana di Antropologia в Риме, Royal Anthropological Institute в Лондоне, American Anthropological Association в США, Institut International d'Anthropologie в Париже и Society for Advance of Sciences в Лондоне [14: 31].

Для Войтеха Сука антропология была наукой, занимающейся изучением человека, его телесными свойствами, а также психическими и культурными проявлениями, его развитием и положением в природе и в мире. В данном концепте человек (антропос) и человечество в целом должны были, по его мнению, изучаться как с диахронической, так и с синхронической точки зрения. Концепция физической антропологии Войтеха Сука характеризовалась его холистическим подходом и ярко выраженной антирасистской направленностью (см. далее). Хотя Сук преимущественно являлся сторонником антропологии как биологии человека, это не препятствовало ему распространить данный предмет исследовательского интереса и на этнокультурное измерение. Он воспринимал человека как биокультурную личность, в развитии которой участвовала не только биологическая эволюция, но и адаптационное влияние культуры. Его первые научные экспедиции были направлены в 1910–1912 гг. в Южную Европу, где он исколесил Истрию, Далмацию и некоторые области Италии. В последующие годы (1913–1914 гг.) он совершил научные поездки в Африку, где проводил исследования среди масаев и племён банту и койсанских племен⁴. В двадцатых годах (1926–1927 гг.) последовали экспедиции в Канаду, где он пребывал среди эскимосского и индейского населения на Ньюфаундленде и Лабрадоре. К его значимому исследовательскому полю в межвоенный период относилась и область Подкарпатской Руси.

Изыскания Сука на Подкарпатской Руси

К изучению населения Подкарпатской Руси Сука привел один из его научных руководителей, профессор Любор Нидерле, который указал ему на изолированность и относительную периферийность

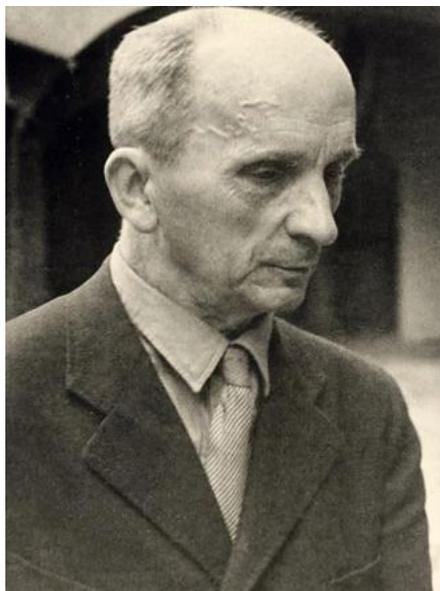
тамошних популяций. Русинское население представляло для Сука интересный и до тех пор неизученный пример «смешения европейских 'племен'» [22: 4]. Несмотря на то что Подкарпатская Русь, по его мнению, относилась с географической точки зрения к Центральной Европе, ее население выявляло с культурной точки зрения выраженные «восточные» признаки [22: 6]. Русины (которых он, однако, последовательно обозначал этнонимом «русские») «в своих обычаях и всей своей жизни проявляют с точки зрения фольклора множество признаков древности, они достаточно своеобразны во всем своем душевном складе, но своеобразны только относительно остального средневропейского уровня, поскольку в ином случае очевидно, что духовная жизнь человеческих групп в любых частях света не демонстрирует принципиальных различий, что является этнологическим доказательством единства человечества» [22: 7].

На Подкарпатскую Русь Сук предпринял в общей сложности пять учебных поездок в 1920, 1930, 1933, 1935–1936 гг. (ср. например: [12: 67; 14: 28]), в ходе которых реализовал актуальный для того времени формат антропометрических измерений этнографических групп русинов и других местных этнических групп. В течение зимы 1935–1936 гг. он даже исполнял обязанности окружного врача в селе Люта [29: 65]. Чаще всего Сук проводил классические антропометрические измерения и обширные медицинские и социальные обследования. Речь шла, например, об измерении роста, длины и ширины головы, высоты и ширины лица, длины и ширины носа, регистрации пигментации (кожи, волос, глаз) и состояния зубного ряда, изготовлении гипсовых слепков лиц с учетом их типа, проведении врачебных и социальных экспертиз, изучении состояния щитовидной железы (распространенности зоба) и создании богатой фотодокументации. Как врач он стремился завоевать доверие местных жителей путем предоставления медицинских услуг, чем хотел обеспечить их готовность к сотрудничеству в ходе антропологических и этнологических наблюдений⁵.

Результаты своей обширной полевой работы Сук публиковал в отечественной и зарубежной специализированной печати. Междисциплинарный охват текстов Сука очевиден из того факта, что некоторые из его публикаций имели скорее этнографический, демографический⁶ либо явно медицинский характер. К примеру, отношению между рационом питания и болезнями у населения Подкарпатской Руси была посвящена опубликованная на английском языке статья «Капуста и зоб на Подкарпатской Руси» [20], в которой Сук сосредоточился на эндемическом распространении зоба. Сук отметил, что в некоторых отдаленных селах на подкарпатской Верховине множество бедных

семей в зимние месяцы потребляют большое количество капусты. Ежедневное количество составляло около полукилограмма на человека, причем капуста во многих случаях являлась основным элементом рациона на протяжении нескольких месяцев (ср.: [20]). Хотя этиология зоба, по мнению Сука, не является унифицированной, он был убежден, что нельзя игнорировать значительное совпадение между его собственными находками на подкарпатской Верховине и заключениями, к которым в Индии пришел врач ирландского происхождения Роберт Маккарисон. В обоих случаях выяснилась очевидная связь между употреблением большого количества вареной квашеной капусты и возникновением зоба. В связи с этим Сук пришел к заключению, что данное заболевание у карпаторусских горцев вызвано, помимо прочего, также чрезмерной «капустной» диетой в зимние месяцы.

В другом исследовании 1923 г. Сук высказался относительно демографии подкарпатских гуцулов, при этом он особо интересовался популяционными последствиями Первой мировой войны для местного населения. Сук детально проанализировал статистические

Войтех Сук (1879–1967)

Источник: prof.MUDr. et PhDr. Vojtěch Suk, DrSc (<https://encyklopedie.brna.cz/home-mmb/?acc=profil-osobnosti&load=4121> (дата обращения: 14.10.2025).

данные греко-католического прихода в Ясине, констатировав крайне высокую неграмотность (78,8 %), которую он приписывал прежней венгерской политике, подавлявшей школы на славянском языке. Ключевые выводы исследования касались резкого падения рождаемости и вступления в брак в военные годы (до 50 %), что Сук объяснял длительным отсутствием мужчин и присутствием иностранных армий. Исследование также акцентировало тревожно высокий уровень смертности младенцев и детей в возрасте до пяти лет, что, по мнению Сука, наряду с низким культурным уровнем и недостаточным медицинским обслуживанием, «изобличало» предыдущую венгерскую администрацию в тотальном пренебрежении регионом (ср. [19]).

Общественное влияние имели научно-популярные статьи Сука, которые выходили в чешской и карпаторусской прессе (ср. [21, 23, 24]). Однако фундаментальное значение имели его исследования в области физической антропологии. В качестве примера будет взята более обширная работа 1932 г., в которой Сук обобщал свои изыскания по результатам поездки на Подкарпатскую Русь, предпринятой им двумя годами ранее. Данное исследование было финансово поддержано чехословацким Министерством просвещения и национального образования, далее – пражским Славянским институтом, а именно Советом по исследованию Словакии и Подкарпатской Руси, Кураторием фондов Грдлички и Академией труда Масарика. Средства, предоставленные этими учреждениями, как отметил Сук, тем не менее, не были достаточными для покрытия «исследования, охватывающего столь обширную область, и поэтому немалую часть я оплатил из собственных средств» [22: 20].

Вторая научная экспедиция на Подкарпатскую Русь, на выводах которой основывался упомянутый «предварительный» научный отчёт, продолжалась, по собственным словам Сука, четыре месяца. Антропологическому, серологическому и врачебному обследованию в ходе неё было подвергнуто около 1 800 человек из различных частей Подкарпатья [22: 3]. На протяжении всего периода проведения изысканий Сук со своими сотрудниками был «вынужден довольствоваться полевым лагерем» и подвергался воздействию целого ряда практических трудностей. «Мы намеренно избегали всех крупных центров, принципиально посещая только малые деревни и разбросанные хижины, чтобы войти в контакт по возможности с тем населением, о котором мы могли предполагать, что оно антропологически свободно от многочисленных чужеродных элементов» [22: 4].

Исследователи целенаправленно сосредоточили свое внимание на жителях гор, поскольку предполагали, что у них «проявится больше исконных компонентов, нежели на юге, в низменных областях, где возможность смешения гораздо больше и где вмешательство чужеродных этнографических элементов привносит, в свою очередь, новые соматические элементы, что ведет к неразличимой путанице признаков и полностью исключает какую-либо разумную антропологическую диагностику... При наблюдении, – продолжал далее Сук, – я был, прежде всего, руководим идеей искать по возможности чистые типы, которые несли бы все главные признаки определенных 'племен'⁷, предполагая, что такие, по возможности, чистые типы всегда указывают нам на некий изначальный очаг, откуда они потом распространялись, постепенно смешиваясь» [22: 4].

С позиции физической антропологии Сук пришел к заключению, что в русинской популяции можно идентифицировать две основные группы: восточную группу, «так называемых гуцулов»⁸, и живущих западнее гуцульской области «остальных русских», антропологический тип которых был представлен в оставшейся части страны [22: 9]. Эти территории географически отделены друг от друга, различаются этнографически и лингвистически, а их население отличается друг от друга и соматически. Представители первой группы, которую Сук обозначил буквой «D» (см. рис. 1), по его заключениям, «во многом сильно отличаются от оставшейся части подкарпатского (славянского) населения, их диалект иной, костюм гораздо богаче и более проработан, а также телесно они демонстрируют значительные различия» [22: 12]. По мнению Сука, речь идет об интересном «неустановившемся племенном типе», среди признаков которого числятся темные глаза, волосы и более темная кожа, «достаточно высокий рост», брахицефальная голова, продолговатое лицо, выразительный нос, «обыкновенно прямой либо даже выпуклый». На основании этих антропометрических характеристик Сук пришел к убеждению, что данная популяция в тенденции представляет «динарский» тип. В адрес гуцулов он еще добавил примечание, что речь идет о населении, «в целом очень здоровом» [22: 13].

Вторую зону, занимающую остаток территории Подкарпатской Руси, он обозначил буквой L. «Когда мы после длительного перехода через дебри попали в эту область, мы с первого взгляда увидели, что население этих краев имеет несколько иной характер, не только своим диалектом, своим костюмом, уровнем культуры, но также, и это, разумеется, было для нас самым важным, соматически. В целом эти русские <...> в отличие от гуцулов, намного беднее, их рабочая и праздничная одежда проще, рацион питания скуднее, а общий культурный уровень ниже» [22: 14]. Также с соматической точки зрения он идентифицировал несколько различий, особенно в области лица, пигментации, относительно роста и комплекса. Он также охарактеризовал их состояние здоровья как худшее, что проиллюстрировал повышенным распространением туберкулеза, зоба или «эндемического кретинизма» [22: 14–15]. В случае русинских групп, обозначенных Суком буквой L, с антропологической точки зрения речь идет об «общем, недостаточно выраженном типе, который ближе всего можно было бы, пожалуй, обозначить как 'альпийский' тип», в рамках которого можно также идентифицировать наличие «особых типов, так называемых лапоноидных» [22: 18]. На основании приведенных заключений Сук высказал тезис, что славянское население Подкарпатской Руси, говорящее, по существу, на одном и том же родном языке, с соматической точки зрения состоит из «двух

важных типологических компонентов, которые явно указывают на различное происхождение» [22: 16].

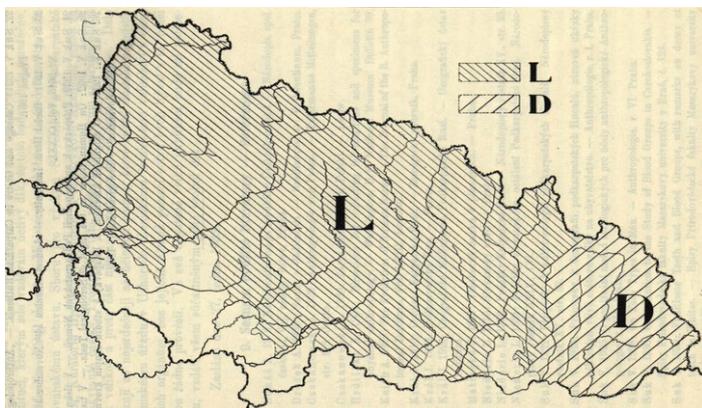

Рис. 1. Карта Подкарпатской Руси Войтеха Сука с обозначением зон согласно соматическим характеристикам русинского населения.

Источник: [22: 22].

Современная (дез)интерпретация научного наследия Сука

Вклад Войтеха Сука в развитие физической антропологии до недавнего времени оценивался исключительно положительно. Научным наследием профессора Сука, помимо прочих, занимался и один из его брненских учеников, анатом и антрополог Милан Докладал, который многие идеи Сука охарактеризовал буквально как новаторские. Некоторые из них, по его мнению, даже опередили свое время на несколько десятков лет [14: 32]. К ним относилась новая концепция антропологии, которую Сук воспринимал как целостную и междисциплинарную отрасль, далее – новаторство в области школьной гигиены, но прежде всего Сук был охарактеризован как «бесстрашный борец за равноправие человеческих племен». Эти оценки подчеркнули тот факт, что его труд и общее наследие были «оценены исключительно позитивно» (ср. например: [10]). Аналогичных положительных оценок вклада Сука в антропологию можно было бы привести множество (ср. [16]). Их авторы подчеркивали не только научный и педагогический вклад Сука, но и общегуманистическую направленность всей его деятельности, которая, среди прочего, заключалась в его отрицании ценностного деления человечества на расы и в убеждении, что ни одна группа людей не превосходит другую.

Сук категорически отрицал мнение, что определенные телесные признаки, которые являлись предметом изучения биологической ан-

тропологии, свидетельствуют о меньшей или большей «ценности» их носителей. Поэтому он решительно критиковал современные взгляды национал-социалистической Rassenkunde (расологии), которую он называл «туманной верой», поскольку «никто в мире не доказал, что определенные телесные признаки наследуются таким образом, чтобы от них зависели и определенные душевные свойства, и что, напротив, слишком много сомнений в том, имеют ли вообще все эти учения какую-либо научную ценность» [25: 18]. Продвижение равноправия человеческих популяций (хотя в современной ему терминологии он порой употреблял термин «раса»⁹) и строгое отрицание расистских теорий было ключевой чертой его работы. По этой причине он в своих исследованиях занимался, прежде всего, серологическими и гематологическими изысканиями человеческих популяций с целью научно опровергнуть теории о высших и низших расах. На основании чтения текстов Сука межвоенного периода можно однозначно утверждать, что он был бесстрашным борцом против расовой дискриминации, что, к примеру, подтверждает его труд «Равноценность европейских племён» 1934 г. [24]. Аналогично в опубликованной четыре года спустя на чешском и параллельно на немецком языках публикации с провокационным названием «Дикари в Центральной Европе: Миф расистов о нас...» он очень резко критиковал идеологию нацистской Германии, построенную на расистских аксиомах (ср. например: [25]). Эта убежденность накануне Второй мировой войны была не только актуальной, но и свидетельствовала о немалой личной смелости. В конце концов, из-за своих взглядов на равенство человеческих рас он во время оккупации находился под следствием Гестапо [29: 19].

Тем более удивительным представляется тот факт, что в последние несколько лет начинают появляться тексты преимущественно молодых студентов-гуманитариев и учёных, которые радикально иным образом интерпретируют труды Сука и его научное наследие. Характерно, что эти оценки появляются параллельно с проникновением так называемой постколониальной теории в чешскую среду и что это происходит исключительно с позиций социальных наук, т. е. не с точки зрения его основной специализации, которой являлась биологическая антропология. Контекстуализация Центрально-Восточной Европы, т. е. области, исторически находящейся вне традиционных колониальных рамок, осуществляется в основном посредством двух аргументов. Первый состоит в отсылке к её предполагаемому прежнему участию в так называемой треугольной торговле (triangular trade). Последняя происходила между европейскими колониальными державами и их заморскими доминионами, однако определённая доля участия в ней приписывается и всем остальным «цивилизованным» народам. По

этой причине утверждается, что «даже чешские земли <...> не были исключены из глобальной культуры колониализма» [11: 595].

Второй аргумент в вопросе чешских земель касается ссылки на так называемую внутреннюю колонизацию этнически разнородных территорий межвоенной Чехословакии, когда чехи выступали в качестве активных участников «имперской гегемонии», которой было обозначено чехословацкое государство. Эта интерпретация внутригосударственных отношений в Чехословакии в определенном смысле могла бы быть признана обоснованной ввиду подхода к немецкому и венгерскому населению¹⁰. Однако она представляется совершенно неадекватной в связи с фигурой Войтеха Сука. Относительно способа обращения с наследием Сука в постколониальной теории очевидно стремление интерпретировать В. Сука как представителя западной гегемонии, как репрезентанта империи, подавляющего колониальный субъект. Имманентной частью этого интеллектуального дискурса является акцент на угнетении, имеющем расистский характер. Вероятно, по этой причине в данных текстах можно обнаружить повторяющееся обвинение Сука в том, что его работы были тесно связаны с современными евгеническими и расовыми теориями (ср. например: [6]).

В данном контексте невозможно уделить особое внимание всем возражениям, которые были высказаны в адрес Войтеха Сука в последние несколько лет в ряде отечественных и зарубежных исследований (ср. например: [2; 5–8; 17]). Поэтому мы ограничимся лишь некоторыми аспектами, которые здесь прозвучали в связи с «антропологическими проектами» Сука в Подкарпатской Руси. Они, по мнению одного из критиков, выявляют «явные колониальные связи», поскольку Сук занимался там снятием лицевых масок и «экспериментировал также с новейшими исследовательскими трендами, такими как забор и анализ образцов крови местного населения. В обоих случаях речь шла о процедурах, которые были затратными как по времени, так и в других отношениях, и в исторических землях их было бы заметно труднее проводить¹¹. Важную роль здесь, следовательно, сыграло применение авторитета и определенный властно несбалансированный обмен. Сук в качестве ответной услуги за участие в исследованиях предоставлял медицинскую помощь, которая в ином случае была недоступна для региона» [6: 172].

Другая претензия направлена на предполагаемое «рассуждение Сука о неравенстве» изучаемых групп населения Подкарпатской Руси и их иерархизацию, которая «была связана <...> с различием их соматических типов» и «очевидно основывалась на представлении о цивилизационных ступенях, связанных прежде всего с нормативными концептами здоровья и физической подготовки» [6: 174–175].

К примеру, Филип Герза выводил из гипотетического тезиса Сука о существовании связи между чрезмерным потреблением квашеной капусты и распространением проблем с щитовидной железой среди русинского населения, заключение, что Сук ассоциировал с «русинской этничностью» отсталость, болезни или даже, что «возможно, она сама (“русинская этничность”) могла быть им прямо обозначена как патологическая». Суку также вменяется в вину, что его знания о подкарпатурском населении предположительно находили «восприимчивых читателей» в «канцеляриях министерств и местной администрации», т. е. там, где «впоследствии принимались решения о цивилизационных и модернизационных интервенциях в жизнь местного населения» [6: 174–175]. Вся его межвоенная деятельность, таким образом, предположительно способствовала национальному и расовому национализму и тем самым предвосхитила «наступление различных авторитарных форм правления при Протекторате и впоследствии, во время Третьей (Чехословацкой) Республики, плавно переходящее и в государственный социализм» [6: 162, 170].

Решительным критиком Сука является австрийская исследовательница Виктория Шмидт, которая недавно посвятила личности и труду Сука обширное исследование, в котором продвинулась в целом ряде аспектов еще дальше, чем ее коллеги. Она стремится представить Сука как однозначно «расово мыслящего ученого», чьи «взгляды на взаимосвязь между примитивизмом, небелой расой и патологией нашли отклик в формировании нескольких поколений антропологов». Своей концепцией антропологии и изысканиями он предположительно «пропагандировал и фактически закрепил расовую иерархию среди населения на европейском континенте и за его пределами» [28: 108]. В период государственного социализма этот подход, по ее словам, помимо прочего привел к «расовой» дискриминации чехословацких цыган и других маргинализированных групп. Этой проблематике Шмидт посвятила объемную диссертационную работу [28], которую намеревалась защитить на Факультете социальных исследований Университета Масарика (Брно, ЧР) по специальности «социология». Характерно, что по причине общей недостаточности и идеологической предвзятости эта работа была отклонена и вся процедура получения хабилитации была остановлена летом 2021 г.

Материалы к процедуре хабилитации доступны для ознакомления на интернет-страницах упомянутого факультета¹². С точки зрения способа «научной» работы этого автора и, как можно предполагать, других сторонников постмодернистских парадигм в социальных науках очень интересно ознакомиться с тремя экспертными отзывами, которые были составлены на ее труд. Все они однозначно отрицатель-

ные, причем критика их авторов направлена как на содержательные неточности, так и на ляпы в области теории и методологии. В одном из них, например, можно прочесть, что «автор часто неконкретна и излишне метафорична, а иногда, наоборот, слишком однозначна в суждениях <...> Необходимо отметить, что во многих местах <...> она допускает фактические ошибки <...> пишет хаотично, порой слишком неконкретно, в другое время же использует слишком однозначные и ценностно окрашенные понятия и высказывает однозначные и недостаточно обоснованные суждения»¹³. В другом отзыве утверждается, что Шмидт «допустила ряд ложных или сокращенных обобщений, вытекающих из незнания более широкого контекста». И здесь констатируется «теоретическая неукорененность и концептуальная неоднозначность» представленного текста, которая «не позволяет оценить адекватность ряда более общих утверждений»¹⁴.

Заключение

Свидетельствует ли представленное выше стремление к переоценке значения личности и труда Войтеха Сука и, возможно, других чешских антропологов того времени, о чем-то интерсубъективно значимом? Является ли это академической формой общей «текучести» и безбрежной неоднозначности современного западного мышления? Изыскания Сука межвоенного периода, разумеется, не могли проходить иначе, чем в духе общепринятых в то время научных параметров, другими словами, в рамках доминирующей тогда парадигмы (ср. например.: [26]). В качестве цели и смысла антропологического исследования Сук обозначил «установление того, каким особым типом характеризуется изучаемая область» [22: 19]. Однако В. Сук посредством своих исследований в Подкарпатской Руси преследовал существенно более широкий исследовательский контекст. Зарегистрированные данные из русинской среды он воспринимал как один из источников для более широкого анализа изучения «племен человеческих в Европе и всех человеческих (племен) вообще» [22: 18]. То есть его целью было общее постижение «биологии человеческих племен», которая должна была преодолеть морфологию, т. е. данные, установленные «простым измерением» [22: 13].

Как уже было сказано, Войтех Сук в ходе своей педагогической и научной деятельности относился однозначно критически к расистским теориям и выступал за равенство всех людей. Для его публичных и научных выступлений была характерна приверженность идеалам гуманизма, что в 30-х гг. выражалось в его предостережении от последствий нацизма в Европе, которое встречается в его текстах.

В Подкарпатской Руси Сука изучал местное население комплексным, междисциплинарным способом, соединяющим физическую антропологию, медицину, демографию и этнографию. Его замыслом было сосредоточиться на изучении по возможности относительно изолированной популяции, так называемых чистых типов, у которых он предполагал сохранение главных физических признаков и черт¹⁵.

От этого подхода он ожидал нахождения «очага», откуда эти соматические типы распространялись. Межвоенные изыскания Сука в Подкарпатской Руси проводились в контексте его других научных экспедиций, которые завели его, например, на Лабрадор, благодаря чему он мог сравнивать результаты своих исследований, например, у эскимосов с популяциями Центральной Европы. Эти компарации являлись частью более широкого сравнительного изучения человеческих популяций.

Исследовательская деятельность Войтеха Сука, таким образом, фокусировалась на общем описании и компаративном анализе физических характеристик и социокультурных черт дивергентных этнических групп в разных частях света. Антропологическое исследование в то время ставило целью способствовать познанию и классификации человеческого физического разнообразия. До сих пор не было представлено прямого доказательства, что изыскания Сука в Подкарпатской Руси использовались для целей государственного управления с умыслом их последующего политического злоупотребления. При этом научный замысел В. Сука был совершенно противоположным – он стремился к улучшению условий жизни жителей этой самой восточной части ЧСР и желал увеличить информированность о данном регионе среди чешской профессиональной и широкой общественности. Первостепенной целью Сука являлось само по себе научное познание. Недавние попытки переоценки научного наследия Войтеха Сука, осуществляемые в парадигмальных рамках так называемых постколониальных исследований, таким образом, представляются идеологически мотивированным примером неадекватной интерпретации.

Примечания

1. Этнографический материал по Подкарпатской Руси был также включен в обобщающие труды, репрезентирующие науку нового государства, как, например, «Чехословацкое краеведение» («Československá vlastivěda»), выходившее в 1929–1937 гг.

2. Нидерле получил международную известность прежде всего как автор монументального труда под названием «Славянские древности».

3. Журнал выходил в свет в 1923–1941 гг.; в послевоенный период был возобновлен в 1962 г.

4. Эти исследовательские поездки были предприняты по инициативе чехоамериканца профессора Алеша Грдлички из Национального музея в Вашингтоне с целью исследования коренных народов в их естественных условиях и сравнения их с состоянием афроамериканцев в США.

5. Эту медицинскую помощь во время поездок Сук, по его собственным словам, оказывал «охотно и бесплатно».

6. Демографию и этнографию Сук рассматривал как важные составляющие антропологического исследования.

7. Под такими «племенами» на Подкарпатской Руси Сук подразумевал отдельные этнографические группы русинов, каковыми являлись прежде всего гуцулы, бойки, лемки и верховинцы.

8. Сук, однако, отмечает, что сами люди это обозначение используют крайне редко [22: 12].

9. Однако он последовательно помещал этот термин в кавычки, чем одновременно сигнализировал о своем отчуждении от его использования в научном дискурсе.

10. К примеру, в связи с реализацией земельной реформы в начале 20-х гг. XX в.

11. Это утверждение, однако, не соответствует действительности: аналогично антропологическому исследованию подверглись все национальные и этнические группы, проживавшие тогда на территории ЧСР. Результаты этих исследований были опубликованы в «Чехословацком краеведении» (ср. например: [9]) и в ряде других изданий (ср. например: [14: 156–157]).

12. Информация о ходе всего производства доступна для ознакомления по адресу: <https://www.muni.cz/lide/320753-victoria-shmidt/kvalifikace> (дата обращения: 12.10.2025).

13. Источник: <https://www.muni.cz/inet-doc/1418119> (дата обращения: 12.10.2025).

14. Источник: <https://www.muni.cz/inet-doc/1418119> (дата обращения: 12.10.2025).

15. С формальной точки зрения речь шла об аналогичном теоретическом предположении, как и в случае современной формы этнографии, фокусирующейся на изучении этнических анклавов (Sprachinselvolkskunde). Эти исследователи также были убеждены, что в среде относительно изолированных «языковых островов» можно обнаружить уникальные эмпирические данные, а именно – архаические культурные формы (см.: [1]).

ЛИТЕРАТУРА

1. *Лозовюк П.* Между наукой и идеологией. История немецкоязычной этнографии чешских земель // Вестник Санкт-Петербургского университета. 2020. История. Т. 65, вып. 4. С. 1162–1185.

2. *Balogun B., Křížová M.* The varieties of European colonialism in Central and Eastern Europe: The Polish and the Czech cases // Interventions. International Journal of Postcolonial Studies. 2025. № 27:2. S. 185–203.

3. *Brouček S., Jeřábek R.* (eds.) Národopisná encyklopedie Čech, Moravy a Slezska, 1. svazek. 2007. S. 211–212.

4. *Havránek J.* (ed.) Dějiny Univerzity Karlovy 1802–1918. Sv. 1. III. Praha, 1997.

5. *Herza F.* Colonial Exceptionalism: Post-colonial Scholarship and Race in Czech and Slovak Historiography // Slovenský národopis. 2020. № 68 (2). S. 175–187.

6. *Herza F.* Ne/rovnocennost evropských plemen a cesty k autoritativním formám vládnutí: Jindřich Matiega, Jiří Malý a Vojtěch Suk v meziválečných diskuzích o rasách, národech a eugenicе // Ducháček, M. et al. Za rovnocennost evropských plemen: československá antropologie tváří v tvář rasismu a nacismu. Praha, 2023. S. 159–185.

7. *Herza F.* Colonial Czechoslovakia? Overseas and Internal Colonization in the Interwar Czechoslovak Republic // Interventions. International Journal of Postcolonial Studies. 2024. № 26:2. S. 338–361.

8. *Holubec S.* Mezi slovanskou vzájemností a orientalismem. České zobrazování Podkarpatské Rusi a jejích obyvatel v publicistice dvacátých let minulého století // Soudobé dějiny. 2016. XXIII/4. S. 529–562.

9. *Horák J., Matiegka J., Weigner K.* (eds.). Československá vlastivěda. Praha, 1933. Díl 2. Člověk.

10. *Hrubá R., Kopecký M.* Stručný přehled antropologie v českých zemích od 16. století do roku 1935 // Florence. Odborný časopis pro nelékařské zdravotnické pracovníky. 2016. 6. S. 44–45.

11. *Křížová M.* Koloniální sny českých vlastenců // Vesmír. 2020. 99. Č. 10. S. 592–595.

12. *Lorencová A.* Prof. MUDr. et PhDr. V. Suk // Antropologie. 1967. R. 5. Č. 3. S. 66–69.

13. *Malina J., Suk V.* Encyklopedie antropologie [online]. Brno: Masarykova univerzita. URL: <https://is.muni.cz/do/rect/el/estud/prif/ps11/antropol/web/encyklopedie.html> (дата обращения: 3.04.2019).

14. *Malina J. et al.* Antropologie. Brněnská antropologie v českém a mezinárodním kontextu (se zaměřením na Katedru antropologie Přírodovědecké fakulty Masarykovy univerzity v Brně). Brno: Masarykova univerzita v Brně. Přírodovědecká fakulta. 2004. Folia historica 73.

15. Malý J. Vzdělání dětí na Podkarpatské Rusi // Anthropologie. 1930. № 8/2-3. S. 149–173.
16. Proměny brněnské antropologie. URL: https://is.muni.cz/el/sci/jaro2023/Bi1221/137100073/Brnenska_antropologie_pdf.pdf (дата обращения: 12.09.2025).
17. Shmidt V. Racial thinking among Czech anthropologists: The case of Vojtěch Suk // Central and Eastern Europe and the global history of race. Manchester University Press, 2024. S. 91–112.
18. Suk V. Příspěvky k antropologii podkarpatských Huculů // Národopisný věstník Československý. Ročník 15. Praha: Společnost Národopisného musea Československého, 1922. S. 32–43.
19. Suk V. Příspěvky ku demografii podkarpatských Huculů (Zároveň ukázky některých vlivů světové války na obyvatelstvo) // Anthropologie. Praha, 1923. 1: 58-68. S. 1–6.
20. Suk V. Cabbage and Goitre in Carpathian flullienia // Anthropologie 9 (1). Praha, 1931. S. 1–6.
21. Suk V. Podkarpatsko a náš stát // Lidové noviny. 1932. 30. března. S. 1.
22. Suk V. Anthropologie Podkarpatské Rusi s některými poznámkami o lidských plemelech vůbec a metodách antropologických: Předběžná zpráva, Brno: Spisy přírodovědecké fakulty MU v Brně, 1932. Č. 150.
23. Suk V. Na Podkarpatsku před čtyřiceti lety // Styk. Praha, 1935. № 1–2. S. 22–26.
24. Suk V. Podkarpatsští Rusíni před sto dvaceti lety // Podkarpatská revue. 1936. № 1/6. S. 1–4.
25. Suk V. Divoši ve střední Evropě, mythus rasistů o nás, napsal Homo ferus, příslušník středoevropských divochů. Praha: Melantrich, 1938.
26. Kuhn T.S. The Structure of Scientific Revolutions. Chicago; London: The University of Chicago Press, 1996.
27. Válka M. Výzkum Podkarpatské Rusi ze strany československých etnografů (1918–1938) // Folia ethnographica. 2019. № 53/1. S. 27–37.
28. Shmidt V. The Politics of disability in interwar and socialist Czechoslovakia: Segregating in the name of the nation, habilitační spis. MU Brno, 2021.
29. Voláková P. Výzkumné expedice Vojtěcha Suka: digitalizace, katalogizace a vizuálně antropologické hodnocení obrazového materiálu, nepublikovaná diplomová práce. Brno: Ústav antropologie, 2023.

REFERENCES

1. Lozoviuk, P. (2020) Mezhdú naukoj i ideologiej. Istoriya nemetskoyazychnoy etnografii cheshskikh zemel' [Between Science and Ideology: The History of German-Language Ethnography of the Czech Lands]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Istoriya*. 65(4). pp. 1162–1185.

2. Balogun, B. & Křížová, M. (2025) The varieties of European colonialism in Central and Eastern Europe: The Polish and the Czech cases. *Interventions. International Journal of Postcolonial Studies*. 27(2). pp. 185–203.

3. Brouček, S. & Jeřábek, R. (eds) (2007) *Národopisná encyklopedie Čech, Moravy a Slezska. 1. Svazek. Vol. 1.* [s.l.: s.n.]. pp. 211–212.

4. Havránek, J. (ed.) (1997) *Dějiny Univerzity Karlovy 1802–1918. Sv. 1. III* [History of Charles University 1802–1918]. Vol. III. Praha: [s.n.].

5. Herza, F. (2020) Colonial Exceptionalism: Post-colonial Scholarship and Race in Czech and Slovak Historiography. *Slovenský národopis*. 68(2). pp. 175–187.

6. Herza, F. (2023) Ne/rovnocennost evropských plemen a cesty k autoritativním formám vládnutí: Jindřich Matiega, Jiří Malý a Vojtěch Suk v meziválečných diskuzích o rasách, národech a eugenice. In: Ducháček, M. et al. *Za rovnocennost evropských plemen: československá antropologie tváří v tvář rasismu a nacismu*. Praha: [s.n.]. pp. 159–185.

7. Herza, F. (2024) Colonial Czechoslovakia? Overseas and Internal Colonization in the Interwar Czechoslovak Republic. *Interventions. International Journal of Postcolonial Studies*. 26(2). pp. 338–361.

8. Holubec, S. (2016) Mezi slovanskou vzájemností a orientalismem. České zobrazování Podkarpatské Rusi a jejích obyvatel v publicistice dvacátých let minulého. *Soudobé dějiny*. 23(4). pp. 529–562.

9. Horák, J., Matieška, J. & Weigner, K. (eds) (1933) *Československá vlastivěda. Díl 2. Člověk*. Prague: [s.n.].

10. Hrubá, R. & Kopecký, M. (2016) Stručný přehled antropologie v českých zemích od 16. století do roku 1935. *Florence. Odborný časopis pro nelékařské zdravotnické pracovníky*. 6. pp. 44–45.

11. Křížová, M. (2020) Koloniální sny českých vlastenců. *Vesmír*. 99(10). pp. 592–595.

12. Lorencová, A. (1967) Prof. MUDr. et PhDr. V. Suk. *Antropologie*. 5(3). pp. 66–69.

13. Malina, J. & Suk, V. (n.d.) *Encyklopedie antropologie*. Brno: Masarykova univerzita. [Online] Available from: <https://is.muni.cz/do/rect/el/estud/prif/ps11/antropol/web/encyklopedie.html> (Accessed: 3rd April 2019).

14. Malina, J. et al. (2004) *Antropologie. Brněnská antropologie v českém a mezinárodním kontextu (se zaměřením na Katedru antropologie Přírodovědecké fakulty Masarykovy univerzity v Brně)* Brno: Masarykova univerzita v Brně.

15. Malý, J. (1930) Vzrůst dětí na Podkarpatské Rusi. *Anthropologie*. 8(2–3). pp. 149–173.

16. *Czechia. (n.d.) Proměny brněnské antropologie*. [Online] Available from: https://is.muni.cz/el/sci/jaro2023/Bi1221/137100073/Brnenska_antropologie_pdf.pdf (Accessed: 12th September 2025).

17. Shmidt, V. (2024) Racial Thinking among Czech Anthropologists: The

Case of Vojtěch Suk. In: *Central and Eastern Europe and the Global History of Race*. Manchester: Manchester University Press. pp. 91–112.

18. Suk, V. (1922) Příspěvky k antropologii podkarpatských Huculů [Contributions to the Anthropology of the Subcarpathian Hutsuls]. *Národopisný věstník Československý*. 15. pp. 32–43.

19. Suk, V. (1923) Příspěvky ku demografii podkarpatských Huculů (Zároveň ukázky některých vlivů světové války na obyvatelstvo). *Anthropologie*. 1. pp. 1–6.

20. Suk, V. (1931) Cabbage and Goitre in Carpathian Hutsul Lands. *Anthropologie*. 9(1). pp. 1–6.

21. Suk, V. (1932) Podkarpatsko a náš stát [Subcarpathia and Our State]. *Lidové noviny*. 30th March. p. 1.

22. Suk, V. (1932) *Anthropologie Podkarpatské Rusi s některými poznámkami o lidských plemenech vůbec a metodách antropologických: Předběžná zpráva*. Brno: Spisy přírodovědecké fakulty MU v Brně. No. 150.

23. Suk, V. (1935) Na Podkarpatsku před čtyřiceti lety. *Styk*. 1–2. pp. 22–26.

24. Suk, V. (1936) Podkarpatsští Rusíni před sto dvaceti lety. *Podkarpatská revue*. 1(6). pp. 1–4.

25. Suk, V. [as Homo ferus] (1938) *Divoši ve střední Evropě, mythus rasistů o nás* Prague: Melantrich.

26. Kuhn, T.S. (1996) *The Structure of Scientific Revolutions*. Chicago; London: The University of Chicago Press.

27. Válka, M. (2019) Výzkum Podkarpatské Rusi ze strany československých etnografů (1918–1938). *Folia ethnographica*. 53(1). pp. 27–37.

28. Shmidt, V. (2021) *The Politics of Disability in Interwar and Socialist Czechoslovakia: Segregating in the Name of the Nation*. Habilitation thesis. Brno: Masaryk University.

29. Voláková, P. (2023) *Výzkumné expedice Vojtěcha Suka: digitalizace, katalogizace a vizuálně antropologické hodnocení obrazového materiálu*. Unpublished master's thesis. Brno: Ústav antropologie.

Лозовиук Петр – доктор философии, доцент кафедры антропологии Западночешского университета в Пльзене (Чехия).

Petr Lozoviuk – West Bohemian University (Czech Republic).

E-mail: lozoviuk@ff.zcu.cz

Шевченко Кирилл Владимирович – доктор исторических наук, профессор кафедры правовых дисциплин Филиала Российского государственного социального университета в г. Минске (Республика Беларусь).

Kirill V. Shevchenko – Russian State Social University, Branch in Minsk (Republic of Belarus).

E-mail: shevchenkok@hotmail.com

МЕЖДУНАРОДНЫЙ ИСТОРИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

Русины

Основан в 2003 г.

НАУЧНОЕ ИЗДАНИЕ

2025. № 82

Республиканская общественная ассоциация «Русь»
(г. Кишинёв, Республика Молдова)
Национальный исследовательский
Томский государственный университет (г. Томск, Россия)
– 372 стр.

Республика Молдова, г. Кишинёв, MD 2028, ул Миорица 1С, кв. 83.

E-mail: journalrusyn@rambler.ru, info@rusin.md

Сайт «Русины Молдавии»: <http://www.rusyn.md>

Сайты «Международный исторический журнал "Русин"»:

<http://journals.tsu.ru/rusin>

<http://journalrusin.ru>

 www.facebook.com/groups/journalrusin

 <https://vk.com/journalrusin>

 <https://t.me/journalRusin>

Подписано к печати 30.12.2025.

Формат 60x90 $\frac{1}{16}$.

Бумага офсет № 1.

Печать офсетная.

Гарнитура «PT Sans».

Тираж 250 экз.

Заказ 65/0226.

Отпечатано в типографии «Taicom».
г. Кишинёв, ул. Александру чел Бун, 111.

Редакция может не разделять точку зрения авторов статей.

Редакция не вступает с авторами и читателями в содержательное обсуждение статей, переписки по методике написания и оформления научных статей и не занимается доведением статей до необходимого научно-методического уровня.

Ответственность за содержание публикуемых материалов несет автор.

При любом использовании материалов ссылка на журнал обязательна.

